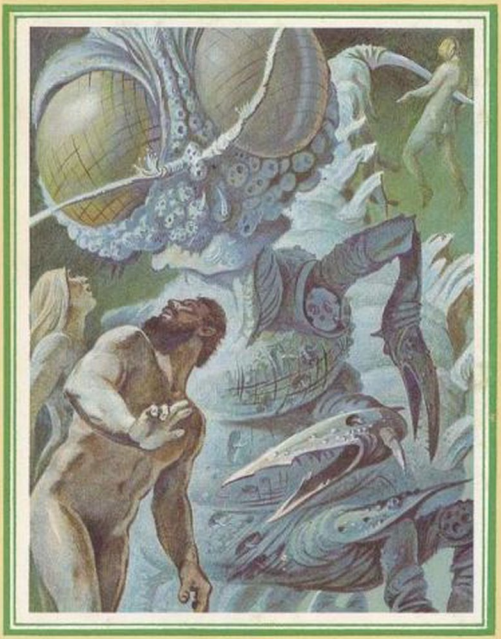
Пирс ЭНТОНИ

ХТОН



Пирс ЭНТОНИ

Хтон. [Дилогия "Атон": Хтон. Фтор]

Пирс Энтони

Аннотация
Пирс Энтони. Хтон. Дилогия
Хтон
  Пролог
  I. Атон
    § 400
      1
      2
      3
    § 381
      Один
      Два
      Три
  II. Гранат
    § 400
      4
      5
      6
    § 398
      Четыре
      Пять

Шесть
III. Озноб
§ 400
6
8
9
§ 399
Семь
Восемь
Девять
Интерлог
IV. Миньон
§ 401
Десять
Одиннадцать
Двенадцать
§ 400
10
11
12
V. Миньонетка
§ 402
Тринадцать
Четырнадцать
Пятнадцать
§ 400

13
14
15
VI. Хтон
§ 403
Шестнадцать
Семнадцать
Восемнадцать
§ 400
16
17
18
Эпилог
Фтор
Пролог
I. Арло
§ 426
II. Смерть
§ 460
III. Война
§ 426
IV. Древо
Интерлог
V. Тор
§ 426
VI. Жизнь

§ 460
VII. Фтор
§ 426
Эпилог

Аннотация

Роман американского фантаста Пирса Энтони «Хтон» знакомит читателя с удивительным миром планеты, где люди живут под землей, где в темных каменных тоннелях таятся неведомые чудовища и где в человеческой памяти воскресают давно уже забытые древние боги.

Пирс Энтони
Хтон
Дилогия



Пирс Энтони

ХТОН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

Хтон

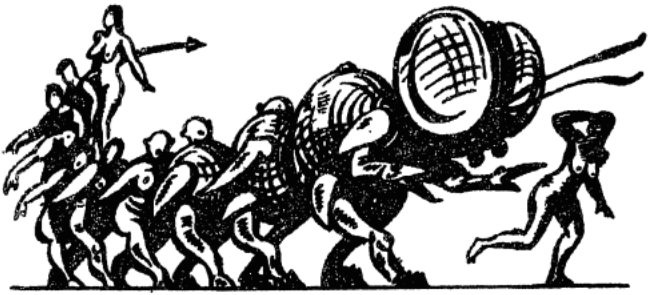
ХТОН — существительное от «хтонический», имеющий отношение к подземному миру, преисподней; происходит от греческого «chthon» — «земля».
1. Подземная тюрьма для неисправимых, местонахождение засекречено.
2. Гранатовый рудник.

«Энциклопедия сектора», § 398

В Раю, вы слышали, нет браков...

Джон Кроу Рэнсом, «Канатоходцы»

Пролог



С!

Сверхновая Факториал

Вспышка звезды столь всеохватывающая и молниеносная, что свет отстает на века.

Наша сцена: Сверхновая жизни.

Она разрастается от микрокосма — до планеты Эонами;

От планеты — до вселенной

Веками;

Ее длительность — обратная функция ее величины.

§

Параграф, символическая дата появления на свет человека: рывок к звездам.

Все, происшедшее до этого, — древность.

Нумеруют новые года: Параграф 1, параграф 100 и так далее;

Общаются на мудреном галактическом языке —

Хотя удобства разговорного языка сохраняются.

Изменяют для нужд космоса человеческие гены,

Но скрывают странные отклонения. Создают мифы о тех…

5

Династия Пятых

Пятый ранг среди Семей-основателей Хвеи,

Заселивших мир-сад в § 9

В поисках своего запредельного рая.

Но Пятых скосил озноб в § 305.

В старшем поколении остаются две линии:

Аврелий (§ 348–402), обрученный с одной из дочерей Десятых;

Вениамин (§ 352–460), холостой;

Надежды этой высокородной Династии должен оправдать

сын Аврелия:

Атон (§ 374–400)
Атон — агонист;
Атон — протагонист;
Оспаривавший знание природы зла;
Осужденный за это.
Атон — пока твое тело умирает в темнице, душа живет вне ее;
Но оба суть одно; смерть отражает жизнь.
Все, переживаемое здесь, имеет параллель в ином существованье
Сейчас
В прошлом
И в грядущем.

Атон, Атон — дитя солнца —
Сойди, сойди же в наш подземный мир:
Мы нуждаемся в проклятых.

I. Атон
§ 400
1

В кабине было жарко. Атон облизал соленые губы. Пот стекал по шее и пропитывал грубую тюремную рубаху. На глянцевой обложке книги, которую держал в руках, он разглядел темноволосого свежевыбритого мужчину.

«Нормальные черты, средний рост — разве я похож на преступника? Разве я, — думал он, — разве я?..»

Не важно. Хтон был тюрьмой проклятых, и человек, помещенный сюда, справедливо или нет, был проклят. Юридически проклят и юридически мертв: из Хтона никто не бежал.

Тюрьма являла собой обширную естественную полость глубоко под поверхностью засекреченной планеты, навеки скрытую от звезд. Там не было ни камер, ни охраны: живые отбросы человеческой империи гнили среди немыслимого богатства. Ибо Хтон был гранатовым рудником; умеренная ценность отдельных камней перекрывалась их огромным количеством. Режим

на этом предприятии таков: каждые двадцать четыре часа спускался единственный лифт, загруженный едой. Поднимался он с несколькими сотнями гранатов. Если ценность камней была недостаточной, следующая партия еды становилась меньше.

Атон представлял Хтон именно таким, каким мог представить его любой свободный человек. Теперь предстояло изучить обратную, нижнюю сторону. Тесная клеть дрожала, выматывая напрягшиеся внутренности, и Атон покачивался в такт движению. Вдыхая собственную вонь, он чувствовал, что становится все жарче.

«Разве я мечтаю о невозможном? — думал он. — Разве глупо верить слухам о возможности побега? Возвращение из смерти. Свобода. Вероятно, даже… Завершение?»

Спуск прекратился. Дверь отворилась в ревущую тьму. Хлынула удушливая жара. Пот насквозь пропитал легкую одежду.

Зная, что выбора нет, Атон шагнул во мрак.

— В сторону! — проорал ему в ухо чей-то голос.

Грубые руки с силой толкнули. Он вывалился на середину пещеры — книга под мышкой — едва различая фигуры людей, сновавших между ним и освещенным лифтом.

Они работали молча, втроем, вытаскивая корзины и размещая их у ближайшей стены. Когда лифт опустел, они бережно внесли внутрь маленькие металлические шкатулки-гробики. «Гранаты», — сообразил Атон. Люди были рослыми, бородатыми, длинноволосыми и нагими, и у каждого на спине висел какой-то склизкий мешок. Картина при тусклом свете была гротескной, они напоминали Атону горбатых гномов.

Один из них захлопнул дверь и отключил свет. Шум в помещении был такой сильный, что Атон не услыхал, как поднимается лифт, но догадался, что единственная его связь с внешним миром оборвана. Теперь он находился во власти Хтона.

В конце концов, и здесь был свет — шипящее зеленоватое свечение, испускаемое стенами и потолком, которые словно бы тлели. Постепенно глаза приспособились. Он мог ориентироваться.

К нему подошли люди.

— Новичок? Имя?

— Атон Пятый.

— Пятый?

— Не нравится, не ешь.

Реплику приняли во внимание, оценивая его: так стая волков оценивает чужака.

— Ладно, Пятый, — слушай и мотай на ус. Здесь

внизу мы не задаем вопросов. И не отвечаем на них. Нам все равно, почему тебя послали сюда, только не делай этого впредь. Не создавай неприятности, делай свое дело и протянешь. Понял?

Они ждали реакции сурово, по-волчьи.

— Где я…

Один из них шагнул вперед, взмахнул открытой ладонью. Атон автоматически блокировал удар предплечьем. Но опоздал на мгновение, удар пришелся в ухо — достаточно сильный, чтоб в голове загудело.

Он отшатнулся.

— Что?..

— Не лезь куда не надо. Дважды не повторяем.

Атон, все еще злой, отступил. Какое-то мгновение он размышлял о сдаче. Что означало бы драку против троих. Этого-то они и хотели? Но, несмотря на нараставший гнев, он понимал, что совет верный. Не создавать неприятности — по крайней мере, пока не узнаешь, что к чему. Нет смысла начинать с драки. Для нее время еще будет. Он кивнул.

— Молодец, — сказал мужчина и рассмеялся. — Помни — мы все умрем вместе!

Остальные загоготали и пошли забирать корзины. Атон запомнит их.

— Один совет, — вполне дружелюбно сказал, минуя его, один из них. — Разденься, как мы. Жарко.

Все ушли, оставив Атона одного. Можно ли им верить? Он знал, что в Хтоне есть женщины, но в тюрьме без охраны и связи с окружающим миром условности должны были давно подчиниться удушающей жаре. Ненормальные нравы должны господствовать — если над ним не подшутили.

Атон огляделся. Пещера круглая, стены неровные, но явно обработанные. Камень, покрытый свечением. Давным-давно какая-то разведгруппа изучила эти пещеры или, по крайней мере, достаточное их количество, чтобы обнаружить гранаты и установить, что выхода отсюда нет. Он задумался, местный ли здесь воздух или его как-то сюда накачивают: наличие воздуха казалось явлением скорее нарочитым, чем случайным.

Наверняка этот ужасный жар долго не выдержать.

Настоящая печь-душегубка. Есть, вероятно, и более прохладные пещеры, иначе не выжить. Он скинул мокрую от пота одежду, взял книгу и вышел из пещеры. По пути осторожно коснулся стены: она была горячей, но не пылала, а зеленоватая слизь несколько секунд продолжала

светиться на его пальцах. Очевидно, жар в пещере проистекал не от химических реакций.

Атон оказался в коротком туннеле. Ему говорили, что Хтон состоит из лабиринта лавовых каналов, и рассудком он понимал, что они возникли много веков назад, но в это трудно было поверить: дальний конец туннеля пульсировал жаром, а рев становился все громче, словно первобытные силы по-прежнему находились в движении. Однако другого пути не было.

Наконец он вошел в большой поперечный туннель диаметром метра в три — и сразу же был впечатан в гладкую стену воздушным потоком. Ветер в замкнутых пещерах? Он-то и был источником шума; но откуда здесь такой сквозняк? Его знаний об инфернальной области было явно недостаточно.

Атон собрался с силами и вошел в воздушный поток, позволив тому вести его тело по туннелю. В стенах ничего особенного, кроме свечения; туннель почти круглый. Могла ли его прокопать и обработать за несчетные годы воздушная эрозия? Хтон становился все более странным.

Пронизывающий ветер — метров десять в секунду, если не больше — приятно охлаждал его медленно шагающее тело, отвечая отчасти на

вопрос о выживании. И тут же он ощутил последствие ветра: обезвоживание. Нужна вода и как можно быстрее, пока тело совсем не иссохло. Где-то должны быть люди и запасы воды.

Одной рукой придерживаясь за стену, Атон медленно двигался вперед, но внезапно ввалился в какой-то проем. Ветер стих, зато жара вернулась; радуясь перемене, Атон решил идти вниз. Проход был маленький, чуть выше его роста, и вел в пещеру, вроде той, куда он попал первоначально. Тупик.

Он пошел было назад, но вдруг со страхом понял, что в пещере он не один. Послышалось бормотание, кто-то зашевелился, чья-то фигура поднялась с неровного пола. Она двинулась к нему, соблазнительная и слегка пугающая, вызывая в памяти смутный облик из прошлого: красота и ужас одновременно, слишком искушающие и слишком болезненные, чтобы относиться к ним беспристрастно. Завывания ветра, казалось, превратились в зловещую музыку. «Песня… — подумал он, — жуткая прерванная песня, мелодия смерти… Или это мой демон, мой суккуб, с усмешкой лишающий меня всего человеческого?»

Фигура заговорила женским голосом — чуть

слащавым, но обворожительным.

— Ты хочешь полюбить меня? — спросила она.

Теперь Атон разглядел очертания обнаженного женского тела. Сознавая свою незащищенность, он при ее приближении, словно щит, выставил вперед книгу. Он не знал ее намерений, она же отшвырнула книгу и скользнула в кольцо его рук. Женщина ступала уверенно; в этом полумраке она ориентировалась явно лучше, чем Атон.

— Полюби, — сказала она. — Полюби Лазу. — Ее голые груди прижались к его животу. Он боялся женщину и мнимого сходства. Почувствовав, как напряглось ее тело, Атон отпрянул назад. Рука женщины рванулась сверху вниз: острый камень, зажатый в кулаке, слегка поцарапал ему щеку. Не прошло еще и часа, а на него напали уже дважды.

— Тогда умри, ублюдок! — закричала она. — Умри, умри…

Она поперхнулась, зашлась кашлем и отбежала к дальней стене, где свернулась в дрожащий комок. Атон по-прежнему слышал искаженный шепот: «Умри, умри…» Неужели она собиралась его убить?

Он отступил в туннель. Лаза услышала звуки и тут же вскочила.

— Ты хочешь полюбить меня? — спросила она тем же голосом, что и прежде.

Главный туннель все тянулся и тянулся, пересекая многочисленные аркады. Некоторые из них казались пустыми; из других доносился непонятный шум, сопенье и скрежет. Атон быстро миновал их.

Его вела жажда. Жестокий ветер бил в спину, лишая последней влаги. Он снял башмаки, чтобы дать потным ногам подышать. И двинулся дальше.

Наконец звук голосов привлек его в большую пещеру. Ветер стих, разлетевшись по обширному пространству, а шум уменьшился. Оглушенные чувства Атона приходили в себя. Здесь оказалось несколько человек, они работали и вяло переговаривались. В центре зала возвышалось массивное металлическое устройство на колесах, в верхней части которого находился вал с рукоятками. Два человека толкали рукоятки и медленно, словно жернова, вращали устройство. У стены сидели на корточках еще двое и вырезали тонкими лезвиями какие-то маленькие предметы. Мужчина за ними кидал камешки в корзины. Все были голыми.

Рядом с ним стояла дородная, почти безволосая

женщина, которая тотчас же заметила вошедшего.

— Новичок? — спросила она, используя то же приветствие. — Опять неприятность?

— Атон Пятый.

— Ты верно пришел, — сказала она. — Все приходят к Меховой Матушке.

Она рассмеялась непонимающему взгляду Атона.

— Это потому, что я заведую мехами. Мех тебе понадобится, чтоб не ссохнуться. Вот.

Она подошла к механизму. Мужчины прервали движения, позволив ей снять с трубы сбоку мешок. Она протянула его Атону.

— Твой мех. Ни за что не захочешь с ним расстаться!

Атон машинально взял мех. Тот был сделан из какого-то крепкого материала, весил килограммов восемь и имел лямки. Только теперь он разглядел, что все носят такие мешки — единственный предмет туалета. Но каково их назначение?

Меховая Матушка взяла пустой мешок и повесила его на трубу. Мужчины возобновили работу. Мех начал медленно наполняться.

Атон понял.

— Вода! — воскликнул он, поднес узкое горлышко меха к губам и жадно отпил. Жидкость была сравнительно холодная и восхитительная на вкус.

Женщина взглянула с одобрением.

— Подороже любых гранатов, — сказала она. — Мы осаждаем воду в конденсатном баке, и все довольны. И потому все за старую Матушку.

Атон принял информацию к сведению. Какая бы подземная иерархия здесь ни существовала, у этой женщины имелась власть.

Она принялась представлять остальных.

— Народ, вот Пятый. Эти двое — мои толкачи, эта смена — Жид и Козел. Вот там старик Шахматист. Он делает из ломаных гранатов шахматы и кое-что еще. Красивые вещицы.

Вновь удивившись, Атон кивнул. Наверху эти фигурки стоили целое состояние, как из-за материала, так и из-за работы. Художник оказался седым стариком, который сидел на корточках и ковырял погнутым ножом.

— Его Подмастерка… Они понимают друг друга.

Подмастерьем была девушка чуть старше двадцати, симпатичная и хорошо сложенная. Атону захотелось узнать, за какое преступление она

оказалась в таком возрасте в Хтоне. Он представил, что их «понимание» ублажало скорее стариковское тщеславие, чем его романтическую удаль. Доброе имя, вероятно, здесь самое важное — надо запомнить.

Меховая Матушка подвела его к мужчине с корзинами.

— Счетовод, — сказала она. — Отлично считает, наметанный глаз на гранаты. Не перечь ему. — Счетовод сортировал камешки по цвету: в каждой корзинке разные оттенки красного и коричневого, едва различимые при плохом освещении. Симпатичная девушка сортировала гранаты по размеру. — Это Кретинка, — сказала Матушка. — Ее зовут Кристинка-Кретинка. — Девушка подняла глаза и хихикнула.

— У каждого своя работа, — заключила Матушка. — Ты походи тут немного, Пятый, освойся, мы тебя к чему-нибудь пристроим. Не торопись. — Потом негромко добавила: — Ты принес какой-нибудь инструмент?

— Инструмент?

Ее зоркий взгляд упал на книгу. Зря бы она этот вопрос не задала. Атон открыл книгу.

— ДЗЛ, — сказал он. — Книга. Мне разрешили всего одну вещь.

Матушка отвернулась с молчаливым отвращением.

Таковы были обстоятельства. Привыкнув к жаре и ветру, научившись определять дорогу в переплетении туннелей по звуку и виду, Атон нашел тюремную жизнь на удивление легкой. Чересчур легкой — в их положении могло и не существовать постоянной тяги к побегу. Обитатели были довольны, он — нет. Придется искать катализатор.

Пещеры простирались вниз до бесконечности. Гранаты поступали откуда-то снизу для сортировки и обмена с внешним миром. Цены назначались далекие от истинной стоимости драгоценных камней. Искусственные камни превосходили их по качеству, но им не доставало привкуса дурной славы. Эти же добывались проклятыми руками, происходили из жуткого Хтона. Патология притягивает человека.

Атон счел положение узников необъяснимым. Это наверняка худшая тюрьма в человеческом секторе галактики, созданная для душевнобольных преступников и неисправимых извращенцев — для всех тех, кого общество не могло ни излечить, ни игнорировать. Хтон рисовался извне обителью непрерывных буйств и оргий, изощ-

ренных пыток и садизма.

Вместо этого Атон открыл грубоватое, но тихое сообщество, члены которого следовали правилу: не создавать неприятности. Подлинные сумасшедшие были изолированы в пещерах, их опекали добровольные стражи. Тех, кто был не опасен, предоставляли самим себе.

Даже нормальные люди вряд ли бы устроились лучше. Преступники ли они на самом деле? Если нет, то почему принимают свою участь с такой легкостью? Наверняка здесь имелся какой-то сокровенный элемент, связующая сила. Чтобы действовать, Атону необходимо было ее постичь.

2

— Атон.

Голос — теплый, чуть хрипловатый.

Он перестал грезить, увидев Кристину в вызывающей позе. Она уже не хихикала. Ее взгляд задерживался на нем, когда бы они не встречались. Но даже зная об этом, Атон чувствовал, что должен сторониться женщин, пока не разгаданы остальные тайны. Женщина где угодно создаст неприятности.

Она подошла к нему, выставив грудь.

— Я — не Лаза, Атон, — сказала она, опередив его мысль. — С тобой ничего не случится. Можешь подойти поближе.

Атон не шелохнулся.

— Женщина Счетовода?

— Счетовод знает, где я. Он всегда знает, кто где. — Она подошла к нему вплотную, мягкая и гибкая, как кошка. — Давно у тебя была женщина, Атон?

Один-ноль в ее пользу. Слишком давно. Он изучал порядок вещей в космосе, но с космосом теперь — все; возможно, навсегда. Судя по всему, она сказала о Счетоводе правду. Тот даже мог послать ее в виде дружеского жеста.

Кристина повернулась к нему спиной и отошла. Уверенная в том, что ей удалось завладеть его вниманием, она начала танцевать, ритмично подпрыгивая и покачиваясь — настолько соблазнительно, что Атон отложил книгу к стене и пошел за ней.

Она хихикнула и отбежала. Играя в замысловатые прятки руками и телом, она привела его к боковому проходу. Атон осторожно заглянул туда, но никого не увидел.

Кристина дотронулась до него. Он поймал ее и прижал вместе с мехом к стене. Их губы соедини-

лись в поцелуе, окрашенном страстью, затем она вырвалась и оттанцевала на середину пещеры. Ее глаза горели.

Атон последовал за ней, отрезая выход и загоняя ее в нишу, она с удовольствием уворачивалась.

Когда Кристина увидела, что поймана, она принялась напевать какую-то мелодию. Заключительная уловка: невинный, безразличный напев, будто она одна. Это должно было подвигнуть его на последний шаг.

Вместо этого его отбросило назад, и весь пыл в один миг улетучился. Звучала прерванная песня!

Кристина увидела: что-то не так.

— В чем дело, Атон?

Он отвернулся:

— Уходи, Кретинка. Ты совсем не та женщина, которую я хочу.

Потрясенная и разгневанная она убежала. Атон прислушался к звуку ее шагов — шлепанье босых ног в завывающем ветре. Они складывались в мелодию прерванной песни.

«Злоба, — подумал он. — О Злоба, неужели ты никогда меня не оставишь?»

Это был, конечно, сон, но лишь Атон знал это. Увлеченный иллюзорным соблазном, он по глу-

пости обо всем забыл. В его сознании он не стоял один в туннеле, женщина в гневе не убегала. Было поражение, да, но не полное.

Когда они пошли по мрачному туннелю, Кристина взяла его за руку. Светлая блузка и темная юбка говорили о ее фигуре лучше всякой наготы.

— Люба, — сказал он, — я хочу извиниться за случившееся. Но ты должна понять, какую боль причиняет мне эта песня. Когда…

Она потащила его за локоть. Сквозь куртку он чувствовал нежное прикосновение ее пальцев.

— Меня зовут Кристина, — сказала она.

Они свернули в боковой туннель. Постепенно расширяясь, он вел вниз.

— Твой интерес ко мне застал меня врасплох, — продолжал он, сознавая неуклюжесть своего объяснения. — Я никогда не думал о тебе как о женщине, Люба.

— Почему ты зовешь меня «Люба»? — спросила она. — Взгляни на меня, Атон. Я Кристина. Кретинка-Кристинка, пещерная девушка.

Он посмотрел на нее.

— Возможно, — сказал он. — Я не признал тебя одетой.

— Спасибо.

Он провел ее к креслу и сел рядом.

— Я не думал, что в Хтоне есть такое. У нас на «Иокасте» был театр для команды, но я ни разу туда не ходил…

Атон растерянно замолк. Ее рука коснулась его паха и расстегнула застежку брюк. Потом пальцы проникли внутрь, двинулись вниз, в поисках того, что там скрывается. Он попробовал воспротивиться, но тут обернулись люди в соседних креслах, и чтобы не выставлять себя напоказ, ему пришлось умолкнуть.

На большом экране появилась фигура. Атон сосредоточил внимание на экране. По крутой тропе взбирался человек; сильный мужчина в античном одеянии; молодой мужчина, облаченный в ниспадающие складки неопределенного цвета. Всего один мужчина, но исполненный глубокого смысла. Дорога позади него уходила по каменистому, мшистому склону — необыкновенно привлекательный пейзаж.

Картина сменилась другой. На переднем плане виднелся резкий обрыв с пугающим намеком на глубину. Тропа поднималась, словно шла через перевал: в поле зрения выделялся покатый холм, а окружающий пейзаж стушевался. Двое мужчин, поднявшись по разным склонам и встретившись на вершине, стояли лицом друг к другу. Справа

— сильный молодой человек из предыдущей картины; слева — пожилой мужчина в таком же одеянии. Они то ли беседовали, то ли спорили. Рука старика была поднята в повелительном жесте.

Третий кадр более динамичный: тело юноши искривлено в яростном движении, руки раскинуты, лицо искажено. Пожилой мужчина завис над пропастью — он раскинул руки, словно по-птичьи отталкивался от воздуха — но не летел, а падал. У них произошла ссора, спор, возможно, стычка за право пройти первому. Как знать, если образы обрывочны и бессловесны? Но все было совершено — и бесповоротно. Далеко внизу находилось невидимое глазу узкое русло реки — Атон удивился, откуда он это знал.

Еще одна картина, вряд ли связанная с предыдущими: огромное животное с могучими сложенными крыльями и чувственной грудью зрелой женщины. Рот вопросительно приоткрыт, словно загадывает загадку. И все.

Невыразимый ужас охватил Атона, приступ тошноты от отвращения к чудовищу скрутил желудок и бросил в жар.

Вскоре ощущения переменились. Он глянул вниз и увидел, что к нему безжалостно, словно

клещи, тянется женская рука. Нет, это был шнур — змееподобный, кроваво-красный в полумраке — связывающий их животы. Он видел женское лицо, не лицо Лазы, которая убила бы его, а другое лицо, невероятно прелестное и злое.

Атон попытался освободиться, но не смог сдвинуться с места. Страшную душевную боль причиняло растяжение упругой связки, которое извлекало его корень прочь из плоти. Внезапно из этой боли вырвалась мелодия, и он познал, наконец, завершение.

Атон проснулся от звука приближающихся шагов, обливаясь холодным потом, дрожа и понимая, что он обязан выбраться из Хтона.

3

— Пятый.

На этот раз голос принадлежал мужчине. Кристине не понадобилось много времени, чтобы наябедничать. Он обернулся и увидел Счетовода с двумя дюжими помощниками.

— Я не дотрагивался до нее, — сообщил Атон.

Счетовод был суров.

— Знаю. Поэтому я здесь.

Атон настороженно взглянул на двух других.

Он понял их задачу и узнал одного из них.

— Потому что Кретинка строила мне глазки?

— Отчасти, — без обиняков заявил Счетовод. — Она не должна этого делать. Но ты-то ее отверг.

— Не хотел неприятностей.

— Не хотел! — взорвался Счетовод. — Проклятый чужак! Ты выставил меня на посмешище всему Хтону, как будто моя девушка не стоит того, чтобы с ней переспать. Приставая к ней, ты мог, в конце концов, чего-то добиться. Если ты этого не хотел, мог бы сразу сказать «Нет», но нет же, ты…

— Все не так. Я хотел ее, но…

Глаза Счетовода оценивали:

— «Но»?.. Чего ты боялся? Снаружи никто тебя больше не увидит. Теперь ты живешь по-нашему. Никаких церемоний, никаких двусмысленностей. Она хотела тебя, и я разрешил ей развлечься. Здесь внизу ты не сможешь зачать ублюдков, если это тебя так беспокоит. В нашем климате все к черту отторгается.

— Я знал. Я…

— Из-за тебя, Пятый, я потерял лицо. Есть только один способ вернуть его.

— Не только… — начал Атон, но Счетовод уже дал сигнал, и двое мужчин приблизились к нему. Оба мускулистые, один из числа встречавших у

лифта. Оба сбросили меха.

Атон увидел, что разумного пути к отступлению нет. Он облизал губы, но мех снимать не стал. В самом ли деле он хотел объяснить?

Время. Координация. Решение. Атон прыгнул. Первый получил босой ногой в солнечное сплетение, не успев ничего осознать, и начал падать, сжимаясь в комок. Не успел он коснуться земли, как Атон занялся его спутником — запустил тренированную ладонь во всклокоченную бороду и стремительно дернул вниз. Мозолистые костяшки пальцев свободной руки глухо хрустнули о затылок противника.

Первый без сознания беспомощно к чему-то тянулся. Другой умирал с проломленным черепом. Все заняло от силы четыре секунды.

Пораженный Счетовод потупился.

— Космогард, — сказал он.

— Ты же сам хотел, чтоб все без обмана, — Атон чувствовал, что заслужил его уважение. — Я хотел объяснить.

Счетовод оттащил мужчин и вернулся один.

— Хорошо. Я не могу сводить с тобой счеты таким образом. Я знаю только одного человека, который дерется так же, но он… недосягаем.

— Космогард? — с интересом спросил Атон.

— Креллевод.

Атону хотелось бы его увидеть. Члены гильдии, выращивающей смертоносную траву крелль, культивировали древнее искусство каратэ — кара-атэ, бой без оружия — в ином направлении, нежели их космические собратья. И те, и другие наносили удар, чтобы отключить, искалечить или убить; но за ударом космогарда скрывалась убийственная мощь, а за ударом креллевода — наука смерти. Какая школа выше? Этот вопрос, по его сведениям, никогда не задавали.

— Где он?

— Внизу, его зовут Старшой.

Счетовод сменил тему.

— Я признаю свое поражение и забуду о нем. Но я хочу знать одну вещь, хотя это не совсем мое дело. Готов с тобой обменяться.

Атон понял важность предложения — в таком-то месте, где информация ценится дороже собственности.

— Я тоже хочу кое-что знать, — сказал он. — Честные ответы?

Но тут же понял, что вопрос ошибочный. Человек, мошенничавший с информацией, долго бы здесь не прожил.

— Давай задавать вопросы, — сказал Счето-

вод. — Сделка заключена.

— Устройство Хтона.

— Причина, по которой ты ее отверг.

Атон с запозданием понял, почему Счетовод оборвал его объяснение. Он не мог допустить свободного знания. Проще сразу же вызвать недоброжелательство, чем потом распутывать клубок. Это был честный человек, в стиле Хтона.

— Ответ может тебе не понравиться, — сказал Атон.

— Я хочу начистоту.

Они переглянулись и кивнули.

— Тебе кажется, здесь слишком тихо? — издалека начал Счетовод. — Не удивительно. Это только часть Хтона — лучшая его часть. Примерные заключенные: безвредные невротики, политические, предсказуемые сумасшедшие. У нас легкая жизнь, потому что мы избраны, знаем друг друга, и мы — высшая инстанция. Но внизу… туда путь есть, а назад нет. Всех, с кем мы не можем справиться, бросают в дыру и забывают о них. Там-то и находится рудник; мы спускаем вниз еду, а они посылают наверх добытые гранаты.

— Тюрьма в тюрьме!

— Верно. Снаружи думают, что мы все — одна большая несчастная семья, занятая драками и

добычей. Может, внизу так и есть. Не знаю. Но нам нравится, что здесь тихо, и мы поступаем с шахтой так же, как внешний мир с нами: нет гранатов — нет пищи. Нам первым достаётся еда; и нам не приходится много работать, разве что для поддержания привычного хода вещей. Мы не можем выбраться — но живем, в общем, неплохо. Порой спускают новичка, вроде тебя, это на время разнообразит жизнь, пока мы не ставим его на место.

— Не выбраться, — сказал Атон.

— Наши пещеры заперты. Это удерживает нас внутри, а чудовищ — снаружи. Внизу… никто не знает, где заканчиваются туннели и что в них.

Неисследованные пещеры! Единственная надежда на побег. Иначе говоря — столкнуться с тюрьмой, которой страшатся самые отпетые заключенные, смешаться с людьми, слишком порочными, чтобы принимать какие-либо нравственные запреты. Ничего другого не оставалось.

— Насчет Кретинки, — сказал Атон, делая свой ход и зная продолжение. — Не при чем ни она, ни ты. Она — славная девушка; я бы овладел ей, если бы мог. Но что-то остановило меня, что-то, с чем мне не совладать.

— Остановило космогарда в такой интересный

момент? Странный ты человек! Ты и твоя проклятая книга.

Атон произнес слово, приговорившее его:

— Миньонетка.

Счетовод уставился на него:

— Я слышал об этом. Сказки… ты хочешь сказать, что встречал ее? Они в самом деле существуют?

Атон не ответил. Счетовод отступил.

— Я слышал о том, что они делают. О мужчинах, которые… — его голос, до этого дружелюбный, стал безучастным. — Неприятность в тебе. А я послал к тебе Кретинку.

Счетовод принял решение:

— Я не хочу знать больше. Ты не наш, Пятый. Ты должен спуститься вниз. Меня не волнует, сколько людей ты убьешь: с нами ты не останешься.

Такой реакции Атон и ожидал.

— Никаких убийств, — сказал он. — Я пошел.

§ 381
Один

Хвея была пасторальным миром без пасторальных животных. Ее невысокие горы и тихие долины не требовали борьбы. Постройки не

заполняли всю поверхность, лишь несколько угловатых объектов человеческой цивилизации уродовали естественный пейзаж. Население было небольшое и избранное, оно едва бы заполнило самый маленький из городов мегаполисной Земли. Основное занятие было одно, как и предмет экспорта: хвеи.

Маленький мальчик бродил по круговым полям Династии Пятых, стараясь не наступать на зеленые цветы, тянувшиеся к нему. Слишком юный, чтобы их выращивать, он мог быть лишь их другом. Растения вокруг него выступали совокупной личностью, почти осязаемой аурой, которая ласкала его, успокаивала…

Вчера ему исполнилось семь лет, и он все еще благоговел перед этим чудом — очередной год так внезапно свалился на него. На восьмом году жизни планета стала меньше, и он хотел исследовать ее вдоль и поперек и освоить новые измерения.

В руках он нес большой тяжелый предмет — подарок на день рождения. Это была книга в лоснящемся водонепроницаемом переплете, с блестящей металлической застежкой, снабженной цифровым замком. Витиеватые буквы на обложке гласили: ДЗЛ, а ниже от руки было приписано его имя: АТОН ПЯТЫЙ.

Девственный лес Хвеи подступал к самым садам, деревья были менее восприимчивы к настроению человека, чем выращиваемые растения, но так же дружелюбны. Мальчик вошел в тень леса, оглянувшись напоследок на дом своего отца, Аврелия, далеко за полем. Атон постоял у новой садовой беседки, построенной в этом году, застенчиво поглядывая на высокую остроконечную крышу и обдумывая чересчур огромные для него мысли. Потом заглянул за беседку, где горячее черное шоссе извивалось в сторону космопорта — асфальт, ведущий за его мальчишеские горизонты.

В эту минуту задумчивости послышались звуки музыки, несомые слабым ветром, — слишком воздушные, чтобы быть реальными. Мальчик остановился и прислушался, — он поворачивал голову то туда, то сюда, улавливая напев. Его музыкальный слух был неразвит, но не поддаться неотразимой красоте мелодии было невозможно.

Песня поднималась и опускалась призрачными завываниями — тончайшая мелодия, исполняемая на каком-то сказочном инструменте. В ней были и трели птиц, и журчание неприметного ручейка, и изящные звуки полузабытых мелодий

древних трубадуров. Атону вспомнилась музыка, в которой позднее он узнал «Зеленые рукава» и «Римские фонтаны», а также более старые и новые вещи — и он был очарован.

Песня прервалась незаконченной. Семилетний мальчик забыл обо всех делах, охваченный желанием услышать окончание. Он обязательно должен его услышать.

Волнующая мелодия послышалась опять, и он, прижав к груди огромную книгу, пошел вслед за своим любопытством в лес. Очарование росло, все крепче цепляясь за его разум; прекраснее этой вещи он еще не слышал… Громадные деревья сами, казалось, реагировали на песню, замирая и позволяя ей плыть меж ними. Атон дотрагивался до стволов, храбрился, когда проходил мимо бездонного лесного колодца (он боялся его черной глубины), и шел дальше.

Теперь он различал музыку более отчетливо, но она завела его в незнакомую часть леса. Послышался женский голос, в котором угадывались обертоны обещания и восторга. Ему в контрапункт аккомпанировали изящные арпеджио нежнозвучного струнного инструмента. Женщина пела песню, и смысл едва слышных слов вполне соответствовал настроению леса и дня.

Атон вышел на поляну и заглянул за высокие папоротники, вздымавшиеся вдоль ее края. Здесь он увидел лесную нимфу — молодую женщину такой потрясающей и изысканной красоты, что даже ребенок, едва перешагнувший рубеж семи лет, смог понять, что на его планете подобных ей нет. Завороженный, он смотрел и слушал.

Нимфа почувствовала чужое присутствие в папоротнике и замолчала. «Нет!» — хотелось крикнуть ему, когда песня прервалась посреди припева, но она уже отложила инструмент.

— Подойди ко мне, молодой человек, — сказала нимфа отчетливо, но негромко. Неожиданно обнаруженный, он робко направился к ней.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Атон Пятый, — ответил он, гордый своим звучным именем. — Вчера мне исполнилось семь.

— Семь, — повторила она, заставив его почувствовать, что это и впрямь солидный возраст. — А что ты несешь? — спросила она, дотронувшись до книги и улыбнувшись.

— Это моя книга, — сказал он со скромным тщеславием. — На ней мое имя.

— Можно взглянуть?

Атон сделал шаг назад:

— Она моя!

Нимфа взглянула на него, и мальчик устыдился своего эгоизма.

— Она заперта, — объяснил он.

— А ты умеешь читать, Атон?

Он хотел объяснить, что заглавные буквы ДЗЛ означают «Древнеземлянская литература», а остальные — его собственное имя в знак того, что книга принадлежит ему. Но когда мальчик встретил ее глубокий молчаливый взгляд, слова застряли в его горле.

— Она заперта.

— Никто не должен знать шифр, — сказала нимфа. — Но я закрою глаза, и ты откроешь ее сам.

Она закрыла глаза, ее черты были спокойны и совершенны, как у изваяния, и Атон, почувствовав, что ему доверяют, нисколько не смутился. Он принялся возиться с замком, набирая недавно выученный набор цифр. Застежка щелкнула и распахнулась, показались тонированные листы.

При этом звуке ее глаза открылись, и взгляд снова упал на него — теплый и ясный, как луч солнца. Мальчик сунул том в ее ждущие руки и со страхом наблюдал, как она перелистывает тонкие страницы.

— Прекрасная книга, Атон! — похвалила она, и

он от гордости зарделся. — Ты должен выучить старинный язык — английский, а это нелегко, поскольку символы в нем не всегда соответствуют словам. Они не так ясны, как в галактическом. Как думаешь, сможешь?

— Не знаю.

Она улыбнулась.

— Сможешь, если захочешь, — она нашла какое то место и разгладила лист. — Сейчас ты ребенок, Атон, но эта книга будет для тебя многое значить. Вот как Вордсворт говорит о бессмертии детства:

О радость! В нашем пепле
Жизнь теплится еще,
Природа помнит вечно,
Что мигом утекло.

Атон слушал, не понимая.

— Звучит туманно, — сказала нимфа, — поскольку *твои* символы не вполне совпадают с символами поэта. Но когда ты начнешь схватывать суть, язык поэзии станет для тебя прямым путем к истине. Ты поймешь его, Атон, вероятно, когда тебе исполнится два раза по семь. Кем, интересно, ты станешь тогда, что будешь делать?

— Я буду выращивать хвеи, — сказал он.

— Расскажи мне о хвеях.

И Атон рассказал о зеленых цветах, растущих

на полях в ожидании любви, и о том, что когда человек срывает цветок, тот любит его и остается зеленым, пока человек жив, и не может пережить его отсутствия, и что когда владелец цветка взрослеет и собирается жениться, он отдает хвею своей суженой, и цветок живет, если она любит его, и умирает, если ее любовь неискренна, а если цветок не умирает, они женятся, и муж забирает цветок обратно и никогда уже больше не проверяет ее любовь, и что хвеи растут только на Хвее, планете, названной в их честь, или, возможно, наоборот, и что их рассылают по всему человеческому сектору галактики, потому что люди, где бы они ни жили, хотят знать, что они любимы.

— Верно, — сказала нимфа, когда у мальчика прервалось дыхание. — Любовь — самая мучительная вещь на свете. Но скажи мне, молодой человек, неужели ты в самом деле знаешь, что это такое?

— Нет, — признался он, ибо его красноречивые слова были повторением рассказов взрослых. Он задумался, верно ли он расслышал ее определение любви.

Потом она сказала ему нечто, весьма необычное.

— Посмотри на меня. Посмотри, Атон, и скажи,

что я прекрасна.

Мальчик послушно посмотрел ей в лицо, но увидел лишь темно-зеленые глаза и волосы — огонь и дым, горящие и кружащиеся на ветру.

— Да, — сказал он, находя в этом неожиданное удовольствие. — Ты прекрасна, как пламя над водой, когда отец выжигает весной болото.

Нимфа рассмеялась с легким отзвуком недавней музыки, восприняв комплимент буквально.

— Пожалуй, я и в самом деле такова, — согласилась она. Потом протянула руку и подняла холодными пальцами его подбородок, так что он еще раз посмотрел ей в глаза. Воздействие было гипнотическим. — Ты никогда не увидишь такой прекрасной женщины, как я, — сказала она, и он понял, что вынужден ей безусловно поверить и, покуда жив, не сможет оспорить ее слов.

Она отпустила его.

— Скажи, — спросила она, — скажи мне — тебя когда-нибудь целовали?

— Когда к нам в гости приходит моя тетка, она целует меня, — сказал Атон, морща нос.

— Я похожа на твою тетку?

Он посмотрел на нее. В патриархальной генеалогии Хвеи с женщинами почти не считались, а внешность сестер отца была довольно невзрач-

ной.

— Нет.

— Тогда я сейчас поцелую тебя.

Нимфа снова дотронулась пальцами до его подбородка, а другую руку положила на макушку, наклонив голову чуть в сторону. Держа его так, она нежно поцеловала его в губы.

Семилетний Атон не знал, что делать. «Я ничего не ощутил», — говорил он себе впоследствии, вновь и вновь переживая этот миг, но понять это «ничего» он не мог.

— Тебя раньше так целовали?

— Нет.

Она ослепительно улыбнулась.

— Никто, никто не поцелует тебя так… никогда.

Взгляд нимфы упал на крошечное растение у ее ног.

— Оно тоже прекрасно, — сказала она, протягивая к нему руки.

Атон резко заговорил:

— Это же хвея! Дикая хвея.

— Мне не позволено ее сорвать?

— Не позволена, — сказал он, бессознательно подражая ее выбору слов. — Хвея — только для мужчин. Я уже тебе говорил.

Она снова рассмеялась.

— До тех пор, пока они любимы, — она сорвала цветок. — Смотри! Смотри, она не вянет в моей руке. Я даю ее тебе в подарок, и она будет любить тебя и оставаться с тобой, пока ты будешь помнить мою песню.

— Я не знаю твоей песни.

Ока воткнула зеленый стебель ему в волосы.

— Ты должен прийти ко мне еще раз и выучить ее, — руки нимфы легли на плечи мальчика, разворачивая его кругом. — Иди, иди же, не оглядывайся.

Атон пошел, смущенный и восторженный одновременно.

Он вернулся на следующий день, но поляна была пуста. Лесная нимфа исчезла и забрала с собой песню. Он вспоминал ее, пытаясь восстановить мелодию, но возникали лишь мимолетные обрывки. Атон дотронулся до пня, на котором она сидела, желая узнать, сохранилось ли в нем ее тепло. Потом начал сомневаться, существовала ли она вообще, но не смог избавиться от видения нимфы. Она разговаривала с ним, она поцеловала его, она подарила ему хвею и часть песни; воспоминание было необычным, сильным и таинственным.

В последующие дни Атон продолжал посещать поляну в лесу, надеясь найти хоть какой-то намек на музыку. В конце концов он перестал делать это и сдался более унылому миру действительности — почти сдался.

Ближайшие соседи жили в долине, в пяти километрах от них. Они принадлежали к одной из ветвей низкородной Династии Восемьдесят-Первых, которые возделывали неплодородную землю и делали это не слишком усердно. Аврелий никогда о них не вспоминал. Атон не знал об их существовании до тех пор, пока нимфа косвенно не познакомила его с детьми Восемьдесят-Первых.

После того, как и десятое посещение леса ничего не дало, одолеваемый одиночеством Атон вынужден был предположить, что прекрасная женщина ушла навсегда (сделать это было ему легче, чем считать двузначные числа с помощью всего-навсего десяти пальцев), или же начать ее поиски в других местах. Он выбрал последнее. Наверняка она где-то была, и естественно было исследовать длинную равнину, поскольку гулять по горячему черному шоссе ему запрещали. Его тетка всегда прибывала на аэромобиле оттуда, пересекая равнину, и пока он не представлял

себе ее местожительство в пространстве, да и не желал его посещать, это прибавило логики его решению.

Вооруженный увесистой ДЗЛ он отправился в путь и зашагал по удивительным полям, мимо извилистых потоков и перелесков. Представший перед ним мир оказался обширнее, чем он предвкушал, но Атон перекладывал тяжелую книгу из руки в руку, иногда отдыхал, приказывал ногам не страшиться немыслимых расстояний и, наконец, оказался у границы Восемьдесят-Первых.

Там он встретил не нимфу, которую искал, а мальчиков-близнецов своего возраста, Лешу и Леню, и их младшую сестренку Любу. Так завязалась дружба, длившаяся ровно семь лет.

— Смотрите, у него хвея! — закричал Леша, заметив целеустремленного путника.

Дети Восемьдесят-Первых окружили Атона, который отреагировал на интерес к его знаку отличия со снисходительной хмуростью.

— А почему у вас нет? — спросил он.

Леня замялся:

— Я пробовал. Она умерла.

— А где ты взял свою? — задал вопрос Леша.

Атон объяснил, что красивая лесная женщина подарила ему цветок на день рождения и что

теперь он ее ищет.

— Ну, и врать ты мастер! — завистливо произнес Леня. — А ты можешь сделать бомбу?

— Мы делаем бомбу! — воскликнула маленькая Люба.

Леня хлопнул ее по голой спине.

— Без девчонок, — произнес он. — Это мужское дело.

— Ага, — сказал Леша.

— Ага, — отозвался Атон, хотя бомба была ему неинтересна. — Только мне нужно безопасное место для книги. В ней Словесная Земля[1].

— Это вроде багрового песка? — поинтересовался Леша. — Может, использовать ее для бомбы?

— Нет! Словесная Земля — поэт. Он пишет в рифму о теплом пепле. «О радость! В нашем пепле…»

— Кому это надо? — сказал Леня. — *Настоящие* мужчины делают бомбы.

Затем они спрятались втроем в укрытии близнецов — скрытой в густом кустарнике землянке возле загона для свиней. Они мастерили бомбу из камней и разноцветного песка. Леня слышал, что смесь серы (которую они узнавали по желтому

---

[1] Примечания: 1

Атон на слух воспринял фамилию Wordsworth как Words-Earth.

цвету) и калийной соли взрывается, если бросить ее достаточно сильно. Но почему-то смесь не взрывалась.

— Наверняка из-за соли, — сказал Леня. — Это обычный белый песок. А нам нужна *настоящая* соль.

Люба, вертевшаяся возле землянки, не упустила благоприятного случая.

— Я могу достать!

Вскоре она вернулась с солонкой, которую стащила из кухни, но не отдавала ее мальчикам до тех пор, пока они не пообещали принять ее в игру. Оставшуюся часть дня она приставала к Атону, порой вызывая у него отвращение. Она была в грязи с ног до головы, а ее длинные черные косы все время лезли в бомбу.

Два

Прошли годы. Началось обучение. Атон узнал об истории и обычаях своей планеты и о великой Династии Пятых. Он научился читать на трудном древнем языке и с изумлением пробирался сквозь огромный текст ДЗЛ. Считал он теперь куда дальше, чем до десяти, и производил с числами разные действия. Он знал К-шкалу температур и

§-шкалу времени. Он начал долгое ученичество в хвееведении.

Свое свободное время, теперь более редкое, Атон проводил, в основном, на хуторе Восемьдесят-Первых. Мальчишки бросили заниматься бомбой и перешли к другим затеям. Лешу и Леню не обязывали получать объем знаний, требуемый от сына Пятого, и учеба у них шла гораздо легче. Люба никогда не отказывалась от своей привязанности к Атону. Близнецы же то и дело его дразнили: «Поцелуй ее, и она принесет соли. *Крепкой* соли». Но он воспринимал Любу как сестру, которой у него никогда не было, и довольствовался тем, что дергал ее за косы, достаточно сильно, впрочем, чтобы она вела себя как следует. А время неуловимо воздействовало на всех.

Выращивание нежных зеленых цветов представляло собой сложное дело: смесь науки, искусства и характера. Вскоре стало очевидно, что у Атона к этому призвание. Растения, за которыми он ухаживал, были крупнее и красивее остальных, а его опытные участки цвели вовсю. Будущее хвеевода казалось ему гарантированным.

Был и другой вариант: профессия механика. Атон научился управлять аэромобилем Пятых,

точно определяя координаты планеты на географическом нониусе машины. Локационная сетка была размечена в стандартных единицах для восточного склонения и нордовой разности широт с наложенной нониусной шкалой, выводящей из фокуса все, кроме правильного показания. Здесь Атон столкнулся с безмерными трудностями. Ему, похоже, не хватало тяги к механике, по крайней мере, в таком возрасте. «Только не ходи на Флот, — предупреждал домашний учитель. — Там из тебя обязательно сделают машиниста. У них жуткая способность выбирать для работы совершенно не тех людей». Но, освоив технику, Атон начал уважать ее. Что-то радостное было в мгновенном фокусировании после нескончаемых попыток.

«Вероятно, — думал он, — красоту фокусирования можно оценить только *потому*, что она возникает после борьбы».

Одно продолжало затуманивать выбор судьбы: не покидающий его образ лесной нимфы. Пока оставалась эта тайна, Атон не мог верить в себя вполне. Когда он, обливаясь потом под жарким солнцем, работал в поле на прополке сорняков (он думал, что это крелль, хотя крелль намного опаснее), прерванная песня звучала в его голове

— настойчивая и мучительная. Откуда пришла нимфа? Зачем? Что она хотела от маленького мальчика?

Постепенно возраст смазал воспоминание. Оставалось лишь ядро неудовлетворения, придававшее Атону чуть неуравновешенности и заставлявшее гадать, правда ли, что жизнь в роли хвеевода — лучшая из возможных? Однако что еще могло быть?

Ему исполнилось четырнадцать лет. Он пересаживал саженцы хвей возле границы усадьбы, когда издали послышалась знакомая мелодия. Руки у него задрожали. Неужели она… неужели она вернулась наконец на поляну?

Он оставил цветы и то бегом, то сдерживая себя последовал за волшебным звуком. Возбуждение бурлило в нем, пока он кружил по лесу у заброшенного колодца. Неужели это нимфа? Неужели она зовет его?

Атон пришел на поляну, не изменившуюся, если верить его памяти, за семь лет. Нимфа была там! Она была там, она сидела и пела; ее легкие пальцы перебирали струны маленького инструмента — иномирянской шестиструнной лютни — которая звучала воистину завораживающе. Прежний образ в душе Атона побледнел перед

действительностью. Лес, поляна, даже воздух вокруг были прекрасны.

Он стоял на краю поляны, впитывая ее присутствие. Казалось, лишь мгновение прошло с тех пор, как он стоял здесь впервые; время одинокой мечты — мгновение и вечность. Она не изменилась — он же повзрослел на семь лет. И теперь он видел не только то, что видел семилетним ребенком.

На ней было полупрозрачное в лучах солнца светло-зеленое платье со шнуровкой на лифе — на Хвее таких не носили. Ее лицо, бледное и чистое, обрамляли великолепные волосы — поток темно-красного и иссиня-черного в обворожительном союзе. В фигуре была изящная цельность — не чувственная, не хрупкая. Ее внешность являла собой соединение противоположностей, о поиске которого Атон никогда сознательно не думал. Огонь и вода, обычные враги, совмещались здесь в резком фокусе, наподобие пересечения шкал нониуса.

Атон стоял словно в трансе и в восторге от этого зрелища забыл о времени и о себе.

Нимфа, как и раньше, заметила его и оборвала песню.

— Атон, Атон, иди ко мне!

Она его узнала? Подросток стоял перед прекрасной женщиной смущенный, зардевшийся от первых неловких мужских побуждений. Она была желанием мужчины, ее присутствие делало его большим и грубым, Атон ощущал на своих ладонях землю, а на рубахе — пот. Он не мог остаться, он не мог уйти.

— Четырнадцать, — сказала она, вкладывая в это слово некое волшебство. — Четырнадцать. Ты уже выше меня. — Она поднялась, распускаясь как цветок, чтобы подтвердить, что это правда. — И носишь мою хвею, — продолжала она, протягивая руку к его волосам. Цветок лег на ее ладонь, зеленые лепестки были темнее платья. — Ты подаришь ее мне, Атон?

Он молча таращил глаза, не в силах воспринять вопрос.

— Еще рано, слишком рано, — сказала она. — Я не возьму ее, Атон. Не сейчас. — Она заметила его обветренные пустые руки. — А где же твоя книга?

— Я работал в поле…

— Ах, да, — подхватила она, покачивая в руках хвею. — Тебе два раза по семь, и ты теперь хвеевод. А помнишь ли ты…

— «Указания на бессмертие» Вильяма Вордсвор-

та, — выпалил он, пораженный своим громким голосом.

Она схватила его за руку, сжала ее.

— Не забывай никогда, Атон, как чудно быть ребенком. В тебе есть та бессмертная частица света, тот луч солнца, в честь которого тебя назвали. Ты должен лелеять эту искру и никогда не давать ей погаснуть, независимо от своего возраста.

— Да, — сказал он, не в силах сказать ничего больше.

Нимфа поднесла хвею к щеке.

— Скажи мне, скажи снова, Атон, — разве я не прекрасна?

Он заглянул в черно-зеленую глубину ее глаз и растерялся.

— Да, — сказал он. — Лесной пожар и тихий омут. Ты топишь меня в огне…

Ее смех был отзвуком горящих свечей и лесных потоков.

— Неужели я так опасна?

«Неотразимое создание, — подумал он. — Ты играешь мной, а я беспомощен».

Подойдя к нему вплотную, нимфа подняла руки, чтобы поправить хвею в его волосах. Легкий запах ее тела одурманил его. Она — вневременна, она — совершенство.

— Ты не нашел ни одной женщины, которая сравнилась бы со мной, — проговорила она.

Спорить было бесполезно: даже ее тщеславие восхитительно. Ни одна смертная не могла соперничать с ее великолепием.

— Ты не должен меня забывать, — сказала она. — Я поцелую тебя еще раз.

Атон стоял, опустив руки, прикованный к земле, побаиваясь, что если пошевелит хоть одним мускулом, то упадет. Лесная женщина взяла его холодными пальцами за локти; слабое прикосновение вызвало в нем дрожь — от напряженных плеч до сжатых кулаков. Она потянулась губами, приводя его в радостный восторг. Поцелуй: желание и досада захлестнули его душу.

Тончайшая паутина опутала все его тело. Лишь голос сохранил свою волю.

— Завтра ты опять исчезнешь, — услышал он собственные слова.

Она отпустила его.

— Иди, иди же. Когда найдешь меня снова, ты будешь готов.

— Но я даже не знаю твоего имени.

Нимфа махнула рукой, и ватные ноги развернули его и увели с поляны.

То, что до сих пор занимало лишь праздное

воображение, ныне стало крайне необходимым. Умонастроение Атона изменилось. И если до пробуждения лесной нимфой он интересовался женщинами лишь умозрительно, то теперь обдумывал программу самообразования, которая вывела бы его за пределы, определяемые учителем. Он сажал хвеи, поглощенный своими мыслями — растения все равно цвели вовсю — и обдумывал пути и средства.

Атон с нетерпением дождался приближения сумерек и поспешил по знакомой тропинке на хутор Восемьдесят-Первых. Тропа густо заросла дикими цветами, напоминая о редких посещениях хутора. Когда он в последний раз смеялся и возился с непохожими близнецами Лешей и Леней? Когда ловил в игре маленькую Любу, сознавая свою мужскую пристрастность? Детские игры отошли в сторону, возникли статусные барьеры. Разве не приходил он во времена неудовлетворенности и тысячи вопросов, чтобы обсуждать их с друзьями и составлять всевозможные планы? Близнецы были искушеннее его. Мужские разговоры с ними снимали отчужденность и сомнения. Старая дружба ослабляла невыразимое волнение, которое он испытывал.

Из темноты вырос дом Восемьдесят-Первых:

узкие прямоугольники света за закрытыми ставнями. Атон обогнул свинарник; его появление вызвало безразличное хрюканье. Теплый животный запах щекотал ноздри. Он обошел дом и постучал в окно близнецов условным стуком.

Ответа не последовало. Он сунул палец за ставни, чуть приоткрыл их и заглянул внутрь. Комната была пуста.

В тщетном гневе он ударил кулаком по стене. Где они? Как они смели уйти, если он хотел с ними поговорить? Зная, что ведет себя неразумно и высокомерно, Атон рассердился еще больше. Он прекрасно знал, что в жизни мальчишек были, кроме него, и другие интересы, к тому же с его последнего посещения прошли месяцы, но эти бесспорные истины лишь раздражали. Что делать?

Вдруг ставни на окне слегка разошлись, яркий свет упал на кусты и протянулся лучом в вечернее небо. Атон поспешил к окну, но тут же остановился. Это мог быть кто-нибудь из родителей. Они, вероятно, лучше сознавали разницу в статусе Династий и не хотели неприятностей от могущественного Аврелия, не одобрявшего дружбу детей. Атон ждал, затаив дыхание. Высунулась голова: черные, как смоль, контуры, неразличи-

мые черты. На подоконник упала длинная коса с желтым бантом.

— Люба!

Она повернула голову, всматриваясь в темноту.

— Это ты, Атон?

Он нырнул в льющийся свет, схватил косу и резко дернул.

— Ой, — преувеличенно вскрикнула она. Она схватила его за руку и разжала пальцы. — Ясное дело — Атон. Без труда узнаю нашего слюнтяя.

Он встал, чтобы заглянуть ей прямо в лицо:

— Это я-то слюнтяй?

Ее лицо было совсем близко. Спокойные глаза с черными от тени зрачками смотрели с неожиданной глубиной.

— Потому что слюнявишь мои волосы…

Атон не заметил игры слов. Пытаясь подавить смущение, он потянулся вперед и коснулся губами ее губ.

Прикосновение было очень слабым, но это непреднамеренное действие удивило и его, и ее. Люба всегда была обузой, помехой в мужских делах, младшей сестренкой. Ее нескрываемый интерес к Атону вызывал у него подчеркнутое раздражение, поскольку он не был способен

открыто выказать свое недовольство. Он ожесточался, сердился на себя, но не мог придумать ничего другого.

Нет, это была не лесная нимфа. Их губы, хотя и отвечали друг другу, не были обучены. Им не хватало утонченности. Никакого волшебства — он всего-навсего целовал Любу и не встречал отпора. Атон колебался, не прерваться ли.

Наконец она сама оборвала поцелуй, подняла голову и перевела дыхание.

— Для соли слишком поздно, — сказала она. — Бомбу ты уже взорвал.

— Я искал близнецов.

Он не сумел ответить остроумно. Или он и правда искал эту девушку? Эта мысль огорчила его.

Люба кивнула, одна коса скользнула по его лицу.

— Я так и думала. Они наверху играют с отцом в шашки. Хочешь, позову кого-нибудь?

— В шашки? Оба? — спросил Атон, стараясь продолжить разговор и уладить смутный, но сильный внутренний конфликт.

— На пару. Все время проигрывают. Леньку это бесит.

Атон ничего не сказал. Молчание затянулось — неуклюжее, неловкое. Никто из них не двигался.

Наконец он протянул ей руку, позволяя самой истолковать вложенный в этот жест смысл, и не уверенный, что он вообще есть.

— Ладно, — сказала Люба, приняв, казалось, какое-то решение. Она взяла его за руку и, опершись на нее, запрыгнула на подоконник. Ее крепкие бедра просвечивали сквозь юбку, вызывая в нем виноватое возбуждение.

— Подожди минуту, — сказала она и снова спрыгнула в комнату.

Неужели передумала? Разочарование чередовалось в нем с облегчением. Но через миг свет погас, и Люба вернулась.

— Пусть думают, будто я сплю.

Атон помог ей вылезти. Он обхватил ее обеими руками за талию, чуть выше бедер, и снял с высокого подоконника. Люба оказалась тяжелее, чем он думал, и они чуть не упали, когда ее ноги коснулись земли. Ростом она была с него.

Они прошли мимо свинарника и оказались на знакомой дорожке, по молчаливому согласию выбрав это направление. Голова у Атона шла кругом. Это казалось невероятным, но она была девушкой, в теле которой завязывалась женственность. Он всегда ей нравился, и теперь Люба решила выразить свою приязнь более непо-

средственно.

Они очутились рядом со старой землянкой. Кусты закрывали вход, но внутри, похоже, все оставалось по-прежнему. Атон залез первым, осторожно ощупывая в спустившейся темноте землю: здесь могли быть ящерицы. Отбросил несколько репейников.

Люба молча следовала за ним. Сейчас они немного поболтают, и она, как всегда, попробует приблизиться к нему, а он оттолкнет ее, а она встряхнет головой и хихикнет…

Она нашла в темноте его голову, повернула и прижалась губами к его губам. Он поднял руки, чтобы оттолкнуть ее, но они коснулись ее груди и отдернулись. Не прерывая поцелуя, она схватила его за рубаху и плотнее прижалась к нему.

Они прервали поцелуй, и она легла на спину очертания ее тела стали заметны по мере того, как глаза привыкали к темноте.

— Я думала, ты просто дразнился — раньше, — сказала она. — А сейчас ведь нет? То есть…

— Нет, — сказал Атон, не вполне уверенный, не издевается ли она над ним.

— Кажется, я всю жизнь ждала, чтобы ты это сделал. Наконец-то!

Имела ли она в виду поцелуй? Насколько было

возможно, Атон изучал ее. На ней была летняя блузка, слегка топорщившаяся на груди, и темная юбка, сливающаяся с землей. Она сбросила тапки, ее ступая белели во мраке.

— Я мог бы еще, — сказал он, побаиваясь, что она рассердится, хотя раньше не обращал на такие вещи внимания.

— Атон, — пробормотала она. — Делай все, что хочешь. Ты… — ее голос сорвался, словно она испугалась, что сказала слишком много.

— Люба, я никогда больше не буду смеяться над тобой, — выговорил он, пытаясь справиться с возбуждением, которого не понимал и которому, в общем, не доверял. Сейчас он был уверен: она этого хотела. Но знала ли она наверняка, к чему приведет ее желание?

— Ты никогда не смеялся надо мной, Атон. Правда. Я не сердилась.

Он положил руку ей на блузку и осторожно дотронулся до груди. Она не возражала. Он гладил ее с интересом, но без удовольствия, потому что, несмотря на браваду, боялся сделать что-либо большее. Потом осторожно высвободил блузку из-под пояса.

— Ты не против, если я?..

— Все, что хочешь, Атон. Ни о чем не спраши-

вай. — Она села. Он снял ей блузку через голову и увидел, как поднялись ее маленькие груди, когда она вскинула руки. Лифчика на ней не было.

Атон накрыл одну грудь ладонью и, ощутив, какая она нежная, большим пальцем стал ласкать сосок. Не убирая руку, он привлек Любу к себе и снова поцеловал. На сей раз это был огонь. Он высунул язык, чтобы вкусить ее сладость.

Люба медленно откинулась, и он потянулся за ней, целуя щеку, шею, грудь. Она запустила пальцы в его волосы.

— Соль… зачем она? — чуть слышно спросила она.

Атон забыл осторожность и положил руку ей на колено, чуть ниже юбки. Любины ноги слегка раздвинулись, и его рука скользнула с колена на внутреннюю сторону бедра. Плоть была гладкая и горячая.

Его охватил тревожный трепет. Она позволила ему слишком много, предел ли это? Если он должен раздеться, раз уж посмел, не убежит ли она и не расскажет ли все родителям?

Его рука продолжала движение, минуя рубежи, которые раньше он едва смел себе представить, и внезапно достигла соединения ее ног. Трусиков на ней не было. Дрожа от напряжения и возбуж-

дения, он продолжил движение — и обнаружил вдруг густую влагу.

«Кровь! — подумал он, потрясенный. — Я нарушил дозволенное, я причинил ей боль, у нее пошла кровь!»

Он убрал руку и лег рядом с ней; стук его сердца наполнил землянку. «Что я наделал!» — корил он себя.

Им овладели видения последствий. Поругание Восемьдесят-Первых, позор Пятым. «Зачем ты это сделал, распутный юноша! — скажут они. — Разве ты не знаешь, что никогда-никогда не должен дотрагиваться до девушки в *этом* месте?» Неужели придется везти ее в больницу?

Его страсть умерла, убитая преступлением. Глаза уставились на тусклый узор ветвей кустарника в звездном небе — таком же холодном, как сжимавший его сердце страх. «Что я наделал… что… ей всего тринадцать лет!»

Рука Любы коснулась его:

— Атон?

Он приподнялся:

— Клянусь, я не хотел…

— Что с тобой? — спросила она, поворачиваясь и всматриваясь в его лицо.

Разве она не *знала?*

— Кровь. Там кровь.

Она уставилась на него:

— Кровь? О чем ты говоришь?

— Там… между… я ее почувствовал. Я не хотел…

— Ты с ума сошел! — внезапно она хихикнула. — *Кровь?* Ты никогда раньше этого не делал?

Атон поднял голову и обнаружил ее жаркие груди у себя под подбородком.

— Раньше?

— Ты ничего не знаешь! — воскликнула она — беспечное дитя, вознесшееся над пробуждающейся женщиной. — В самом деле, не знаешь? Ну и ну! А я думала, ты совсем большой мальчик.

Атон съежился от яростного стыда, не в силах сказать ни слова.

Внезапно Люба вновь стала женщиной.

— Извини, Атон. Конечно, многое тебе неизвестно. Я покажу тебе, как…

Но он уже полз от нее на четвереньках и, едва выбрался наружу, под ночное небо, ринулся прочь, потрясенный и смущенный.

Три

Атон превратился в статного, самоуверенного на вид молодого человека двадцати лет. Он никому не сообщал о своих планах; на Хвее само собой разумелось, что отпрыск высокородной Династии будет возделывать поля отца. Наконец, его призвали, что, как он знал, рано или поздно должно было произойти.

Гостиная в доме Аврелия была просторной и уютной. Внушительное деревянное кресло с прямой спинкой, почти трон, возвышалось в углу напротив входа; взгляд вошедшего упирался в эту зловещую реликвию. У дальней стены стоял обитый плюшем диван, но пользовались им редко. На стене над диваном висела цветная фотография симпатичной молодой женщины Долорес Десятая, умершая двадцать с лишним лет тому назад при родах. Атон не мог смотреть на эту фотографию без чувства глубокой и болезненной вины, смешанной с совсем другим чувством, которому не находил точного имени.

Аврелий Пятый был стар: намного ближе к смерти, чем требовал его возраст. Будь он здоров, он оставался бы сильным мужчиной, целеустрем-

ленным и решительным, способным прожить еще лет пятьдесят; но он не был здоров и сохранил лишь силу рассудка. Слишком долго подставлял он свое тело заразному весеннему болоту («весеннему» только условно на бессезонной Хвее), и его поразила неизлечимая — в данном месте — ржа. Аврелий, оставаясь таким, каков он есть, отказался от длительного лечения на далекой Земле, вдали от своей усадьбы. Он лишь однажды покидал планету и поклялся не делать этого впредь: теперь он умирал за свою клятву. Атон, прослышав кое-что о предшествующих обстоятельствах, смирился с этой клятвой, хотя никогда не накладывал ее на себя. Особенно близки они с отцом не были.

Аврелий мог поработать еще года три и прожить пять. Говорил он медленно и быстро уставал. От него осталась лишь скорлупа былой молодости. Хвеи подпускали его, но без радости; слишком много болота проникло в него, анафема для нежных цветов. Он был изможден: казалось, плоти между висящей кожей и хрупкими костями почти не было.

— Атон, — произнес изношенный человек. — Скоро…

Атон стоял рядом с отцом, не ожидая никакого

удовольствия от разговора, но понимая, что тот должен произойти. В их отношениях было много печального, и каждый видел печаль в другом, понимая, что она еще не достигла надира. Они влачили общий крест и не могли сбросить его до самой смерти.

— Скоро ты будешь выращивать хвеи сам, — сказал Аврелий со всей убежденностью, на какую был способен, жалкий в ее подразумеваемой сомнительности. — Скоро тебе придется взять себе жену.

Вот оно — условие, которого Атон боялся. Хвееводство было не единственным занятием. Смерть дочери Десятых, жены Аврелия, повредила посевам Пятых, и лишь стремительный успех Атона предотвратил бы их полную гибель. Для хвей необходим устойчивый душевный климат, а здесь его не было. Успешное хозяйство велось семьей, и браки очень тщательно обдумывались. Вопрос был слишком важным, чтобы доверять его решение незрелой молодежи.

— Кто она?

Аврелий улыбнулся, восприняв вопрос как знак согласия.

— Третья дочь старшего Четвертого, — ответил он.

Четвертый, старший. В самом деле, удачный брак. Аврелию есть чем гордиться. Обладатели Первых фамилий предпочитали иметь сыновей для продолжения рода, но опекали дочерей, стараясь выдать их замуж как можно выгоднее. Бывали случаи, когда высокородные дочери вообще отказывались вступить в брак, только бы не уронить положения. Ранг Пятых был благоприятным, но большинство дочерей на выданье было ниже их, а выше — считанные единицы. Необходимы были сложные переговоры.

Понимая, что его возражение ни к чему не приведет, Атон почувствовал внезапную боль. Иномиряне считали Династии Хвеи равнодушным и холодными, и отчасти так оно и было, но в пределах формальной структуры человеческие связи оказывались очень крепкими. Атон очень редко говорил с отцом, и отношения между ними были необычны даже для их уклада жизни, но его ничуть не удивило, что Аврелий потратил много усилий на устроение выгодного брака для своего сына. Род не должен утратить своей славы, и Атон — единственный мужчина из Пятых, кто мог ее сохранить.

— Нет.

Аврелий продолжал:

— С хорошей женой хвеи будут у тебя расти. Хозяйство будет процветать…

Он прервался. Ответ Атона дошел до него. Он закрыл усталые глаза, отгораживаясь от боли.

— Я должен взять другую, — заявил Атон.

Старик не пытался спорить в открытую.

— Она сильная и красивая, — сказал он. — Я видел ее. На всей Хвее нет пары лучше вас. Она ничуть не похожа на… опустившихся нерях из последних Династий. Ты бы… ее полюбил.

Атон опустил голову, стыдясь за себя и за отца. Аврелий никогда в жизни не унижался до просьбы, но сейчас, похоже, был к этому близок.

— Она — песня, прерванная песня в лесу, — сказал Атон, пытаясь объяснить то, что объяснить невозможно. Неужели он боялся связи с местной девушкой? Он тут же отбросил эту мысль. — Она поцеловала меня и подарила мне хвею, я не могу любить другую.

Аврелий застыл. До этого Атон не говорил ему о лесной нимфе. Брачные обряды среди Династий не отрицали необходимости любви; скорее даже настаивали на ней. Ритуал с хвеей ее гарантировал. Атон не мог жениться без отцовского одобрения, но и не обязан был брать женщину, которую не любил.

— Покажи ее мне, — сказал наконец Аврелий. На большее он согласиться не мог. Если бы Атон привел свою нимфу домой, отец ее бы одобрил; если нет, для Атона было делом чести согласиться на выбранную отцом невесту.

Двадцать один год, и музыка, по которой он тосковал, прозвучала вновь. Она была воздушна и призрачна, но достаточно отчетлива для его жаждущего слуха. Атон поспешил к лесу, пересекая поля как можно быстрей, но не причиняя хвеям вреда.

Аврелий помахал ему рукой с соседнего поля. Он был не в силах работать ежедневно, но на этот раз оказался в поле. Он хотел познакомиться с нимфой, и Атон, в сущности, согласился. Сгорая от нетерпения, Атон ждал, пока отец догонит его.

Это была та самая прерванная песня, даже деревья склонявшая своим очарованием. Она разрасталась — лютня и сопрано, — будоража кровь Атона, великим обещанием. На сей раз, на сей раз…

Песня оборвалась.

Атон пробежал мимо колодца, оставив Аврелия позади. Ворвался на поляну.

Слишком поздно. Поляна была пуста.

Атон замер неподвижно, стараясь различить

звуки ее ухода, но не услышал ничего, кроме шагов отца. Она ушла.

Задыхаясь и пошатываясь, подошел Аврелий. Его глаза обежали поляну, останавливаясь на пне, земле, деревьях. Он указал рукой.

С одной стороны гнилого пня сухая листва была откинута, обнажив пористую глину. На ней каким-то острым предметом торопливо и коряво были начертаны знаки.

Атон вгляделся.

— З-Л-О-Б-А, — прочитал он по буквам. — Что это значит?

Аврелий опустился на пень, разглядывая загадочные буквы. Его дыхание стало неровным, руки затряслись; Атон с оставшимся без ответа состраданием понял, что быстрая ходьба усилила его лихорадку.

— Я не был уверен, — прошептал Аврелий странным извиняющимся тоном.

Атон вопросительно посмотрел на него.

Аврелий оторвал взгляд от земли и с трудом произнес:

— Это клеймо миньонетки.

Взволнованный и пораженный исчезновением нимфы, Атон взглянул на небо Хвеи. Что ее напугало? Действительно ли она — создание, не

предназначенное для глаз скептика?

— Миньонетка?

— Когда человек отправился в космос, он взял с собой свои легенды, — сказал Аврелий. — Как и сам человек, они менялись, но их ассортимент оставался один и тот же. Ты слышал об ужасных тафисах, пожирающих космокорабли без остатка; о ксестских людях-пауках, чьи паутинные картины вызывают обман чувств; о живом аде Хтона, где высшее богатство и ужас творят вечную любовь. А это… легенда о миньонетке. Миньонетка — сирена, бессмертная фея несказанной красоты и величия, способная постичь сокровенную страсть мужчины. Несчастен тот, кто полюбит ее… если можно назвать любовью очарование, вызванное ее прелестью. Говорят… говорят, если мужчина сможет сдержать свои чувства и вырвать ее поцелуй, тогда миньонетка полюбит его — и это страшнейшая судьба из всех.

Столь длинного и искреннего монолога Атон из уст отца еще не слышал.

— Но она была здесь. Это… это неправда.

Аврелий сидел неподвижно, крепко закрыв глаза.

— Нельзя, Атон, относиться к легендам с пренебрежением. Миньонетка была здесь. Злоба… она

приходила за тобой…

— Благодарю, — раздраженно оборвал его Атон. — Этот дух, этот призрак, этот миф приходил забрать маленького мальчика, который верит, в него…

— Попытайся понять, сынок…

— Я все понимаю! Здесь была девушка, да… девушка, играющая в свои игры, разукрашенная и артистичная, готовая очаровать сельского мальчишку простака…

— Нет, Атон. Должен тебе сказать, что она…

— К черту твои объяснения! — взорвался Атон, не обращая внимания на боль, исказившую отцовское лицо. — Я не хочу, чтобы ты защищал ни мою глупость, ни похотливые позы какой-то иномирянской сирены. Красивая женщина не сблизится с невинным деревенским мальчишкой… если, конечно, она не намерена завлечь его и посмеяться над его телячьей наивностью и неопытностью…

Но пока Атон гремел мечами перед беспомощным отцом, он подспудно постигал мрачную истину: он любил лесную нимфу, неважно, кто она и что сделала. Рядом с ней все женщины казались тряпичными куклами с подрисованными улыбками и накладными грудями, с глупым

хихиканьем и отвратительными выделениями. Этого было достаточно; так или иначе, нимфа разбила скорлупу его существования. Он должен покинуть Хвею. Он отправится в космос, найдет ее и точно установит, кто она такая. Четырнадцать лет тоски просто так не отбросить: даже если Династия — Пятые, а человек — Атон. И на сей раз он встретится лицом к лицу с ней, лицом к лицу с истиной.

Аврелий, такой разговорчивый несколько минут назад, сидел теперь неподвижно. Его била лихорадка. Был ли это последний приступ? Нет, человек жил. Оставалась ли в силе обусловленная помолвка его сына? Да, она должна произойти… но нужно подождать.

— Если я вернусь, — сказал Атон.

Старик не разыгрывал смятения.

— Мы будем ждать тебя, хвеи и я, — согласился Аврелий, открыв наконец глаза.

II. Гранат
§ 400
4

Червеобразно извиваясь в камне, пещерные туннели вели все ниже и ниже. Горячая лава давным-давно пробуравила здесь эти соты; зажатая внутри планеты она то и дело вырывалась наружу, оставляя за собой бесконечные каналы.

«Как может быть все заперто, — думал Атон, — если ветер так легко носится по пещерам? Наверняка горячий поток откуда-то исходит и где-то обретает свободу. А где убегает ветер, может убежать и человек».

Но на сильной узкой спине Счетовода, наполовину скрытой мехом, ответа не было. Расспрашивать бесполезно. Даже в этой тюрьме-могиле упоминание о миньонетке вызывает страх и ненависть. В нижних пещерах безопаснее вообще не заводить о ней разговор.

В самом низу на плоском камне сидит страж. Рядом с ним был закреплен толстый канат, привязанный к большой корзине. Счетовод заговорил, и страж поднялся. Вдвоем они оттащили камень

в сторону, и Атон увидел дыру: это и есть вход в нижние пещеры.

Счетовод бросил туда корзину, и веревка уползла вслед за ней. Атон залез в дыру, ухватился за канат и, зажав книгу между ног, на руках стал спускаться в иной мир. Последний взгляд на лицо, смотревшее сверху: «Увижу ли я тебя снова, суеверный выскочка? Не похоже».

Он двигался осторожно, с трудом удерживая равновесие из-за меха, наполненного водой, и книги и лишенный возможности глянуть вниз. Действительно ли здесь место высадки, или его обманным путем отправили прямо в печь? Глупец ли он, доверившийся человеку, чья девушка…

Метрах в десяти от дыры он коснулся ногами пола. Канат и корзина взвились вверх, едва он их отпустил. Камень вернулся на старое место, и во второй раз Атон оказался в неведомом аду.

По крайней мере, здесь был свет — такие же фосфоресцирующие стены. Был и ветер; он бессознательно боролся с ним на канате. Нижние пещеры, в конце концов, обитаемы.

— Вот гранат. Держи.

Атон обернулся к говорившему. Рослый мужчина, сантиметров на семь выше его. Его тело, хотя

и склонное к полноте, впечатляло мускулатурой; на плече он держал тяжелый обоюдоострый топор. Лицо обрамляли мохнатые волосы и борода каштанового цвета.

Атон поднял руку, чтобы поймать брошенный ему блеснувший камешек. Очень красивый красный полупрозрачный кристалл: гранат. Атон ждал.

— Будешь работать в Гранаткином руднике. Если что не так, я разберусь. Меня зовут Старшой. Пошли.

Тот самый креллевод, о котором упоминал Счетовод. Атон пошел следом, наблюдая за движениями этого человека. Вряд ли он мог быть достойным соперником Атона в драке. Вероятно, его расслабила слава. Или топор — как он умудрился взять его с собой? — обеспечивал незаслуженную безопасность. Время покажет; Атон решил держаться подальше от неприятностей, пока не разузнает положение дел. Информация гораздо важнее физической победы. Знание со временем станет властью.

И… побегом?

По мере того, как туннель расширялся, ветер стихал. У стены на корточках сидела чудовищно горбатая женщина; но это был не горб, а всего

лишь мех с водой. Она раскладывала на кучки еду — черный хлеб, соленое мясо, прочую пищу, присланную сверху, — и заворачивала ее в длинные грязные тряпки. В Хтоне волновали не санитарные условия (здесь не болели), а обезвоживание. Увидев их, женщина встала.

— Тебе человек, — сказал Старшой. Он обернулся к Атону: — Дай Гранатке камень.

В другой раз Атон улыбнулся бы. Он протянул камень, и Гранатка, взяв его, принялась разглядывать. Крепкая, гибкая женщина, слишком крупная, чтобы быть миловидной. При лучшем освещении ее волосы могли бы быть светлыми. Она подняла один из свертков и вручила ему.

— Бот так, — сказал Старшой. — Один гранат, один сверток. Конденсатор там; крути себе сколько надо, — он показал место в конце зала.

Атон разглядел в нише устройство.

— Время тоже твое, только не лезь на чужую территорию, — Старшой отошел в сторону.

Гранатка махнула рукой, и Атон последовал за ней в боковую пещеру. Она подвела его к исцарапанному и изрезанному участку стены. Там и оставила.

Атон огляделся. По обе стороны работали мужчины и женщины, ударяя острыми камнями по

стене на уровне лица. Некоторые копались голыми руками в обломках. Кое-кто спал. Двое сидели и жевали, изредка переговариваясь. Место едва ли безумное.

Атон обследовал стену. Гранатов не было видно. Он стал разбивать отпавшие куски тяжелым камнем, но вскоре понял, что так раскрошит все гранаты. Нужно работать очень осторожно.

Он нашел выемку для ДЗЛ и обеда, взял острый камень и постучал на пробу посреди участка. В награду получил облако пыли и песка. Сколько здесь умерло от силикоза? Он откинул голову и попробовал еще раз. Так не видно, что делаешь. Можно раздробить ценный камень до того, как его заметишь. Добывание гранатов оказалось не таким уж простым делом.

На соседнем участке маленький жилистый человечек наблюдал за происходившим с легкой улыбкой, растянувшей черты его лица.

— Знаешь способ лучше? — спросил подавленный Атон.

Человечек подошел к нему. Он забрал у Атона камень, приставил к стене и тихо постучал по нему своим камнем. Поверхность начала скалываться с минимальным сопротивлением. Он наклонился и сдул пыль, держа лицо со стороны

ветра от скола. Потом вернул Атону инструмент и пошел восвояси.

Атон сначала подозрительно отнесся к такому поучению. Разве здесь не самые свирепые из заключенных? Но постепенно освоил новый способ.

Через час бесплодного скобления он пошел есть. Пища на вкус была замечательная. Он наполнил мех водой и снова принялся трудиться над своим пластом.

Прошло несколько часов. Атон выскоблил отверстие приличных размеров, но не обнаружил и следа гранатов. Выбоины, оставшиеся от добытых ранее камней, словно насмехались над ним. Его возмущала способность неизвестного человека, преуспевавшего там, где Атона преследовала неудача. Он начал понимать, почему другие старатели не беспокоят его: добыча пропитания — слишком важное дело. Это был выматывающий, отупляющий труд, от которого возникали судороги в руках и деревенели ноги. Он закрыл глаза и увидел пустую, рябую, безжалостную стену; когда открыл, в них появилась резь, все затуманилось.

Наконец начался всеобщий исход, и Атон двинулся вслед за всеми, надеясь добыть сведения

о здешних порядках. Он добрался до конторы Гранатки, где та распределяла свертки. Люди выстроились в очередь, чтобы обменять камни на еду.

Атон, естественно, пришел с пустыми руками.

Гранатка не приняла никаких объяснений. Нет граната, нет пищи.

— Только без слюней, Пятый! — раздраженно сказала она. — Ты новенький и должен научиться работать внизу как следует. За ничто и получишь ничто. Лучше иди поищи камень.

Атон ушел, усталый и рассерженный. Его руки были в ссадинах и мозолях, легкие забиты пылью. Он был голоден, пустая стена не обнадеживала.

Подошел его маленький сосед: жесткие черные волосы, блестящие черные глаза.

— Без еды? — Атон кивнул. — Слушай, приятель, она не даст тебе есть, если ты не добудешь камень. Надо найти гранат.

Атона новость не впечатлила.

— Знаю, — прорычал он. — Забыл выкопать.

Человечек доверительно понизил голос:

— Ну, так слушай, если я вроде как сделаю тебе одолжение, ты будешь мне приятелем? Зовут меня Влом. Если я вроде как дам тебе камень…

Атон окинул его недоверчивым взглядом. «Что

еще за новости? Человек раболепно горит желанием ему помочь. А вдруг он извращенец?..»

— Нет, я не такой, — воскликнул Влом.

Атон заметил про себя, что надо быть осторожнее в выражениях. Нетерпеливость человека казалась искренней. Так чего же он хотел? Общения или защиты? Или он пария? Не опасна ли дружба с ним?

В желудке у Атона заурчало. Человечек мог пригодиться, если у него есть гранаты. Защита — полезный товар.

— Возможно, — сказал он и назвал свое имя.

Влом сунул грязный палец в рот и вытащил сверкающий камешек. Атон с трудом сдержал удивление. Хотя где еще нагому человеку хранить в безопасности полудрагоценные камни?

— Вот, — сказал Влом, протягивая влажный гранат. — У меня один лишний. Сходи и получи сверток. Потом возвращайся сюда. Запомни, я сделал тебе одолжение.

Через минуту Атон принес камень Гранатке. Та взяла его и подозрительно осмотрела.

— Поздравляю с добычей! — признала она с неохотой и пихнула ему ногой последний сверток. — Бери, что осталось.

Атон отошел, на ходу его раскрывая. Ткань

развернулась и упала — пустая.

— Тут ничего нет, — сказал он, показывая тряпку.

— Я забыла предупредить вас, сударь: вы слегка опоздали. Еда кончилась. — Она повернулась к нему спиной.

— Но мой гранат… ты взяла гранат!

Она даже не обернулась:

— Тем хуже. Возврат запрещен.

Атон подавил желание схватить ее за спутанные волосы и протащить по острым камням. Неуместность ситуации поразила его: вот он, совершенно голый, стоит напротив обнаженной женщины, и самое горячее его желание — выбить ей зубы!

Но он не посмел. Он не был уверен, что Старшой не встретит его одного, в случае чего он не дал бы отпора жестокой иерархии. Сила толпы могла бы его уничтожить. Побег важнее сиюминутной мести.

Он не мог отомстить физически. Но было и другое оружие. Не раз еще пожалеет Гранатка, что нажила себе врага.

5

Существовал некий нюх на гранаты — дар, позволявший одним с легкостью, почти по наитию, отыскивать камни, в то время как другие корячились целый день (по времени Хтона) и оставались голодными. Влом таким нюхом обладал. Казалось, он носом чует драгоценную добычу, а его жажда к сокровищам была неутолима. Атон развивал этот дар, он больше не ходил голодный, хотя запас его гранатов никогда не был большим. Каждый устраивал себе тайник, и тот же Влом регулярно работал в руднике скорее для вида, чем по необходимости. Человек, находивший гранаты слишком быстро, мог стать непопулярным, и он со своим тайником подвергался опасности со стороны голодных. Вскоре стало ясно, что Влом неспроста заручился дружбой такого человека, как Атон.

В нижних пещерах трудилось много разных людей. Не все из заключенных были психически здоровы, но если особенности их характера были известны, жизнь шла своим чередом. Заключенные дрались, однако всегда по необходимости, а не ради развлечения; в общем, они уступали безу-

мию и оставались в стороне от неприятностей, если их не хотели.

На фоне однообразного поиска гранатов выделялся один человек. Он был заметен прежде всего потому, что, являя собой явно не выживающий тип, прекрасно выжил. Это был чрезвычайно тучный Первоцвет: умный, начитанный, жизнерадостный человек с золотыми руками, но с полным отсутствием дара старателя и вечный неудачник. Он выживал, занимаясь посредничеством и добывая гранаты не из камня, а из людей.

— Голубой гранат мне нужен так же, как любовь Лазы, — изрек толстяк Первоцвет во время перерыва. Остальные разинули рты, попавшись на удочку.

— Цветик, Цветик… ты знаешь, что *такое* голубой гранат? — недоверчиво спросил Влом. — А ты знаешь, что голубой гранат *делает* с человеком?

Все столпились вокруг, предвкушал спектакль.

— Я знаю, что он делает с человеком, — сказал Первоцвет. — Он убивает его так быстра что химере не собрать и кусочков.

«Химера» — название смертельного хищника пограничных пещер, которого никто из живых не видел.

— Я рискнул бы, — сказал один мужчина. — Достань мне такой гранат.

Атон полюбопытствовал:

— Никогда не слышал о голубых гранатах.

— О, Пятерочка, — сказал Влом, проталкиваясь в середину группы. — Позволь изложить житейские факты. Тебе известны маленькие гранаты, которые мы находим, — красные, иногда коричневые. Но есть и другие камешки, которые мы вылавливаем не так часто. Более ценные. Если ты вроде как достанешь черный, ты получаешь у старой суки Гранатки пайку на неделю, а то и больше. А если добудешь кусок белого нефрита чистой воды… ну, старику Шахматисту очень нужны наверху такие штуки, и, если пошлешь ему весточку, он достанет для тебя что-нибудь стоящее. Полна сума такого дерьма, и искать большее не надо.

— Ну, это все — мелкая рыбешка. Вот разживешься голубым гранатом — получай билет на свободу.

Интерес Атона резко возрос. Влом же попросту развлекал сам себя. Он почесал голову.

— Ага. Тебя отпустят. Ты больше не наказан. Свободен как птица на белом свете.

Остальные кивнули, соглашаясь и разделяя

общую мечту.

— Но вы никогда не увидите голубой гранат, — сказала какая-то женщина.

— Верно, — поддержал другой. — Никто из нас не видел голубой гранат. И не увидит. Никто.

— Врешь! — закричал Влом.

— Сам врешь! — сердито выкрикнула женщина.

У нее были тонкие черты лица и темные волосы, ниспадавшие на спину. В нижней тюрьме было мало симпатичных женщин, но эта казалась именно такой; она по-прежнему выглядела обманчиво молодой и свежей.

— Сейчас проткну твои глазенки в черепушку! — продолжала она.

Влом съежился было от страха, но тут же смело отступил назад:

— Здесь мой приятель Пятерка. Он тебе задаст.

Атон не воспринял угрозу женщины буквально. Но это было так; ногти у нее — как когти. Теперь она, оценивая, оглядела его.

— Ну, с ним-то я справлюсь, — протянула она. Потом вздохнула, качнув красивой грудью. — Как насчет этого, сударь?

Эти слова тоже прозвучали буквально и весьма завлекательно. Но сейчас не до того. Атон вернул-

ся к теме разговора:

— Что смертоносного в голубом гранате, Цветик?

— Так твоя фамилия Пятый, — размышлял Первоцвет вслух, словно только что узнал. — Знаешь, пятерка — это магическое число. Опасное число. Five — единственное имя, известное мне, которое переводит себя в себя.

— О чем ты? — не понял Влом.

Первоцвет протянул к нему пухлую ладонь.

Влом боролся с любопытством, но недолго. Он выплюнул маленький гранат и отдал Первоцвету. Для него Влом был ценным клиентом.

— Наука нумерология, — сказал Первоцвет, и люди вокруг расселись поудобнее. — У каждой цифры от 1 до 9 свой звук. Вы складываете гласные — A это 1, первая буква древнего английского алфавита, E — 5, пятая, и так далее… Вы складываете их все, пока не получите число. У каждой свое влияние: 1 — начало, 2 — замедление, и так далее.

— А пять?

— Произнеси по буквам. F — I–V — E. I равняется 9, E — 5. Сложи, получится 14. Оно слишком большое, поэтому сложи единицу с четверкой и получишь 5.

Лицо Влома посветлело.

— Пятый есть 5! — воскликнул он с восторгом первооткрывателя.

Кто-то захохотал, но Влом этого не заметил. Он переводил бы людей в цифры целыми днями. И вдруг отрезвел:

— Так говоришь, пятерка опасна?

— Полна неожиданностей. Пятерка может нежданно-негаданно принести счастье… или внезапную смерть. Нужно внимательно следить за ее поступками.

Атон в очередной раз перевел разговор:

— Ты говорил об особом гранате.

Первоцвет уселся поудобнее. Он ждал. Остальные посмеивались: теперь платить Атону.

— Посмотрим на это дело так, — сказал Первоцвет, получив камешек. — Голубой гранат очень дорог. Настолько дорог, что человек мог бы выкупить себя им на свободу. Вполне достойная цена. Возможно, голубых гранатов вообще не существует, и власти считают, что находятся в безопасности; а может, это хитрый способ дать всем понять, что нет такой штуки, как отмена приговора. Но если *есть* такая штука — в смысле, голубой гранат — то он намного дороже и любого заключенного, и даже закона. Сейчас все мы здесь

преступники…

— Я нет, — заорал Влом. — Я не преступник. Меня…

— ВЛОМИЛИ! — прокричали все хором.

— Ну да, — сказал задетый за живое Влом.

— …преступники, посаженные сюда на всю свою оставшуюся противоестественную жизнь. И каждый больше всего на свете хочет отсюда выбраться. Здесь нет никого, у кого вообще есть такой шанс, если он боится предпринять Тяжелый Поход. Не считая того, кому посчастливится найти голубой гранат. Если бы сейчас у меня в руке был голубой гранат, вот здесь, — он выставил зажатый кулак, — я бы сказал: «Господа, эврика, и прощайте!..»

Пальцы его, казалось бы, случайно раздвинулись: в ладони мелькнуло что-то голубое. Все смотрели в молчаливом потрясении.

Первоцвет начал подниматься:

— Ну что ж, меня ждет свобода! — весело пропел он. — Прощайте… навсегда!

В то же мгновение на него упали три тела: двое мужчин и женщина бросились одновременно. Один из них схватил откинутую руку и разжал кулак. Оттуда выпал кусок голубой тряпки.

Его молча отпустили, выражение алчности

покинуло их лица. Первоцвет с трудом поднялся, потирая руку.

— Возможно, теперь вы меня поняли, — сказал он. — Вы не сможете освободиться, если не известите о своем голубом гранате. А когда вы это сделаете…

Гранатка была с Атоном безжалостна. Она оскорбляла его всякий раз, когда видела, и не упускала случая навредить ему. Еда доставалась Атону с трудом. Гранатка утверждала, что его камни слишком малы или с трещиной, или просто отрицала, что он уже дал ей гранат, требуя за один сверток два и даже три камня.

Атон вот это принимал. Он никогда с ней не спорил и благодарил за пищу, словно она делала ему одолжение. Когда Гранатка на него кричала, он молчал. Временами он подходил к ней без особого повода, просто посидеть и послушать ее крики.

Влом этого не понимал.

— Зачем ты крутишься возле нее? — недоверчиво спрашивал он. — Вон сколько баб лучше: с отличной фигурой, с приятным голосом — и все они положили на тебя глаз. Черт возьми, Пятерка, в самом деле. Например, та смазливая девка с черными волосами. Зачем валять дурака с самой

большой сукой на руднике?

Атон не отвечал.

Гранатка постепенно становилась все более вспыльчивой. Не раз ударяла его кулаком или ногой. Что-то доводило ее до ярости. Атон воспринимал это невозмутимо, порой даже с улыбкой.

В Хтоне не было ни дня, ни ночи, но заключенные вошли в определенный режим работы и отдыха, соответствующий регулярной выдаче еды. Большинство людей работало сообща, хотя участки были индивидуальные, после чего все расходились спать по своим норам. Атон выбрал собственные часы работы, и раз случилось, что Гранатка подошла к нему, когда он работал один, вырубая необыкновенно крупный камень.

Она тут же принялась его ругать.

— Работай, грязный ублюдок! — закричала она, когда он приостановился, вежливо к ней повернувшись. Атон лишь улыбнулся — в пещерах, что и говорить, все были грязны. Мытье ограничивалось воздействием песка и ветра. Обычное определение, относящееся не только к физическому состоянию. — Здесь не курорт.

— Знаю, дорогая.

Она широко открыла рот. Потеряв дар речи от гнева, подобрала камень и ударила им по гра-

нату. Мельком глянув на обломки, Атон крепко схватил ее.

— Кажется, ты получила плату, — сказал он с новыми нотками в голосе. — Теперь твой черед оказать услугу.

Она набросилась на него. Он выбил из ее руки камень и бросил Гранатку на пол пещеры. Атон был гораздо сильнее ее — его гены происходили из модифицированного набора колонии Хвеи, где была большая сила тяжести. Быстрые удары по нервным узлам заставили ее застыть от боли: Гранатка оставалась в чувствах и полном сознании, но не могла пошевелить ни рукой, ай ногой.

Наконец она поняла, что происходит, и принялась яростно бороться, но поделать ничего не могла. Прерванной песни, чтобы остановить его, тут не было, а Гранатка не имела для защиты ни одежды, ни опыта.

Все сложилось в его пользу, и он ее отпустил. Гранатка поковыляла прочь, шепотом ругаясь и не зная, как плакать. Атон был уверен, что она никому о случившемся не скажет: стыдна была не забытая роль, которую она вновь сыграла, а то, что он властвовал над ней в любом смысле этого слова.

Когда он отбрасывал в сторону кроваво-крас-

ные осколки разбитого граната, у него в памяти выплыл образ Злобы. «Я не получил никакого удовольствия, — подумал он, — даже от борьбы».

6

— Пятый, Пятерка, ты должен пойти со мной прямо сейчас! — Влом был невероятно взволнован. — Ты должен пойти, должен увидеть, ты должен.

Влом легко возбуждался по мелочам, но тут явно было что-то незаурядное. Атон пошел.

Влом вел его навстречу ветру, прочь от обитаемых пещер.

— Я исследовал, — объяснял он, задыхаясь. — Искал кое-что…

Искал он довольно далеко. Атон рад был случаю разведать удаленные области: раньше не находилось предлога. Сила ветра возрастала по мере ходьбы, жар яростно овевал их лица. Они часто останавливались, чтобы хлебнуть воды.

Путешествие казалось бесконечным. Через час, сопротивляясь возрастающему давлению, они попали в пышущий жаром поток. Наконец Влом остановился.

— За тем углом, — выдохнул он. — Высунь осто-

рожно голову и увидишь.

Уцепившись за неровности стены, Атон повиновался. Жара и ветер усилились, глаза начали болеть и слезиться. Он подумал мимоходом, но уже не в первый раз, о возможном происхождении подземного пекла. Он, вероятно, никогда этого не узнаете тайна защищена собственной температурой.

Пещера впереди была как любая другая — с высоким потолком и туннелем в дальнем конце, в котором хищно выл ветер. Свечение от стен было здесь ярче и несколько иное. Причиной тому могли быть усилившаяся жара и завихрения воздуха — впрочем, по пути сюда свечение постепенно уменьшалось. Кроме этой загадки Атон ничего удивительного не обнаружил.

Что-то остановило его взгляд. Атон пригляделся к потолку. Из длинных трещин капала вода и на лету испарялась в горячем ветре. Вот откуда поступала влага для конденсаторов. Это испарение, вероятно, вызывало значительное охлаждение воздуха, единственное, пожалуй, что делало пещеры выносимыми для человека.

— На пол! Посмотри на пол! — закричал Влом прямо в ухо.

Атон с трудом сосредоточил затуманившийся

взгляд.

У дальней стены пещеры, на углу уходящего туннеля мерцал один-единственный голубой гранат. Они отступили в нишу, чтоб обсудить положение.

— Я видел, — сказал Атон. — Видел. Но вспомни предупреждение Цветика…

Влом чуть не приплясывал от возбуждения:

— Мне наплевать, что сказал Толстяк. Я должен заполучить этот камень.

— Лучше оставить. Ты никогда не вынесешь его из Хтона. Это камень смерти.

Влом раздраженно обернулся к нему:

— Хочешь, чтоб я его оставил, чтобы забрать самому. Думаешь сам свалить — сильнее всех. Знаю я тебя…

Атон посмотрел на него сверху вниз.

— Извини, приятель, — сказал маленький человечек. — Я знаю, ты — другой. Но послушай… я должен его заполучить. Должен.

Атон ничего на это не сказал.

— Послушай, — Влом в отчаянии начал опять. — Я вроде как не преступник, как все остальные. Ничего не имею против тебя, Пятерочка. Не знаю, что ты натворил. Но меня вломили. Несправедливо, что я здесь. Я должен выбраться.

«Дурак, — подумал Атон, — разве ты не понимаешь, что здесь тебе лучше, чем где-либо на воле? Твой собственный разум вломил тебя и подставил под самоубийство».

Заметив, что его товарищ глубоко задумался, Влом заговорил быстрее:

— Не то, будто… не то, что вроде как любой узнает, что он у меня. Я спрячу его в мех, а потом найду случай послать весточку. Счетовод наверху не обжулит…

«Ты отдашь свое сердце химере», — подумал Атон.

Наконец Атон пришел к решению:

— Ладно. Кто пойдет его доставать?

Вопрос был уместный. Они прижались к стене рядом с поворотом, все сильнее ощущая жар, проносящийся мимо, и вполне понимая, насколько хуже по ту сторону водяной завесы. Запас питья был на исходе. Чтобы достичь голубого граната и вернуться, нужен очень выносливый человек.

Но Влом не унывал.

— Вот почему ты мне нужен, — признался он. — Я всяко должен был сказать тебе, Пятый, приятель, но. — Если я сам побегу за ним, до камня я добегу. Но вдруг не добегу, тогда нужен кто-то, чтоб оттащить меня назад. Помни, я сде-

лал тебе одолжение…

«Ты не должен был делать это одолжение. Плата за неосторожность — смерть».

— Кажется, я слышал этот довод раньше, — сказал Атон. — Но если ты настолько глуп, что пойдешь за камнем, я не менее глуп, чтобы тебя выволочь. Не лучше ли заняться этим, пока мы не испеклись?

— Спасибо, приятель, — простодушно ответил Влом.

Он ринулся вперед с отвагой, опровергающей его репутацию. Атон видел, как горячий вихрь припечатал его к стене. Влом закрыл лицо рукой и двинулся вперед. Перемещаясь вдоль стены, он оказался вне основного потока, но его движение было по-прежнему мучительно медленным. Он наклонялся вперед, сопротивляясь ветру и осторожно переставляя ноги. Кожа на его руках покраснела от жары.

Наконец он достиг угла дальнего тоннеля. Здесь ветер затих, огибая крохотную впадину, образованную выступавшим возле входа камнем. Атон понимал, что направленный воздушный поток перед входом в туннель ужасен. Там-то и лежит гранат, пойманный небольшой рытвиной. Должно быть, прикатился сюда из другой пещеры;

возможно, много лет назад.

Влом сунул на пробу руку в поток и быстро убрал. Здесь было по-настоящему горячо. Капли с потолка исчезали на ветру в нескольких метрах от этого места. Собравшись для решающей попытки. Влом бросился за голубым гранатом.

Атон увидел, как поток подхватил человеческое тело и отбросил его в сторону. Влом ощутил страшную боль, но одна его рука сжимала гранат. У Влома был голубой билет в гибель.

Он покатился по ветру, стараясь выбраться из потока в боковое убежище. Но его усилия были слабы, случайны, забиты болью, а вскоре и вообще сошли на нет. Он потерял сознание. Было ясно, что жить ему осталось недолго.

Атон рванулся в пещеру. Сильный ветер подхватил его и откинул к ближней стене. Он опустился на четвереньки, прижал голову к плечу и пополз к лежащему Влому. Колени на гладкой поверхности скользили, а центральный поток не отпускал. Дышать было тяжело.

Атон лег ничком и пополз дальше. Ой больше не смотрел, куда ползет, поскольку ветер бил по телу и голове; его глаза не вынесли бы такого давления. Атон вслепую выбрал направление, головой рассекая жар. Он не знал, когда добрался

до тела.

Сообразив, что переползает через руку Влома, Атон ухватился за нее и попытался повернуть назад. В глазах потемнело от боли, когда он их открыл; уж лучше быть слепым. Он не мог перевернуться, держась за руку. Пришлось сесть.

Порыв ветра вновь подхватил его и опрокинул. На какой-то краткий миг его глаза широко раскрылись, и он увидел мучительную, но отчетливую картину пещеры позади голубого граната. Потом опять упал ничком — ноги по потоку, пальцы на ногах в волдырях, руки тащат Влома за руку — и пополз, извиваясь, как слепой высохший червь, прочь от печи.

Он почувствовал, что выползает из адского грота, но не запомнил ничего, что с ним случилось после того, как он заглянул в дальнюю пещеру. Возможно, он отчасти находился без сознания и полз инстинктивно. Атон обернулся, чтобы посмотреть на руку, в которую вцепился, и обнаружил, что Влом все еще к ней присоединен. Другая его рука по-прежнему сжимала гранат.

Атон лихорадочно глотнул воды из меха, оставленного в нише, затем приложил обе руки ко рту, чтобы не дать бесценной жидкости изрыгнуться. Его мех был теперь пуст; он нашел мех Влома и

влил остатки в ничего не сознающего товарища. Это было необходимо — волдыри и синяки покрывали все его тело.

«Почему мы не догадались перелить воду в один мех, а другой использовать как щит?» — подумал он, слишком утомленный для того, чтобы на себя сердиться.

Влом, наконец, пришел в себя.

— Надо выбираться отсюда, — прохрипел он.

Сжимая свое сокровище, он повис на Атоне, и они, шатаясь, побрели по туннелю.

Силы вернулись к ним, когда суховей смягчился расстоянием. Ветер ослаб и охладился, их движение ускорилось. Ветер подталкивал их в спину. Через полчаса они уже подходили к дому.

Но это, оказывается, было еще не все. Влом затормозил у крутого спуска:

— Пятый, смотри!

Маленькое чудовище перегородило дорогу. Животные в Хтоне редкость, и человек их почти не видит, но они существуют и неизменно ужасны. Химеры — худшие из них, однако есть и иные страшилища. Это напоминало ящерицу длиной сантиметров двадцать, красную, как гранат. Глубоко посаженные злые глазки горели огнем, морщинистая челюсть откидывалась и

захлопывалась в напряженных спазмах.

— Саламандра! — прошептал Влом.

Атон слышал о них. Миниатюрные огненные ящерицы населяли наветренные пещеры. Они были стремительны, мерзки, могли высоко прыгать, а их крохотные челюсти выделяли смертельный яд. Легкая царапина, одна капля на обожженной коже — и все кончено.

— Ее надо обойти, — сказал Атон.

— Как? Опять назад?

Саламандра не дала им времени на обсуждения. Она рванулась вперед, цепляя толстыми ножками за камни. На вид неуклюжая, она делала добрых пять километров в час против ветра.

Атон и Влом молча повернулись и побежали по туннелю. Ветер хлестал с новой силой, толкая людей назад. Ящерица преследовала их со зловещей настойчивостью, отставая, но не слишком. Было очевидно, что она способна бежать дольше измученных людей. Ощущение притока сил, вызванное путешествием по ветру, было обманчивым.

Обычно человек обгонял саламандру, поскольку ее скорость была меньше и, в общем, не зависела от ветра. Но Атон и Влом попались в неудачном месте и не имели ни пространства,

ни сил для бегства. Однако и ждать было безрассудно: голые руки и ноги — плохая защита от высоко прыгающего и кусающегося зверя. Проход слишком узок, оружия нет. О, топор Старшого!

Влом упал на землю.

— Я — все, — выдохнул он. — Больше не могу.

Атон попробовал помочь ему, но сам слишком устал, чтобы что-то сделать. Саламандра приближалась. Приключение в пещере голубого граната отняло у обоих чересчур много сил.

— Бесполезно, — сказал Влом. — Остается одно. — С чрезвычайным усилием он протянул голубой гранат. — У тебя меткая рука?

Атон не стал спорить, взял сверкающий камень, осторожно взвесил его в руке и швырнул в приближающуюся саламандру.

Он прицелился слишком низко. Камень ударился прямо перед зверем и раскололся пополам. Один кусок перелетел через голову саламандры, другой попал в туловище, отбросив ее на несколько сантиметров в сторону. Саламандра мстительно набросилась на обломок, сомкнула на нем челюсти.

Атон и Влом не стали ждать конца. Понятно, что сделает кусок граната с укусившими его зубами. Они перепрыгнули через маленькое чудовище и

побежали по проходу в безопасное место.

— Все равно не вышло бы ничего хорошего, — сказал Атон, когда они замедлили шаг; он понимал, как чувствует себя Влом, утративший трофей. — Он не настоящий. Гранаты так не ломаются.

— Мы могли бы бросить мех, — сказал Влом.

Второй раз разум Атона предал его в критических обстоятельствах, оба раза использование мехов уменьшало риск. Бросить их на ящерицу, накрыть хотя бы на миг — что удержало людей от этой попытки?

Теперь граната не было. Голубой гранат, который так и не смог бы дать свободу, разве что каким-то хитроумным способом. Пещеры взбунтовались бы, узнав о гранате; никакая собственность не была бы в безопасности перед лицом такого соблазна.

— Лучше не говорить… — сказал он.

— Кто мне поверит?

Тайна будет на время сохранена.

«А как насчет большей тайны? — спросил себя Атон. — Той, что могла бы поудить такой хаос, который разрушил бы оба мира Хтона? Нужно ли рассказывать, что я увидел мельком в дальней пещере, когда меня перекувырнул ветер?

Или это должно оставаться сокрытым: целый туннель в рядах блестящих голубых кристаллов?»

§ 398
Четыре

— Машиниста Пятого в Седьмой грузовой отсек. Авария.

Атон выключил машину и схватил рубаху, техник махнул ему рукой:

— Это Капитан! Имеет приоритет.

«Почему я должен подскакивать, когда зовет Капитан? — подумал Атон. — Я уже не на Военном Флоте. За три года меня научили там двум вещам: машинам и боевому единоборству. Теперь мне двадцать четыре, и я по-прежнему ищу женщину — свою любимую стерву, с такой легкостью обворожившую меня в лесу. Я не должен подскакивать ни из-за кого, кроме нее».

Он вошел в ближайшую транскабину, пристегнулся в ожидавшей капсуле, набрал код Седьмого отсека. Когда аппарат начал движение по маршруту, он нажал кнопку «ПРИОРИТЕТ» и вцепился в подлокотники.

«Меня, в конце концов, сделали машини-

стом. Мне пришлось совершить сделку, чтобы путешествовать по космосу, а это означало — подчиниться тому, что предлагал Военный Флот. Испепеляемый любовью, я ждал набора. Но я научился тому, как найти эту коварную женщину, о да!»

Закрытая капсула втянулась в вакуумный тоннель и набрала скорость. Защелкали внутренние реле, прокладывая транскабине курс в лабиринте, индикаторы вспыхивали на пересечениях и при прохождении встречного транспорта. Космокорабль в миниатюре, двигающийся по скрытой сети, как «Иокаста» двигалась по сети звезд. Для капсулы стен не существовало: она достигала любого места в считанные мгновения. Ибо большой корабль…

§-привод — правильнее СС (сверхсветовой привод) — открытие которого отметило рывок человека в космос, сравнимый со вспышкой сверхновой звезды, был весьма эффективным, но научно необъяснимым. Профессор Фитл, как гласила ироническая легенда, открыл его в бассейне у себя на даче: когда вода вместила его погрузившуюся тушу, а перелетевшее через забор яблоко упало ему на голову. Стоявший на кромке бассейна магнитофон включился на ключевые

слова «движение» и «тяготение», и дословно записал последующую речь. Записанный отрывок, был отредактирован роботом-секретарем, умело опустившим частые богохульства и упоминания соседних мальчишек, и отослан в технический бюллетень, робот-редактор которого напечатал его стенографический отчет. Пятнадцать независимых исследовательских фирм пытались сконструировать описанное в отчете устройство. Двенадцать сдались в течение года, две открыли шальные побочные эффекты и забыли о первоначальной задаче, а в пятнадцатой неумелый робот-служащий неверно припаял диод, и она выдала §.

Поначалу устройство было воспринято как своего рода вечный двигатель. Оно было убого, громоздко и стремилось двигаться кругами, сердито завывая. Профессор Фитл подписал яростное заявление, где требовал уничтожить упомянутый объект. На испытаниях в космосе его скорость возросла в течение часа с сантиметра до метра в секунду. За следующий час устройство набрало скорость в насколько раз большую. Потом разогналось так, что уследить за ним смогли только приборы. Наконец, вообще пропало: определенной им самим орбиты не покинуло, но исчезло.

Вернее почти исчезло: приборы фиксировали черенковское излучение — след, оставляемый импульсом, скорость которого превышает скорость света в данной среде. Средой в данном случае был, в сущности, абсолютный вакуум.

Профессор Фитл забрал заявление назад и проявил активный интерес к собственному детищу. После чего легенда утрачивает всякую живость, цензура накрыла плотным покровом все печатные отчеты. Ходили слухи, что §-устройство, раз запущенное, черпало энергию из неизвестного источника — некую неограниченную природную силу, что корабли строились на основе больших §-устройств и посылались в преддверия ада, куда даже свет не проникал, будучи слишком грубым; что не все корабли вернулись назад; что в отдаленном космическом пространстве или не-пространстве обитали злые духи.

Из всего этого и возник стандартный §-корабль — судно с командой в тысячи человек и мощностью, доставляющей его куда угодно. Одним из таких кораблей была «Иокаста», скорость которой подчинялась логарифмическому закону. Чтобы определить скорость, выраженную в километрах в час, достаточно количество часов, в течение которых корабль ускорялся, поставить

показателем степени числа 10. Например, если корабельные §-часы показывают 2, это означало, что привод работает два часа и скорость корабля равняется 10^2 или сто километров в час.

«О да, — думал Атон, пока капсула накренялась и поворачивала, — §-корабль медленно начинает движение. Но уже в 9,03 по корабельным часам его скорость превышает скорость света — 300.000 километров в секунду, а в 13 достигает скорости один световой год в час. 16 — сигнал к торможению, поскольку самостоятельно привод отключается только после того, как на часах появится это число — более высокая скорость, чем 10^{16} километров в секунду, выбросила бы корабль из галактики. Полтора дня (по объективному земному времени) достаточно „Иокасте“ для достижения любой точки галактики».

Движение капсулы замедлилось, и ум Атона вернулся к практическим вопросам. Он прошел через затвор, восстанавливающий нормальное давление. Его поездка, неважно, в метрах или световых годы, завершилась.

Пять

Капитан Мойна с нетерпением его ожидала. Атон никогда не встречался с ней лично, но не узнать ее было нельзя. Приятная женщина в форме торгового флота, неопределенного возраста, приглаженная и строгая. Губы почти бесцветны; волосы заправлены под шапочку и скрыты шлемом. На лице ни малейшего следа двадцатичетырехлетнего разрушительного воздействия космоса. Команда не любила ее от всего сердца: она сама усердно взращивала эту нелюбовь. Почему она одна? При аварии все помощники капитана должны беспомощно сновать вокруг нее. И что она делает в темном грузовом отсеке?

— Пятый, — сказала она без вступления, — охладитель Седьмого не действует. У нас не больше тридцати минут.

Атон направился за ней в отсек:

— Капитан, кажется, вы вызвали не того человека. Я — машинист.

Она привычным движением открыла шкафчик и вынула комплект космокостюмов.

— Я вызвала *того* человека.

— Послушайте, я не могу починить систему

охлаждения, даже если мне приставят к горлу…

Капитан повернулась и схватила его своей тонкой рукой за рубаху. Она дернула застежки, сунула руку ему за пазуху и вытащила из внутреннего кармана крохотную книжечку.

Атон был у нее в руках. Обвинение стоило бы ему двух лет тюрьмы и пожизненного запрета на работу в космосе. Реестр дивидендов торгового корабля являлся секретным документом.

— Вы — капитан, Капитан, — сказал он.

Она швырнула ему костюм:

— Надевай.

Он замешкался. Его толстый комбинезон не влез бы в легкий костюм.

Капитан мгновенно поняла его мысль:

— Раздевайся. Мы не можем тратить время на благопристойность.

Не отделяя слов от дела, она скинула собственную форму — минимум нижнего белья только подчеркивал отлично сложенную фигуру — и быстро влезла в космокостюм.

Атон сделал то же самое, все еще не понимая, что от него требуется. Она тут же разрешила его сомнения.

— У нас минут двадцать, не больше, мы не можем рисковать. Нужно перетащить груз из

Седьмого отсека в Восьмой, там действует механизм охлаждения. Пока это возможно, будем работать вдвоем, потом я прикрою тебя гидрантом. Не теряй времени, но и не тряси особенно ящики. Давай начинать.

— Прикроете меня гидрантом?.. *Что в этом отсеке?* Она взяла одну из коробок.

— Турлингские афисы.

Коробка в его руках задрожала, когда до него дошел смысл слов. Тафисы! Пожиратели кораблей!

Во время работы капитан Мойна объяснила положение дел.

— Это насекомые, личинки. На многих планетах считаются деликатесом. Их надо перевозить живыми, низкая температура держит их в спячке. Когда теплеет, они просыпаются и начинают все жрать. Сначала собственную упаковку, потом грузы. Потом все остальное, включая команду. Их не остановить; со временем они пожирают даже металл. Необходимо содержать их в холоде и покое. Сейчас на часах 13. За борт их сбросить не удастся.

Это было явное преуменьшение. Покинуть корабль, движущийся быстрее света, физически невозможно. Окружающей вселенной для него просто не существует. Пять часов замедления

вернули бы их в досветовую область… если бы голод тафисов выдержал так долго. А экономические и политические последствия…

— Это легальный груз?

— Не будь наивным! Почему тогда я послала за тобой?

В самом деле, почему. Оказывается, Капитан — безжалостная делячка. Строго говоря, никакая межзвездная торговля не была нелегальной, поскольку ни одна планета не могла навязать свои законы вне непосредственной сферы своего влияния, так что никакого правоведения в большом масштабе формально не существовало. Но определенный свод законов возник и твердо поддерживался, а политические системы миров были достаточно сходными, чтобы поощрять путешествия и торговлю, в частности, между теми планетами, что гордились своим добрым именем. Закон сектора и полицейские силы сектора существовали лишь номинально; сама идея такой власти тревожила независимые колонии намного больше, чем преступное поведение.

Однако нарушение неписаного закона каралось занесением виновного в «черный список» во многих процветающих мирах, ни один торговый корабль не мог себе этого позволить. У Капитана

был повод для секретности.

Половину коробок перенесли без приключений. Наконец началось. Коробка, которую нес Атон, взбухла. Поверхность испещрили булавочные проколы, потом следы когтей. Его тяжелые перчатки безошибочно отреагировали на движение внутри, после чего наружу показались белые рогатые личинки. Тафисы проснулись.

Атон какой-то миг еще смотрел на артроподов с наждачной поверхностью, затем бросил коробку. Она тут же разлетелась и запенилась склизкими тельцами. Личинки безошибочно его учуяли и двинулись белой волной по полу.

— Маска! — крикнула сзади Мойна.

Он застегнул ее вовремя: поток замораживающей пены уже был направлен на пол. Она повернула гидрант на него. Теперь он понял, зачем нужны костюмы. Не будь защиты, пена убила бы людей за несколько минут.

Личинки на полу сверились и затихли, погрузившись в состояние спячки. Но уже корежились остальные коробки.

— Быстрей! — услышал он голос Капитана в наушниках поверх шума воздухообмена. — Я могу накрывать сразу только одну.

Ум и тело отвращали Атона от соприкоснове-

ния, но он слишком хорошо понимал последствия промедления. Подобрав упавшую коробку, он повес ее в холодильный отсек. Мойна стояла у дверей и непрестанно поливала его пеной, окатывая заодно сложенные в Седьмом отсеке коробки. Замороженные тафисы неопасны — но граница тонка. Если гидрант вдруг сломается…

Атон спешил.

Он чистился в каюте Капитана. Он не мог позволить себе расспросов о характере работы в Седьмом отсеке, а забытая второпях форма пропиталась пеной. Существовали, конечно, и другие темы, которые надо было обсудить, прежде чем расстаться.

Атон вышел из ванной и обнаружил, что капитан Мойна полулежит переодетая в обычное платье. Ее волосы Сияй распущены и ниспадали тусклым каштановыми прядями. Она выглядела молодой, слишком молодой для тех самообладания и силы, которые он видел. Внешний вид обманчив; она действительно крепка, и впереди ожидается нелегкий поединок. Было бы рискованно поверить ее позе и позволить себе расслабиться.

Атон прикинул свой актив: он сослужил ей службу, которая спасла корабль, и обладал ин-

формацией, которая вынудила бы ее уйти из торгового флота в отставку. Но она по-прежнему капитан, наделена капитанской властью и имеет против него улики. Пат, если один из них не совершит ошибки. И не потеряет самообладания.

— Садись, Атон, — сказала она, указывая на диван рядом с собой.

Ее голос был нежным, почти музыкальным. Он сразу же понял, что она с ним играет. То, что он — ее подручный, ей недостаточно? Или она хладнокровно использует сексуальную привлекательность для усиления своей позиции? До какого предела?

— Система долей, — сказала Мойна, делая первый ход, — самый удобный способ беспристрастного вознаграждения участников торгового рейса.

Да, это так. Система заимствована из практики древних китобоев на Земле. Члены китобойной команды получали вместо платы определенную часть прибыли. Пятидесятая доля представляла собой пятидесятую часть целого, и так далее. Даже двадцатитысячная доля могла обернуться внушительной суммой, если рейс оказывался удачным. Каждый член команды был заинтересован в экономическом успехе всего предприятия.

Атон кивнул и воспользовался активной защитой:

— Перевозка тафисов, уверен, должна хорошо оплачиваться.

Мойна улыбнулась:

— Владельцы берут себе вторую долю — половину прибыли.

— А какую долю берет Тафис?

Мойна отказалась уступить инициативу:

— Доли на «Иокасте» включают четырехтысячную для новичка…

— Двухтысячную для опытного машиниста, — сказал Атон, подвигаясь ближе. — Но иногда бывают очень опасные дежурства…

— Частичные дивиденды должны рассчитываться в каждом порту…

— А холодильники проверяться…

— …в том случае, если член команды увольняется и требует свою долю…

— …или если эту долю требуют его близкие родственники…

Глаза у Мойны были серые, почти зеленые.

— Поэтому реестр дивидендов — исчерпывающий справочник, описывающий каждого человека на корабле.

— И весь легальный груз. — Волосы у нее, похо-

же, стали ярче, с медным отливом.

— Наличие реестра у постороннего лица является преступлением.

— Равно как и нахождение на борту личинок, — закончил Атон.

Ее губы были крепко сжаты.

— Однако… — начала она.

Атон поцеловал ее.

Он сделал хитроумный ход, сознавая свою власть над этой женщиной, и готов был достичь молчаливого взаимопонимания любым необходимым знаком. Он понимал, что речь идет о чем-то большее нежели взаимные обязательства: никто не мог позволить другому выступить с осуждающими намерениями. Но это были всего-навсего рассудочные козни ради выживания. На душевном уровне все определялось его бесплодным поиском миньонетки — если она действительно существовала. Он воспринимал капитана Мойну как помеху, а не как женщину.

Но когда их губы соединились, странный огонь объял его. То, что казалось рассчитанным искусством, обернулось реальной страстью. Он хотел ее как женщину.

Мойна отстранялась.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

Атон подавил расстройство от внезапного отказа и решил истолковать вопрос как деловой.

— Реестр дивидендов? Будем считать, что причина такая же, что и у контрабанды тафисами.

Дебаты его теперь не интересовали. Он был раздражен — тем, что его смогли так легко возбудить и отвергнуть. Но сказанное было правдой: взаимопонимание не требовало того, чтобы раскрывать более глубокие мотивы. Возникло своего рода равновесие. Следовало его сохранять.

Она наклонилась к нему, опять соблазняя его. Что с ней? Пришлось признать, что она действует на него возбуждающе: желание возобновилось. С этой женщиной шутки плохи. Он никогда еще не попадал в подобную переделку, никогда не был так восприимчив. На этот раз он отказывается играть в ее игру; больше он ее не поцелует.

— Что это, — спросила она, — в твоих волосах?

В вопросе была короткая заминка, обеспокоившая его. Мойна хотела сказать что-то еще или, возможно, сказать по-иному. Ему казалось, что легкая деланность ее речи — следствие ее официального положения, но теперь-то она не играла роль Капитана, а искусственность осталась.

Он вынул из волос цветок.

— Это хвея. Для жизни ей нужны воздух и лю-

бовь — любовь к ее спутнику. Если отнять ее у меня, она умрет.

Мойна взяла цветок с ладони.

— Я слышала сказку о хвее, — пробормотала она, рассматривая растение. — Очаровательно.

Атон опять почувствовал беспричинное раздражение. До сего дня он и сам думал, что тафисы — выдумка. Неудивительно, что люди не верили в уникальные свойства хвеи.

— Сейчас покажу, — сказал он, забирая цветок. Он положил его на стол и отошел.

Какое-то мгновение хвея цвела, затем лепестки ее стали вянуть. Атон быстро подошел и взял цветок: к хвее вернулись силы, она вновь стала зеленой и свежей.

— Не сказка.

Глаза Капитана сияли.

— Какая обворожительная связь, — воскликнула она. — Ее дала тебе мать?

Челюсть Атона напряглась:

— Нет.

Мойна, улыбаясь, коснулась его руки:

— Я причинила тебе боль?

— Нет!

Но под ее понимающим взглядом он испытывал потребность оправдаться.

— Мой отец, — сказал он, — женился на девушке из Династии Десятых. Они прожили вместе два года, и хвеи цвели как никогда. Она была добрая, очень его любила и умерла при родах.

Мойна положила ладонь ему на руку.

— Мне незачем это знать, Атон.

Но сейчас ему надо было высказаться.

— После чего Аврелий отправился в космос. Его двоюродный брат Вениамин Пятый присматривал за хозяйством, так что хвеи не погибли. Аврелий путешествовал в дальних уголках галактики, стараясь забыться. Из-за неисправности его корабль причалил к неизвестной планете. Отец… полюбил местную девушку и взял ее с собой. Он привез ее на Хвею.

Мойна всматривалась в его беспокойные глаза:

— Нет необходимости…

— Она жила с ним всего один год… и бросила его. Скорее всего, вернулась на свою глухую лесистую планету. Аврелий больше не путешествовал; он выращивал в одиночестве хвеи и воспитывал меня.

— Но она дала ему силы продолжать…

— Она не любила его! — закричал Атон, отбросив руку Мойны. — Она его бросила. Ни одна дочь

Хвеи так бы не поступила. У меня *не было* матери — ни родной, ни мачехи.

— Возможно, она бросила его *потому*, что любила, — сказала Мойна. — Ты способен это понять?

— Нет, — Атон поднял руку, словно собираясь ее ударить. — Если я когда-нибудь встречу эту женщину, я ее убью. Я подтверждаю свое происхождение от Династии Десятых. От достойной женщины. Десятой!

— Какие страстные слова! — Капитан постаралась сменить тему. — Через тридцать шесть часов я покажу тебе, куда везут тафисов. А теперь быстро уходи.

И Атон ушел.

Шесть

Через четыре смены в грузовом отсеке Атон и Капитан перетаскивали ящики с тафисами в планетарный челнок.

— Кто-нибудь еще летит? — спросил он.

— Никого.

Атон завершал работу молча. Эта удивительная женщина скоро раскроет ему свои карты. По-видимому, она сама вымыла за это время отсек.

Поврежденные ящики были переупакованы.

Маленький челнок вылетел в тень материнского судна. В иллюминаторе появились немигающие далекие звезды. Пока Капитан занималась управлением, Атон рассеянно рассматривал их, пытаясь догадаться, в какой части галактики они находятся.

— Когда я был космогардом, — сказал он, подразумевая годы, проведенные на Военном Флоте, — я научился не смотреть на звезды. Если глядеть на них слишком долго, они могут прожечь дырки в сетчатке.

Мойна фыркнула:

— Когда я оказалась в космосе, прежде всего я научилась отличать факты от фикции.

Атон засмеялся. Челнок, обогнув корабль, оказался на солнце. На иллюминатор опустился чехол, защищающий от жесткой радиации, ориентироваться приходилось теперь по экрану. Капитан направила маленький челнок с орбиты в атмосферу.

— Это застава Ксеста, — сказала она.

— Я до сих пор не научился отличать факты от фикции. Разве *есть* такие существа, как ксестиане?

— Ксесты. Все в космосе существует, если пу-

тешествовать достаточно далеко, — сказала она. — Ксесты редко общаются с человеческими мирами, но они, вероятно, самый сильный нечеловеческий фактор в нашей области галактики. Оказывается, они верят в формулу «живи сам и давай жить другим», и мы им не нужны. Но эта застава гораздо ближе к человеческим торговым путям, чем к их собственным, и поэтому они согласились иметь с нами дело. «Иокаста» — один из кораблей, выполняющих их заказы.

— Это *они* едят тафисов?

— Возможно. Или выращивают их в качестве домашних животных. Трудно сказать. Во всяком случае, товар заказали они. Они хорошо платят, а их репутация превосходна.

Атон покачал головой:

— Каждый раз, когда я думаю, что привык к космосу, он вновь меня удивляет. Если так много мифов оказываются правдой… — Он не докончил фразу, задумавшись о миньонетке.

Мойна бросила на него беглый взгляд:

— Но есть одна сложность…

— Естественно. Поэтому-то и позвали машиниста Пятого.

— У ксестов нет понятия пола. Они с большим трудом воспринимают человеческий организм.

Торговцы преуспели в частных вопросах, но недоразумения остаются. Ксесты считают, что два тела, мужское и женское, составляют одно сложное человеческое существо.

— Неужели?

— Разум ксестов не улавливает оттенки, — она помрачнела. — Протокол требует, чтобы в качестве Капитана присутствовала я лично. Но для них…

— Вы всего-навсего полкапитана! — Атон хлопнул себя по колену. — Прискорбное нарушение этикета.

— Совершенно верно.

По человеческим меркам ксесты были невелики и, исходя из земной силы тяжести, весили меньше сорока килограммов. Здесь, однако, их вес составлял лишь четверть земного. Восемь тонких отростков, разделенных на фаланги, отходило от их шарообразных тел. Общаться с ними приходилось посредством галактических знаков; для ксестов звуков не существует.

По прошествии деловой части протокол предполагал развлечение гостей в течение строго определенного времени и обмен подарками. Ксесты были полутелепатами, способными реагировать непосредственно на чувства, а не на

смысл, и считали, что честь, оказываемая гостю, автоматически оценивается всеми людьми. Капитан Мойна подарила им несколько баллонов с кислородом — веществом, необходимым для них так же, как и для человека, а они в свою очередь пригласили художника — сделать портрет Человека.

Незадолго до этого представитель ксестов застрял на их любимой загадке о бинарной природе человека.

— Два вида, чтобы создать одного Человека? — просигналил он.

— Один вид, два пола, — ответил Атон.

— Да, да. Мужчина одного вида. Женщина — другого.

— Нет, нет, мужчина и женщина одного вида.

— Одного целого? — просигналило бесполое существо.

Еще один термин для их понимания кровного родства.

— Нет, слишком близко, — начал было Атон, но остановился.

Капитан Мойна с полуулыбкой наблюдала за их разговором, но не вступала в него.

— Никак не пойму! — закончил смущенный ксест. — Огонь и вода смешиваются, чтобы со-

здать Человека. Неизбежно разрушение — но это уже ваша проблема. Давайте лучше поговорим о торговле.

Хозяева понимали, что людям необходим сон. Им отвели просторные покои: спальню с туалетными и кухонными приборами, спальными принадлежностями, кроватью.

— Отлично, — сказал он. — Кто ее займет?

— Я, — твердо ответила капитан Мойна.

— Вам не кажется, что ее нужно делить?

— Нет.

— А если я пожалуюсь хозяевам?

— Протокол запрещает… Можешь выйти, пока я приготовлюсь ко сну.

— Но где же буду спать я?

— Когда вернешься, постелешь себе на полу.

Вернувшись, он увидел, что Мойна сидит на кровати в ночной рубашке, прозрачнее которой он еще не видел. Игра, похоже, продолжалась, и Мойна неплохо к ней подготовилась. Изумительные женские округлости, скрываемые капитанской формой, стали совсем очевидными и несомненными. Она интриговала и расстраивала его планы, а ему не нравилось, что она прекрасно это понимает.

Атон сел на край кровати.

— В чем ваш секрет, Капитан? У вас тело молодой девушки — но вам наверняка лет пятьдесят.

— Годы в космосе летят быстро, — сказала Мойна. На ней была шапочка, скрывающая волосы.

— Не настолько же быстро!

— Оставь женщине ее тайны, и, возможно, она оставит тебе твои.

Здесь был какой-то намек.

— Что вам известно о моих тайнах?

Мойна наклонилась вперед, позволив простыне сползти до пояса, а рубашке обтянуть фигуру.

— Реестр дивидендов. Ты использовал его, чтобы проверить всех женщин в команде корабля. Ты ищешь какую-то женщину.

Она знала. Внезапно ему захотелось рассказать ей об этом, раскрыть свой секрет, вот уже четыре года бросавший его, с планеты на планету, с корабля на корабль. Удручающая и разочаровывающая тщетность этого поиска, этих сложных проверок украденных списков пассажиров и реестров дивидендов ради поддельной нимфы привнесли в его душу разрушительное страдание. Вынести его было нелегко.

Словно ребенок, он оказался в ее руках, прижимаясь головой к ее груди. Она крепко обняла его,

и постепенно тоска и мука его памяти унеслись прочь.

— Я влюблен в иллюзию, — прошептал Атон. — В лесу поющая девушка начала со мной любовную игру, и я не успокоюсь, пока песня не будет завершена. Мне нужно ее найти, даже если я знаю…

— Кто она? — мягко спросила Мойна.

Вновь боль нахлынула на него — море отчаяния, которое он слишком долго сдерживал.

— Она назвала себя Злобой, — сказал он, — но скорее всего, это аллегория. Имя сирены, миньонетки, которая живет тем, что изводит мужчину. Под этой маской она подарила мне хвею. Если она существует, я пропал; если нет, вся моя жизнь была сном, хрупким кошмаром.

Мойна наклонилась и, обжигая огнен, поцеловала его в губы.

— Ты так сильно ее любишь, Атон?

— Я люблю ее! Я ее ненавижу! Она должна стать моей!

Мойна поцеловала его в щеку, в веки.

— А другая женщина? Другая любовь?

— Нет! До тех пор, пока не закончится песня… До тех пор, пока я не узнаю то, что не знает никто, что не сообщает ни одна книга… О Боже, что бы я ни сделал ради любви Злобы… только бы ока-

заться рядом с ней.

Она продолжала обнимать его, и через несколько минут он, как и был одетый, заснул.

— Это было так сладостно, так сладостно, — услышал он в полусне ее голос.

Переговоры о торговле завершились на следующий день, и Атон с Капитаном были готовы к возвращению на «Иокасту».

— Благодарим тебя, Человек, — просигналил представитель ксестов. — Теперь прими от нас в подарок твой портрет.

Они вынесли большую завернутую раму. Атон удивился, когда это художник успел выполнить работу, поскольку ни он, ни Капитан ему не позировали. Разве что манера была очень субъективной…

Портрет развернули. Это и впрямь была паутина; разноцветные нити оплетали пустую раму, пересекаясь под всевозможными углами, и неким колдовским способом образовывали в воздухе трехмерный узор. Поначалу он ничего не означал, затем, когда чувства Атона начали отвечать смыслу картины, заманивавшей внутрь искусными прекрасными нитями, целое попало в фокус — возникла таинственная картина некой сцены в лесу.

На ней были два человека, ожившие посредством волшебства ксестов: похожие, но странным образом противоположные — потрясающей красоты женщина с волосами как яростный огонь и маленький мальчик с огромной книгой в руке и с нескрываемым удивлением на лице.

Атон, словно загипнотизированный, уставился на картину.

— Это… мы двое?

— Наше искусство нелегко объяснить, — сообщил ксест. — Мы не понимаем истинной природы Человека. Мы сделали твой портрет так, как ты увидел две — Мужскую и Женскую — части своего существа, когда впервые постиг их. Надеемся, для тебя это ценно.

Атон медленно повернулся к капитану Мойне. Он увидел слезы, блеснувшие в глубине темно-зеленых глаз.

— Вероятно, ей *пришлось* спрятаться, — сказала она. — Любовь… любовь этого мужчины стоила бы ей всего; с обычной точки зрения, всего.

Она медленно поднесла руку к шапочке и сняла.

Огненная лавина скатилась ей на плечи.

Атон коснулся живого пламени ее волос.

— Ты! — произнес он.

III. Озноб
§ 400
6

Первоцвет бухнулся рядом с Атоном, от его огромного тела валил пар.

— Я пытался, — сказал он грустно. — Пытался… но просто *не могу* целиком извлечь гранат из той ничейной стены. Такой вот я невезучий!

— Такой вот ты толстый! — дружелюбно пробормотал Влом с другой стороны. — Твое пузо тебя обжуливает. Хорошо, что можешь еще *увидеть* гранат…

— Я бы его достал, если бы мог разглядеть сквозь пот, — сказал Первоцвет, протирая глаза. Возможно, насмешки Влома задевали его, но он этого не показывал. — У меня проворные пальцы, но эта жара… иногда я мечтаю о приступе озноба.

— Озноба! Я о нем слыхал. На этот раз, Цветик, ты не получишь от меня ни камня. Озноб убил бы тебя.

Глаза Первоцвета сузились. Атон сидел, не шевелясь, ибо знал, что этот человек никогда не попытается сам найти гранат, если его запасы

не на исходе, и что он почуял выгодную встречу. Когда Первоцвет голодал, развлечения нарушали монотонность тюремной жизни, а Влом, наработав на несколько пайков после неудачи с голубым гранатом, наверняка был готов сыграть снова.

— Ты уверен, что достаточно знаешь об ознобе? — вежливо спросил Первоцвет.

— Что тут знать? — Влом ковырял сломанный ноготь на ноге. — Мой дружок умер от него, протянул ноги — это я знаю. Он оказался по своим делам на одной плачете и не подозревал, что там свирепствует озноб. Не понял, что и у него самого озноб, пока не стало слишком поздно. Наверняка я подхватил эту штуку от него, а ведь мне не сходить к врачу, как ему. Он все холодел, холодел — и умер.

— На Хвее, моей родине, была эпидемия в 306-ом, — сказал Атон, поскольку заметил по некоторым признакам, что Влом уже на крючке и заплатит дань. — Она началась в первый месяц года. Мой прадедушка Пятый оказался после нее сиротой. Скосило треть планеты.

— Значит, пандемия, а не эпидемия, — сказал Первоцвет. — Она, если хотите знать, происходит регулярно раз в 98 лет, и примерно половина миров человеческого сектора уже пострадала от

озноба. А вам известно, что он не заразен? И что сейчас от него страдает сама Земля?

Влом молчал перед столь искусно поставленными вопросами, но наконец прекратил сопротивление. Его слабость была в том, что он терпеть не мог, когда кто-то знает нечто, чего не знает он, даже если в этом знании для него нет никакой корысти.

— Ты здесь дольше меня! — воскликнул он. — Ты не можешь ничего знать о Земле.

Первоцвет уселся поудобнее:

— Зато я кое-что знаю об ознобе, — и самодовольно умолк.

— Я тоже знаю про озноб. Мой друг умер от него. Если бы нашелся врач, который напичкал бы его лекарствами…

— От озноба нет лечения, — сказал Первоцвет.

Атон при этом помрачнел.

— Врешь, — неубедительно произнес Влом. — Кучу людей спасли. Даже тех, кто проходил с ним два дня.

— Лечения от него нет.

После отчаянных оборонительных действий Влом лишился наконец граната, вокруг них собралась аудитория, и полился поток новостей.

— Человек, — сказал Первоцвет, говоря тихо

и заставляя слушателей рассесться, — обогнал свет, чтобы насадить колонии в сотнях и тысячах световых лет от своего дома. Но озноб поймал его врасплох. В § 25 новехонькая колония в 700 световых годах от Земли к центру галактики (не бучу уточнять ее галактические координаты: пригодится еще для одного граната) сообщила о первом случае. Молодой рабочий сельхозбригады пришел в больницу с жалобами на внезапную лихорадку. Она длилась каких-то две минуты, признался парень, но наверняка он чем-то заболел. Врач применил термощуп, температуры не обнаружил и отправил парня назад в поле. Колонизация — тяжкая работа, ленивых тогда не баловали. Случай был занесен в картотеку и забыт.

— Пять дней спустя (по земному времени, конечно — этот гранат на сравнительную хронологию не тянет) тот парень вернулся к врачу с запиской от бригадира: производительность низкая, в работе небрежен. В чем дело? Врач опять ткнул щупом и снова не обнаружил температуры — наоборот, температура тела ниже нормы — и отослал его в дисбригаду.

— Прошло еще три дня. На этот раз жертву привел друг. Невозможно было заставить его ра-

ботать. Парень пребывал в благодушном ступоре, словно пьяный, хотя уже два дня не притрагивался к самогонке. К тому же он совершенно перестал есть. Приятель больного упомянул, что временами и сам чувствует холод. Как будто холодный воздушный ток обрушивается на него и заставляет дрожать, хотя со стороны этого не видно. А уже через минуту чувствуешь себя отлично, даже лучше, чем раньше, но… Врач машинально провел над ним щупом, температуры не обнаружил и отпустил, сделав еще одну запись в картотеке (ибо это был опытный врач), а нерадивого работника взял под наблюдение.

— Температура его тела была 297°К и постоянно падала. Небывалое отклонение от нормы, равной для человека 310°К, врача, естественно, заинтересовало. У парня не было ни одного болезненного симптома, который соотносился бы с ознобом; что именно вызывало его, так и оставалось тайной. Вскоре пациент умер, и этот факт был соответственным образом зафиксирован. Историю болезни послали обычными каналами на Землю, где она затерялась среди канцелярских отчетов и была забыта.

— Между тем с ознобом доставили еще троих, включая приятеля умершего. Никто из них не

был болен, — то есть, ни у кого не было температуры — но врач уже сообразил, что проблема требует методов, которыми он не владеет, — то есть, серьезного исследования — и, оставив двух потерпевших для наблюдения, третьего срочно отправил на Землю. Тот был перехвачен образцовой карантинной станцией, задержан для соответствующей обработки и умер незадолго до того, как о нем уведомили дежурного медицинского работника. Для выдачи свидетельства о смерти была проведена Стандартная Операционная Процедура. Вскрытие выяснило причину: неправильное функционирование тканей вследствие недостаточной температуры. Естественный механизм регулирования вышел из строя. Причины же этого *выхода* так и не определили.

— Месяц спустя более половины двухтысячного состава упомянутой колонии умерло, остальные умирали. Планету закрыли на карантин. Земля посылала туда капсулы с продовольствием, записывая их стоимость на счет колонии, но отказывалась принимать из поселения кого-либо или что-либо. Через тридцать шесть дней после вспышки — официально зарегистрированной по дню исходной лихорадки первой жертвы — еще

десять человек начали страдать от озноба и приводить свои дела в порядок, каждый согласно со своим положением и вероисповеданием. Но новых случаев озноба не отметили ни назавтра, ни в последующие дни. Все десятеро выздоровели, а эпидемия (так ее тогда называли) прекратилась так же таинственно, как и началась. Колония находилась под карантином пять лет, и долг ее достиг за эти годы таких размеров, что для его погашения потребовалось бы столетие, но о нем как будто забыли.

— Пятнадцать лет спустя озноб разразился снова, на этот раз в колонии, отстоявшей от первой на двадцать пять световых лет. Эпидемия развивалась сходным образом, за исключением того, что через несколько часов после первой смерти власти бдительно захлопнули карантин. Половина колонистов смертельно заразилась в течение тридцати шести дней, остальные остались живы. Однако никакой инфекции выявлено не было, и человечество дружно с облегчением вздохнуло.

— В первом §-веке по поводу озноба разгорелись жаркие споры. Что это такое? Как он распространяется? На первый вопрос удовлетворительного ответа никто не дал. На второй — их было несколько. Одна многочисленная группа

полагала, что озноб имеет волновую природу и передается со скоростью света; это своего рода лучи смерти, захлестывающие целые планеты и перемещающиеся через определенный промежуток времени к другим. Эту теорию назвали волновой. Другая влиятельная группа заявила, что заражение передается через личный контакт, посредством некоего вируса, быстро, а именно за тридцать шесть дней, мутирующего до безвредного состояния. Эта теория получила название корпускулярной.

— От волновиков требовали ответить, каким образом волне, двигавшейся со скоростью света, удавалось преодолеть двадцать пять световых лет за двадцать лет. Они объясняли это так: смертоносный луч исходил из какой-то третьей точки, расположенной на двадцать световых лет ближе к первой зараженной колонии, чем ко второй. Волновики с нетерпением поджидали, когда заразится третья колония, чтобы методом триангуляции вычислить источник. От корпускулистов они, в свою очередь, требовали объяснить, почему ни один член базировавшейся на Луне карантинной партии не заболел, хотя многие из них, пока не осознали грозившей им опасности, были подвержены риску. И почему озноб, если

он в самом деле неуклонно мутировал, не ослабевал плавно до полного исчезновения. Ответ корпускулистов был таков: карантинные эксперты соблюдали чрезвычайную осторожность, потому и избежали заражения ознобом. Что же касается постепенного прекращения озноба, то симптоматически это не проявлялось, а когда вирус-причина ослабевал настолько, что пересекал порог действенности, естественные защитные механизмы оказывались способны ему противостоять.

— Пять лет спустя обе теории подверглись серьезному испытанию. Была поражена третья колония… Но поскольку врач на ней был занят изданием научных трактатов, обязательных для продвижения по службе и поддержания на уровне современных медицинских теорий, он не сумел распознать озноб, пока не умерло несколько человек. Зараженные колонисты к этому времени успели посетить пять планет, включая Землю. Лунную карантинную станцию они обошли. Однако вне пораженной колонии не было отмечено ни одного случая, хотя больные путешественники претерпевали озноб и умирали в общественных клиниках. Корпускулисты тужились объяснить парадоксы и не могли. Од-

ной из жертв озноба стала популярная девушка по вызову, продолжавшая свою практику до тех пор, пока ее клиенты не пожаловались на ее буквальную холодность. Она умерла, все ее клиенты остались в живых. Корпускулярная теория была подорвана.

— Волновики с жаром набросились на третью координату и вычислили пресловутый источник заражения. Третья точка находилась в семидесяти трех световых годах от первой, ее местоположение определили элементарно и немедленно отправили туда корабль с экспертами. Они нашли лишь пустой космос — если источник и был, он давно сместился. Рассерженные корпускулисты не замедлили указать, что между так называемой исходной точкой и зараженными планетами находилось изрядное количество незаразившихся колоний. Каким образом они избежали трагической участи? Неужели волна действовала выборочно? Но в любом случае, движение луча, поразившего третью колонию, теперь можно было установить посредством экстраполяции. Добровольцы поместили себя прямо на его пути… и не заразились. Таким образом была опровергнута и теория волновиков.

— Шло время, а тайна усугублялась. Было

опустошено еще несколько колоний, однако любая жертва, вывезенная в течение дня после появления первого симптома, обязательно выздоравливала. Если озноб заразен, почему время и место накладывают такие ограничения? Если это волна, почему многие ее избежали?

— Постепенно появились дополнительные ответы. Настал день компромисса. Да, озноб перемещался волнообразно со скоростью света, но эта волна не была ни единична, ни локальна. Существовало множество волн с амплитудой примерно в световой месяц, отстоящих друг от друга на девяносто восемь световых лет. Пересечение любой волной любой колонии вызывало в ней пандемию до тех пор, пока волна не проходила. Но в этой волне, оказывается, присутствовали беспорядочно движущиеся частицы инфекции, поражавшие исключительно по закону больших чисел. Существовал гипотетический питательный эфир, который способствовал прогрессу болезни, если жертву вовремя не вывозили из его поля. Как и в случае с эфиром стародавних времен, он не обнаруживался приборами, а сообщал о своем присутствии лишь смертями.

— Источником озноба оказалось не что иное, как центр галактики. Существовали промежуточ-

ные разумные формы жизни между человеком и этим центром, также страдавшие от тех или иных разновидностей озноба, и вскоре стало понятно, что дальнейшие исследования бесполезны. Общая полоса импульса озноба была длиной в двадцать тысяч световых лет, а его источник был уничтожен давным-давно отмершими видами. Озноб был искусственного происхождения; больше о нем ничего не было известно.

— Между тем отдельные волны были нанесены на, карты и построены их графики. Богатые люди перебирались в критический месяц на другие планеты, а большинство просто ожидало эпидемию и вывозило пораженных из поля действия, если вовремя их находило. Огромное число людей узнавали об эпидемии слишком поздно.

— А Земля, — закончил Первоцвет, — перенаселенная Земля со многими миллиардами людей, которых надо транспортировать, не способна ничего поделать, кроме как ждать, когда ударит первая волна. Сейчас самое время: год § 400. Я рад, что меня там нет.

Толпа разошлась. Первоцвет бросил свет на опасность, но глубоко в душе озноб пугал каждого. Ведь ни один заключенный не знал, где расположен Хтон.

Озноб мог разразиться хоть завтра.

8

— Эй, Пятерка, приятель… знаешь, что сейчас отчудила Гранатка? — ворвался с новостями Влом.

— Могу догадаться, — Атон отложил работу и сел.

Влома понесло дальше:

— Дала мне пайку просто так. Я протянул ей гранат, а она не взяла. Сунула еду и ушла, точно во сне. Никогда не помню такой небрежности.

Пока Влом ел, Атон прислонился к стене, стирая грязь с рук.

— Это не небрежность.

Влом заговорил с полным ртом:

— Но она же никогда не брала… по-твоему, она сделала это намеренно?

Атон кивнул.

— Свихнулась, наверное, если делает такие вещи. Ведь она ненавидит меня начти ток же, как и тебя.

— Да? — спросил Атон. «Ненависть — интересная вещь. Я ненавижу миньонетку…»

Прервав их разговор, появилась Гранатка:

— Есть камень? — хрипло спросила она у Атона.

Он молча протянул камень. Она взяла и бросила на землю сверток.

Влом смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду.

— Боже Каторжный! Никогда такого не видывал! Она, подобрела к тебе, Пятый.

Атон развернул пакет.

Но человечек все еще был смущен:

— У нее нет причины делать одолжение *мне*. Я не женский идол.

Почему она не дала пайку просто так *тебе?*

Атону пришлось объяснять то, что другой понял бы и сам, Влом не поверил.

— В смысле, она не хочет показать, что нежна к тебе, и выплескивает это на меня? Потому что я твой приятель и все равно ни о чем не догадываюсь?

— Примерно так.

— Но в этом нет смысла! Никакого.

На всеобщее обозрение внесли наполовину объеденный труп. Человек забрел в одиночку слишком далеко. Возможно, искал гранаты или выход из нижних пещер. Появилась химера. Помощь подоспела через десять минут после

предсмертного крика, то есть через пять минут после его смерти. Живот и внутренности были разодраны и съедены, глаза и язык исчезли. На полу пещеры, где был найден труп, остались длинные темные полосы: это химера слизала вытекшую кровь.

— Лишнее мне напоминание никогда не отправляться в Тяжелый Поход, — сентиментально проговорил Первоцвет. — Я слишком лакомый кусочек, чтоб подвергаться такому риску.

Черноволосая красавица косо взглянула на него.

— До моего слуха доносится кое-что похуже, чем Тяжелый Поход, — заявила она. — В этом еще никто не разобрался. Ты тоже можешь услышать вой людей-зверей, что когда-то были людьми, вроде нас.

— Они живы? — спросил Первоцвет, любезно подхватывая ее реплику.

— Не-ет… но воют.

Раздался общий смех. Это была старая шутка, и не без намека на достоверность.

«Мой шанс, — подумал Атон. — Сейчас, пока это выглядит естественным. Симулировать сомнения, но выведать».

— Я слышал, что кто-то выбрался, — сказал он.

Влом тут же подхватил:

— Кто-то выбрался? Кто-то совершил Тяжелый Поход?

— Наружу должен быть путь, — сказал Первоцвет. — Если бы найти его! *Где-то* должна напасть химера.

— Может, эти самые животные никогда и не нападают, — сказала темноволосая женщина.

Атон так и не знал ее имени. Со времени первого спора, она им очень интересовалась, но остерегалась играть в открытую. Боялась Гранатка… или просто была умнее. Она не была ему безразлична: ее способность раскидывать волосы в своего рода платье намекало на чувственность одежды. Ничто так не бесполо, понял он здесь, как нагота.

— Может, и нет никаких зверей, — продолжала она. — Мы ни одного не видели.

— Я видел саламандру… — начал было Влом, но осекся.

— Саламандру, да, — сказал Первоцвет. — Но здесь речь о человеке, увидевшем и выжившем. Потому-то мы и говорим «химера», воображаемое чудовище. Но клянусь Хтоном, для нас *это* — не только воображение. — Его взгляд пробежал по трупу.

— Наружу выбрался некий доктор, — рассудительно продолжал Атон. — Он совершенно обезумел… но обрел свободу.

Головы повернулись в его сторону. Разговоры прекратились.

— *Доктор?* — выдохнул Первоцвет.

Атон протянул руку за гранатом, и все рассмеялись.

— Кажется, пять лет назад. Так и не выяснили, как он умудрился бежать. Его поместили в психбольницу.

— Бедокур! — крикнул кто-то.

— Он клялся, что выбрался…

— Значит, есть тропинка…

— Ты в этом уверен? — спросил Первоцвет. — Помнишь имя?

«Помню ли я имя, которое так осторожно вытянул из тюремного библиотекаря, зная, что оно может меня освободить?»

— Не Бедокур, — сказал он. — Что-то вроде Карл Бедекер, доктор медицины. Конечно, его лишили диплома, когда отправили вниз.

— Угу, — согласился Влом. — Расстригли.

— Я знал его, — заявил Первоцвет. — Почти забыл. Мы, конечно же, никогда не называли его настоящим именем. Он пробыл около месяца, по-

том отправился прочь с докторским саквояжем. Он сказал, что проторит для всех тропку, если у нас кишка не тонка, чтобы пойти следом. Такой маленький мягкий типчик. Мы знали, что далеко он не уйдет.

— Почему вы его отпустили? — спросила женщина. — Ведь он доктор.

— Здесь, внизу, не болеют, — объяснил Первоцвет. — Мы стерилизованы… Вероятно, влияние жары. А смерть, как правило, скоропостижна. И еще он был слишком обидчив. Маленький, но то, что он мог сделать…

— Неудивительно, — сказал Атон. — Знаете, за что его послали вниз?

Первоцвет оборвал его:

— Не слишком ли много вопросов? Мы здесь стараемся об этом не спрашивать. Не наше дело.

— Но тропа существует, — произнес, смакуя, Влом.

— Тропа в психбольницу, — указал Первоцвет. — То же самое, что смерть.

— Но тропа…

Волшебное слово вылетело. Атон зная, что оно разлетится по пещерам, как горячий ветер. Доказательство… доказательство пути на волю. Теперь они не обретут покоя до тех пор, пока не

найдут эту тропу.

9

Через десять паек Старшой созвал собрание. Поскольку еда раздавалась каждые двенадцать часов или около того, в зависимости от графика движения лифта сверху, это означало по внешнему времени пять дней. Переводить в дни, по мнению Атона, было делом бессмысленным: короткие промежутки времени отмерялись пайками. Семьсот паек — около года.

— Наверное, что-то важное, — сказал Влом, когда все собрались. — Раньше мы ни разу не сходились всей толпой.

Атон пропустил его замечание мимо ушей, впервые досматривая весь личный состав нижнего Хтона. Похоже, здесь находились сотни человек, причем женщин гораздо больше, чем мужчин. Большинство пришло из других гранатовых рудников — раньше он их никогда не видел. Высокие, низкие, косматые, кривые, статные, дряхлые: каждый — личность, каждый осужден обществом и собратьями по тюрьме. Здесь присутствовало высшее средоточие зла.

Каждый был уникален. Атон привык к своему

узкому кругу, словно им ограничивалось все, что нужно знать о пещерном обществе — но людей, которых он знал, выбрал случай, а не намерение, и потому они были типичными представителями Хтона. Старшой, Гранатка, Влом, Первоцвет, черноволосая — ожесточенные и вспыльчивые, да. Но разве злые?

«Если здесь и есть зло, — думал он, — я его не видел. Зло — в миньонетке. Зло — во мне».

Старшой вышел на середину просторной пещеры, держа на плече топор. Он взобрался на небольшую груду камней. Пересечение полудюжины древних громадных туннелей над ним свидетельствовало об истории возникновения здешних структур. Сколько раз раскалывался камень, чтобы образовать эту путаницу? Столько же, сколько раскалывались человеческие души, чтобы образовать эту толпу. Ветер завихрялся, вырываясь из нескольких туннелей, то и дело вздымая небольшие пылевые смерчи, которые в свою очередь с ревом всасывались в жерла других каналов. Эта пещера, отражавшая сущность подземной мощи, — самое подходящее место для собраний.

Старшой зычно крикнул, подтверждая свои притязания на приличествующее главарю вни-

мание. Крик эхом пронесся по проходам и смешался со звуком ветра. Еще раз Атон бесстрастно оглядел этого человека. Болтовня прекратилась.

— Сверху нам обещают суровые времена, — проговорил Старшой без предисловий. — Требуют больше гранатов.

Раздался всеобщий хохот.

— Мы дадим ублюдкам все, что пожелают! — с издевкой крикнул кто-то.

— Им надо будет для этого лишь спуститься к нам! — закончила какая-то женщина.

Старшой не смеялся.

— Это всерьез. Они урезают наши пайки.

Теперь, ропот стал сердитым.

— Они не имеют права!

— Имеют, — заверил Старшой. — Так вот. Каждый из вас должен теперь давать три камня за две пайки!

— Но столько нам не добыть!

Атон огляделся и увидел лица, изможденные внезапным страхом. Наступит голод.

— Почему? — выкрикнул Первоцвет. Некоторые злобно фыркнули: вот кто первым пострадает от оскудения рынка. — Что на них нашло?

— Потому что они свихнулись, — сказал Старшой. — Им пришла дурацкая мысль, что внизу

есть голубой гранат…

— Счетоводу известно, что такой штуки нет. Что с ним?

— Счетовод клянется, что у него есть доказательство.

Влом глянул на Атона и наклонился к нему:

— Ты никому не говорил?..

Атон замотал головой:

— Ни слова.

«Зло во мне», — подумал он.

— Я тоже. Я вернулся назад, когда саламандра ушла, и нашел один из кусков. Вероятно, другой она съела. Я подумал о твоих с Цветиком словах, и ничего не стал говорить.

Старшой продолжал:

— Счетовод передает, что они будут урезать пайки до тех пор, пока не получат голубой гранат. Следующие десять паек будет два камня за…

— Хтон Великий! Меня точно убьют, если узнают, что у меня есть гранат… — прошептал Влом. Его тело напряглось и подрагивало. — Кто-то, верно, нашел другой.

Атон подумал: «Химера — враг, которого не видишь».

— …Они его *не заполучат!* — ревел Старшой. — Мне это не нравится, как и вам. Они думают, что

возьмут нас измором… — Он сделал паузу. Его голос понизился. — Но у меня есть план.

Пещера притихла.

— Довольно нам торговаться с этими слабаками — любимчиками Лазы! — продолжал он. — Они слишком долго господствуют над нами. А работу-то делаем мы. Теперь мы наступим им на мозоль. Мы поменяемся местами?

Он сделал паузу, чтобы улеглось смятение. Переворот! Раньше такую возможность никогда не воспринимали всерьез.

— Во-первых, надо подкупить стража у дыры. Сейчас надо поразмыслить как следует и понять, что на него подействует. Возможно, женщина, сверху или снизу, — его взгляд мелькнул по черным прядям, вызывающе скрывающим грудь знакомой Атону женщины, — или подловим его на чем-нибудь другом. Надо организовать комитет, который бы этим занялся. Следующее — план нападения. По-моему, надо заслать наверх пять-шесть мужиков поздоровее. Пусть придержат этих придурков, если те почуют что-то прежде, чем мы будем готовы. Как только они по-тихому обоснуются, мы будем как можно быстрее поднимать остальных. Внизу никто не останется. Когда выберемся, первым делом захватим конденсатор.

Без воды они быстро сломаются. Следующая цель — лифт; они постараются его расколошматить, чтобы мы все подохли. Нас не волнуют уроды в отдельных пещерах; оставим их в покое, они не заметят происшедшего. Как только захватим власть, отправим придурков сверху вниз — пусть добывают гранаты. А если они найдут голубые…

Старшой продолжал, уточняя план в атмосфере растущего возбуждения. Он демонстрировал свойства, делавшие его главарем: не только физическая сила, но и дисциплинированность, практичность, энтузиазм и безжалостность.

— Но помните — такой переворот опасен. В случае неудачи они уморят нас голодом. Каждого. И тогда останется одно: Тяжелый Поход…

— После переворота, — сказал Влом, чуть не приплясывая от возбуждения, — после того, как мы возьмем власть, знаете, чем я займусь?

Остальные окружили его, предвкушая обсуждение величественных планов. В руднике собралось человек двенадцать, не способных сосредоточиться на работе. День переворота приближался; назначить его должен был Подкупочный Комитет.

— Схвачу старика Шахматиста за его седую козлиную бороденку и буду крутить до тех пор,

пока он не научит меня играть в эту игру.

— Лучше попытать счастья с маленькой Подмастеркой, — пошутил кто-то. — Спорю, она обучит тебя игре быстрее, чем он.

— Нет, — Влом был непреклонен. — Это должен быть сам Шахматист, и никто другой. Мы расставим фигуры и сыграем перед всем Хтоном, а когда я разгромлю его, Хтон узнает, что я мозговитый и никогда ничего не делал неправильно.

У них достало такта не засмеяться. У каждого было свое тайное желание, открыв которое, многие выглядели бы довольно нелепо.

Свое слово сказал и Первоцвет:

— Не уверен, что вообще пролезу через эту дыру, — пробурчал он, и все улыбнулись вместе с ним: дыра была метр в диаметре. — Но если веревка не лопнет, когда меня потащат наверх, а пол не провалится, отчего бы тогда…

— Знаю! — встрял кто-то. — Он хочет стать главным крутильщиком на конденсаторе!

— Чтоб похудеть!

— Меховой Матушке это понравится.

— Что понравится?

Первоцвет терпеливо ждал, когда все затихнут:

— Отчего бы тогда не пойти в пещеру к Лазе? У

меня, сами знаете, руки ловкие, — они знали, — и когда она подойдет ко мне с каменным ножом, отчего бы не вырвать его у нее, а потом…

Все подались вперед:

— Потом…

— Смыться с ним, Цветик!

— Потом я устрою ей то, о чем она давно мечтает, причем так, что она никогда меня не забудет!

— Что именно, Цветик?

— Я заплачу за разрешение посмотреть, Цветик!

— Не волнуйтесь… посмотрите, — сказал кто то. — Один гранат за один раз.

Смех усилился. Влом обернулся к Атону:

— А что сделаешь ты, Пятерка? Какой у тебя план?

Атон огляделся. Он ожидал от Первоцвета неожиданного оборота, но тот разочаровал его бездарной развязкой.

Гранатка тихо стояла с краю. У нее, казалось, тоже были сомнения насчет переворота. Он почувствовал желание сделать ей больно.

— У Счетовода есть девчонка. Кретинка-Кристинка, — сказал он. — Знаете? Она однажды заигрывала со мной, но я был занят. На этот раз, думаю, все будет иначе. — Все сдвинулись

поближе. — Хорошенькая, да. Вы не видали такой красавицы. Само совершенство. От ее волос можно сойти с ума, когда она любит; глаза черно-зеленые, словно глубины океана. Как хвея, она цветет только тогда… — Он увидел озадаченные взгляды. «Что-то не так? Их смутила фантазия о простой пещерной девушке?» Он пожал плечами, не волнуясь больше о том, что они подумают. Переворот не удастся. — Наконец-то я нашел ее. Она была наряжена как человек, но когда я разоблачил ее, ей пришлось прятаться от людей. Я привез ее в домик на астероиде…

— Как человек? — спросил Влом с озадаченным выражением лица. — Кретинка?

— Вероятно, ее вид включает человеческую природу. Генетическая модификация... но она выглядела как человек — настолько божественна. Легенды приписывают ей удивительные способности, и некоторые из легенд… верны. Правда, она не достигла бессмертия, но, кажется, она — полутелепатка.

— Может читать мысли?

— Не знаю. Это многое бы объяснило. Вот почему ее поступки так парадоксальны. Она заставляла меня делать ужасные вещи. Я любил ее, когда, искал, но возненавидел, когда нашел. Она

уничтожила меня. Я не посмел дать ей хвею…

— Зеленый цветочек, что носят некоторые люди? Никогда не видел.

— Наконец, я бросил ее и вернулся домой. Я сказал Аврелию, что женюсь на дочери Четвертого, если только смогу излечиться от… от Злобы. Он был так счастлив, что едва не скончался. А до этого умирал от уныния, с трудом продержался до моего возвращения. Он отправил меня на одну знаменитую уединенную планету.

Атон поднял глаза и увидел, что Гранатка внимательно слушает. О ней он совершенно забыл. На миг он засомневался: «Имею ли я право мучить эту женщину? Не должен ли, на худой конец, предупредить ее? Злоба, Злоба — ты сделала меня чудовищем! Ты заставляешь меня претворять в жизнь твое имя, и от этого никуда не деться».

Однако Гранатка выглядела скорее задумчивой, чем взволнованной, а остальные молчали. В чем дело?

Громкие крики перекрыли звук ветра. Люди побежали:

— Время! Время! Стража подкупили! Переворота Время? Переворот начался! Началось!

Туннели, ведущие к переходной пещере, наполнились возбужденными людьми. Все взгляды

устремились к крохотной дыре в потолке на высоте десяти метров, единственной связи между двумя мирами. В других местах камень был настолько тверд и толст, что пробиться через него без тяжелых орудий было невозможно.

Верхние пещеры заперты, но у запора — одно слабое место, а именно страж на «ночной» вахте. Атон не знал, что тому посулили, но Старшой всегда держал слово, и стражу гарантировали бы безопасность на всю жизнь. Достаточно было опустить веревку и отойти.

Тяжелая плита начала медленно-медленно сдвигаться. Темная дыра зазывно светилась с той стороны зеленым мерцанием — дверь в удачу. Но ничье лицо там не появилось. Ни звука сверху, кроме громкого скрежета камня.

Пауза; затем возникла раскручивающаяся из бухты веревка. Она была без корзины и поэтому опускалась, волнообразно извиваясь. Растрепанный конец веревки повис, не касаясь пола, и болтался невольным приглашением.

Старшой удовлетворенно промычал. Назначенный отряд вторжения выстроился в центре пещеры. Атон — вторым. Важнее всего было умение забраться быстро и тихо и сберечь силы для возможной немедленной схватки.

Первый мужчина с короткими искалеченными ногами, но неимоверно сильными руками, шагнул вперед и дернул за веревку. Та слегка подалась, но держалась: она была закреплена. «Дернул, словно девчонку за косу», — надумал Атон.

Мужчина ухватился за веревку и умело потащил себя в воздух. Атон видел, что Старшой внимательно наблюдает за ним, потряхивая головой. «Волнуешься, креллевод? — подумал он. — Тоже помнишь про ум Счетовода?»

Мужчина быстро взобрался наверх, подтягиваясь на руках и захватывая ногой изгиб веревки при редких остановках. Он уцепился руками за край отверстия и напряг мускулы, протаскивая голову и плечи. Атон держался за веревку, не делая пока никаких движений.

Сверху послышался сдавленный крик. Ноги наверху поджались, мужчина выпустил край, когда, казалось, вот-вот завершит подъем. Он сполз в дыру и тяжело упал на нижний пол.

Старшой тут же его поднял, но это уже не имело значения. Горло мужчины было аккуратно перерезано.

Натяжение веревки ослабло. Упало второе тело.

Это был подкупленный страж. Веревка петлей обвивалась вокруг шеи. Он-то и послужил якорем, вес первого вторгшегося задушил предателя.

Переворот не оказался для Счетовода неожиданностью.

«Ты должен был знать, — подумал Атон, — что Счетовод угадает такой ход. Он не садист и не дурак, у него есть определенные причины для своих действий, и он готов к любым последствиям. В конце концов ты узнаешь, что был предатель, и предположишь, что подкуплен один из вашей собственной шайки. Узнав теперь, что ум Счетовода такой же проницательный, как и всегда, ты заподозришь, что голубой гранат *есть* на самом деле. Ты будешь искать и неутомимо допрашивать каждого мужчину и каждую женщину — и на дне Вломова меха для воды найдешь голубой осколок.

Влом будет выкрикивать историю открытия и потери граната. Он обратится ко мне за подтверждением, но я признаюсь, что в упомянутое время занимался Гранаткой. Она согласится, убеждая себя, что иначе заподозрили бы ее, и стремясь вызвать ревность у черноволосой. Влом известен как большой обманщик, но ты позволишь довести тебя до места, где, по его словам, он нашел

гранат, и там ничего не окажется, а он не будет знать, что доказательство прямо под рукой.

— Я этого не делал, — завопит он наконец. — Меня вломили! Меня вломили!

А ты уже это слышал.

Узники верхних пещер не смягчатся. Они захотят выяснить, откуда взялся первый осколок, и узнать, действительно ли есть такой рудник. Поскольку вы отказались честно вести дело со Счетоводом, он заморит вас голодом и сделает нижние пещеры безопасными для исследователей сверху. А мы предпримем Тяжелый Поход.

О да, предпримем».

§ 399
Семь

Идиллия: солнечная уединенная планета. Пальмы и ели росли здесь рядом, после того как осторожное прикосновение генетической модификации пригладило природу, заставило ее улыбаться. Голубые воды искрились у подножия серых гор, белоснежные облака осеняли мирные деревеньки.

Атон машинально прошел процедуру регистрации — его мысли были сосредоточены на

женщине, которую он прилетел забыть. Он пренебрег ознакомительной экскурсией. Красоты самобытного рая его не интересовали, наконец он оказался на красивой даче — домике, окруженном цветниками и извивающейся изгородью, — без понятия, как это произошло.

«Прелестная планета, — с горечью подумал он. — Но никогда не станет так прелестна, как Злоба. Злоба — меня должно было предупредить твое имя. Но я был слеп ко всему, кроме твоей красоты; я был глух к отцовским словам. Я маялся детской мечтой. А когда нашел тебя…»

Он осмотрел цветники. Не будучи силен в садоводстве, кроме особого искусства выращивания хвей, Атон понял, что начать ему не с чего. Да это и не важно: даже самые прекрасные начинания вряд ли бы подействовали на его разрушительную страсть к миньонетке.

«Миньонетка. Когда после игры в Капитана я, наконец, обнаружил тебя среди ксестов… было не удивительно, что эти дружелюбные иномиряне смутились. Они увидели, что ты действительно миньонетка — странный отпрыск человека, а не подражание ему, а я тем временем пытался обратить их внимание на свое неведение. И они показали мне все, что могли, а я увез тебя в

укромный космотель и там постиг чудовищное зло твоей природы».

Предоставленный на этом курорте самому себе, Атон понял, что жизнь продолжается. Он праздно изучил сад, разгадывая очевидные загадки кустарников, и в конце концов вернулся в светлый коттедж. Неестественно круглое заходящее солнце просвечивало сквозь плывущие облака. В воздухе парили запахи кухни.

«*Тогда*, разбитый, я слушал тебя, Аврелий. Но ты, в сущности, ничего мне не сказал, лишь послал на Идиллию, чтобы я отдохнул и забыл. Забыл Злобу».

Войдя в домик, Атон обнаружил на стене древние гравюры на ботанические темы, паркет из псевдососны и старинные ручки на дверях с петлями. «Такой дом был у Вордсворта!» — подумал он. В камине большой комнаты ярко пылал огонь: тени от узорной железной решетки трепетали на каменном участке поля. Вдруг он услышал шум в помещении, которое принял за кухню. В доме кто-то был.

Он прошел сквозь арку. Арку? Значит, это не было намеренной подделкой «под старину». И увидел ее: изящную, светловолосую, умелую.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. — «Тебе-

то какая разница, Атон?»

Она с улыбкой обернулась:

— Здесь мое место.

— Но мне сказали, что это мой дом, — проворчал он.

— Да, — она подошла к нему и показала серебряный браслет на левом запястье. — В обычаях Идиллии отправлять рабов на службу к господам. Пока вы здесь, я принадлежу вам, и да здравствует эта планета, добро пожаловать! — Она сделала реверанс.

Атона это не убедило:

— Что-то такое упоминалось. Но я думал, будет привратник… слуга.

— Они обслуживают дам.

— Вот как!

Идиллия, это слишком вопиюще.

Она взяла его за руку, провела к камину с нежной настойчивостью, исключительным правом рабов, и усадила за ужин. Атон воспринял ситуацию с сомнительным удовольствием. Никогда еще женщины так о нем не заботились, и его отношение, сначала двойственное, быстро стало положительным. В общем, задумка интересная.

— Как звать рабыню? — спросил он.

— По имени, — бойко ответила она. — Кокена.

Атон полез в толстую картотеку, составленную много лет назад его учителем.

— Строительный камень из коралла? Это твоя тема — твердость и жесткость?..

— Некогда на Земле, — сказала она, — жили крохотные морские моллюски с красочными раковинами, которых коллекционировали. Они назывались…

— Понятно. И что же милая ракушка посоветует смущенному сердцу? — спросил ей, и подумал: «Она пытается угождать… отчего бы тебе не отгородиться ею, Атон?»

— Вечером в деревне танцы, — сказала она, явно пропустив в вопросе намек. — Если вам это доставит удовольствие…

— Мне ничто не доставит удовольствие, Кокена, — ответил он, но при этом улыбнулся.

Танцы были красочны. Их устроили в теплом деревянном амбаре — по углам запах сена, под стропилами воробьиные гнезда. Гирлянды флажков свисали с балок; светлый сидр сочился из-под пресса, установленного посреди амбара. Отчаянно улыбавшиеся люди входили и выходили в сопровождении своих хорошо осведомленных рабов и рабынь. Атон заметил, что слишком часто сквозь их радостные личины просвечивала

борьба с внутренней мукой.

Он выпил сидра и нашел его весьма крепким. Несмотря на явную свежесть, напиток был терпким, претящим… Вероятно, естественную ферментацию искусственно усилили. Или модифицировали сорт яблок. Сидр вызывал в воображении крохотные деревца с огромными плодами, и каждое громадное яблоко таит в себе легендарные 40°. Душа Атона стала чиста, и он понял, что смех пребывает даже в грусти.

— Начинаем?

Заиграли два усатых, очень похожих музыканта: один на скрипке, другой на объемистой трехрядке. В помещении воцарилось веселье. Пары, составившиеся с краю, вихрем неслись в середину и образовывали неправильные квадраты. Дамы резко оправляли широкие юбки и брали под руку важных кавалеров.

Атон заговорил с Кокеной:

— Как здесь получить партнершу?

Пальцы музыканта все быстрее бегали по черным и белым кнопкам гармони, все сильнее раздувались мехи.

— Нужно пройти через зал к одной из сидящих дам, вежливо поклониться и испросить позволения на ее общество в танце.

— А кого выбрать? — спросил он, оглядывая женщин. Белые нижние юбки кружились вокруг бедер, отбрасывая забавные тени.

Кокена приподняла бровь:

— Вкусы клиентов, не принято обсуждать… Но, если я не ошибаюсь, третья девица справа привлекает определенного рода мужчин и к тому же превосходно танцует…

Атон посмотрел на женщину, которая весело болтала с соседкой и только что наклонилась, чтобы поправить туфлю. Декольте открывало красивую грудь. Маленькие ступни, длинные распущенные волосы.

— Нет! — сказал он с большим нажимом, чем подобало. — Рыжие волосы никуда не годятся.

Кокена угодливо указала другой вариант. На этот раз волосы оказались каштановые и не такие длинные. Дама стояла в стороне со стаканом сидра, слегка покачиваясь под музыку. В конце припева она притопнула, весьма соблазнительно качнув грудью и ягодицами.

— Нет… у нее зеленые глаза. — Сходства почти не было; Атон мучился от грусти, его возбуждение усиливалось вином.

Усомнившись в том, что Атон говорит серьезно, Кокена взглянула на него. Глаза у нее были

голубые.

— Пойдем, — сказал он, не в силах объяснить свое настроение. — Я предпочитаю свою рабыню.

И они пошли танцевать. У девушки были проворные ноги, ее легко было вести; на минуту груз упал с его души, отступил на полшага. Они танцевали, кружились, вертелись, ее юбки соблазнительно вздымались, но душевная тягость сопровождала их. Ряды расходились и сближались; мужчины встречали своих партнерш в центре, кланялись им, отставали, снова подходили, и пары весело кружились. Правая рука к правой руке, левая к левой, партнер встречает девушку касанием бедра и с улыбкой пропускает ее назад. О, сверкающий взгляд! Какое чудо это вольное движение вместо заученной фигуры! Какой мгновенный восторг, заостренный усмешкой, — ибо эти интригующие улыбки и жесты были пусты, лишены любви.

«Злоба, о Злоба, о Злоба, почему ты меня предала?»

Была полночь, когда утомленный Атон готовился в коттедже ко сну. Видение росло и билось теперь о раковину его головы, разрывая мозг, довлея над его усталостью. Это было лицо Злобы,

улыбающееся, опустошающее, одновременно прекраснее и ужаснее любого призрака. Огонь пробежал в ее волосах и зажег его желание.

— Кокена! — позвал он, и та застенчиво вошла, одетая в ночную рубашку. — Я сегодня не могу уснуть. Ты поговоришь со мной?

— Понимаю, — сказала она.

— Мне хотелось бы знать… — И пока он говорил, мучительное видение распалось. — Ты когда-нибудь была влюблена, Кокена?

— Нет.

— Люди думают о любви как о чем-то романтичном, как о счастье, о чуде. Любовь якобы должна возвышать человека, делать его сильным и добрым. Ты видела такую книгу — ДЗЛ? — Она кивнула. — Но они не правы. Любовь — самое страшное оружие, известное человечеству. Она может скрутить человека, связать в тугой узел, пока его кровь не вытечет на каменистую действительность, пока он не иссохнет и не превратится в шелуху. Если ты когда-нибудь станешь искать зло, начинай с любви… Я не должен говорить это женщине?

— Я рабыня, — сказала Кокена.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Говоришь, что рабыня. Но только ли рабыня?

Разве в тебе нет женщины? Когда ты двигаешься в танце, милая ракушка… Если, бы я попросил тебя раздеться передо мной…

— Идиллия обязана защищать свою собственность, — сказала она. — Я не разденусь.

Атон улыбнулся:

— Это лишь пример. Ты не только рабыня. Скажи, Кокена, ты продаешься? Могу ли я приобрести тебя и увезти с собой, куда захочу?

— Рабы не продаются. Они на время предоставляются господам и в определенных пределах оказывают им услуги.

— В определенных пределах… Кажется, раковина закрыта, — сказал Атон. — Тем хуже… но зато честно. Я хотел бы, чтобы как можно больше женщин стало рабынями и как можно больше рабынь — женщинами…

Восемь

Атон ходил на вечеринки, танцевал, смотрел безразличные ему театральные постановки и бездумно флиртовал с женщинами. Днем он купался, участвовал в античных спортивных играх, ездил на пикники; ночью о нем заботилась Кокена, растирая спину маслами. Он говорил с

ней, облегчая душу и с удивлением замечая, как слабеют воспоминания о Злобе при разговоре о… Злобе. Он рассказывал Кокене столько, сколько мог вспомнить, то есть больше, чем кому-либо, поскольку стал относиться в ней как к рабыне, а не как к женщине.

Но этого было мало. Злоба то и дело вторгалась в его душу, вызывая неутолимое желание, безмерную боль. Он мог скрыться от нее на час, но убежать не мог.

— Это все, честно говоря, совсем меня не развлекает, — признался он наконец. — Нужно что-то такое, что увлечет меня надолго, а не на минуту.

И Кокена, как всегда, предложила.

— Не попробовать ли восхождение на горы? — спросила она. — Это нелегкий вид спорта, отнимающий много дней и сил. Здесь он не опасен, и у него есть свои достоинства.

— Ты напоминаешь мне, нежная ракушка, что лучшее лекарство от сомнений — работа, — сказал Атон. — Замечательная викторианская мысль из ДЗЛ. Но если ты советуешь, я попробую. До сих пор ты заботилась обо мне изумительно.

— Я найду проводника, — сказала Кокена.

— Далеко искать не придется, — сказал он в ответ. — Или ты думаешь, мне понравится, что

в мое отсутствие тебя растлит какой-нибудь господин?

Кокена улыбнулась, и на следующий день они уже шагали вдоль лесистой подошвы ближайшей горы. По обе стороны тропинки поднимались вьющиеся папоротники в рост человека; пахучие венерины башмачки были впору самой Венере. Исполинские дождевики, подобно вулканам, выбрасывали при малейшем прикосновении дымовую завесу. Выше появился молочай вперемешку с карликовой секвойей. Большие и маленькие, цветущие и плодоносящие, естественные и модифицированные растения Идиллии предъявляли себя человеку на одобрение.

Атон остановился перед гибкой красной ящерицей, застывшей на валуне. Она довольно осмысленно глядела на него. «Мы еще встретимся, твой род и мой», — словно бы говорила она, и Атон, засмеявшись, шлепнул по камню рукой, после чего она юркнула в безопасное место.

Кокена, какой бы хрупкой она ни казалась, несла рюкзак и спальный мешок и шагала с Атоном нога в ногу. Атона ее выносливость изумляла.

Они рано остановились на привал, еще до того, как склон горы скрылся в тени, и Кокена приготовила ужин. Атон вгляделся в темную воду речки,

где они мылись, и увидел громадную норку. Он как раз собирался смахнуть с руки прутик, но вовремя остановился: это было насекомое — тросточка длиной сантиметров семь, настолько неподвижная, что казалась мертвой. Его потянуло бросить ее в воду и посмотреть, схватит ли ее рыбина, но, поймав на себе взгляд Кокены, он устыдился. Откуда у него этот позыв причинить боль, мучение невинному насекомому? Он пересадил тросточку на листик и пронаблюдал, как она неторопливо уползает.

В ночном воздухе не было никаких кусачих тварей. Атон с Кокеной спали бок о бок в двойном спальном мешке на пахучей постели из папоротника. Посреди ночи Атон проснулся от крика совы и посмотрел на спящую рабыню. Светлая прядь волос падала ей на лицо. Красота Кокены была почти классическая. Атона поразило, что он мог оценить ее красоту без всяких задних мыслей, это было для него чем-то новым…

Утренний солнечный свет струился между деревьев, а они уже шагали среди елей, пальм и дубов. Наслаждаться лесом следовало не спеша, но Атону было не до него. Он пытался разогнать свои думы физической нагрузкой. Кокена поспевала за ним без жалоб, хотя путь становился

все круче.

Тропинка петляла меж толстых мшистых корней. Атон удвоил усилия, поднимаясь в гору, как одержимый, пока не заныли мышцы на ногах и не закружилась голова. Рабыня молча и не отставая шла следом.

Атону стало любопытно. Детство на Хвее при силе тяжести процентов на пятнадцать больше, чем земная, гарантировало ему силу. Генетики в лаборатории укрепили его тело за много поколений до того, как он родился. При обычном тяготении он мог совершать подвиги, которые изумили бы непосвященного, а годы, проведенные в космосе, его выносливости почти не ослабили. Ни один нормальный мужчина не мог сравниться со стойкостью модифицированного, а среди женщин лишь удивительная миньонетка обладала сходной мощью. Нежный мир удовольствий, подобный этому, — не то место, где можно найти по-настоящему выносливую женщину.

На второй вечер, высоко на склоне, где дул холодный порывистый ветер, Атон изобразил большую усталость, нежели ощущал. Он упал и, притворившись спящим, стал незаметно наблюдать за Кокеной.

Та без признаков явного утомления принялась

готовить еду, хотя движения ее несколько замедлились. Глянув в сторону Атона и убедившись, что он крепко спит, она подошла, повернула его в более удобную позу и подложила под голову подушку из мха, будить его она не пыталась.

Что сделало девушку такой выносливой? Она давным-давно должна была упасть от изнеможения. Но она не только оставалась с ним, но и выполняла всю необходимую работу. Не произошла ли и она от модифицированного рода? Действительно ли рабыня на Идиллии без всяких помех сочетает преимущества жены и тяжеловоза?

Атон сел, потянулся, протер как бы заспанные глаза. Нет смысла пропускать ужин. Завтра он определит, насколько она вынослива.

Дорога становилась все более крутой и неровной. Атон не обращал никакого внимания на открывшийся внизу вид или на появлявшихся животных — бобра, горного козла, черепаху, которые с любопытством взирали на негоден выбрал самый трудный подъем и взбирался с максимальной скоростью. Кокена стала для него вызовом: он обязан определить предел ее выносливости. Его не покидал интерес к тому, с чем же он состязается, и восхищало соперничество с

женщиной, которая должна всего-навсего выполнять его волю.

На исходе дня, истекая потом, он стал подозревать, что достиг предела своих возможностей. Девушка ни о чем не спрашивала. Она была сведуща в искусстве восхождения; ее скупые движения сберегали силы, и она расходовала их куда меньше, чем он. «Наверняка, — подумал он, — она сопровождала по этим склонам многих господ». Эта мысль почему-то его тревожила.

Наконец они вышли к нависшему выступу, где зубчатая скала вздымалась над поверхностью почвы на добрых пятнадцать метров, а затем отступала под покров кустарника. Скала неширока, ее легко обогнуть — но Атон этого не хотел. Пусть будет проверка для Кокены! Годы на Военном Флоте научили его лазать по канату; подъем здесь трудный, но для него посильный. А вот для женщины со слабой мускулатурой и недостатком практики подъем был неодолим.

Атон накинул петлю на нижний выступ метрах в шести от основания скалы. Тот достаточно велик, чтобы на него встать, и послужит площадкой для дальнейшего подъема. Атон быстро полез наверх, упираясь ногами в почти отвесную скалу. Приятно было чувствовать знакомое на-

пряжение.

Он забрался наверх, проверил веревку и стал ждать Кокену. И она поднялась, перебирая руками и упираясь ногами, как и он. Рюкзак на спине явно мешал ей удерживать равновесие и создавал другие сложности, но она не сказала ни слова.

Атон закинул веревку за самый верхний выступ и затянул покрепче. Нелегкий будет подъем — метров семь, не меньше, причем гора уходила вниз под углом так, что веревка висела свободно. На этот раз упереться ногами о скалу не удастся.

Атон полез вверх. Подъем был очень непрост. С опозданием он осознал, что есть разница между подъемом при половинной, силе тяжести в космокорабле и противоборством с рюкзаком на плечах нормальному тяготению. Сил, которые Атон так щедро расходовал на прошлый подъем, теперь не хватало; он оказался слишком расточителен. Надо было поднять рюкзаки отдельно… и закрепить страховку, чтобы предотвратить случайное падение. Запасная веревка бесполезно висела на ремне.

Но снизу на Атона смотрела девушка, и он был силен. Он достиг верхнего выступа и, радуясь победе, забрался на него. Уступ был надежный,

на нем можно было закрепить вторую веревку. Он размотал запаску и сделал петлю.

Кокена уже начала подъем. Лежа ничком — голова и плечи за краем скалы — он увидел, что его догадка верна. Она не привыкла к подобным упражнениям и не знала маленьких хитростей веревки. Такие занятия — не для женщин, ее раскачивало, то выкидывая на фон кустарников и деревьев, то почти ударяя о неровности камня. Она очень устала, но продолжала карабкаться.

Метра через четыре Кокена остановилась. Кажется, она достигла наконец предела. Атон, мрачно удовлетворенный, уже собирался крикнуть ей, чтобы она спустилась и выбрала другой путь.

Только сейчас он увидел, до какой степени она устала. Ее маленькие онемевшие руки скользнули по веревке. Далеко внизу под ее опускающейся фигурой простиралась каменистая равнина: падение означало смерть.

Не думая, Атон захлестнул петлю за выступ и бросился с него вниз. Рефлекс космогарда: немедленное действие без мыслей о личной опасности. Он просто выпустил выступ из рук; рюкзак, по-прежнему висевший на нем, рванул по подмышкам. На половине отвесного склона упругая

веревка, за которую он держался, остановила его с такой силой, что содрала кожу с ладоней и едва не разжала их. Сорванные мышцы рук и плеч дадут знать о себе завтра.

Атон болтался чуть ниже девушки. Как только та окончательно разжала ладони, он вытянул руку и, обхватив ее за талию, грубо подтянул к себе. Почти теряя сознание от усталости, она прижалась к нему.

Пытаясь удержать двойной вес плюс рюкзаки, одной натуженной рукой держась за веревку, Атон тем не менее обратил внимание, хотя это и было до кошмарного неуместно, какое гибкое и нежное тело он обнимает. Не считая первого вечера на танцах, он никогда не обнимал ее; его даже как-то удивило, что она настолько женственна.

Между тем рефлекс космогарда вновь взял верх. Его ладонь разжалась и медленно, но все же сдирая кожу, заскользила по веревке. Он твердо приземлился на нижний выступ и положил Кокену на широкую площадку. Когда Атон опустился на колени рядом с ней, ее рука обвила его шею и притянула к себе.

— Ты сильный, сильный, — прошептала Кокена, не открывая глаз. — Сильнее меня.

После чего рука безвольно упала; она потеряла сознание.

Ее слова подбодрили его. Он понимал, что они искренни. Что бы ни было раньше. Кокена увидела в нем теперь мужчину, а не изнеженного господина. Этого, вероятно, он и добивался. С нескрываемым удовольствием он стал делать то, что раньше делала для него она. Уложил ее поудобнее, разыскал в рюкзаке еду. После обмотал бинтом окровавленную руку, скинул рюкзаки к подножию скалы и спустился сам, чтобы устроить место для привала.

Только когда оба были внизу, он позволил ей смазать и перебинтовать ему руку. Кокена вновь оказалась на своем месте, и это ему по-прежнему нравилось — кроме того, с приятным потрясением он сообразил, что Злоба на какое-то время совершенно выпала из его головы и что есть множество безотлагательных вещей, о которых ему надо позаботиться.

Девять

Первыми словами Кокены в тот вечер, под песню одинокого сверчка, были извинения:

— Простите, что не смогла остаться с вами,

господин Пятый. Я не собиралась…

— Больше никогда не называй меня так, — сказал он, прерывая ее. — Я человек, а не титул: глупый человек, едва не погубивший тебя.

— Да, Атон, — сказала Кокена. — Только на Идиллии никто не умирает. — Она встала. — Меня ждет работа.

Атон схватил ее за лодыжку и притянул к себе:

— Сделаешь завтра. А сейчас будешь спокойно отдыхать, иначе я тебя побраню. Почему ты не сказала мне, что устала?

Она горестно улыбнулась:

— У рабыни не должно быть личных проблем. Их достаточно у господ.

Атон в душе побледнел, услышав про господ. Значит, между ними ровно ничего не изменилось.

— Ты была рабыней всю жизнь?

Еще одна горькая улыбка:

— Конечно, нет. Никто не рождается для рабства. Существуют конвенции… Я попала сюда единственно возможным способом: добровольно.

— Добровольно!

— Это хорошее место. Пришлось выждать длинную очередь. Отбор очень строгий.

— Я это заметил, — сказал Атон, любуясь ее фигурой.

Кокена, бессознательно защищаясь, выставила перед собой руки.

— Я рабыня иного рода и не хотела бы, чтобы вы говорили обо мне в таких выражениях.

— Извини, — сказал Атон с раскаянием, — но я — мужчина. И мои выражения отчасти определила ты сама. Разве у тебя не случаются порой неприятности с мужчинами в таких вот уединенных местах?

— Случаются, — призналась она. — Но мы обучены защищать себя.

Атон подумал о некоторых известных ему приемах.

— Даже от космогардов?

— В особенности, от космогардов.

Он рассмеялся:

— Гордость не позволяет мне в это поверить, но именно такой ты кие очень нравишься.

Кокена рассмеялась вместе с ним, и он ощутил в своем теле прилив тепла. Но на заднем плане маячил неумирающий образ Злобы.

Он попытался отогнать его:

— Ты удивительно сильна для женщины, Кокена. Откуда ты родом?

— Я не должна говорить…

Внезапно в этом не оказалось нужды.

— Хвея! — воскликнул он. — Таких женщин, как ты, нет больше нигде в галактике. Лишь на моей родной планете.

С этим открытием его интерес к ней расцвел и утратил всякую праздность — если она вообще когда-либо была.

— Назови свою Династию!

— Пожалуйста, не надо.

Атон щелкнул пальцами:

— Четвертая? — спросил он, и ей пришлось кивнуть. — Мне следовало догадаться. Замыслы Аврелия всегда безупречны. Он клялся, что устроит прекраснейший брак — и он это сделал, несомненно сделал. Я бы полюбил тебя.

Выражение ее лица не изменилось, но он почувствовал, что чем-то ее обидел.

— Я говорил о прошлом, — неубедительно произнес он, однако вред уже был нанесен. — Это была песня, прерванная песня. Она вела меня, и я не мог свернуть в сторону. Теперь я как рыба на крючке; я могу признать лишь то, что могло бы случиться.

— Вы упоминали об этом раньше.

«Да, конечно… я рассказал все, не зная, кому

говорю. Не зная!»

— Как ты сюда попала? — спросил Атон, чтобы скрыть смущение.

— Я никогда не видела человека, за которого должна выйти замуж, и не знала его имени, — сказала она почти неслышно. — Но я… я возненавидела его, когда он опозорил мою Династию. Он отверг меня без единой встречи… а Династии не расторгают союз. Я не могла там оставаться.

Атон попытался взять ее за руку, но она увернулась.

— Я не знал. «Третья дочь Старшего Четвертого» — это лишь обозначение, а не личность.

— У рабынь тоже есть прошлое, — сказала она. — Но оно не в счет.

— Ты наверняка знала! Мы встретились не случайно.

— Нет. Лицо и имя были мне незнакомы. Пока вы не заговорили о прошлом, и я не начала понимать. Династии не смогли представить нас формально…

— И ты не сказала ни слова. Ни слова!

Атон не был голоден, но нервно вынул из рюкзака судок-самогрев и принялся есть. Кокена последовала его примеру: только в ее руках оказался замороженный пакет. Атон понимал, что

эта символика случайна, но рискнул сделать еще одну попытку.

— Давай забудем все, что произошло между нами, — сказал он. — Это… Слишком много нужно преодолеть. Слишком много стыда. Давай начнем все сначала. Я хочу знать *о тебе* все.

Кокена не отвечала.

— Ну, пожалуйста!

Она колебалась:

— Рабыня не может…

— К черту рабыню! Ты — женщина, на которой я должен был жениться, и я хочу *знать.*

Она молча покачала головой.

Раздраженный Атон растерянно смотрел на нее. Раньше она непокорной не казалась — но раньше он и не расспрашивал ее о себе. Вероятно, обстоятельства отменили условности. Если не…

— Послушай, — сказал он. — Ты говорила мне, что на Идиллии не умирают. Это ведь сказано не ради красного словца, а? Это должно означать, что за клиентами все время наблюдают… и не только их верные рабы. За нами сейчас следят?

Кокена опустила глаза.

— И если б я не поймал тебя на скале, какая нибудь штуковина выскочила бы из камня, ткнулась в меня механическим носом и утащила

тебя… Отвечай!

— Что-то вроде этого.

— А если бы ты сказала хоть слово, тебя понизили бы до выгуливания собак?

— Некоторые собаки очень милы.

— Ну, если ты настаиваешь на такой глупости, я просто обязан снова вскарабкаться на эту скалу, прыгнуть вниз и заставить эту штуку поймать меня в воздухе. Где была бы тогда твоя ценная работа?

— Пожалуйста, — прошептала она.

— Надо было взять ДЗЛ, — печально возразил он. — «Имей мы, кроме мира, время…»

— Возможно, я застенчива, — сказала Кокена на этот раз с каким-то воодушевлением, — но я не ваша…

Она лежала на листьях, волосы утопали в них. Атон лег рядом, опершись на локоть. Он ухватил прядь ее волос.

— Я слишком быстро избавился от условностей и, увы, оценил огромную мудрость выбора старших.

— Нет, — сказала она. — Тот позор давно забыт.

— Я искуплю его. Я обещаю жениться на дочери Четвертого…

— Нет!

Раковина закрылась.

Подъем стал теперь более неторопливым. По мере того, как они приближались к вершине, внизу разворачивалась величественная перспектива. Атон должен был признать, что чувствует себя лучше, чем когда бы то ни было. Бодрый вид и спокойная сила характера Кокены сочетались с красотой пейзажа, вновь превращая жизнь в достойное событие.

Ему было жалко, что они достигли вершины. Он, как и прежде, предпочел бы восхождение: не останавливаясь, не думая, не сталкиваясь со сложностями жизни по ту сторону горы, лишь вдыхать пахучий ветерок да слышать сухой хруст под ногами. Зловещая тень Злобы ненадолго уменьшилась. Насколько сильнее стало сейчас живое видение Кокены — безыскусно бойкая, она ни о чем не спрашивала, лишь короткие локоны подпрыгивали при ходьбе.

В порыве чувств Атон обнял ее. Она нахмурилась, но не скинула его руку. Последний отрезок до вершины они прошли вместе.

Атон ожидал какого-то особого вида, но открывшийся его взору пейзаж превзошел все ожидания. Гора оказалась не одиночной, а двойной: крупная расщелина разделяла ее половины, круто спус-

каясь на полкилометра и превращаясь в узкое ущелье между ними. Склоны с обеих сторон были почти отвесны. Он отошел на шаг с отвращением к своей тяге к пропасти.

— Когда-то, — сказала Кокена, тревожно удерживая равновесие у края, — здесь было поле и ручей…

— Ручей?

— Маленькая речка. А поле — это плоская местность.

— Больше не буду перебивать, — согласился он.

— Давным-давно из земли поднялась гора. Но ручей был старше и не потеснился. Он разрезал вздымавшуюся глыбу. Вскоре — через какую-нибудь пару геологических эпох — горе это надоело. Она стала подниматься быстрее, и река не смогла ее побороть. Река сдалась и, в конце концов, обогнула гору. И вот результат: русло на километр выше реки, а у горы два пика.

— Если б я был рекой, — сказал Атон, — я бы пробуравился *сквозь* эту выскочку.

— И пожалел бы об этом. Река пыталась это сделать, на берегу озера есть отверстие, ведущее в подножие горы. Но вода, входя с одной стороны, с другой не выходит. Так что большая часть реки

отступила и держится подальше от этого места.

— Я ее не виню. Хорошо, что вовремя предупредила; ты уберегла меня от больших неприятностей.

Атон стоял позади нее, наблюдая, как ветер из расщелины откидывает назад ее волосы и теребит походную юбку.

— Песня исчезла, — сказал он.

Кокена медленно повернулась:

— Атон.

«Раковина раскрылась, — подумал он. — Лишь от прикосновения истинной любви».

Он неторопливо вынул хвею из своих волос и воткнул ей в прическу. Кокена радостно улыбалась, ее глаза сияли. Они стояли на расстоянии вытянутой руки, молча всматриваясь друг в друга и в хвею.

Потом она оказалась в его объятиях, всхлипнула у него на плече.

— Атон, Атон, обними меня. Ты — первый…

Он прижал ее к себе, испытывая чувство, которое наконец-то было естественным, а не злокачественным.

Она отступила на шаг, резко вырисовываясь на фоне утреннего неба. Она вся лучилась.

— Так ново, — сказала она. — Так прекрасно.

Поцелуй меня, Атон, чтобы я поверила…

Он положил руки ей на плечи и медленно притянул к себе. Когда ее лицо приблизилось, перед ним будто бы проплыло облако. Мерцающее, тающее…

…И это было лицо миньонетки. Волосы цвета живого пламени обрамляли его, переплетаясь в змеином великолепии. Черно-зеленые глаза заглядывали в его глаза. Алые губы приоткрылись.

— Поцелуй меня, Атон…

— Нет! — закричал он. Его мечта о свободе лопнула. Он отгородился от призрака рукой, чтобы не видеть переменчивых глаз, и в ужасе оттолкнул его.

И остался стоять на горе один, окутанный мелодией…

Интерлог

Любовь построила дворец
На гнили и дерьме.

Вильям Батлер Йетс, «Разговор Безумной Дженни с епископом»

Это не наш народ.

Вселенная в его понимании была чиста:

Яркие незапятнанные солнца отметали кружившуюся пыль,

Вечно скапливались туманности — пока одна из них

не лишалась милости.

Наша галактика больна:

Она гниет с ядра, разлагается на части, гноится с отвратительным зловоньем,

Пораженная предельным ужасом:

Жизнью.

Из этого болота поднимается небывалая пародия на разум,

Посвящающий себя великому мору порядка,

Заражающий каждую частицу.

У него несколько личин, но нас интересует ближайшая:

Человек.

Это не наш народ.
Враг — человек.
Это зло должно быть вычеркнуто, галактика стерилизована.
Да не останется ни следа грязи.
Однако недуг зашел далеко;
У инфекции больше возможностей, чем у нас.
Преждевременность означает провал.
Мы управляем собственными изменениями: мы умны и искусны.
Мы набираем агентов человеческого рока из их же рядов.
Мы отбираем индивидуума и приручаем его, чтобы он
соответствовал нашей цели.
Это существо душевно нездорово
(Как говорит его культура),
Оно идеально:
Атон.
Атон мечтает о союзе.
Атон желает объять красоту.
Атон стремится убить зло…
Атон, Атон, дитя заблужденья,
«Честность и подлость друг другу сродни».
Сила твоя вырастает из зла.

Посмотри на свои испражненья;
Обмажь лицо истиной,
Забудь притязанья;
Вернись.

Ибо это не твой народ…
А мы не их бог.

IV. Миньон
§ 401
Десять

Было светло, ослепительно светло, даже в густой тени. Атон забыл, как много естественного света расточалось на открытом воздухе. Запах воли был повсюду — сочный и возбуждающий. Был день, и было тепло — не суховей пещер, а свежий душистый ветер.

Свобода! Кошмар теперь позади, его долгое осуждение закончилось. Безумное зло пещер растворялось в прошлом, оставив лишь того Атона, который завоевал свободу, — Атона очищенного, Атона непорочного.

Здесь были деревья, и травы, и голая почва. Человек, покоривший Хтон и не сошедший с ума, упал на колени не в благодарственной молитве, но для того, чтобы физически дотронуться до вновь явленного чуда. Его бледные пальцы зарылись в мягкую землю, наслаждение пробежало вверх по рукам; он поднес горсть ко рту, чтобы на вкус ощутить зелень и прелые листья.

«В природе нет грязи, — подумал он. — И нет

ужаса, кроме того, что берет начало в человеческой душе».

Он катался по земле, обуреваемый радостью узнавания. Он знал эту планету — словно не было мрачной интерлюдии между его убийством любви Кокены и теперешним чудом, словно не было в промежутке Хтона как расплаты за преступление.

«Я любил тебя, милая ракушка. Но это была моя вторая любовь — слабее первой. И вот так я тебя освободил».

После полудня какой-то шум вывел его из задумчивости. А выбрался он утром. Его внимание сфокусировалось: звук был результатом действия древнего стрелкового механизма… Выстрел. Мальчиком он его слышал — кто-то… охотился.

Многообещающие ассоциации. Человек, у которого были столь древние вкусы, мог позволить себе и личный корабль. Похоже, он был эксцентриком, нелюдимым одиночкой.

Но если это частный охотничий заповедник, как теперь ему казалось, Атона подстерегала прямая опасность. Здесь могли содержаться многочисленные экзотические хищники. Он сглупил, забыв о бдительности лишь потому, что освободился.

Лучше всего немедленно захватить охотника и взять его корабль. Это решило бы вопрос передвижения, поскольку ему надо покинуть планету, скрыв свою личность от местных властей.

Двигаясь как можно тише, Атон направился к источнику звука. Он привык к каменному полу пещер, и его ноги после вечно сумеречных переходов стали грубы и нечувствительны. Хрупкие прутики громогласно трещали, будто защищаясь каким-то волшебным способом. Наверняка его приближение было слышно за километр!

Он решил сам дождаться человека, надеясь, что блуждания приведут того в пределы досягаемости. Какой досягаемости? У Атона не было оружия, а случай вряд ли подвел бы незнакомца на расстояние вытянутой руки. Атон все еще мыслил по-пещерному.

Он принялся тихонько нащупывать камешки и собирать их в кучку возле ног. Он стоял за тонким красноватым деревом, слишком тонким, чтобы скрыть человека, но удобным для броска из-за него. Стреляли всего один раз — вероятно, для тренировки или по ошибке. Возможно, стрелок нервничал. Хорошо.

Атон швырнул самый большой камень из кучки по высокой дуге, так чтобы тот не задел

при взлете ветвей. Камень шумно упал метрах в пятидесяти от его дерева, в стороне от охотника. Исследуя это явление, человек должен пройти рядом с Атоном. Первый бросок должен быть как можно более точным: метательное оружие, соответствующим образом использованное, так же смертоносно, как нож.

Приближаясь, намеченная жертва что-то фальшиво насвистывала. Неужели глупец ожидает, что сумеет таким образом выследить зверя? Нет никакого смысла обсуждать что-либо с подобным идиотом. Лучше просто убить его и по следам найти корабль. Атон мог управлять любой стандартной моделью.

Свист становился все громче. Атон поднял руку, поудобнее зажав в кулаке камень. Раскрыться придется мгновенно: слишком опасно целиться лишь на звук.

Свист прекратился.

— Должен вам доложить, — произнес скрипучий голос, — что моя старомодная винтовка снабжена старомодным теплоулавливателем. Если у вас хватит ума, действуйте сообразно услышанному.

Дерево кое-как прикрыло бы Атона. Охотник не посмеет подойти слишком близко и вряд ли

чего-нибудь добьется, ходя вокруг. Но и Атон уже не надеялся взять над ним верх, поскольку потерял преимущество неожиданности. Придется вступить в переговоры.

— Ума хватит, — отозвался он. — Перемирие.

— Я буду держать ружье наготове, — согласился голос, — столько, сколько, на мой взгляд, будет нужно. Впрочем, я не очень меткий стрелок — скорее угожу в живот, чем в сердце.

Предупреждение было достаточно ясным: человек выстрелит, чтобы искалечить его, а не убить.

Атон принял предупреждение и прежде, чем выйти из-за дерева, выбросил камень. У него не было желания испытывать точность «не очень меткого» стрелка, который оказался не так глуп, как ожидалось.

Охотник оказался низеньким щуплым человеком средних лет. Маленькие, очень ясные глаза выделялись на морщинистом желтоватом лице. Руки тоже желтые, кожа обтягивает сухожилия, ногти — неровные и длинные. Но винтовку эти руки держат наизготовку, и она своим черным дулом вперилась Атону прямо в живот. Этого человека никак нельзя было отнести к изнеженным любителям.

Охотник тоже приглядывался к Атону.

— Когда возвращаешься к природе, естественно, выходишь в чем мать родила, — сказал он наконец.

Атон внезапно вспомнил: снаружи все *одеваются*, а он после пещер был наг. Волосы у него грязные, длинные, борода с запутавшимися травинками достигала груди. Кожа мертвецки бледная, за исключением тех мест, куда въелась пыль.

— У вас вид беглеца, — продолжил человек. — Я хочу знать, почему вам не пришло на ум честно вступить в переговоры, вместо глупейшей попытки подкараулить вооруженного человека. Вероятно, я должен немедленно принести вас в жертву, прежде чем вы воспользуетесь своим шансом.

Человек играл со своей добычей. Он не мог подозревать об истинном положении Атона, так как снаружи никто не знал о местонахождении тюрьмы. Никто, кроме самого Атона. Если бы человек заподозрил это, он тотчас бы его застрелил.

Или еще застрелит? Он наблюдал за Атоном, поглаживая пугающе цепкими пальцами полированный приклад винтовки. Подозревает ли он, что у Хтона здесь выход? Или же знает природу невинной пещеры, ведущей во внутренности

планеты, но нуждается в высшем доказательстве… доказательстве, которое убило бы его задолго до того, как он смог вернуться на поверхность? А что если он ищет сейчас не заповедных зверей, но одно-единственное существо, которое поведало бы ему тайну невообразимого богатства и безопасно провело бы в Хтон?

С каким бесконечным спокойствием прочесывал он этот лес из года в год, разыскивая… Атона?

Такому человеку надлежит умереть.

— Как вижу, вы понимаете, — сказал охотник. — Вы пойдете со мной в пещеру и докажете свое происхождение оттуда… или умрете. Необходимо ли доказывать мою способность заставить вас действовать?

— У вас нет такой способности, — заявил Атон, не стремясь отрицать то, что человек, похоже, знал. — Вы не доверяете мне и будете в моей власти… там.

Человек улыбнулся так, что даже Атон похолодел.

— Вы недостаточно хорошо меня знаете.

Лишь однажды Атон проигрывал в единоборстве и почти не знал страха, но сейчас он боялся этого человека. Он поднес руку ко рту и выплю-

нул гранат.

Глаза другого понимающе сузились.

— Я мог бы пересмотреть свои слова перед лицом вашего довода. Еще есть?

Атон кивнул.

— Спрятаны в лесу?

Кивок.

— Ваши камни могут, в конце концов, привести меня в уныние, поскольку за ними я и пришел. Вы знаете, что такое кодовый корабль?

Атон знал. Никто не мог управлять кодовым кораблем, кроме зарегистрированного владельца. Все механизмы автоматически блокировались, если их включал чужак, не знавший кода. Такой корабль ему не заполучить.

— Мне нужно больше, чем несколько гранатов, которые вы смогли вынести, — сказал человек. — Мне нужны *рудники.* В данный момент мне достаточно доказательства, что вы можете провести меня к ним. Вы его дали. Мы с вами будем соучастниками… со временем весьма богатыми.

— Как мне вас называть, соучастник? — спросил Атон.

Маленький корабль плыл по космосу, туманный шарик планеты Хтона медленно уменьшался позади. Видя его на экране, Атон вспомнил о

мнимом несоответствии разгона до второй космической скорости и торможения до галактической нормы уже вне поля тяготения планеты. Но это было необходимо для перехода к §-приводу. Три часа назад они двигались со скоростью километр в час относительно нормального движения этой части галактики, и, казалось, падали на независимо от них вращавшуюся планету. Теперь скорость была в тысячу раз больше, а вскоре они перегонят все достижимое посредством химических реакций. §-привод, конечно же, нельзя использовать на поверхности планеты, поскольку начальная траектория была бы в этом случае сильно искажена.

Глаза человека затуманились от вопроса Атона, выдавая поляризованные контактные линзы.

— Именно так, — сказал он.

— «Соучастник»? Как вам угодно. Меня зовут Атон Пятый. Вы должны понять, что никакая сила не может вернуть меня в Хтон, пока я не закончу свои дела снаружи. Докажите, что способны помочь мне в этом, прежде чем доверите сотрудничество в ваших затеях. — «Каким напыщенным молокососом я ему кажусь… Но на принцип взаимного недоверия полагаться нельзя», — подумал он.

— Понял. Когда вы узнаете, что я предлагаю, вы с охотой присоединитесь ко мне. Время пока терпит, и я к вашим услугам.

Но мрачная тайна человека оставалась Атона не интересовали богатства Хтона, и у него не было намерения туда возвращаться, но он не мог рисковать убить или бросить Соучастника, пока не узнал больше о способностях этого человека. Дело следовало вести, не причиняя друг другу вреда.

— Я куплю у вас одну планету, — сказал Атон, имея в виду, что выложит еще один гранат за информацию о ее местоположении и за перелет туда.

Соучастник полез за Каталогом Сектора, по величине и оформлению с потерянную Атонову ДЗЛ.

— Он охватывает большую часть человеческого сектора — около двух миллионов звезд. Я никогда не прошу платы за общедоступную информацию.

Атон взял книгу, но не раскрыл ее.

— Я не могу воспользоваться каталогом.

— Вы не знаете Галактических Координат? Я думал, вы — космогард. Эта система — до-§, на много столетий старше. Но существуют же карты.

— Я знаю эту систему. Но вряд ли планета, которая мне нужна, туда занесена.

— Конечно, нет. Это каталог звезд. Вам придется использовать подсекторные эфемериды для орбит планет. Но зачем беспокоиться? Вам выдадут информацию, когда вы войдете в систему.

— Это запретная планета, — угрюмо сказал Атон.

Соучастник опять посмотрел на него, и, когда сместились линзы, зрачки мгновенно обесцветились.

— Действительно, проблема. Знаете, куда надо лететь в первую очередь?

Атон знал.

Одиннадцать

Земля: дом человечества и его легенд на протяжении времени в десять с лишним тысяч раз больше времени пребывания этого рода в космическом пространстве; планета, каждый звездный год посылавшая в космос сто миллионов человек и население которой при этом не уменьшалось — пока катастрофа озноба не наложила de facto карантин на материнский мир. Один месяц — и стерто сорок процентов всех жителей, необхо-

димо применять термоядерные бомбы, чтобы кремировать горы трупов. Но даже после этого на Земле остается население большее, чем во всей остальной империи вместе взятой, и по-прежнему ее суша, моря и атмосфера набиты скоплениями живой плоти.

Даже ознобу не решить проблемы перенаселения.

Но у Земли — власть. Она — непреложная царица миллиардов кубических парсеков космического пространства: не за счет военной, экономической или нравственной мощи, но за счет превосходства знания. Здесь имелась информация, находившаяся за пределами обычного воображения, — настолько подробная и обширная, что одно ее хранение и каталогизация занимали силы небольшого континента. Здесь находилась Библиотека Сектора.

Немыслимый комплекс представлял собой систему компьютеров, выдававших любую известную информацию любому человеку за долю секунды. Достаточно войти в кабинку и высказать свое желание.

Если эта информация не была под запретом.

Но существовали еще «стеллажи» — всеобъемлющие тома печатной документации,

интересовавшие едва ли одного из тысячи и сохранявшиеся в силу древней привычки, несмотря на возраставшее противодействие. Когда-нибудь прирост численности населения уничтожит этот чудовищный пережиток. Пока же он сохранялся. Преданные старожилы содержали архивы в праздном совершенстве, и интерес служил единственным критерием допуска к ним. Земля, в конце концов, была свободной и поддерживала право каждой личности на тягу к знаниям и открытиям настолько, насколько могли позволить человеческая решительность и изобретательность. Информация находилась там в полном объеме, только найти нужную было непросто. Само неудобство стеллажей создавало некоторое преимущество: архивы были слишком громоздки, чтобы изымать засекреченную информацию выборочно. Изъять ее всю было практически невозможно.

Стеллажи занимали кубические километры пространства. Никогда Атон не встречался с помещениями таких размеров: двести рядов длинных низких коридоров, каждый от пола до потолка заполнен с обеих сторон толстыми томами, каждый тянулся так далеко, что стены, казалось, сходятся. На равных расстояниях полки

прерывались, создавая дополнительные проходы и выделяя участки, стаккато длин которых также вдавливалось в бесконечно удаленную точку. Атон представил себе, что можно увидеть тягучий изгиб планеты на уровне пола и что в действительности коридоры ограничивает горизонт.

«Сам Хтон утрачивает новизну после этих коридоров. Склонятся ли когда-нибудь творения природы, — подумал он, — перед творениями человека?»

Но с чего начать? Каждый том размером с ДЗЛ — сорок миллионов слов. Каждая полка плотно заставлена, лишь кое-где пустые места: десять книг в метре, шесть полок в стене, две стены в коридоре. Трехметровая секция одного коридора содержит 360 книг — более четырнадцати миллионов слов.

Атон не читал быстро ни по-галактически, ни по-английски. За целый день напряженных усилий он усвоит небольшую часть одного тома. Он может провести здесь десятилетия, но как бы он ни спешил, прочитает до конца лишь долю того, что на виду. Если он будет лишь пролистывать книги, он рискует пропустить роковое слово.

Он начал понимать, почему эти шкафы не

запрещены. Лишь по безумной ошибке человек способен натолкнуться на опасную информацию — если, конечно, он опознает ее, когда увидит. Действенно пользоваться библиотекой можно только с помощью компьютера.

Соучастник, находившийся всегда рядом, испытующе посмотрел на Атона.

— Вы раньше никогда не видели библиотеки?

— Думал, что видел.

Там существовали библиотекари, выслушивавшие вопрос и бросавшиеся прочь, чтобы каким-то неуловимым образом породить пачку книг. Здесь их не видно.

— Тогда примите совет. Вы пришли к стеллажам не *читать*, точно так же, как отправляетесь в космос не любоваться вакуумом. Вы исследуете. Выясняете координаты и берете курс (сейчас я говорю о космосе) и пренебрегаете тем, что вас не интересует. Вы не сможете определить местоположение планеты, читая вслепую, точно так же, как не смогли бы сделать это, выглядывая в иллюминатор. Прежде всего нужен каталог, *библиотечный* каталог. Вам необходимо определить секцию библиотеки, которая вам нужна, затем книгу. Сейчас вы даже не знаете, где вы находитесь, хотя какое-то время мне казалось, что

у ваших блужданий есть цель. Возьмите какую нибудь книгу. Взгляните на нее.

Атон молча повиновался.

— Это исследования Эдипова комплекса, — сказал Атон. — Собрание работ. — Он сделал паузу. — Зачем целая книга противоречивых толкований? Сорок миллионов…

— И, вероятно, ни один из авторов по-настоящему его не понимает, — резко произнес Соучастник. — Мы-то уж точно. Вы позволили плутающим ногам привести себя к секции и книге, не имеющим никакого возможного отношения к загадке, которую вы должны разгадать. Что вы, по-вашему, делали?

— Полагаю, это действительно бесполезно, — рассеянно сказал Атон. Он поставил книгу на место, его рука, казалось, неохотно расстается с ней.

Неожиданно прозвучал мелодичный аккорд, и между полками замигала лампочка.

— Обращай внимание на то, что делаешь! — прикрикнул Соучастник. — Не то место.

Атон быстро вынул книгу и нашел правильный зазор. Сигнал тревоги прекратился, но поблизости уже послышались тяжелые шаги. Их звук сопровождался затрудненным дыханием.

— Что с вами?

Атон взял себя в руки.

— Что-то… что-то жуткое. Память. — Его лицо приобрело прежний цвет. — Я не… кажусь себе самим собой. — Все его тело тряслось.

Из-за угла вышел толстый бородатый человек. На нем была шапочка с эмблемой Библиотеки Сектора и номером 14.

— Небольшая неприятность, господа?

У него был любопытный акцент. Вскоре Атон понял в чем дело: это же местный земной английский в устах человека, родившегося здесь.

— Ошибка, — ответил Соучастник. — Извините, что побеспокоили.

Служитель не уходил, очевидно не рискуя больше доверять книги безнадзорной небрежности. Он был стар, морщины проглядывали на его полных щеках, тыльные стороны мертвенно бледных рук походили на рельефные карты.

— Вам помочь?

— Да, — сказал Атон. — Я ищу планету.

— В библиотеке?

Атон покорно улыбнулся.

— Она называется Minion.

Прореагирует ли служитель?

Хранитель №14 задумчиво поднял свою окла-

дистую бороду:

— Mignon[2]. Верно, одна из цветочных планет.

— Не думаю, — сказал Атон, но посмотрел на служителя с пробуждающимся уважением. Такая планета Mignon была, он видел ее в эфемеридах, когда искал другую. У всех планет этой системы были цветочные имена.

— О… слово знакомое. Вам известно, что наш шрифт — миньон?[3] Семь пунктов — 2,53 мм…

Атон отрицательно покачал головой:

— Это планета. Обитаемая. Но я не знаю названия светила.

— Мы ее найдем. Каталог, Энциклопедия, эфемериды… не волнуйтесь, мы ее найдем!

Номер 14 говорил со сдержанным возбуждением и самоуверенностью, словно забыл источник вопроса. Это стало его собственной проблемой, и он не успокоится, пока Не решит ее. Атон улыбнулся простодушию хранителя.

— Конечно, под запретом? — спросил тот.

Атон нахмурился его прозорливости.

— Возможно. Честно говоря, я лишь слышал о ней, но не нашел в обычных списках…

---

[2] Примечания: 2
Резеда *(фр., англ.)*

[3] Примечания: 3
Minion *(англ.)* также означает «любимец», «ставленник».

— Да. И вы не можете использовать компьютер, потому что он фиксирует все подозрительные заказы. Персонал стеллажей безвреден, ему можно доверять. В основном.

Просил ли служитель взятку за молчание? Или пытался вытянуть дополнительную информацию, чтобы насытить свое любопытство? Каковы его условия? Они следовали за ним по бесконечным проходам, им было не по себе.

Потом перебрались в какие-то широкие коридоры. Вдоль одной стены стоял ряд кабин, каждая со столом и скамьей посередине. Номер 14 завел их в одну из кабин, а сам отправился в каталог.

Атон посмотрел на Соучастника. «Можно ли ему доверять?» — спросил его взгляд. «Приходится», — отвечало выражение лица Соучастника.

Номер 14 вернулся с руками полными книг и маленьким ящичком. Он разложил все на столе.

— Вам придется достичь запретной планеты — не тревожьтесь, это частные кабины — окольным путем, — бодро сказал он. — Светило, конечно, должно быть в списках, поскольку вряд ли можно скрыть звезду, игнорируя ее, но может не оказаться свидетельства его связи с искомой планетой. Вот каталог всех звезд в Секторе Земли. Если требуемое светило находится в нем — а мы

вынуждены предположить, что это так, ибо в галактике сотни тысяч секторов, большинство из которых невероятно чужды — то оно наверняка сюда занесено. Этот справочник не выделяет пригодные для жизни планеты, но их нетрудно установить: древние исследователи так или иначе называли обитаемые планеты, а прочим присваивали номера. Давали имена и тем планетам, что представляли какой-то особый интерес. Иными словами, *все* обитаемые планеты названы, хотя не все названные планеты пригодны для жизни. Вы следите за моей мыслью?

Атон и Соучастник кивнули. Разве этот человек *когда-либо* казался невежественным или наивным?

— Это приходит с годами, — сказал номер 14 в ответ на невысказанное замечание. — Хороший библиотекарь находит книгу, даже когда заходит в тупик компьютер. — Он улыбнулся, давая понять, что слегка преувеличивает, и занялся ящичком. Тот замерцал, а его торец засветился. — Я собираюсь спроецировать карту сектора, — сказал он. — Вы, конечно, знакомы с этой системой — белый цвет для ближних звезд, красное смещение для дальних? А вы слышали анекдот про навигатора-дальтоника? Очень

жаль. Насколько вы понимаете, на такой всеобъемлющей картине можно показать только установленные навигационные маяки. Через минуту мы перейдем к более подробным картам.

Он дотронулся до панели, и возникла запутанная сеть, связывающая звезды удивительным узором. Атон с болью вспомнил живопись ксестов: возможно, это и есть источник их искусства.

— Это картина, показывающая пути исследований, — сказал номер 14. — Большинству людей как то не приходит в голову, что все обитаемые планеты были кем-то открыты. У нас хранятся отчеты всех первых экспедиций. Мы сумеем получить прекрасное представление о расположении вашей планеты, если вы ответите на несколько вопросов. Она заселена?

— Да, — сказал Атон, завороженный стремительностью, с которой начался поиск. — По-моему, уже несколько столетий.

— Прекрасно! Это исключает новые колонии, далеко обогнавшие по числу обжитые. — Картинка сменилась, и большая часть нитчатого узора исчезла. — Граница установлена на § 100 — как видите, картина менее запутанная. Используя ее, мы должны сократить список кандидатов до нескольких тысяч. У вас есть какие-нибудь

навигационные данные?

— Нет. Планета может быть где угодно.

— Планета может быть только там, где она *находится*. Местные жители модифицированы?

— Наверняка. По крайней мере, женщины имеют репутацию…

— О! Это опять-таки уменьшает количество. Вы, случайно, не знаете, *почему* она под запретом?

— Лишь легенда. Женщины оттуда — сирены, которые живут вечно. Говорят, что… что любить их убийственно.

— О! — воскликнул номер 14, настораживаясь. — Вы влюбились в одну из сирен! Надеюсь, что, к вашему счастью, эта легенда *лжет*. Даже обычная женщина достаточно скверна. Но допустим, что генная инженерия одарила местных жителей долголетием, что, безусловно, могло стать основанием для запрета. Земля перенаселена даже сейчас, и прошло много лет после принятия указа о том, что колонизацию следует осуществлять посредством вывоза людей с родной планеты; естественный прирост населения за счет долголетия порицается.

— Земля не может предписывать… — начал Соучастник. До этого он спокойно изучал проекцию.

Номер 14 пожал плечами:

— Будь по-вашему. Но планета, тем не менее, вне обращения. Это еще больше сужает диапазон, ибо долголетие примерно на пятьдесят лет младше §. С ним считались задолго до того, как оно стало коммерчески осуществимо — понимаете ли, дурные побочные эффекты — а десять лет спустя закон сломался. Или, как гласит неофициальный эвфемизм, и вы это отметили. Земля не может предписывать.

— Десять лет, — сказал Соучастник. — С § 70 по § 80.

Картина вновь сменилась, и теперь карта увеличилась, а пути сменились яркими отметками колоний.

— Модифицированных колоний на этот период немного. Как видите, около сотни. Можно просмотреть каждую из них в каталоге, будь мы уверены, что он перечисляет все планеты. Но планеты, к сожалению, не являются навигационными помехами, как звезды. Уверен, мы зря потеряем время.

— А список колоний есть?

— Запретных в нем нет. Они просто не упоминаются, по крайней мере, по названию, а если и есть, то не в современных томах. У нас не хватает

места, чтобы хранить ежегодные издания; в старых книгах, вышедших до запрета, ваша планета, возможно, упоминается, однако они списаны столетия тому назад. Можно найти ее методом исключения… но если в списке больше одной запретной планеты, мы не узнаем наверняка, которая из них ваша.

Соучастник занимался каталогом.

— Дайте мне том Энциклопедии Сектора со словом «Пункт», — сказал он.

— «Пункт»? Как угодно, — согласился номер 14. — Но звезды в Циклоп не внесены.

Через минуту они погрузились в текст.

«Пункт, Ионафан Р., звездный разведчик, § 41–154», — прочитал Соучастник. — Возможно, это наш человек.

— Первооткрыватель Пункта, одной из звезд в нашем списке, — сказал номер 14. — Вероятно, его первая «пригодная для жизни», поскольку он назвал ее своим именем. Но что заставило вас подумать…

— Я следую вашему совету, — сказал Соучастник. — Решаю проблему окольным путем. Обычный путь самое большее введет нас в определенный круг, ибо, как вы указали, запретную планету могли пронумеровать, словно она необи-

таемая, или вообще изъять, лишив нас всяких следов. Ключ к решению — в омониме. — Он нашел место и громко прочитал: — «Пункт — древняя единица измерения шрифта… в дюйме семьдесят два пункта…»

— Не понимаю…

— Возьмите каталог и прочтите названные планеты Пункта.

Сбитый с толку номер 14 раскрыл книгу:

— Первые две — безымянные; затем Эксцельсиор, Диамант, Перл… понимаю! Это же размеры шрифтов!

— Продолжайте.

— Перл, Нонпарель, Петит, Боргес, Элита. Все.

Соучастник сиял:

— Вы уверены, что не пропустили одну?

— О! Шрифт, который здесь использован…

— Миньон! — воскликнул Атон. — Семь пунктов!

— Седьмая планета, — прошептал Соучастник.

— Приходится признать у исследователя чувство индивидуальности, — сказал Соучастник. — И юмора. Ионафан Р. Пункт, вероятно, подписал частный контракт на заселение нескольких первых пригодных к жизни миров, которые он откроет, и предчувствовал неприятности, если бы

Земля за что-нибудь уцепилась. Он не собирался позволять такой ерунде, как запрет, вычеркнуть одну из его планет.

Двенадцать

Своими отлогими зелеными горами и отсутствием промышленности Миньон напомнил ему Хвею. Корабль, укрытый на глухой поляне, казался чем-то инородным девственной планете.

Атон шел по пересеченной местности, пока не наткнулся на пыльную дорогу, которая, как показала предварительная разведка с воздуха, вела в ближайшую деревушку. Соучастник позволил ему путешествовать в одиночку — невозможно было бежать с запретной планеты как-то иначе, чем он прибыл. Миньон оказался захолустьем: его жители, конечно, знали о галактической технологии, но не в состоянии были ею воспользоваться. Наказание было жестоким.

Показались первые допотопные лачуги. Они были сделаны из глины и соломы, но выглядели очень уютно, а запах, присущий буколическим поселениям, почти отсутствовал. Это означало, что местные жители чистоплотны. Они бродили вокруг — скорее люди, чем гуманоиды, — не

обращая на чужестранца никакого внимания. Модификация не вызвала никаких неприятных изменений — во всяком случае, видимых: низкорослые мрачно нахмуренные мужчины, облаченные в короткие одежды, высокие женщины — в паранджах, скрывающих все тело.

Навстречу ему по дороге шла пара. Мужчина с ровно подстриженной бородой и в набедренной повязке был на добрых пятнадцать сантиметров ниже спутницы, но, похоже, чувствовал себя достаточно уверенно. Женщина пошатывалась под тяжестью огромного тюка, который вкупе с мешавшей движениям паранджой грозил в любой миг свалить ее на землю.

Атон посторонился, давая им пройти. Ему показалось, что под тяжелыми складками жара особенно невыносима; и в самом деле, женщина покачивалась при ходьбе. Ее нога ступила на камень, она пошатнулась и чуть не упала. Когда она попыталась удержать равновесие, тяжелый тюк задел мужчину.

Человечек раздраженно заговорил на непонятном Атону диалекте, но в его словах нетрудно было распознать забористое ругательство. Мужчина зашелся в гневе и ударил женщину по лицу. Она упала, тюк выпал из рук и покатился по до-

роге к ногам Атона.

Пока женщина пыталась подняться, мужчина еще раз выругался и сильно пнул ее ногой. Атон никогда не встречал столь подлого нрава. Женщина не издала ни звука, а лишь быстро опустилась на четвереньки, чтобы поднять тюк. Схватив тяжелый сверток, она, шатаясь, встала. Мужчина изливал через дорогу плотный поток односложных слов.

Они пошли дальше, так и не удостоив чужака вниманием.

Проходя по деревне, Атон заметил, что никто из мужчин ничего не делает. Работали одни женщины — и весьма усердно.

Какой-то старик стоял в одиночестве, прислонившись к дереву на краю главной площади. Атон обратился к нему на галактическом языке знаков:

— Где может остановиться чужестранец?

Старик оглядел его и прожестикулировал:

— У тебя есть женщина?

Символ в действительности означал «движимое имущество женского пола».

Атон подумал о Злобе.

— Нет.

— Ты пришел в благоприятное время. Можешь

взять сегодня вечером дом и жену Розового Утеса.

Атон замешкался. Обычаи в галактике разнообразны, но лучше досконально понять положение дел и лишь тогда принимать на себя опасные обязательства.

— Розовый Утес куда-то уехал?

Старик показал на площадь. Атон увидел то, что проглядел раньше: мужчину, привязанного к большому вертикальному камню, и зловещие орудия, разложенные перед ним на помосте.

— Казнь? Преступник?

— Нет.

— Жертвоприношение?

— Нет.

— Тогда почему он связан?

— Он был неосторожен.

— ? (Знак растерянности.)

— Он влюбился в свою жену.

— (Растерянность.) За это его будут пытать?

Старик посмотрел ему в глаза:

— Это обряд милосердия.

Атон не остался на обряде с участием неосторожного Розового Утеса. Он пообещал вскоре вернуться и отправился бродить по окрестностям, пытаясь разгадать тайну этого народа.

Официально и в фольклоре они могли производить впечатление чудовищ — но где же этот ужас, поставивший галактику в безвыходное положение? Что означает однозначное осуждение торговли и информации? Пока он видел невероятно патриархальное общество, где женщина была доведена до такой покорности, что даже любовь к ней объявлялась преступлением.

Но сомнения оставались. Среди этих женщин Миньона, закутанных в паранджи — он не мог думать о них как о «миньонетках» — невозможно было узнать лицо или какую-то особенную черту. Однако что-то в них было тревожно знакомым.

Он отбросил эту мысль. Конечно, сходство было. Ведь Злоба родилась здесь.

У деревенского колодца женщина наполняла большой кожаный бурдюк. Она завязала его сверху ремнем и, пошатываясь от тяжести, забросила себе на плечо.

Атон загородил ей дорогу, предлагая взять сосуд. Он делал это не из рыцарских побуждений, а лишь для того, чтобы узнать о ней чуть больше. Женщина отпрянула в сторону.

— Я хочу помочь, — просигналил Атон. Он дотянулся до бурдюка и схватил ремень, но она так быстро отклонилась назад, что под него попал

уголок вуали. И вуаль сползла с лица.

Атон уставился на нее. Это была Злоба.

Он дал ей уйти. Рассудком он понимал, что Злобы на планете нет. Даже если бы она была, вероятность случайной встречи с ней была ничтожна. После того, что он пытался сделать давным-давно, и почти изъятая из памяти, она не могла вновь искушать его у колодца. Он вспомнил мнимую перемену в лице дочери Четвертого и картину, что увидел в громадной газовой расщелине Хтона. Не всегда можно доверять своему зрению.

Но если это не очередное бредовое видение…

Еще одна женщина спускалась по тропе. Он подошел к ней, предложил помочь и тут же грубо откинул вуаль. Опять лицо Злобы! Нет — глаза не так глубоки, волосы менее огненны. Выцветшая Злоба. Что это значит?

До сих пор он колебался, соблюдая местные обычаи, но теперь должен все узнать. Кто безумен — он или планета?

Две женщины шли рядом по дороге, влача неизбежные ноши. Атон загородил им путь и с мучительным предвкушением сорвал вуали с обеих.

Одинаковые лица встретили его взгляд. У

каждой — длинный поток огненных волос и темно-зеленые глаза. Близнецы — отражения его возлюбленной.

— Кто вы? — закричал он вслух и знаками.

Ему ответила двойная улыбка разрушительной красоты.

— Меня зовут Боль, — просигналила одна.

— Жуть — мое имя, — сообщила другая.

Наконец Атон понял.

К вечеру обряд милосердия был совершен. Беззвучно висел выпотрошенный труп, медленно улетучивалась вонь от сгоревших внутренностей. Пустые глазницы Розового Утеса взирали на друзей, сидевших на душистой траве площади, — они оказали ему услугу и теперь отдыхали.

Атон стоял на краю площади, не совсем понимая, в чем смысл этого не-садизма. Розового Утеса никто не порицал — просто нужно было очистить его от низких чувств. Несомненно, последний остаток любви был вырван с кровью до того, как он умер. Теперь прекрасные миньонетки, отбросив вуали, восторженно пели хором — изумительным хором — заключительный гимн обряда. Атон затрепетал от звуков этой песни. С самого детства он не испытывал такого очарования — хотя под его поверхностью таилась

неуютная иномирянская горечь.

Мужчины Миньона, нахмурившись, сидели отдельной группой. «Понимаю, — подумал Атон. — Вы исполнили вынужденный спектакль и теперь сердитесь, что понадобилось ваше искусство, сердитесь на своих красавиц-женщин, на свое общество. Вы всегда сердитесь».

Наконец миньонетки надели вуали и присоединились к своим хозяевам. Хмурые взгляды и проклятия растворились в сумерках. «Наверняка эти женщины рады при удобном случае покинуть планету, чтобы служить нормальным мужчинам. Но побуждения Злобы вряд ли были столь ординарны».

Одна женщина молча стояла перед трупом в молитвенной позе. Атон подошел сзади и взял ее за руку. Это была вдова Розового Утеса.

Она привела его в хижину на окраине и покорно отступила в сторону, пропуская первым. Она восприняла перемену без малейшего сопротивления и удивления. У нее был мужчина, который ее любил; теперь мужчина, который ее не любит. Вот и все.

Темное пространство пахло свежим сеном. Глаза привыкли к мраку, и оказалось, что комната просторнее, чем можно было подумать — очень

чистая и уютно обставленная. У задней стены располагалась лежанка из мягкой травы, по ширине годная для двоих. Рядом, на низком столике, лежали взбитые подушки, свеча и плеть.

— Я голоден, — властно прожестикулировал Атон, и женщина принесла ему хлеб и воду. Он сердито отшвырнул еду, и она вышла, чтобы заменить ее. — Я устал, — пожаловался он, и она нежно раздела его и повела к лежанке. Положила его и умело поправила подушки.

Миньонетка покорна, миньонетка сильна.

Разум Атона с ужасом припомнил сходную сцену. Он не хотел ее вспоминать, но ничего не мог с собой поделать. Когда-то давно он оказался наедине с женщиной, с миньонеткой. Но тогда он раздевался сам.

— Скажи свое имя, — ему нужно уничтожить воспоминание.

— Невзгода, — просигналила она в ответ.

Ему показалось: «Злоба». Он опять увидел замкнутый пузырь жилища на астероиде — космотель. Они вдвоем пришвартовали челнок, перешли из корабельного шлюза во входной и дальше в роскошные покои. Он тотчас же снял плотно облегающий защитный костюм, обнажившись перед ней в полумраке. Злоба была

спокойна и флегматична — и едва ли напоминала то искрящееся существо, что он похитил недавно с заставы Ксеста. Раздеваться она не стала.

— Хочешь знать мое имя? — «Бессмысленный разговор, едва видимый в наступавшей ночи. Как убить это жуткое воспоминание?»

Невзгода ответила:

— Если хозяину это доставит удовольствие.

— Черт! — взорвался он, бросив взгляд на вуаль и обнаружив пустую маску космокостюма, скрывавшего ее красоту. — Раболепная пустышка! У тебя есть хоть одно собственное желание?

Он говорил вслух, забывая сигналить; он знал, что никто из местных его не поймет. Но Невзгода отреагировала блаженной улыбкой, заметной даже сквозь темную вуаль.

Сердитый и встревоженный, он сорвал вуаль. Попался ли он…

Волосы у нее были тусклые, глаза — серые. Невзгода напоминала скорее Капитана, чем нимфу. Она продолжала улыбаться, но уже безучастно.

«Я глупец, — подумал он. — Если бы она поняла мои слова, то она бы не улыбалась. Это и впрямь местная девушка, воспитанная отвечать на грубость виноватой улыбкой.

Однако мужчину, любившего ее, замучили до

смерти».

— Можешь звать меня «Каменное Сердце», — сказал он, подлаживаясь под очевидный обычай планеты. Он все еще сердился, как, вероятно, сердились все местные мужчины… на женщину, на общество, которое она представляла, на его мерзкую и угрюмую тайну. Эта ситуация всплывет в жутких воспоминаниях, будучи несправедливо похожей.

— Почему ты некрасива? — теперь он был намеренно зол, и его раздражение обернулось на самого себя. — «Гнев порождает гнев?»

Невзгода лишь улыбалась.

— Сними одежду, — приказал он. Он едва различал ее в темноте. — Сначала зажги свечу. Я хочу тебя *видеть*.

Она вяло повиновалась.

Ее тело было великолепно. Длинные волосы ниспадали на плечи и прекрасно вылепленные груди, а его взгляд следовал за складкой космокостюма, когда тот соскользнул с узкой талии и широких бедер. Наедине с ней, совершенно наедине, впервые…

«*Но это же воспоминание!* — подумал он. — *Я смотрю на Невзгоду, а не на Злобу! Не на Злобу. Не...*»

Нет, не подданный какой-либо планеты, но здесь, в непреложной уединенности космотеля — платного временного жилища новобрачных и богатых космических путешественников. Роскошное место, роскошное тело, наконец-то оковы сняты.

«*Невзгода!*»

«Я люблю тебя, Злоба, и ты — моя».

«Невзгода!»

«Почему ты не отвечаешь, Злоба?»

«Воспоминание…»

«Почему молчишь?»

«Злоба…»

«Почему отодвигаешься? Ты больна? Злоба, Злоба…»

Но она была лучезарно здорова, волосы ее все горели и горели, глаза никогда не были так глубоки; естественная, нормальная, не считая того, что она, казалось, знать его не знает.

«Поговори со мной!»

Она молчала. Что за невидимая рука наложила на нее чары, лишила дара речи в час торжества? Что это — постгипнотическое состояние или приказа отданный неведомым врагом ради его уничтожениям Не его ли долг вырвать сейчас ее, спящую красавицу, из этого состояния одним-

единственным жарким поцелуем?

Атон поцеловал ее, но она не пробудилась. Ее губы были мягки, безответны.

Или требуется большее усилие? Должен ли он овладеть ею?

А ведь он еще не подарил ей хвею!

Он поднял миньонетку — одна рука под ее плечом, другая под мышкой — и перенес безвольное тело на диван.

«Невзгода!» С жутким потрясением Атон вернулся в настоящее.

Невзгода лежала на соломенном тюфяке, нагая и прекрасная, открытая его ласкам. Он думал, что Злоба — единственная в своем роде, но вот перед ним ее копия, одна из десятков только в этой деревне, и сотен, тысяч на планете. Он ошибочно принял стандартные признаки вида за красоту, всю жизнь обманывая свои чувства.

Невзгода вновь улыбнулась, изогнувшись от удовольствия. Как странно, что эта женщина, которую он в общем-то не желает, так чутко реагирует на его небрежное прикосновение, тогда как Злоба…

«Злоба… — это амнезия?» Она не выказывала ни беспокойства, ни тревоги, ни смущения. Видела его, признавала — но как мебель, а не как

мужчину. Она не пребывала в ступоре, но и не прикоснулась к нему, когда подвинулась.

Могла ли любовь миньонетки ослабнуть? Или ее вообще не было? Ее пламенные волосы и бездонные глаза отрицали и то, и другое. Ее любовь сильна. Она предназначалась ему; миньонетка никогда бы не пошла с ним без любви.

В космосе она была невероятно способным капитаном. Без веской причины она не сделала бы ничего. Должен быть мотив. Знала ли она что-то, чего не знал он? Что-то, чего не могла ему сказать?

Перед Атоном промелькнуло видение простенькой драмы. В чулане скрывается преступник с пистолетом в руке, готовый вот-вот похитить и обесчестить героиню. В дверях — ее любимый: сильный, красивый, умный. Но если она даст знать о своем предпочтении, любимый умрет первым. Она вынуждена молчать и как-то знаками передать ему, что скрывающийся незваный гость не остановится ни перед чем. Если она сумеет тайком передать это известие, задача решена.

Злоба лежала неприкрытая — руки вниз, ноги слегка раздвинуты — изумительно прекрасная. Дышала она ровно, глаза были закрыты.

Где же злодей? На навесном замке виднелась

пломба владельца. Здесь не могло быть третьего, на этом заброшенном безвоздушном астероиде, куда кислород был подан перед самым их появлением. Не могло быть ни тайного подслушивающего устройства, ни дистанционного управления. В первую очередь владельцы продавали уединенность. «В КОСМОТЕЛЕ ВЫ МОЖЕТЕ РАССЧИТЫВАТЬ НА УЕДИНЕНИЕ», — рекламировала фирма, и у нее имелись средства для защиты своего доброго имени.

Злоба лежала без движения. Тайна глубже, чем… Атон не мог заниматься любовью с куклой. Его сбили с толку.

Вмешался душевный цензор. Воспоминание прервалось. С облегчением перенес он все внимание на Невзгоду.

При свече ее волосы заблестели. Эта женщина, если он понимал знаки, уже училась его любить — а он лишь обругал ее. Внезапно он почувствовал угрызения совести, теплое чувство к ее страданиям.

Невзгода отпрянула.

На этот раз он не сигналил, не говорил, но она отреагировала. Миньонетка была телепаткой! Он подозревал об этом и раньше, почему же вдруг забыл? Она могла читать его мысли или, на худой

конец, чувства и отвечать на них, а не на слова.

Только одно казалось странным.

Атон собрал все свои душевные силы и обрушил на нее, как только мог, поток свирепости, ненависти и гнева.

Неожиданная радость осветила ее черты. Она привстала, схватила его за плечи, прижалась к нему и страстно поцеловала.

Чувства у нее перевернуты! Его ненависть — ее любовь!

Все совпадало: злодейства низкорослого человека на дороге — ответ на любое раздражение мужчины. А Злоба… она же была возбуждена, когда он сердился или тосковал, и холодна, когда он был настроен романтично. Неудивительно, что поладить с ней было невозможно.

Невзгода лежала рядом с ним, ее волосы блестели. Он ударил ее. Миньонетка качнулась от удара, ослепительно улыбаясь. Он схватил ее пламенные пряди и грубо потащил к себе, поражая ее ненавистью. Невзгода подскочила, чтобы встретить его дикий поцелуй. Он сильно прикусил ей губу, как ему показалось, до крови; она застонала от удовольствия, но крови не было.

Атон схватил рукой ее шею и осторожно сдавил. У него в уме возник образ нежных полей

хвей — ждущая, льющаяся через край любовь, самозабвенно жаждущая своего предмета.

Невзгода выкручивалась и боролась, ее лицо исказило страдание.

— Да, — сказал он, — тебе больно, ведь так? Насколько было бы больнее, если бы любил тебя я сам, а не только хвея?

У миньонетки вырвался сдавленный крик.

Атон держал ее крепко, хотя она очень сильно вырывалась.

— Вот видишь, Невзгода, — я куда больший садист, чем ты думала. Я знаю, что тебе больно находиться рядом с любовью — и причиняю тебе боль тем, что люблю тебя. И ты должна с радостью вернуть любовь мужчины, который делает тебе больно.

Она прекратила борьбу и смущенно посмотрела на него. Она не понимала произносимых слов, но их настроение было разрушительным.

— Я пожалею тебя, — продолжал Атон, не выпуская ее. — Я пощажу тебя, ибо моя любимая меня не пощадила. Поскольку я не могу непосредственно воспринимать твои чувства, как ты мои. Поскольку ты не способна постичь парадоксальный склад своего характера. Поскольку я понимаю искренность твоих намерений и

необходимость твоего вдовства. Поскольку хочу сделать тебя счастливой на то короткое время, что отпущено мне. Я награжу тебя, выплеснув весь свой гнев, который вызвала во мне твоя сестра. Я убью тебя, Невзгода!

Он держал голову Невзгоды в своих сильных ладонях, ухватив пальцами уши, и поворачивал ее. Миньонетка улыбалась. Его мышцы напряглись — он пытался медленно свернуть ей шею. Она целиком отдалась этой роскоши. Невзгода напоминала куклу — мягкая, податливая и невероятно упругая внутри. Атона охватила ярость, и он погрузил ее головой в лежанку, словно собираясь закопать в траву.

Давным-давно изможденный, он осознал, что голых рук, как бы умелы они ни были, недостаточно, чтобы убить миньонетку. Она — создание кары, она для нее сотворена, она наслаждается ею.

Проиграв, Атон отдыхал; ее теплое тело прижалось к нему с лаской и любовью. Он не в силах был очиститься от того, что находилось в нем.

А нож проткнет эту хрупкую на вид плоть? Он боялся узнать. Старая плеть не оставляла на ее теле следов.

Но имелись и другие тайны. Все миньонетки

словно были отлиты в одной-единственной форме; все извращенно реагировали на садистскую любовь, тогда как мужчины казались нормальными. Он не видел еще старух. Неужели они все молоды?

— Как долго вы живете, Невзгода? — на этот раз Атон спросил жестами.

Она ответила:

— Нет предела…

— Вы бессмертны?

— Нет.

— Как же вы умираете?

— Когда боль очень сильна, она убивает.

«А наша любовь — ваша боль, — подумал он. — Пока мужчина ненавидит вас, вы живете и становитесь все прекраснее, и ваши волосы пылают. Но когда он добр, когда любит, вы умираете.

Однако умер Розовый Утес, а не его жена».

— Ты знаешь смысл любви? — спросил он.

— О да, это мое существование. Я люблю…

— Ты любила Розового Утеса?

— Да… сначала он был хороший. Но у нас не было сына. Потом его душа вывернулась, и он стал причинять мне страдание. Я заставила бы его вновь полюбить меня, если б его не забрали.

Конечно. Миньонетка крепка. Она бы не угасла

в обычной женской беспомощности. Если мужчина «обижает» ее, она старается избавиться от боли, восстанавливая его изначальную установку. Она сделает все возможное, чтобы заставить его, в понимании мужчины, ее ненавидеть. Мужчины Миньона вряд ли позволили бы это. Линия между любовью и ненавистью кажется кому-то тонкой, но может быть и устрашающе широкой — широкой как бездна Хтона. Ибо кто знает, как эти жуткие чувства проявят себя до того, как остановятся на избранном предмете?

Мужчины Миньона мудры. Они понимают, что под опасным факелом неуправляемых чувств накапливается разрушительный слой. Они совершают необходимый и милосердный шаг и гасят огонь до того, как миньонетка начинает действовать. Они по-своему добры — они пытаются вернуть мужчине естественную ненависть до того, как он умер, чтобы он унес ее с собой в мир своих духов.

Цивилизация большой галактики не так мудра. Она видит милосердие в воздержании от смерти. Она признает врожденную опасность любви миньонетки, но предпочитает отправлять жертву в вечную тюрьму Хтона, а не исполнять приговор непосредственно.

Но даже Хтон не содержит в себе зла этой любви. А сколько людей там умерло?

Почему Злоба вышла в галактику? Как? Что заставило ее искать Атона? Зачем она соблазнила его юношескую любовь — любовь, которая должна была мучить миньонетку с самого начала? Без Атона Злобе было гораздо лучше, а при ее высоком положении на Торговом Флоте и безопаснее. Или в родном мире, где все мужчины ее понимали.

Мозг Атона знал ответ, но не сообщал его сознанию. Она сказала ему, там…

— Невзгода, любовь Розового Утеса, до того как он изменился, была сильнее моей?

— Нет, Каменное Сердце. Твоя любовь сильнее. Сильнее, чем у любого мужчины.

«Потому что я из галактики. Потому что я представитель вида, не приспособленного к миньонеткам. Что за редкое наслаждение, когда женщина с этой планеты бежит в галактику, где любой мужчина воспринимает свои чувства со всей наивностью. Где, без знания о телепатической связи, каждый неотчетливый оттенок раздражения и боли притупляет его воображение.

Да, мои душевные движения сильны. Чувстви-

тельные хвеи улавливали их и росли в детстве ради меня, и Злоба поняла мои возможности — и что-то еще — когда случайно встретила в том пасторальном мире маленького мальчика. Она совершила жертвоприношение, накинула на мальчика изящную сеть и отправила его прочь, пока распустившееся чувство не стало для нее слишком сильным. Злоба знала, что тогда моя любовь была еще не для нее, хотя она тягостно ее искушала. Я был безобидным развлечением, мигом предвкушения, полем, не готовым для жатвы.

До тех пор, пока я не нашел ее, настолько измотанный крушениями и сомнениями бесплодного поиска, что она не в силах была мне противостоять. Она пыталась смаковать меня тайком, близкая, но скрытная, пока картина ксеста не разоблачила Капитана и не раскрыла миньонетку.

…И обрекла нас обоих».

— Ну что ж, Невзгода, — сказал он. — Я одарю тебя сейчас такой любовью, о которой ты и мечтать не смела.

§ 400

10

Девяносто девять мужчин и сто сорок две женщины начали устрашающий Тяжелый Поход. Не со смелостью и отвагой, не решительно и бесповоротно в поисках своей судьбы, но испуганные, отчаявшиеся, гонимые — гонимые несомненным знанием об оставленных позади голоде и муках.

Переворот в нижних пещерах был предан, и каждому приходилось платить цену неудачи. Пищу из верхних пещер больше не опускали. У людей Счетовода достаточные запасы, множество драгоценных камней было накоплено именно на этот случай: они не смягчатся.

Осколок голубого граната Влома мог бы выиграть им время, стань о нем известно пораньше. Вместо этого, он роковым образом засвидетельствовал, что они отрицают то, что предводители верхних пещер почитают за истину. Перед лицом этого факта у переворота не было шанса; он оказался лишь удобным предлогом, чтобы уничтожить все население преисподней.

Поход начинали с ощущением нависшей над ними судьбы. Никто не сомневался, что большинство вскоре умрет — и не своей смертью.

Их вела за собой легенда о докторе Бедокуре.

Он отправился пять лет назад — самодельный рюкзак и снаряжение привязаны к жилистому телу, в руке острый камень. Он исчез в стране химеры, и больше о нем не слышали — пока Атон не принес весть, что он прорвался. Бедокур появился с обратной стороны здравого смысла — но могло ли его безумие заразить двести сорок одного сведущего и умелого путешественника? Они двигались по его маршруту, выискивали его следы, если те вообще существовали; во второй раз будет легче.

Конечно же, они ошибались.

Атон в течение десяти часов шагал впереди отряда по просторным пещерам и туннелям, которые незначительно, но постоянно поднимались вверх. Стены расступались в стороны, потолки становились выше; а когда пространство расширяется, ветер становится слабее и прохладнее. Путешествие превращалось в почти приятную прогулку. Если бы не отсутствие еды, внешние пещеры были бы намного лучше для человеческого пребывания, чем уже известные.

Они отдыхали часов шесть, в их голодных желудках урчало. Стражу не выставляли. Приходилось двигаться всем вместе, жуткие подземные твари не рисковали приблизится к такому

большому отряду. И все же они надеялись на нападение — действуя сообща, можно убить даже химеру, в теле которой наверняка найдется мясо. Голод остановит путешествие в самом начале, если не будет обнаружено что-нибудь съедобное. Бедокур наверняка доставал в пещерах пропитание.

На третьем переходе от истощения и голода свалились первые люди. Их тщательно разделали и съели.

Атон стоял в смятенной толпе, когда Старшой показывал, как это делается он отрубил топором еще теплые конечности, другие мужчины оттащили их от трупа. Брызнула кровь, покрыла лезвие топора, полилась на каменный пол и, густея, отвратительно потекла по тропе. Первоцвет развел костер из нескольких старых мехов; дым и вонь были тошнотворны, мясо обгорало, падало в огонь и вообще готовилось плохо. Впоследствии они будут довольствоваться сырой пищей.

Топор Старшого продолжал работу, разделывая конечности на маленькие куски и расчленяя туловище. Под конец в ход пошли ножи и камни.

— Кто голоден, ешьте, — сказал Старшой.

В первый раз это сделали немногие. Годные куски завернули в оставшиеся меха и отдали

угрюмым носильщикам, поскольку Старшой мясо выбрасывать запретил. Кости и прочие отбросы оставили химере. Через несколько переходов все больше и больше людей сдавалось — и давилось сырым мясом, предпочитая его голодной смерти.

Через некоторое время все выжившие ели — так сказать, по определению. Особо щепетильных забирала смерть.

Щепетильность — не для Тяжелого Похода.

Во время четвертого перехода начались нападения. Отставшие громко кричали, затем их находили с вывороченными кишками. Для сбора пригодных остатков составили бригаду уборщиков. Но до основного отряда химера не добиралась и оставалась для него невидимой.

На четвертой ночевке Старшой нашел занятие предателю. Он привязал Влома к выступу недалеко от привала.

— Когда увидишь химеру, кричи, — посоветовал он. — Если хочешь, спи.

Атон слушал.

— ...знаю, я грешен. Я все время врал. Атон — хитрый, он врал только когда надо. Сообразил, наверное, что, если бы узнали, повязали бы обоих. Интересно, кто же нашел второй осколок

голубого граната? Кто-то подобрал его и отослал в дыру. А я теперь расплачиваюсь за все мое мелкое вранье. Потому что я не в силах отважиться на настоящую ложь, хотя она — часть меня. Но я знаю, что должен платить, и единственный способ для этого — сваливать все, как он, на кого-нибудь другого, вроде Гранатки. Я должен нести наказание за ложь, которой не было, и надеяться, что это сделает добром ту ложь, которая была и которую я не способен отменить.

— Кто это? Я слышу тебя, тебе не спрятаться, я прекрасно слышу. Не надо меня дурачить. Я слышу… поступь твоих ног и… рев твоего дыхания, шуршание твоего хвоста и…

Сдавленные крики заставили прибежать людей. Они застыли, сдерживая тошноту, при виде того, что осталось от Влома. Кровь капала из пустых глазниц и изо рта, где когда-то был язык, текла меж разорванных ног.

Старшой осмотрел еще живое тело, взвесил в руке топор и одним ударом разрубил Влому шейные позвонки.

— Я сделал ему чуток легче, — словно извиняясь за слабость, проговорил он.

Другой мужчина отвязал труп от выступа.

— Не это ли и отличает людей от химеры, —

сказал он. — Мы убиваем прежде, чем сожрать самые лакомые кусочки.

«Да? — хотелось спросить Атону. — В самом деле?»

В начале шестого перехода отряд вышел к реке — вероятно, километрах в ста от начала пути. Узкая, но глубокая и быстрая водяная струя пересекала пещеру, образуя небольшую расщелину. Первая река, которую они видели в Хтоне, и выглядела она, пожалуй, сверхъестественно.

— Жребий, — сказал Старшой. — Если мы сможем ее пить…

Достали и перемешали гранаты. Процедурой заправлял Первоцвет. Пока Старшой строил всех в очередь, он сунул обе руки в мех с камнями, вынул два сжатых кулака, протянул их в лицо первому подошедшему — сурового вида женщине. Она шлепнула по левому кулаку. Там лежал обычный красный гранат. Женщина взяла его, надменно бросила обратно в мех и невозмутимо отошла в сторону.

Первоцвет опустил пустую руку в мешок и снова вытащил ее сжатой. Следующий в очереди снова выбрал левый кулак: второй красный гранат. Он с облегчением ушел.

Атон был третьим. Он выбрал ту же руку — ему

достался роковой голубой обломок.

— Один есть, — сказал Старшой. — Надо бы еще одного, чтобы наверняка.

Из очереди выступила женщина. Это была Гранатка.

— Я пойду, — сказала она. — Без всякого жребия.

Старшой нахмурился, но перечить не стал.

Очередь рассеялась — до первой подобной ситуации. Гранаты убрали.

Старшой указал на воду.

— Пейте! — приказал он. — Сколько сможете. И наполните меха. — Он обратился к остальным: — Останемся с конденсатором. Мы еще не уверены.

Предупреждение было излишним. Вода могла оказаться ядовитой, в ней могли водиться какие-нибудь крохотные твари, убивающие человека, или большие, подкарауливающие, когда он неосторожно войдет в воду. Хтон никогда не был безопасен.

Атон и Гранатка пили. Вода не была холодна, но по сравнению с извлекаемой из воздуха — свежа и приятна. Если они останутся в живых, остальные поймут, что источник безвреден.

— Пойдем вдоль реки, — предложил Первоцвет, — тогда нам не понадобится конденсатор.

И меха.

Старшой взглянул на него:

— Вверх или вниз по течению?

Первоцвет развел руками:

— Понимаю твою мысль.

— Зато я не понимаю! — вмешалась черноволосая знакомая Атона. — Мы пойдем вверх по течению, у нас будет вода, и мы поднимемся наверх. Что-то не так?

— Если мы пойдем вверх, — спокойно объяснил Первоцвет, — то рано или поздно выйдем к слою пористого камня. Сквозь него просачивается влага и капает вниз, пока ее не собирается достаточно, чтобы стать потоком.

— В таком случае пойдем вниз! — сказала черноволосая женщина с нарочитым безразличием.

— Как скоро, по-твоему, мы доберемся до поверхности, если пойдем *вниз?*

Она с недоверием посмотрела на него:

— Толстый бочонок! Мы должны идти или туда, или туда.

— Мы пойдем пещерами, — сказал Старшой, отметая ее довод. — Пещеры поднимаются, а ветер в них доказывает, что они *куда-то* ведут.

Отряд, уже не столь многочисленный, как прежде, перешел реку вброд и двинулся дальше.

Туннели продолжали подниматься и расширяться. Свечение на стенах уменьшилось, воцарился полумрак; сзади и спереди на колонну все настойчивее нападали невидимые хищники. Атон и Гранатка шагали рядом где-то посреди, но поодаль от остальных. Такое положение не было случайным: проба воды окажется ни к чему, если они станут добычей химеры. Оба оказались в выгодной ситуации: пока не истечет изрядное время, никто к ним не приблизится. Болезнь, разносимая водой, без труда нашла бы слабые организмы…

— Ты меня больше не проклинаешь, Гранатка, — заметил Атон.

— Нет смысла, Атон. Я проиграла.

— Зачем же ты прикрыла меня? — язвительно спросил он.

Она закрыла глаза, двигаясь на звук шагов, как теперь мог делать любой. Вопрос не нуждался в ответе, но она заговорила ради другого:

— Потому что ты похож на *него*. — Первое ее упоминание о жизни до Хтона. — Не внешностью, а своим каменным сердцем. В таких мужиках, в таких демонах, как ты, нет жалости, только цель.

— Ты любила его и убила, потому что он раз-

любил тебя, — сказал Атон. — А теперь любишь меня.

— Сначала я пыталась с этим бороться. Я с первого взгляда поняла, кто ты такой.

«О, Злоба, Злоба, неужели ты насмехаешься надо мной и над этой одинокой женщиной? Почему я должен причинять ей боль?»

— Разве ты не знаешь, что я никогда не стану твоим? Никогда не поцелую тебя? Никогда не полюблю?

— Знаю, — сказала она.

— Ты и меня собираешься убить?

Она продолжала идти, но говорить уже не могла.

— Или на сей раз себя?

Месть была едкая, но это его не волновало. Гранатка — лишь пешка в его игре. Она обеспечила ему алиби в деле с голубым гранатом, подтвердив, что в это время они занимались любовью. Это было скорее приятным воспоминанием, нежели истиной: он изнасиловал ее и обнаружил в ней желание. Теперь Гранатка делила вину за смерть Влома и знала это.

— Не убежать, — сказал он то ли себе, то ли ей. — Я пытался вырваться из-под ее власти, но она настигла меня на расстоянии многих свето-

вых лет.

«Зачем я сообщаю свои тайны этой женщине? — гадал он. — В самом ли деле я изнасиловал Гранатку из мести или просто потому, что нуждался в контрасте и собственности — даже в Хтоне? Понимаю ли я свои побуждения?»

11

Еще два перехода привели их в огромные пещеры. Потолки скрывались высоко во мраке, а шириной туннели были в десятки метров. Ветер напоминал слабый шепот и стал совсем прохладным: в Хтоне это приводило в замешательство. Возникло ощущение, предвкушение: больше пещеры продолжаться не могут. Постоянный подъем должен привести отряд к поверхности.

Внезапно стены раздвинулись. Люди замерли на кромке перед огромной пропастью — настолько широкой, что дальний ее край терялся в темноте, и настолько глубокой, что звук от падения брошенного камня не был слышен.

Двести мужчин и женщин столпились в тревоге на краю пропасти: дальше пути не было.

— Зажгите факел, — рявкнул Старшой.

Зажгли головешку, испускавшую желтый свет

с давно забытой яркостью. Вытянув ее в руке, Старшой встал на край и посмотрел вниз.

— Так гореть не должно, — пробормотал кто то. — Слишком ярко.

— Откуда ты знаешь? — возразил другой. — Ведь ты не видел настоящий свет уже три года, не так ли?

Когда факел подняли, обнаружился потолок пещеры. Он оказался ниже, чем думал Атон, на расстоянии метров пятнадцати: глыбы висячих пористых образований, напоминающих морское дно, из которых струились вниз потоки мутного пара. Картина была довольно зловещей. Что это за пар, который тяжелее воздуха? Но дальний край по-прежнему не был виден, а глубина, куда опускался пар, — скрывалась в темноте.

Старшой крикнул. Эхо вернулось через десять секунд.

— Есть один способ определить, насколько глубока эта штука, — предложил какой-то мужчина.

Старшой улыбнулся.

— Нет! — воскликнул Первоцвет, тяжело подпрыгнув, чтобы остановить его. Но опоздал. Старшой бросил факел в поток пара. Первоцвет смотрел на него с ужасом. — Это газ, дурак! — крикнул он. — Сейчас загорится.

Отряд как завороженный наблюдал за летящим вниз факелом. Падая, он разгорался все ярче и озарял крутую стену у них под ногами. Яркость была невероятной; факел стал как бы малой сверхновой звездой. Теперь он отражался от белесого облака, заполнявшего дно расщелины. Ближняя стена ничем не выделялась.

Факел упал в облако. Беззвучно, как зарница, вспыхнул свет и исчез. Затем последовала еще одна вспышка, открывшая в неоновом свете величие Хтона.

Атон глянул вниз и увидел на фоне огня и пропасти манящее лицо Злобы. «Поцелуй меня! — молча говорила она. — Вот обратная сторона песни».

Сильные руки оттащили его назад.

— Неужели ты хочешь так глупо умереть? — прошептала Гранатка.

Наконец свечение погасло, и пропасть снова потемнела.

— Недостаточная плотность, — проговорил Первоцвет, обливаясь холодным потом. — Слава Хтону, ты не взорвал нас всех к черту. Ты знаешь, что это такое?

Старшой воспринял замечание:

— Что?

— Круговорот огня, — сказал Первоцвет. Десятки лиц уставились на него. — Смотрите, с потолка спускается пар, своего рода природный газ, и скапливается в озере на дне. Вероятно, существует множество ущелий и трещин, отсасывающих смесь к пламени. Километры труб, наподобие тех, по которым двигались мы, только гораздо глубже. Все в целом — громадная паяльная лампа (если вы помните старинный термин), выбрасывающая огонь и перегретый воздух с другого конца и нагревающая пещеры. По мере своего движения и расширения воздух охлаждается, снова попадает сюда и омывает эти насыщенные образования сверху, поглощая топливо.

— Все-то ты знаешь, — в изумлении произнес Старшой.

Это означало, как понял Атон, замкнутый круг. Водяные пары, кислород, горючее просачивались сквозь пористый камень, а физического выхода не было. Убежать здесь невозможно, даже если бы они сумели перебраться через пропасть. Сквозняк вел в никуда, они по-прежнему оставались в ловушке.

Отряд спал: мужчины и женщины, растянувшись на полу во всевозможных позах, набирались сил и смелости для возвращения назад, к реке.

«Утром» неспособные или не желающие продолжать поход будут убиты и заготовлены на мясо: таков был заведенный порядок, и пока для его поддержания жребия не требовалось. Несколько добровольцев стояли на страже, хотя при нынешнем повороте событий химера ужаса уже не вызывала. Если бы она пришла, первый же крик вызвал бы дикую погоню — за ее мясом.

Гранатка не спала. Она молча и неподвижно стояла над отвесным склоном. Ее крупное тело за время голодного похода заметно похудело. Вскоре оно станет совсем тощим — но пока у нее прекрасная фигура.

Атон подошел к ней сзади:

— Я мог бы тебя толкнуть. — «Кончится ли это когда-нибудь?»

— По-моему, вода безопасна, — сказала она.

— Повернись.

Гранатка обернулась с угрюмой полуулыбкой. Атон положил ей руку на ключицу, касаясь пальцами шеи, ладонь посреди груди. Слегка надавил.

— Твое тело упадет в эту мглу, — сказал он. — Сначала будет кувыркаться, потом ударится о дно, и ни один звук не достигнет ушей, человека, а оно будет лежать там любовницей камня и газа,

пока совсем не сгниет и не возгонится в пищу жертвенного пламени. Погребальный костер для Гранатки. Тебе нравится?

— Мы оба пили, и ничего не случилось. Хорошая вода.

— Возможно, сначала я овладею тобой, — размышлял он. — Затем ты должна будешь умереть. Все, чего я касаюсь, должно умереть.

— Да.

Он слегка толкнул ее, но Гранатка не уклонилась.

— Позади тебя глубоко, — сказал он. — Как в колодце.

— Я никогда не знал наверняка, как она путешествовала, — говорил Атон. Его рука скользнула вниз, чтобы сжать ее грудь, но продолжала удерживать Гранатку у края. — Я оставил ее на астероиде, запер в космотеле, а сам угнал челнок, так что ей приходилось или оставаться там, или раскрыть свое местоположение внешнему миру. Я отправился домой, потом — на Идиллию, но каким-то непостижимым образом она не покидала меня… и я вновь нашел ее на Хвее. Она была в лесу со своей песней — песней, которую она так и не завершила. Тогда я понял, что должен ее убить.

Босые ноги Гранатки стояли на самой кромке.

— Но там, в окрестностях усадьбы, не было ни скалы, ни горы. Понимаешь, это должно было произойти как-то по-особому. Я привел ее к лесному колодцу — узкому и глубокому. Пусть паденье убьет ее, как убило оно мою вторую любовь, как разбило раковину.

Он шагнул ближе и, согнув локти, положил руки ей на плечи.

— Ибо смерть превращает любовь в иллюзию. «Поцелуй меня, Атон», — сказала она там на горе, там у колодца. А потом возникла песня. — Он тряхнул ее: — Скажи так и ты.

Глаза Гранатки были закрыты.

— Поцелуй меня, Атон.

Смерть была к ней так же близка, как и его губы.

— Преступление, этот бутон фантазии, должен расцвести в реальности. Я коснулся ее губ. — Он осторожно поцеловал Гранатку. — И швырнул…

Атон грубо приподнял Гранатку, и ее ноги оторвались от края. Она колыхнулась над пропастью и рухнула вместе с ним на пол. Атон гладил ее волосы.

— И она сказала: «Я знала, что ты не сможешь этого сделать, Атон, — не сможешь в реальности». И я не смог. Ибо любовь превратила смерть

в иллюзию.

Он обнимал ее, неподвижную и онемевшую.

— О тебе, Гранатка, нет песни, — сказал он. — Но если б я любил тебя, песня бы возникла, и ты бы погибла, ибо мной правит лишь миньонетка.

— Миньонетка, — прошептала Гранатка.

Он обнимал ее, угадывая страх.

— А моя планета, мой дом, моя Хвея продали меня Хтону, потому что я ее любил. Теперь я возвращаюсь.

— Мы все умрем, Атон.

— Поверь, у меня нет выбора, — сказал он, поцеловал еще раз в лицо, в грудь — и ушел.

12

«Тяжелый Поход, — думал Атон, — извлек нас из мира бушующих ветров, в котором мы так долго пребывали, не догадываясь, насколько он уютен. Поход показал нам мир сердцевины печи, где родившиеся газы бросают свою мощь в обширную систему, подобно самой Земле, без малейших послаблений и сострадания, чтобы сгореть быстро и ярко и вернуться, наконец, обессиленными лишь для того, чтобы вновь возродиться и сгореть. А сейчас Поход открывает

нам последнюю из могучих стихий — мир воды».

Атон стоял на берегу реки, задумчиво глядя в нее. «Раньше они ее отвергли, будет ли она теперь, как женщина, мстить им?»

Отряд находился в нескольких километрах отсюда, ниже по течению, а двое мужчин отправились в разведку — один вверх по течению, другой вниз. Каждый оставит за собой знаки, отмечая свою тропу; отряд последует за тем, кто не вернется. Это логично: какой человек, обретя свободу, посмеет вернуться в пещеры? Кто рискнет потерять надежный путь и повернет назад? Лишь неудача заставит его вернуться к собратьям.

Так Атон оказался наедине с истоком, поскольку его позыв к побегу был самым сильным. Он был вооружен, имел при себе мешок с сочным красным мясом и чувствовал, что Бедокур убежал именно этим путем. Где-то найдется его метка.

У воды свечение стало ярче. Атон наклонился, чтоб обмакнуть пальцы в чистую жидкость и коснуться сияющей границы у своих ног. Поверхность тропы была ровной и чуть скользкой. При ходьбе он оставлял на темном камне пятна, словно давил въевшиеся в него растения. Зеленое мерцание пробивалось сквозь толщу воды, с сюрреалистической красотой отбрасывало ему в

лицо свой свет.

Вдоль одного берега тянулся узкий уступ, своего рода прорубленная тропинка в пятьдесят сантиметров шириной, прилепившаяся к отвесной стене. Атон придерживался ее, это было на удивление удобно. Иначе пришлось бы пробираться по пояс в воде против быстрого течения, доверяя голые ноги неизвестным речным тварям.

Он выбрал этот путь, хотя и не доверял ему. Никогда еще Хтон не предлагал вариант, который воспринимался бы как безопасный. По тропинке наверняка кто-то ходил, и этот кто-то наверняка был врагом. Атон двигался быстро, но не потому, что спешил, — хотя это могло быть и так, если расстояние до поверхности оставалось велико — а для того, чтобы нарушить планы чудовища, преследующего его сзади. Или напасть врасплох на кого-то, притаившегося впереди.

Пройдены километры, и — ничего. Никаких злобных пещерных зверей на пути. Никаких внезапных обрывов. Тропа тянулась ровная и твердая, рядом спокойно текла вода. Наконец стены раздались, позволив реке, перелиться через мраморные берега и залить почти всю пещеру. Тропа, впрочем, сохранилась, продолжая извиваться вдоль каменной реки, между редких

завалов.

Пещеры стали разнообразнее. Появились сталактиты — большие каменные сосульки, нацелившиеся в пол, и сталагмиты, выставляющие им навстречу свои чудовищные зубы. Река образовывала то шумные пороги, то тихие заводи среди отполированного камня успокаивающих оттенков. Мягкий свет, отраженный водой и гладким камнем, придавал всему сверхъестественную прелесть.

Атон замедлил шаг, пораженный незнакомой обстановкой, как если бы его взволновала красота неизвестной женщины. Ветра в пещерах не было, и его отсутствие слегка тревожило. Окружающие пещеры расширялись, сужались и вновь расширялись в змееподобном ритме — с коврами из скользких камней и стенами, покрытыми гобеленами из минералов. Внушительно возвышались колонны каменный лес, размыкавшийся лишь перед петлявшей рекой и ровной тропой, по которой шел Атон.

Очень подозрительно! Это вовсе не тот смертоносный подземный мир, который он знал. Где саламандры и химеры? Где хозяин тропы? Где красные зубы и когти?

Движение! Атон схватил обломок камня и на-

чал подкрадываться. Ведь если это существо не убежит, оно само вскоре станет подкрадываться к нему. За каменными завесами он мельком увидел его: огромное волосатое тело, седое.

Волосатое? В пещерах?

Знак того, что выход близок?

Вскоре он смог разглядеть животное без помех — оно вовсе не было волосатым. Громадная ящерица, камнетеска, а не плотоядное животное; она щелкала по стене здоровенными зубами и пожирала зеленое свечение. Скорее всего, безобидная. Наверняка химера охотилась на *кого-то*, до того как открыла человека.

Атон подошел к ней сзади, выискивая уязвимую точку под чешуйками. Тварь была большая, с человека; она стояла на задних лапах, опершись передними о стену. Ящерица не повернулась: то ли не услышала Атона, то ли не распознала в нем опасности.

Атон воткнул самодельное лезвие под правую переднюю лапу ящерицы, туда, где чешуйки были тоньше. Оно с легкостью вошло в мягкую плоть. Камнетеска, ничего не понимая, беззвучно упала, схватившись за рану когтями другой лапы. Она тупо раздирала себя, пытаясь унять боль, а Атон, тяжело дыша, стоял и наблюдал за

ней. Немного спустя он вырезал ей глаза и ушел. Когда он уходил, камнетеска еще трепыхалась и размазывала кровь по зеленому камню.

Стены вновь сдвинулись, река и тропа стали прежними. На этот раз он увидел на дне реки каких-то тварей: безглазых, словно из резины, с извивающимися во все стороны плавниками. Наконец-то водяная жизнь!

Еще несколько километров пройдено без приключений. Внезапно туннель прервался. Вода, падая из высокой вертикальной шахты, пенилась в круглом озерце и вытекала в русло, вдоль которого он шел. Тропа огибала озеро и круглым ходом уходила в каменную стену.

Он заглянул в этот резко обрывавшийся туннель и ничего не увидел. Потом приложил к стене ухо и услышал отдаленный стук, биение чьего-то сердца. Кто-то там был. Кто-то очень большой.

Атон глянул в озеро и глубоко внизу увидел странную шаровидную медузу, в метр диаметром, покачивавшуюся в выбоине как раз под водопадом. Он запрокинул голову и увидел… свет. Солнечный свет.

Стены шахты были не обработаны. Отдельные слои представляли собой концентрические круги. Некоторые из них выпирали из стены

на несколько сантиметров, приближаясь к зеркальному столбу падающей воды. Одна сторона была сравнительно гладкой, словно вода когда-то размыла ее начисто, но с каждой стороны между стеной и водой оставалось сантиметров по тридцать.

Атон снял мех для воды — нелепую обузу при таких обстоятельствах — оставил его вместе с прочими вещами и приготовился к самому сложному восхождению в жизни.

Шахта была диаметром около метра и, похоже, слегка расширялась кверху. Атон прижался к гладкой стороне, раскинул руки полукругом, упершись в стену на уровне плеч, и поднял ногу, чтобы упереть ее о противоположную стену. Потом уперся другой ногой и стал медленно подниматься, так чтобы столб воды безвредно струился между его расставленными ногами. Он отжался руками от стены и приподнялся, после чего сделал два крохотных шажка по дальней стене. И так снова и снова, продвигаясь каждый раз сантиметров по пять.

Подъем поначалу не был труден, но впереди предстоял длинный путь.

Атон решил не беречь силы, поскольку даже отдых в таком положении был утомителен. Если

он сумеет быстро достичь верха, там он найдет возможность для отдыха. Если же не доберется туда сразу, усталость вообще помешает ему подняться.

Он ускорил движение, до боли упираясь спиной о камень; мышцы его ног напрягались, расслаблялись и вновь напрягались. Первыми стали уставать руки, и он повернул их ладонями вниз, изогнув так, чтобы можно было продвигаться вверх; он обдирал себе локти, однако это мало его беспокоило.

Усталость нарастала, но Атон продолжал подъем. Его глаза не отрывались от неподвижного водяного столба, находившегося под самой рукой, позволяя его глубинам себя гипнотизировать. Ему хотелось отпустить стену, на мгновение обхватить эту совершенную форму и, целуя ее гладкую и чистую поверхность, съехать по ней вниз. Внезапно он ощутил жажду: сильнее, чем когда-либо в жизни, до ужаса невыносимую — а холодная струя у самого лица изводила язык и горло танталовыми муками.

«Один глоток, — понял он, — и все кончено». Искал-то он чашу смерти, которой лишили его воздух и огонь, и никогда не находил ее так восхитительно близко, как сейчас.

Смерть. Почему он убил камнетеску? Это был акт чистого садизма, и он им наслаждался. Почему? Почему он хотел умереть? Что с ним?

В зеркале перед ним засияли переменчивые глаза Злобы, намекая на ответ, который он не смел понять. Она была в огне; она была в воде. Узники Хтона правы, что страшились его. Он влюблен в зло.

Но мощь облика Злобы его поддерживала. Раньше он не мог убить предмет своего страха, так сильны были узы детства. Но после тягот Хтона у него будут силы, и он сделает то, что необходимо сделать.

Во-первых, он разгадает тайну миньонетки, отправившись на ее родную планету, о которой рассказал, получив за это гранат, Первоцвет. Миньон — запретная планета, местоположение которой, как и Хтона, хранилось в тайне — из-за ее смертоносных жителей. Нет — они были людьми, но генная инженерия вызвала непонятные процессы в раковине человеческого тела и сделала их менее похожими на основу вида, чем многие нечеловеческие расы. Нет, Первоцвет утверждал, что не знает, что случилось с ее обитателями, и вдруг ушел, как будто расспросы Атона вызывали у него отвращение. Больше

Первоцвет с Атоном не разговаривал; и никто не разговаривал, кроме немногословного Старшого да Гранатки. Но ведь сам-то он не с Миньона. Он только хотел знать. Что в нем отталкивало этих грубых заключенных?

Почему он убил камнетеску? Это Злоба нуждалась в убийстве. Он — враг миньонетки, и больше ничей. Не считая этой страсти, он наделен свободой воли.

«И каждый в тюрьме самого себя почти убежден в свободе», сказал древний поэт Оден в памятных глубинах ДЗЛ, которая сейчас хранится у Гранатки. «Почти убежден!»

Наконец Атон достиг почти самой вершины. Бесконечные туннели ждали его в двадцати метрах внизу и, кажется, ждали тщетно. Еще полтора метра вверх, и солнечный свет захлестнул его лицо, солнечный свет вперемежку с льющейся водой. Зеленый свет исчез, не в силах встретиться лицом к лицу с солнцем: оно было ярче, намного ярче, чем за всю его жизнь — в любом из обитаемых миров.

Окажется ли он беспомощным перед сиянием свободы? Атон ждал, всматриваясь в него, заставляя свои глаза привыкнуть прежде, чем двинуться дальше.

Его голова поднялась над краем, и всего в полуметре от себя он увидел поверхность планеты. Жерло пещеры совпадало со сверкавшей поверхностью воды, засасывая ее вниз. В ней отражалось дерево — пальма. Запах свежего воздуха буйно бил в нос.

Из воды, образуя купол, поднимались созданные человеком сталагмиты: стальные прутья. Совершенная тюрьма: звук водопада заглушит любую попытку позвать на помощь, даже если ухо не принадлежит тюремному стражу. Прутья, конечно же, не поддадутся нажиму. Любая попытка выломать или изогнуть их вызовет сигнал тревоги. Установленные внутри пещеры они не позволяли делать знаки кому-либо; вода, втекающая внутрь, не вынесет весть наружу.

Почти убежден.

Это не выход из Хтона. Это пайка Тантала.

Спуска Атон не помнил. Он обнаружил, что лежит на узкой тропе с болью в плечах, спине, бедрах. Ссадины горели по всему позвоночнику и на ступнях. Какое-то слово вертелось у него в голове, отдаваясь эхом в туннелях мозга. Он сосредоточился, и оно возникло: ручей.

И вдруг он с достоверностью, отрицавшей совпадение, узнал истинное лицо поверхности

Хтона, обнаружил его поэтическую аллегорию и иронию своего отринутого искупления. «Что может находиться над адом, как не рай? Верно, верно, — говорил он самому себе, — что меня отвергли внизу, ведь меня бросили туда сверху. Тюрьма самого себя еще не готова к свободе».

Атон окунул руку в холодную воду и обтер лоб. Он знал эту воду, эту реку, этот ручей, что втекал с одной стороны горы — и никогда не вытекал с другой.

V. Миньонетка
§ 402
Тринадцать

Миньонетка не спрашивала, как он освободился. Естественно, что у него, как и у нее, было для этого достаточно способов. Они гуляли вдвоем по лесу Хвеи, по их месту встречи, и осенявшие их толстоствольные деревья с радостью воспринимали игру их чувств.

Лесная нимфа явилась во всем великолепии; ее волосы пламенели на фоне светло-зеленого платья. Легкие ноги ступали по сухой листве стародавних лет, а пальцы с восторгом сжимали его руку. Она сказала, и он давно это признал, что не может быть женщины, сравнимой с ней. Отзвук прерванной песни окружал ее: мучение, восхищение, сущность, квинтэссенция…

— А у тебя в Хтоне была женщина? — спросила она, игриво сознавая, что любая смертная — всего лишь статуэтка.

Атон пытался вспомнить, представить себе другую женщину, любую другую; в присутствии Злобы это было невозможно.

— Не помню.

— Ты изменился, — сказала она. — Ты изменился, Атон, и это дело рук женщины. Расскажи.

— У меня была миньонетка.

Ее пальцы напряглись. Никогда раньше он не видел ее удивленной. Она молчала.

— Да, — сказал он. — Но у нее не было песни. — Вот и все, ни объяснения, ни монологи не нужны. Невзгода забыта после единственной ночи странного романа. Ни внешность, ни природа миньонетки не служили основой его любви — лишь женщина детского видения, родившая музыку и волшебство его юности. О радость!..

Лес кончился, открыв асфальтированное шоссе — горячие черные волны катились в окоем. Вдали над шоссе поднимался космочелнок, готовый к полету для стыковки. Царство исследований и путешествий, военных и торговых флотов. Казалось, миньонетка шагает рядом с ним в форме: симпатичная, умелая, суровая, беспощадная, женственная.

— Больше никакого космоса, Капитан?

— Никакого, Машинист.

— Ты могла бы вернуться, когда я отправился в Хтон.

Она уверенно покачала головой:

— Простодушные ксесты знали, а слух в космосе распространяется быстро. Для миньонетки смертельно опасно разгуливать в открытую среди мужчин. И…

— И?..

Злоба умолкла, и этого было достаточно. Космотель…

Они пересекли черный жар, вышли в поле хвей, отцовское поле, и пошли среди молодых растений, которые, как и он, тянулись к предмету своей любви. Небо над ними отступало перед опускающимися тучами; зарождалась летняя гроза.

Из леса на космокорабль: Атон вспомнил первое путешествие — он со своей хвеей в поисках любви. Тогда он нашел корабль угрожающим, похожим на дракона, чей хвост, однажды ухвативши, вряд ли отпустишь.

Почему она пришла в тот первый день нового года к нему, хотя в поле ее действия были все мужчины космоса? Могла ли быть случайностью та искусная встреча, на которой она очаровала его музыкой, подарила хвею, поцеловала и навсегда привязала к себе?

Почему она скрывалась от него, раз его любовь была поймана? Почему приняла облик Капитана,

понимая, каким мукам его подвергает? Сейчас, после опыта с Невзгодой, он знал ответ. Но даже это не объясняло полностью случай в космотеле — несчастный случай, обнаруживший основополагающее зло в ее природе и заставивший его бежать. Зло, выражающееся не в чувстве, нет.

Существовало молчаливое соглашение, тогда…

Тогда…

Замок его памяти открылся, и он наконец понял, что за ужас не подпускал его к себе три года. Если… если миньонетка была злом, значит злом был и он.

— Ты пыталась защитить местную девушку — ту, что бросила моего отца! — воскликнул он — сейчас и в прошлом космотеля.

Сейчас и в прошлом миньонетка не смогла ничего ответить.

— Когда ты отправилась в космос? — спросил он. Они оставили хвеи позади и сидели в старой садовой беседке — остроконечной крыше на четырех крепких столбах. Дыхание приближающейся грозы проникло к ним через отсутствующие стены, вызвало легкий озноб.

Душевный озноб усилился, когда Атон неверными шагами приблизился к истине, которую отвергал его рассудок. Они оба в замкнутом про-

странстве вроде этого, боролись за понимание вопреки сопротивлению личности. Никогда еще Атон не испытывал столь мощного конфликта культур.

— Я знаю ответ, — продолжал он. — Знаю, когда ты отправилась в космос. Я прочел дату в реестре дивидендов «Иокасты». Ты поступила в торговый флот на должность корабельного канцеляриста в начале § 375. Пять лет спустя перевелась на «Иокасту» в качестве члена торгового совета, несмотря на множество выгодных предложений с других кораблей, и устроила так, что на следующий год «Иокаста» встала на ремонт над Хвеей. Но суть в том, что ты отправилась в космос через несколько месяцев после моего рождения. Зачем тебе понадобился определенный корабль и график задолго до того, как ты стала им командовать, менее важно, чем твоя прежняя история. Где ты была до § 375? Как тебя звали? Реестр этого не сообщает.

Злоба не шелохнулась — ни в беседке, ни в космотеле.

— Ты была на Хвее, — сказал Атон, и она не стала это отрицать. — Ты знала Аврелия после того, как скончалась его жена из Династии Десятых. Знала обо мне. И… знала свою соотечественницу,

на которой он женился. Девушку с Миньона. Ты хорошо ее знала.

Злоба сидела неподвижно, пристально глядя на него.

— На самом деле, — сказал он с непомерным усилием, — ты и была той девушкой!

Они сидели наедине с тем, что оба знали и о чем никогда не говорили.

— Той, которая бросила моего отца. Мачехой, которую я поклялся убить.

«О, Злоба, я мог бы простить тебя после того, как узнал твою природу. Но это не то зло, которое я искал. Не тот ужас, что отталкивал меня от тебя».

— Женщина Десятых умерла за два года до моего рождения, — сказал Атон, признавая эту истину в первый — и второй — раз в своей жизни. — У нее родился мертвый ребенок. У меня не было мачехи.

— Да, — сказала она, прервав наконец молчание. — Да, Атон… Я — твоя мать.

В прохладной тени беседки они смотрели на поле хвей. В это время там никто не работал, но растения были здоровы. Кто-то, обладавший великой любовью, заботился о них, как Аврелий уже не мог, и в душе Атон распознал эту манеру.

— Почему ты не сказала мне тогда, в первый

раз? — спросил Атон. — До… космотеля. — И уже знал ответ: единственный тогда, двойной сейчас. Она была его матерью. Как могла она сказать мужчине, полагавшему, что он ее любовник, о том… да и что могла она сказать ему, так потрясающе перепутавшему ее любовь? Однако как смела она бросить его, ее сына?

Атон лицемерил. Она могла бы сделать это во время их первой встречи в лесу… но он, слишком юный, чтобы понять всю сложность положения, пошел бы к Аврелию и все разрушил. Отец еще пытался вернуть ее, и он был в силах. Когда же он узнал…

А второй раз в лесу Атон был достаточно взрослым, чтобы увидеть в этой чудной женщине частичку того, что видел его отец. Атон, как показали события, тоже был в силах.

Так лицемерно рассуждал он в космотеле, загнанный в вынужденное укрытие за фасадом разума. Он тогда и впрямь не понимал и подозревал, что не понимает, и был безмерно встревожен мнимым удовлетворением.

Теперь он понял вторую, более важную, причину и недостатки общественных условностей. Ибо для миньонетки наслаждение было болью, а боль — наслаждением. Она откликнулась на Авре-

лия, гостя своего мира, разрываемого тоской и ненавистью к себе — потому что его сын убил его возлюбленную. Миньонетка полюбила Аврелия, найдя неотразимыми его ужасную вину и ощущение предательства. Он носил траур по дочери Десятого, однако нашел Злобу привлекательной и страшно порицал себя за это. Таким образом, он покорил ее и, не ведая о том, сдался сам.

Злоба приняла обряды его культуры, мало значившие для чувственных телепатов, но без обмена хвеей, поскольку его вина не могла позволить этот знак чести. Она улетела с ним, наслаждаясь его тревожной радостью по поводу запрета, который он нарушил. Ни один из них не знал тогда причины запрета.

На Хвее она забеременела. Когда они узнали друг друга лучше, его боль ослабла, и постепенно он полюбил ее без чувства вины. Она поняла грозившую им опасность, но слишком поздно. Злоба родила ему ребенка и бросила его, так как в более продолжительной совместной жизни их обоих ожидали бы большие мучения. Ее неумиравшая любовь уничтожила бы его просто потому, что Злоба была такова, как есть, потому что она любила его по-своему и не могла заставить себя причинить ему боль так, как требует ее культура.

Мужчина с Миньона все понял бы, но только не Аврелий.

Ее сын вырос в такой ненависти к памяти непутевой матери, что отказался признавать факты и предпочел воспоминания лишь о той матери, о которой хотел вспоминать. Никто не смог бы сказать Атону истину заблаговременно. Он был слеп.

Более того: те самые боль и гнев, которые он пестовал, дарили ей наслаждение, ибо она была миньонеткой. Даже в ребенке, не знавшем ее, она могла найти ненависть — идеальное чувство для ее вида. О да, она поцеловала мальчика, восхищенная его смущением, и отослала домой до того, как это чудесное чувство потускнеет. Когда Злоба встретила его четырнадцатилетнего, она повторила поцелуй; его вины и подавленности от мысли о том, что он делает плохо, было достаточно.

Атон нашел ее на борту тщательно выбранной «Иокасты» (только теперь он понял, что это был знак, призванный направить его к ней, когда он станет достаточно зрелым) — и ее трудности усугубились. Он появился слишком быстро, но был полон безмерно привлекательной подавленности, и она не смогла удержаться. Игра

продолжилась, втягивая ее еще глубже: его страх перед грузом тафисов, холодный гнев из-за того средства достижения цели, которое дало ей обнаружение у него реестра дивидендов, горе из-за женщины, которую он, как думал, потерял. Пока умельцы-ксесты, сами полутелепаты, не раскрыли ее хитрость и не сделали беспомощной перед наивной любовью своего сына.

Злоба сбежала с ним, так как сопротивляться было бесполезно, а ее положение на торговом флоте все равно было утрачено. Она сбежала с ним, хотя по-прежнему не знала, как справиться с грядущим кризисом. Она не могла сказать ему правду, ибо лишилась бы его навсегда, но не могла и покориться страстному объятию, которое было у него на уме. Она не могла остаться и не могла уйти.

И в результате, на бесповоротной точке — молчание. Только так могла она удержать его вблизи, но на некотором расстоянии, пока появится какая-нибудь другая, более продолжительная возможность.

Так рассуждал Атон — сейчас, а не в прошлом — и обнаружил, что даже это еще не все. Воображение отчаянно боролось, удерживая его от полного осознания. Душа вычеркивала из памя-

ти весь эпизод столько, сколько могла, а сейчас с неохотой сдавала позиции. Ему необходимо открыть зло, зная, что оно существует, зная, что он недостаточно еще зрел, чтобы противостоять ему.

Эпизод в космотеле не был завершен. Им обоим приходилось разыгрывать его, в прошлом и настоящем, пока не раскроется вся подоплека его мучений.

Тайное стало явным: Атон влюблен в свою мать. «Начни с этого и вернись назад. Переживи вновь… если сможешь».

Назад… Так как она знала, что он вернется, он реагировал на известие с тоскливой нерешительностью. То, о чем он мечтал, не могло произойти. Его милые чувства, какими они могли показаться ее восприятию и которые заставляли блестеть ее восхитительные волосы, были пустой роскошью. Он уйдет и никогда больше с ней не встретится. Обойдется без нее.

Как мало он понимал миньонетку!

Скинув космокостюм, обнаженная. Злоба позвала его.

— Атон, — сказала она. Красота ее была абсолютна.

Он подошел к ней, как делал всегда, смущен-

ный своими мыслями и ситуацией. Ему больно терять ее, ибо с первой встречи в лесу она — как женщина — жила в его любящем воображении.

— Атон, — повторила она. — На Миньоне, — в космотеле он впервые услышал название ее родной планеты, и название это осталось с ним, — на Миньоне культура не похожа на вашу. Я была неправа, что сбежала с иномирянином, но тогда я была молода и не понимала… — Знакомым движением она взяла его за руки. — Атон… на Миньоне женщины живут долго, во много раз дольше мужчин. Миньонетка переживает своего первого супруга, даже если его вскоре не казнят, а затем принадлежит его ближайшему родственнику по крови. Ему она рожает еще одного сына, а тому — еще одного, из одного поколения в другое, пока, наконец, не становится слишком старой и не рожает дочь. Таков наш путь.

Атон молча опустился перед ней на колени, его руки — ее пленники. О чем она пыталась ему рассказать?

— Атон, ты наполовину миньон, ты — моя кровь.

Ужас начал охватывать его, тогда.

— Ты — моя мать…

— Да. Вот почему все так получилось. Вот при-

чина, по которой я пришла к тебе еще мальчику, в лес и подарила музыку и хвею — чтобы в душе ты узнал то, чего не мог постичь из книги. Что ты — миньон, рожденный для миньонетки. Ты должен это сделать, а после тебя твой сын, ибо такова твоя культура и твоя кровь — кровь миньона.

Сопротивляясь тому, что, как он уже знал, было правдой, Атон испытал колоссальное потрясение. Ибо хотя культура, которую он понимал, строго это запрещала, он, в перевернутом виде соответствуя чувствам Злобы — о чем тогда не знал — вырос с верой, что Злоба — самая желанная из женщин. Поскольку они с ней, согласно его неполным знаниям, не были родственниками.

Теперь он знал, что Злоба — по его собственным убеждениям, которые были основополагающими — запретна. И он нашел ее…

По-прежнему самой неотразимой и желанной женщиной, какую только мог вообразить. Она предложила ему себя — и он физически захотел ее сильнее, чем когда-либо. Что и разъярило его больше всего.

— До сих пор, — сказала она, — ты не был готов, Атон. Мне пришлось долго ждать, чтобы победить тебя. — Злоба лежала на диване, великолепная в своем спокойствии, прижав его к себе. Живое

пламя ее волос разметалось во все стороны: на лицо и плечи, на изумительную грудь, высвечивая ее тело. Черно-зеленые глаза, близкие как никогда, были бездонны.

— Так долго, — сказала она. — Так прелестно. Поцелуй меня, Атон, и приди ко мне. Сейчас, Атон… сейчас!

Четырнадцать

День был ветреный. Они вместе встали, покинули беседку и пошли навстречу ветру.

— Зачем в космотеле ты позволила мне открыть твою сущность? — спросил Атон. — Тому, чего ты хотела, легче было случиться, если бы я не знал.

— Атон, — сказала она, с нежным упреком покачивая головой. — Разве ты не был на Миньоне? Разве не видел, что делает с миньонеткой любовь, твоя любовь?

Он позволил себе забыть.

— Твоя любовь убила бы меня, как и любовь твоего отца, если б она была такой, какой ты ее вообразил, когда ухаживал за мной, — объяснила Злоба. — Лишь знание истины могло заставить тебя осуждать меня. Лишь посредством этого — по-твоему, отрицательного — чувства ты мог

достичь меня физически. Ты должен был знать.

Атон сразу не смог ответить. Она долго ждала — но их встреча произошла слишком рано.

— Смерть и любовь для нас всегда связаны, — сказал он, не глядя на нее. — Смерть иллюзии, любовь к боли. Мне приходилось думать, что ты — воплощение зла, и ты заставляла меня верить в это. Но мое сопротивление оказалось сильнее желания. В конце концов, я оставил тебя.

— Разве, Атон?

Дорога стала круче, но ветер стих. Он помогал ей подниматься, хотя она в этом не нуждалась. Их разговор смолк, когда она, по-видимому, вновь преобразилась, чтобы присоединиться к одинокому шествию его воспоминаний. Теперь она несла рюкзак, а в ее светлых волосах трепетал ветерок. На запястье поблескивал серебряный браслет.

Атон почувствовал дурноту, захотев внезапно узнать, была ли интерлюдия с хорошенькой рабыней, вторая любовь, жалобно надеявшаяся сразиться с первой, — любовь, которая спасла бы его от Хтона, если бы он сумел на нее ответить. Была ли Кокена вообще реальной личностью? Или всего-навсего еще одним плодом его воображения? Терял ли он в самом деле когда-либо

верность миньонетке?

«Тема раковины! Была ли ты частью прерванной песни? Была ли моя мечта тщетна даже тогда? Даже тогда…

Ничто не умирает на Идиллии — кроме надежды».

Они находились на вершине холма, заменявшего гору. Атон забыл сомнения. Под нависшими облаками вид был прекрасен, ярок особым цветом ранних сумерек. Раковина, песня — бесполезно понимать…

— Я люблю тебя! — закричал он и откуда-то издали услышал свой голос. — Я люблю тебя… — и вновь его чувство было искренним и сильным.

Волосы Злобы были алыми; они были черными; они извивались от боли, и она упала, как и должна была упасть, жестоко пораженная. Гром взорвал небо, и лес, и поле, и любовь; пошел дождь, заливая все вокруг и марая. И мелодию, что он любил, смыло и всосало в почву.

После Атон катился, кувыркаясь и подскакивая, по склону холма, потрясенный нечаянно нанесенным ударом, хватаясь за песню и находя лишь грязь и выдранную траву. Любовь — запретна. Он никогда не обладал ни одной женщиной ради любви, лишь ради болезненной цели. Всегда

песня кромсала любовь — а теперь он был по ту сторону песни; он ее потерял, прервал навсегда… и холодная вода, лившаяся на лицо, затопляла его.

Дождь прекратился — через час или через секунду, а Атон лежал в болоте у подножия холма рядом с вонючим прудом, ежегодно плодившим отвратительных головастиков и смертельную ржу. У другого склона лежало тело — нагое, прелестное, но не мертвое, вовсе не мертвое. С темной поверхности пруда поднималось зеленое свечение, свечение Хтона, отбрасывая скользкие тени и выдавая зловещую рябь у берега.

Атона раздирали подавленные воспоминания, указания на ужас и жуткое убийство. Он был здесь раньше. Он был…

Немертвое тело поднялось, волосы у него были ни светлыми, ни огненными, но чем-то мокрым, неопределенного цвета. Очертания тела были не божественными, а просто женскими. Женщина шла к нему, огибая темный пруд, по узкому берегу.

Атон тоже встал на берегу, не в силах отойти от зловонного края. Нет способа избежать ее, кроме как беспомощно устремиться по этому кошмарному пути, не стараясь понять свой испуг. Он не

сподобился даже на это; просто стоял и наблюдал, как она медленно приближается к нему своими маленькими, но тяжелыми шагами. Он наблюдал, как вслед за первым шаг в шаг шествует ее второе тело, а за ним третье: множество отвратительных тел…

Ужас праздновал победу. Он бросился от пруда — проливной дождь стоял стеной, изогнувшись над головой смутным куполом, который ему не пробить. Не вырваться.

Атон взглянул в пруд, и ему показалось, что там не длинные водоросли, а языки. Один — больше и ближе прочих: толстый круглый язык, слепо поднимавшийся в поисках плоти. Вскоре он его почует и устремится к нему.

Атон, поскальзываясь, побежал. Но с противоположной стороны приближалось что-то еще — плотное и горизонтальное, какое-то острие… и выхода не было.

Атон прислонился спиной к ненадежной стене, поднял глаза к круглому куполу вверху и заставил себя думать. Мысли были нечеткие и неясные, рассудок тянулся к пище и, давясь тошнотворностью окружающего, все же что-то переваривал, дабы сохранить утекающие силы и заставить мир застыть хотя бы на мгновение.

«Этот тупик, этот ужас — каким-то образом есть мое собственное создание. Он не может быть реальным в физическом смысле. Лишь в Хтоне такое существует буквально.

Мой разум облачил свое смятение в пугающую аллегорию, как делал и раньше. Он довел мой душевный конфликт до крайности, вынуждая меня или разрешить его, или перестать притворяться нормальным. Я стою на берегу застойного пруда, в нем нет никаких чудовищ и никакой стены вокруг; есть только зарождающаяся ржа и непрерывный ливень. Нет никаких размножившихся фигур, приближающихся ко мне, ни страшного острия с другой стороны пруда; только женщина, которую я люблю, а должен ненавидеть, соблазнительная миньонетка».

Но *конфликт,* насколько он знал, реален; пора принять решение — чем бы ни были составляющие этого конфликта и что бы это решение ни значило. Он пойман паутиной, сплетенной давным-давно, еще тогда, когда последовал в лес за чуть слышной мелодией и стал ее рабом. За всю жизнь он не мог ни завершить ее, ни избежать. Сам Хтон не решил этой проблемы. Теперь приходится самому созерцать отвратительные альтернативы и принимать на себя тяготы вы-

бора.

Шествующие женщины — это Злоба во всех ее ипостасях: вездесущая, но неспособная принять обычную любовь. Его нормальное чувство было мечом, направленным на миньонетку. Должен ли он сразить ее своей любовью?

Или он должен ждать, когда с другой стороны приблизится ужасное острие: бесстыдная извращенность их связи? Насаженный на него, он стал бы источником постоянной ненависти, миньоном — его самость и цельность были бы похоронены в садизме. *Она* бы тогда расцвела; ее песня завершилась бы. Но он…

Атон всматривался в зацветшую воду и видел там непрестанное движение, слышал, как вблизи хлюпает гибкий язык. Можно избежать выбора, бросившись в пучину этой воплощенной мерзости. Заразные нити слизи замарали бы его кожу и отпечатали на ней следы зловонной ржи, которую подхватил его отец. Это бы не было милосердно.

Жив ли еще Аврелий? Атон не знал.

Должна найтись какая-то другая альтернатива. Какой-то выход, освобождавший его или, на худой конец, откладывающий выбор. Канал, слив из пруда — какой-то засасывающий сток,

ведущий в неведомое, побег, облегчение. Сможет ли он его найти?

Когда Атон осознал потребность в нем, тот существовал: проем в неведомое. Он мог вести к смерти или к еще более мерзкому выбору, чем те, от которых он бежал. Раз сделав шаг, его уже нельзя отменить, как нельзя обратить вспять водопад. Атон медлил.

— Аврелий умер, — произнесла совсем рядом миньонетка. Она почувствовала, что старик скончался, побежденный наконец подлинным болотным чудовищем — ржой. Атон и сам ощутил потерю, снятие чувственных перегородок в полутелепатии, обладание которой раньше не подозревал. Это же чувство наводило на мрачную мысль, что он сам, хотя и непреднамеренно, сыграл определенную роль в смерти отца. Было ли решение, которое он принял, всеохватывающим? Являлось ли оно ценой его побега?

Призванный теперь неясными обстоятельствами, он сделал шаг, отказываясь уточнять, чему равняется страшная цена. Он пройдет по границе душевного здоровья — ради угасающей надежды, которую та предлагала. Водоворот засосал Атона, его накрыла темная удушающая волна, уносившая его, в конце концов, к…

Пятнадцать

Атон оказался на поверхности астероида космотеля — беззащитный между его глыбой и безмерностью космоса. Беззащитный, поскольку скала эта была безвидна, а ночь темна: притяжение не успокаивало его в своих объятиях, атмосфера не ласкала плотно облегающий костюм. Только статическое действие ботинок устанавливало слабый контакт с крохотной планеткой, связав их до тех пор, пока он не оттолкнется сразу двумя ногами. Пока не подпрыгнет.

Он огляделся, испытывая внутренний трепет от этого исключительного и по-своему приятного столкновения с неживой природой. Позади находился шлюз космотеля, ведущий к челноку, на котором он собирался улететь, а также в плюшевые покои — к предложению, которое он не мог принять. Неважно, что она сказала и кто она такая, — она запретна. Он должен бежать от нее. Но сначала прогулка по астероиду, чтобы успокоиться.

Впереди — почти полное одиночество, а именно в нем он так нуждался. Очевиден был контраст между возможностями человека, пересекавшего

сейчас глыбу, на которой он не мог жить: его измеримыми достижениями и безмерным уединением.

Астероид был плоским осколком какого-то большого небесного тела: он напоминал о древних днях Дома-Земли, когда запуганные, прикованные к своей планете предки думали, что их мир плоский. Они были бы правы, живи они здесь.

Безвидная плита была пустынна, как и пейзаж его жизни. Вокруг ночной ее стороны сверкали звезды, обещая волнение, приключения и уют в окружении их великого множества, если только возникала возможность подступить к их населению. Однако он уже *бывал* в дальних системах, страдал от их эфемерных обещаний и обнаруживал, что сердце его по-прежнему одиноко.

Широкие шаги несли его тело через плато, но одна нога всегда касалась поверхности; он стремился к краю равнины, от которого, как убеждал прозрачный вакуум, его отделяло несколько километров. Равнина завершалась обрывом, кромка крошечной планеты вырисовывалась на фоне звезд тонким перевернутым силуэтом. Атон бросится в забытье, чтобы вечно падать сквозь разверстые пространства своего бесплодного

разума, в котором наконец-то произошло некое подобие зачатия.

Слишком быстро он достиг этой границы. Его душа откладывала попытку. «Моя плоть, — подумал он с горьким юмором, — хочет, но мой дух слаб».

Толчок, обманчивый при отсутствии притяжения, понес его дальше. Он обогнул обломанный край, и башмаки его прилипли к почве так же крепко, как его дух — к бесплодной жизни. Астероид был тонок; с этой стороны едва ли тридцати метров в толщину. Зазубренный искромсанный слой обнажал свою рану — здесь его вырвали из материнского тела и швырнули в забвение вечность тому назад. С какой жуткой болью начал он свои скитания — один, совершенно один!

Атон нагнулся и нашел окаменелость: крупный, больше ладони, листок, вдавленный в камень. Останки живого существа, более прелестного в своей смерти, чем в жизни. Ибо красота его не угаснет, сущность никогда не умрет.

Пальцы в перчатках ласкали твердые зубцы затянувшегося товарищества. Будет ли окаменевший Атон путешествовать по космосу с таким же безразличным блеском?

«Смерть! где твое…»

Чтобы стряхнуть это настроение, он начал взбираться на солнечную сторону астероида. Листок наверняка рос когда-то под солнцем. Если бы удалось войти в былой рай этой окаменелости, увидеть трепещущую листву, коснуться могучего дерева!.. Пустить вспять метроном материи, разрешить все сомнения в нежном слиянии истоков жизни.

При приближении к солнечной стороне высветились изломы горизонта. Еще один толчок, за второй угол…

Атон купался в теплом сиянии солнца; свет, всюду свет, изгонявший всякую тьму и всякие сомнения. Защитный механизм костюма мгновенно скомпенсировал перепад температур. Атон осмотрелся и увидел атмосферу, сверкающие в ней пары, а на земле — растения с крупными зелеными листьями.

«Для меня эта страна роскошна и прелестна, выпуклости холмов высоки и изящны, долины между ними мягко закруглены в ожидании…»

Атон встряхнулся, герметичный костюм сдвинулся вместе с ним, как вторая кожа. Что с ним? Здесь ведь нет атмосферы; значит, не может быть деревьев, поэзии. Голый кусок скалы, кружащийся по орбите вокруг пронумерованной звезды.

Галлюцинация далеко не безопасна. Если он и впрямь забудет, где находится, смерть грубо ему об этом напомнит.

«Там внизу, за томящимися горами, где блестят тихие воды, меня ждет источник жизни, в то время как я…»

Потрясенный Атон вновь повернул и зашагал к окаменелости у края планеты. Каким-то образом он машинально прошел по долине дальше, убаюканный намеком на неистовый восторг, которому он не смел отдаться. Что-то уговаривало его, соблазняло, тащило вперед на невообразимое свидание.

За горами были воды, густые и теплые, как свежепролитая кровь.

— Люба! — закричал он. — Уйди из моего воображения! — «Я бежал от твоей жестокости десять лет назад; я едва помню тебя; это не твое место; я боюсь того, что ты символизируешь: это прикосновение крови к моей руке, звук смеха в моих ушах. Ты скажешь, что это — не кровь… не кровь, но блаженство, подаренное моим четырнадцати годам…»

Тяжело дыша, Атон повернул еще раз, желая обрести предметность каменного листка. Это была критическая точка. До сих пор он управлял

собой.

Действительность пришла в себя, явив конические обнажения породы, которые он уже миновал раньше, и отбрасываемые ими в лучах далекого солнца мерцающие тени. Пока он наблюдал за ними, тени оплывали, затуманивались. Холмы зеленели, источая блаженство.

Перед ним лежало изогнутое поле, которое вело вниз, в долину, укрытую среди нежных округлых утесов. Там притаилось укромное озеро, более волнующее, более зовущее, чем мираж в пустыне. Наслаждение, которое оно скрывало в своих глубинах, более не отталкивало Атона. Его кровь пела от потребности насладиться этой жидкостью, полностью в нее погрузиться. Он ушел от нее; он вернется к ней.

Нет! Но видение уже проникло внутрь и почти на нет свело его сопротивление; осталось лишь слабое приглушенное возражение, звеневшее где-то далеко позади. В четырнадцать шагов достиг он озера, но замешкался, боясь перейти безымянный рубеж в себе. Вода манила, звала его, но крошечная оскопленная совесть, проклятая где-то позади затвердевшего листка, молила его не жертвовать тем, кем он был, ради того, кем он станет. От напряжения его лицо покрылось

потом. Атон знал, что исход предрешен, но все еще боролся, желая сохранить образы былой невинности.

Его рука медленно поднялась, чтобы расстегнуть ремни на шлеме. Разве костюм его собственный? Застежки открыты, пломбы сорваны, шлем слетел с головы. Но он не умер! К нему ворвался воздух долины — мускусный и сладкий, оживляющий своей свежестью и запахом цветов. Вскоре остатки ненужного костюма были сброшены, нагим он вбежал в воду.

Еще раз гаснущее сомнение пыталось удержать его: сомнение, вполне дозволенное, ибо захватчик чувствовал себя в безопасности. Сопротивление приятно возбуждало, придавая поступку некий лоск. Господствующее чувство по-кошачьи играло с его робкой совестью и давало ей волю думать, что она вольна. Атона обуяло чувство неминуемого завершения. Прикосновение воды к голым ногам электризовало тело. Он больше не видел эту жидкость. Лишь плоть ведала о ней, сладострастно скользившей по его щиколоткам, окутывавшей их в зарождающееся наслаждение: поначалу раздражающее, но сладостное под конец.

В Атоне возникал основополагающий смысл

— единственное выражение которого должно быть пагубно сильным толчком, столь мощным, что сдвинет горы и оплодотворит озеро…

Тепло поднималось все выше, окутывая голени, колени, бедра; оно ритмично омывало тело, нежными касаниями вытягивая из него глубочайшую силу. Прилив неуклонно возрастал, втягивая его в воспоминание о юношеской руке, путешествующей вверх под девичьей юбкой и касающейся запретного соединения. Но на сей раз липкость ничуть не тревожила; бурная страсть увлекла Атона вверх и внутрь.

Две шкалы — плоти и жидкости — слились под наложенным образом нониуса, оказавшись в фокусе перед его закрытыми глазами. Не в силах более сдержать себя, Атон погрузился в воду целиком. Вода, местность, вселенная звенели от его нараставшего желания, а из глубин его самых сокровенных притязаний явилась сущность жидкой среды: восходящая, кружащаяся, подвластная громадному давлению, вламывающаяся мощным ураганом и, наконец, взрывающаяся в мучительном наслаждении, которое измождает плоть, сокрушает кости и насыщает дух по ту сторону времени. В Раю, вы слышали… Любовь построила… О радость! радость! радость!

Какая-то сила извне подкинула его, подняла сквозь вздымавшиеся потоки муки высоко-высоко к свету. Это была ее рука — тепло на его ладони — уводившая от забвения, к которому вела Атона двойственная страсть. Темный бог ждал в конечной точке; существо, для которого страсть и вина — лишь орудия; бог, которому нормальный человек не мог бы служить.

Бог, которому служил бы Атон, если бы весь подтекст притчи об астероиде достиг его сознания.

Дождь кончился, чудовища и замкнутые стены исчезли. Солнечный свет падал не на разбитую колонну, как он отчасти ожидал, а на мерцавшую в сумерках местность: радостную, зеленую и удивительно привлекательную.

— Ты… победил, — сказала Злоба, выбирая не совсем точное слово. Но она была женщиной леса, нимфой любви. — Я не могу позволить тебе уйти туда, к столь великому злу. — *Она* говорила о зле: не о том, что они сделали в космотеле, но о боге, которому он должен был служить. О боге, предложившем ему святилище.

Фантасмагория закончилась. Призраки, кем бы они ни были, исчезли, и Злоба вновь стала нетронутым глянцем грез Атона. Вернулась прекрасная дама детства; предмет всей его любви

никогда более не будет замутнен.

Его чистые чувства окружили ее со всех сторон. Он поцеловал ее, услышав наконец завершение мелодии. Никогда его любовь не была так сильна.

Он почувствовал, как холодеют ее губы. Она была мертва.

§ 400
13

Вниз по реке: она опять превратилась в извилистую, бурную стремнину, стены с обеих сторон сдвинулись, образовав узкий туннель. Но тропка тянулась дальше над уровнем воды, достаточно широкая, чтобы по ней прошла колонна людей.

Старшой шагал впереди, высматривая отметки человека, пошедшего на разведку и не вернувшегося.

— Если еще сузится, — сказал он, — придется плыть.

Никто не отозвался. Плыть здесь было опасно. Любое неосторожное движение отправило бы беспомощное тело по течению через возможные пороги, в пасть к речным хищникам или еще кому-нибудь, стоявшему наготове для защиты

недоброго имени Тяжелого Похода. При пешем переходе они чувствовали хотя бы частичную безопасность, и каждый поворот, открывавший взору продолжение пути, встречался вздохом облегчения.

Туннель был достаточно высоким, чтобы рослый мужчина шел, не сгибаясь, но очень узким. Тропинка занимала четверть основания, быстрая река — все остальное, стена то и дело грозила столкнуть беспечного путника в воду. Так продолжалось километр за километром: туннель вел вниз.

Вернулся Атон и с неохотой доложил: сверху выхода нет, лишь непреодолимый водопад. О другом туннеле, за водопадом, он не сказал. Заглянув в него, он услышал отдаленный стук и ощутил угрозу, которую невозможно встретить лицом к лицу. *Как* он это понял, сказать он не мог, но был в этом уверен.

Мало кто считал, что шансов вниз по реке больше — но Старшой поощрял их истерическую надежду. Возможно пересечение с другим потоком, русло которого *могло* вывести на поверхность. Ведь в конце концов, пещерные твари *где-то*, вошли, а Бедокур выбрался. Где еще он мог пройти, как не здесь? Если бы он оставил знак!

Внезапно все кончилось. За последним сужением, с почти совершенным дверным проемом, туннель резко расширился. Все столпились в красивой куполообразной пещере с большим озером посередине.

Озеро было тридцати метров в поперечнике, а купол в верхней точке достигал метров пятнадцати. Таинственный путь огибал озеро по выступу шириной с полметра, в каком-то метре над поверхностью воды. Стены над выступом и под ним были отвесные или наклонялись внутрь; их не портили ни выбоины, ни трещины. Голый человек не смог взобраться с тропки вверх. На противоположной стороне озера выступ постепенно снижался до уровня воды. Там виднелся верх отверстия около полуметра в поперечнике, в которое жадно ввергалась вода.

Озеро было глубоким. Зеленое свечение виднелось на глубине нескольких метров и терялось где-то в черных глубинах. Вода была холодной; жребий определит первых кандидатов для мытья и плаванья.

Отряд расположился вокруг озера. Старшой поставил у входа стража и разрешил всем отдыхать. Мужчины и женщины сидели, как дети, на берегу, болтали ногами в воде и шутили. Впер-

вые за время Похода воцарилась беззаботная атмосфера. Оказалось, жребий не нужен: люди, почти забывшие, что такое плавать, резвились с нескрываемой радостью.

Но Атону было почему-то не по себе. В отличие от других он чувствовал позади огромную опасность. Она возникла в туннеле за водопадом и послала биение своего сердца за ним, вниз по реке. Его душа таинственным образом угадывала ее голод, ее колоссальный аппетит: не только на еду. Опасность находилась в километрах отсюда, медленно приближаясь. Она приближалась.

Где же выход? Пещера возникла, должно быть, при подъеме гигантского пузыря газа — давно, во времена расплавленного Хтона, — пойманного постепенным охлаждением и отвердением окружающей породы. Потом ее нашла река, пробилась внутрь, заполнила и пробила себе выход Это означало, что второго выхода глубоко под водой нет, иначе пещера не была бы заполнена. Поток, выходящий через видимое отверстие, судя по всему, вполне соответствовал входящему.

Нырять в этот сток было рискованно. Обуздать завихрявшееся течение не удастся, человек окажется беспомощным — как это наверняка случилось с первым разведчиком, ибо он исчез.

Конечно, длинная веревка от дыры в верхние пещеры, прихваченная с собой, выдержала бы человека — если он сумеет внизу дышать. Но разве они были уверены, что там, за печатью воды, *есть* воздух?

Время летело, и если кто-то и разделял сомнения Атона, то их не выказывал. Даже Старшой безмятежно отдыхал, наблюдая, как плавает Гранатка. Мужчины ныряли глубоко в воду в поисках рыбы или другой водной живности, но выплывали с пустыми руками. Кто-то спал, устроившись у стены; то и дело сосед в шутку устраивал ему холодную ванну.

Казалось, в этом куполе Хтон приближался к естественному раю.

Но Атон в рай не верил. Он нырнул на пять метров, на десять, настолько глубоко, насколько мог, и не обнаружил дна. Выныривая, он взял чуть в сторону, и его подхватил водоворот. Через секунду он миновал водоворот, целый и невредимый, но встревоженный. Ощущение нависшей угрозы стало острее. А что если второй сток внизу был?

Он подплыл к противоположному берегу, держась подальше от завихрений у видимого выхода. Здесь тоже имелось небольшое течение. Иными словами, подводный поток по всему пе-

риметру озера. Это было зловеще: откуда он в почти стоячей воде?

Разве только кто-то крупный поднимается снизу, отсасывая воду от краев.

Старшой наблюдал за ним. Атон указал на берег, и тот кивнул. Он тоже заметил.

Остальным ничего не сказали. Какой смысл поднимать тревогу, пока опасность неизвестна — если опасность вообще существует? Но необходимо было немедленно исследовать сток. Он может скоро понадобиться.

Послышался крик стража у входа. Кто-то напал!

«Значит, это не только воображение, — подумал Атон. — Моя душа не утратила связи с действительностью».

Схватка, хриплый возглас — и два тела упали в озеро. Одно из них — страж: невредимый, он подплыл к берегу и вновь вскарабкался на тропу. Другое — чешуйчатая камнеедка, раненая и умирающая.

Насколько Атон знал, эти твари не были плотоядными. Слишком медлительные, они никогда не приближались к человеку, так как легко становились его добычей. Что случилось с этой камнеедкой?

Появилось второе животное, потом третье… Озеро покрывалось трупами, по мере того как неуклюжие твари напарывались на каменные ножи людей. Что их сюда гнало?

Старшой подошел к Атону, стоявшему у входа.

— Послушай, — сказал он.

Далеко вверх по туннелю послышался новый шум — не похожий ни на один, который они слышали в пещерах раньше. Это был топот строя — множество ног, шагавших в такт.

Все переглянулись, воцарилось общее молчание. Обученная армия — здесь? Какая чушь! Верхние пещеры не могли организовать поисковой партии — они не сумели бы обеспечить ее провиантом на такой долгий путь. Если выход на поверхность близко, здесь могли оказаться люди, и они, конечно же, могли идти строем, *но не оттуда, откуда пришел отряд заключенных!*

Топот раздавался все настойчивее, приближаясь по туннелю к пещере, — размеренный ритм с нарастающей громкостью. Вот что, чем бы оно ни было, гнало перед собой других животных!

Теперь все в куполе слышали топот. Спящих растолкали, и они тревожно прислушивались к звуку, которого не могли понять.

— Хтон Великий! — воскликнул страж, в ужасе

отступая. Марширующий звук возрастал. Тот, кто маршировал, огибал последний поворот, хотя люди в куполе по-прежнему его не видели.

Наконец он появился. Гигантская шутовская голова высунулась из туннеля. У нее были огромные фасеточные глаза и усы толщиной с палец и длиной в полметра. Голова медленно поворачивалась, осматривая собравшихся; топот стих. Затем двинулась вперед — в их убежище.

Голова вжималась в узкую шею. Следом вылезло тело: приземистый горб, опирающийся на две толстые ноги, которые рывками поднимались и опускались. Люди поблизости испуганно отшатнулись, освобождая место.

Тело сужалось в хвост диаметром сантиметров пять. Затем, к всеобщему изумлению, появилось второе тело, похожее на первое. Третье, четвертое! Чудовище состояло из сегментов!

Теперь люди, оказавшиеся перед головой, в ужасе отступали назад, отчаянно стремясь убежать, но не находили места для отступления. Некоторые при неумолимом приближении твари прыгали в воду.

Всеобщая свалка началась, когда тех, кто не умел плавать или боялся, грубо столкнули с выступа, чтобы дать проход гусенице. Атон и

Старшой стояли ближе всех к громадной голове. Топор Старшого был наготове, но покуда он выбирал, как отступать, а не как нападать. Еще не было достаточно известно, что это за зверь.

На выступ высыпала толпа. Здесь и раньше-то места не хватало, а длина чудовища была значительна. Десять, пятнадцать тел… но появлялись все новые сегменты, пока оно не заняло почти четверть окружности. Когда же оно кончится?

Атон заметил, что последние части гусеницы были бесформенны, гротескны — даже по сравнению с предыдущими. Они уже не были единообразны, их объединяло лишь синхронное движение ног. У некоторых сегментов имелись лишние конечности, которые без всякой пользы свисали с боков и болтались. У некоторых, похоже, были сморщенные головы, словно они принадлежали к разным видам.

Один сегмент выглядел совсем по-человечески.

Какая нелепость! Атон отступал от громадной головы.

Как же она питалась? На передней части рта не было видно, а сегменты находились в положении, неудобном для приема пищи. Они все появлялись и появлялись, занимая всю ширину

выступа. Теперь стало понятно, для кого вырублена удобная дорожка.

Люди лезли друг на друга и, в безумных попытках бежать, падали в воду. Те же, кто удержался на ногах, столпились на участке менее полукруга — а тварь все наступала. Самые удаленные от уродливой головы сегменты были странно сморщены, словно из них высосали все соки. «Если ее охватывает голод, — подумал Атон, — он движется от хвоста к голове».

Наконец она показалась вся целиком. Раздался общий вздох облегчения: всех в воду тварь не загнала.

Последний ее сегмент заканчивался иглообразным жалом, выступавшим метра на полтора.

Над царившим дурдомом раздался вопль. Все невольно обернулись. Внимание каждого было приковано к гусенице, и развитие событий в озере прошло незамеченным.

Медленно поднимаясь из глубины, там появилось существо, похожее на кита. Оно заполнило озеро от края и до края; необъятное тело пухлой черной медузы в тридцать метров величиной! Последние капли скатились с ее выпуклой вощеной поверхности, обнаружив огромное круглое отверстие: рот.

Теперь Атон распознал ее — действительно медуза, но разросшаяся до небывалых размеров. Он сильно подозревал, что она плотоядна. Тела камнеедок исчезли где-то в стоке реки, однако непосредственных доказательств пока не было.

Доказательство не заставило себя долго ждать. Рот разинулся шире, обнажая белесый внутренний канал, изрыгающий пену, пузыри и желтые желудочные испарения. Высунулся трубчатый язык. Он выбросился почти вслепую, затем шлепнул по телу женщины, плавающей в воде, и втянул ее.

Между тем гусеница тоже занялась делом. Голова возвышалась у выхода воды, а хвост отрезал вход и пятился вдоль противоположного берега.

Мощная игла гусеницы пугала людей куда больше, чем ее голова. Внезапно хвост выскочил, удлинившись на добрых полтора метра. Он пронзил ближайшего мужчину, дурашливо замахнувшегося обломком камня, вошел ему точно в живот и вышел из спины. Мужчина жутко заверещал и затих; но тело его держалось стоймя на острие. Жало сократилось, подтолкнув труп к завершающему сегменту гусеницы.

«Какая жуткая мощь! — подумал Атон. — Жало протаранило внутренности, мышцы, позвоноч-

ник и вышло наружу».

После чего часть трупа отвратительно вернулась к жизни. Голова и руки мужчины вяло повисли, но его ноги подхватили размеренный ритм сегментов. Других сегментов.

Хвост вылетел вновь, настигнув бегущую женщину. Острие прошило ей спину и вышло из живота. Как и первая жертва, женщина потеряла сознание или умерла; как и первая, она отдала свои нижние конечности безостановочному ритму марша.

Атон осознал, наконец, ужасную природу этой ловушки. То, что казалось невинным прибежищем, в действительности, служило местом одновременной кормежки двух самых хищных обитателей Хтона. Жертва могла выбрать своего убийцу — не более того.

Целый отряд забрался в ловушку и чувствовал себя в ней как дома. Теперь не было времени думать, прикидывать, изучать. Гусеница включала в себя новые сегменты как попало — задом, передом, боком, сложенные пополам — как им довелось встретить пронзающий хвост. Китомедуза неуклюже всасывала всех, кто упал, нырнул или был сброшен в воду. Она могла позволить себе неуклюжесть. Прием пищи займет немало

времени — но в ее наличии она была уверена.

14

Старшой взялся за руководство. Ухватив двумя руками топор и топорищем расталкивая людей, он расчистил место и шагнул вперед — на поединок с головой гусеницы. Атон последовал за ним, догадавшись о его намерении.

Старшой встал в боевую стойку и размахнулся — заиграли мышцы на его спине. Лезвие топора вошло в резиновую морду гусеницы. Из раны потекла зеленая вязкая жидкость. Тварь издала отчаянное шипение каким-то клапаном за торчащими усами и отступила. Движение передних ног волной пробежало к хвосту. Старшой ударил еще раз, целясь в выпученные глаза, но гусеница моргнула.

Моргнула: блестящие прутья из покрытой металлом кости изогнулись над глазами защитной маской. Она не использовала голову в схватке, но, тем не менее, умела защищать ее от добычи, посмевшей сопротивляться. Такое грубое оружие, как топор, могло ее разве что вспугнуть, но не убить.

Старшой ударял снова и снова, поражая края

разноцветной головы, и она пятилась все дальше. Но при этом наступал хвост, а это было гораздо хуже. Круг почти замкнулся, длинное тело гусеницы простиралось неумолимо и беспредельно.

— Мы должны убить ее или прогнать прочь, — закричал Атон. — Или столкнуть в воду.

Для чудовища это означало бы конец. Гусеница тонет и расплескивает воду шагающими ногами; китомедуза давится нескончаемым куском, который ей не проглотить. Погибнут обе.

На самом деле все было не так. Согласованное нападение отряда выгнало бы гусеницу. Люди могли бы окружить ее и, схватив бесчисленные ноги снизу, столкнуть с выступа; или же взобраться к ней на спину и отпихнуть от стены. Да — ее можно победить. Но не испуганной толпой. Необходимой организованности из-за общей паники не достичь. Явный, очевидный побег — лишь он мобилизовал бы орущих людей.

— Река! — закричал Атон, указывая на бурлящее отверстие. Старшой услыхал его среди шума и оглянулся. Поняв мысль, он отступил к берегу и встал настороже, готовый помешать наступлению гусеницы.

— Туда! — завопил Старшой, указывая вниз. — ТУДА! — Какой-то мужчина увидел знак и прыг-

нул в мелководье между горбом китомедузы и краем озера. То плывя, то шагая по пористой плоти, он прошлепал к сливу и нырнул. Поток воды протолкнул его внутрь.

Пауза: затем еще один мужчина исчез из вида до того, как водяное чудовище его обнаружило. После него женщина, а остальные тем временем выстроились в очередь, предпочитая неведомую дорогу видимым ужасам.

Шестым человеком в дыре оказался Первоцвет. Он весил, по его собственным словам, сто восемь килограммов. Слишком поздно обнаружилось, что его туша велика для дыры. Голова и плечи исчезли в ней, дрыгающиеся ноги — нет.

— Вытащите оттуда этого ублюдка! — заорали обезумевшие люди. Голова и хвост гусеницы начали наступать, вытягиваясь из тела. Водяное чудовище шарило языком вблизи дыры. Если помеху быстро не убрать, все погибнут.

Атон прыгнул в воду и схватил дергающуюся ногу. Он нащупал камень, уперся в него и напрягся, но вода с силой давила на толстое тело, вжимая его в дыру. Атон сменил тактику: он попробовал протолкнуть его, но и это ему не удалось. Тело не двигалось ни туда, ни обратно. Похоже, вытащить Первоцвета невозможно.

Старшой глянул вниз с мрачным лицом. Голова гусеницы находилась недалеко от отверстия, но проход к нему еще оставался.

— Не теряй времени! — рявкнул Старшой. — Пусти.

Атон отплыл, поглядывая на шевелившийся позади него язык. Старшой прав — времени в обрез.

Широко расставив ноги, Старшой резко махнул топором. Он ударил по торчащей из дыры нижней части тела. Полные ноги Первоцвета перестали дергаться. Старшой взмахнул еще раз, глубже врубаясь в рану, словно валил дерево. Окрашивая воду, обильно хлынула кровь.

«Твою ли смерть я ощущаю сейчас, старина?»

Толстый язык китомедузы почуял кровь и подобрался ближе. Чтоб избежать его, Атон отчаянно поплыл прочь; скользкий холодный язык шлепнул его по ноге, обвил бедро, но искал он не Атона. Определив источник приятного вкуса, он лизнул разрубленное тело, обвился вокруг. Старшой, наблюдавший за ним, наметил удар, чтобы отрубить язык.

— Не надо! — закричал Атон. — Остановись!

Сбитый с толку, Старшой замешкался. Сначала он собирался разрубить тело Первоцвета на

части, которые могли бы проскочить через дыру и таким образом открыть проход. Но если была альтернатива…

Огромный язык напрягся. Чудовище приподнялось. С хлюпающим звуком жирная красная куча покинула дыру и поплыла ко рту китомедузы. Голова Первоцвета безвольно болталась, как бы кивая Атону.

Вода рванулась вниз неистовым водоворотом. Путь был свободен. Китомедуза их спасла.

Атон прыгал одним из последних. Когда подошла его очередь, он вдруг почувствовал иррациональный страх. Куда вел путь побега? Как уверить себя, что этот шаг менее опасен, чем жуткие альтернативы позади? Но, чтобы освободить этот проход, умер Первоцвет; и ничего не оставалось, как лезть туда же.

Атон нырнул с открытыми глазами и рассмотрел проход, пока тот всасывал его. Вода толкала, продвигала Атона вперед; дыхания не хватало. Едва стены начали расширяться, он мощными гребками выплыл на поверхность.

Слишком рано — он стукнулся головой о низкий потолок и почти без сознания поплыл по бурному потоку. Через секунду чья-то сильная рука схватила его за волосы и вытащила голову из

воды, чтобы он смог отдышаться. Когда в голове прояснилось, Атон понял, насколько своевременной была помощь — впереди ревел водопад.

Отплевывая розоватую воду, он выбрался на берег. Только теперь узнал своего спасителя: Гранатку.

Большинство спаслось таким же образом. Других отнесло к водопаду. Когда стало ясно, что больше никто не появится, они начали спускаться по причудливым скальным образованиям к большому озеру в шести метрах ниже водопада.

Озеро было полно людей. Те, кто не пострадал, уже выбрались на берег. Не умевшие плавать дико и бесцельно бились в воде. Некоторые уже и не бились.

Гранатка первой взялась за дело. Она подцепила за ногу барахтавшуюся поблизости женщину и вытащила ту на мелководье. Потом отправилась за другой. Плавала она превосходно.

Те, кто был в силах, последовали ее примеру. Вскоре вытащили все тела. Но страшная пошлина была оплачена.

Сто шестьдесят человек вошли под тихий купол пещеры: сейчас здесь стояло тридцать восемь. Еще семеро были слишком плохи, чтобы идти; их придется умертвить — гуманным ударом топора.

Ниже по течению раздался крик. Усталые головы повернулись, чтобы узнать, какая еще грозит опасность. Но это был крик открытия.

На плоской глыбе возвышалась пирамида из камней — произведение разума. Рядом нацарапана буква «Б» и стрела, указывающая вниз по течению.

Тропа доктора Бедокура.

15

Дальше было легче. Выжило девятнадцать мужчин и девятнадцать женщин: самые достойные, по определению природы, из обитателей нижних пещер. Уменьшившись численно, отряд стал управляемым и действенным, а предприятие в целом — более увлекательным и менее грязным. Воздух был свеж, вода чиста, температура низка.

Знаки Бедокура появлялись через равные промежутки, указывая вниз по течению. Как он дошел так далеко один, им никогда не узнать; но он явно сделал это, пребывая в здравом уме — и этого было достаточно.

— Как он выглядел? — спросил Атон Гранатку, когда они перелезали через груду каменных изваяний.

— Очень умный, — сказала она. — Маленький и хитрый. Слабые глаза, но за ними ум, как скальпель. Он пригодился ему для побега…

— Но если он добрался так далеко, что свело его с ума?

— Наверное, увидел химеру.

Люди продолжали исчезать — причем одни мужчины — без следа. Предполагалось, что химера по прежнему преследует отряд (как она прошла через купольную пещеру?) и настигает неосторожных. Непрерывный шум реки заглушал отдаленные крики.

Поход продолжался. Река расширилась, питаемая притоками, которые их больше не интересовали, и при этом расширялись и окружающие ее пещеры. Туннели-воздуходувки пропали. Вместо них отряд шел через скальные образования, водяные отстойники и размывы, леса древообразных сталагмитов и пещеры из белых кристаллов. Порой река распадалась на несколько рукавов, петляя среди сочлененных сводов с темными потолками и неопределимыми границами, и вновь соединялась.

Наконец она раздалась до размеров широкого озера с медленным течением. Отряд шел по левому берегу. Воду приостанавливал крутой

утес метров пятнадцати в ширину, выгибавшийся вверху в трехмерный лабиринт. Берег был ровный, с пляжем из белого песка. Само озеро оставалось чистым и холодным — наслаждение для купающихся, но на одном из знаков Бедокура стоял череп со скрещенными костями. Они приняли его на веру.

Вновь пещеры Хтона являли свою красоту и покой. Но на сей раз в рай никто не верил.

Открытая тропа постепенно сужалась по мере того, как стена приближалась к озеру. Стена с другой стороны отступала, оставляя место для пляжа на том берегу. Берега поменялись своими очертаниями — или, скорее, река просто перенесла русло к ближней стене.

Наконец они подошли к знаку, указывающему на воду. Пора переправляться на другой берег.

Но на середине реки они увидели белый бурун от большого речного животного. След, который сопутствовал им в течение нескольких переходов. Изобретательный Бедокур мог приготовить химикаты, чтобы отпугнуть тварь. Отряду приходилось искать другие способы.

Старшой долго не размышлял:

— Жребий!

Подошла Гранатка.

— Знаю, чего ты хочешь, — сказала она мрачно. — Я согласна. Я хорошо плаваю.

Старшой оттолкнул ее.

— Я не собираюсь тебя ни о чем просить! Жребий.

Она не двигалась.

— Ты не смеешь больше разбрасываться мужчинами. Я хорошо плаваю. Я согласна.

Старшой долго изучал ее. Потом отвернулся.

— Останься здесь, — кинул он через плечо. — Пятый, пойдем со мной.

Атон отправился с ним подальше от отряда, туда, где стена резко изгибалась, оставляя на берегу открытое место.

— Я хочу потолковать с тобой, Пятый, — сказал Старшой, кладя топор у воды и снимая остальное оружие. Атон, зная, что грядет, сложил свои каменные орудия.

— У каждого из всех нас — своя причина, по которой он оказался внизу, — продолжал Старшой. — Ни один из нас не вправе судить других. Но сейчас мы должны принять решение. — Он стоял, упершись руками в бока. Его мышцы, более крепкие, чем перед походом, слегка блестели от пота. — Не знаю, из-за чего ты сюда попал и не спрашиваю об этом. — Всего-навсего стандартная

любезность: слух об Атоновой миньонетке ходил уже давно. — Но после того, как мы покинули рудники, ты вызвал больше неприятностей, чем десяток людей из отряда. Ты ловкий, крепкий — но я тебя раскусил. Я давным-давно понял тебя. Будь моя воля, я привязал бы к камню приманкой для химеры тебя, а не того испуганного человечка, у которого на крупные опасности кишка была тонка. Ты должен был застрять в той дыре и получить удар топором, а не единственный человек с мозгами, способный нас вывести. Ты поплывешь по реке в одиночку.

Старшой вовсе не был невежествен, как полагал Атон. Насколько сильны были его подозрения?

— Ты обвиняешь меня в преступлении Влома?

— Я — человек простой, — сказал Старшой. — Я не знаю, что творится в людских умах, и мне понадобилось много времени, чтобы все это понять. Но я уверен, что Влом и пальцем бы не тронул своего единственного приятеля. Он указал бы на своего злейшего врага, чтобы спасти виновного друга. Но он *не знал*, кто взял вторую половину голубого граната. Он решил, что ты невиновен, поскольку виновен был он. Влом надеялся, что ты предоставишь ему алиби, но ты этого не сделал, и это означало его конец. У тебя была одна

причина так его вломить. Ты понимал, что мы ни из кого не вытянем признания, потому что они никогда этого не делали: вторые полграната подобрал ты и сунул их в корзину для Счетовода. Предатель — ты!

Тугодум Старшой казнил Влома до того, как понял правду — и теперь должен был признать свою ошибку.

— Очень жаль, — с сочувствием произнес Атон. — Ты вешаешь на меня и вину за смерть Первоцвета?

— Ты хитер! — Старшой оставил без внимания иронию Атона. — Рассчитал, что дело кончится Тяжелым Походом, а этого-то тебе и надо было. Другие умирали вместо тебя. Ты не осилил бы поход в одиночку. Все, кто здесь умер, умерли из-за тебя.

— Даже жертвы химеры?

— Когда мы услышали крик Влома, тебя поблизости не оказалось. Тогда-то я и начал размышлять. Ты явился с той стороны туннеля. Химера должна была пройти мимо тебя. Но ты ничего не сказал! Ты хотел смерти Влома, чтобы он ничего не сболтнул, ведь ему, возможно, кто-нибудь бы и поверил.

— Точно! Колдунья-миньонетка наделила ме-

ня истеричной силой. Я могу в мгновение ока убить голыми руками. Могу схватить человека за жилы на шее и разодрать их. Могу засунуть пальцы ему под ребра и вырвать грудную клетку. Могу воспользоваться длинными ногтями, по-кошачьи впиваясь в лицо своей добычи, могу ломать шеи и откручивать головы. Могу точно воспроизводить порезы и царапины, оставляемые когтями животного, а также полусжеванные, полурваные следы нападения. У меня в тайнике есть специальные приспособления, чтобы подражать следам призрачной химеры, и делаю я это в считанные секунды. Я не сумел протащить эти приспособления вниз и потому изготовил их сам, в тайной лаборатории, где у меня имеется крепкий металлический пресс и небольшая доменная печь для плавки железной руды. Камень, сам понимаешь, для этого неудобен. Я пробил дыру на поверхность, чтобы незаметно выпускать дым и гарь. То и дело приходилось подниматься вверх и отгонять от дыры ротозеев, потому что я не хотел, чтобы кто-то совал нос в мои личные дела. Моя лаборатория звуконепроницаема, чтобы никто не слышал грохот. А еще у меня есть собственная железная дорога, параллельная нашему пути в Тяжелом Походе, так что я могу подвозить свои

орудия всякий раз, когда возникает нужда в очередной казни. У меня есть особые устройства для уничтожения кровавых следов, и, конечно же, я ношу закрывающую все тело одежду, наподобие космокостюма, уберегающую от кровавых брызг; я снимаю ее и прячу, оставаясь нагим, и никто не может распознать, что я сделал. Ведь мне нужно немедленно присоединиться к отряду, чтобы никто не заметил моего отсутствия, когда раздается первый крик жертвы. Должен признаться, что с Вломом я немного замешкался, но все равно сделал все в лучшем виде. Всего несколько секунд. Чем не охота? Если бы ты знал, как это увлекательно…

Старшой продолжал, не тронутый навязчивым сарказмом Атона:

— Я вижу, что ты сделал с Гранаткой. Она — грубая баба, но не заслуживает того, как ты с ней обходишься. Ничем не могу помочь в остальном. Но с ней ты все уладишь.

«Да, пришло время решения».

— Ты в этом уверен?

— Уверен, — подтвердил Старшой. — Есть одна штука, которую может сделать хвеевод. Гранатка должна умереть, но пусть она умрет счастливой. Ты позовешь ее по-хорошему, приведешь

куда-нибудь, где вас никто не увидит, сочинишь ей всю ту чушь, на которую покупаются бабы, и все с ней уладишь. Пусть она получит то, что вполне заслужила. Остальные будут отдыхать и готовиться к переправе.

Атон внимательно посмотрел на него. Старшой говорил серьезно.

— Думаешь, она этому поверит? — он готов уже был сдаться.

— Она поверит тому, во что хочет верить. Я прекрасно ее знаю. И ты ей в этом поможешь. Когда надо, ты — отличный болтун, — Старшой позволил себе легкую улыбку. — Почему она торчит на тебе, мне не понять. Но ради тебя она готова на все. Сделаешь все как надо и до конца… или на этот раз будешь приманкой *ты*, а не она. Если не веришь мне…

Атон не верил. Привыкнув не предупреждать, он развернулся и нанес удар босой ногой со всем смертоносным умением своего боевого искусства. Креллевод запоздал с нравоучением.

Ребро стальной ладони отмело выпад Атона в сторону. Казалось, Старшой чуть шевельнулся, а уже провел боевой прием. Его мозолистая ступня ударила по другой ноге Атона снизу. Сила болезненного падения на каменный пол была удвоена

весом Старшого. Под тонким слоем оставшегося жира креллевод был тверд, как стена пещеры. Свободная рука зажала голову Атона, мощная ладонь ухватила руку в мертвый замок. Пальцы нащупали челюсть.

Атон дико рванулся. Заорал. Взрыв невыносимой боли в горле, невольный и бесполезный рывок из удерживающих его рук, вопящий мрак над миром.

После легкого прикосновения стальных пальцев к скрытому нервному центру, мир вернулся к нему на удивление нереальный. Голос мягко спросил:

— Детка задумал поиграть?

Старшой отпустил его, оставаясь настороже.

— Скажи Гранатке, что мы дрались из-за нее, и ты победил, — посоветовал он. — Не хочу, чтобы ты выглядел потрепанным, космогард все-таки. — Старшой продолжал настаивать на своем.

Так они разыграли втроем сцену жертвоприношения Гранатки:

Старшой ждал с обмотанным веревкой кулаком, зная, что любовные звуки поддельны, хотя его сострадание охотно сделало бы их истинными;

Атон смутно обнаруживал, что познание смер-

ти порождает мелодию, а мелодия — удивительно реальную страсть;

Гранатка принимала добровольную смерть как единственный способ вызвать эту страсть и, вероятно, на какой-то миг подлинную любовь и преодолеть свои невзгоды.

А белый бурун ждал…

VI. Хтон
§ 403
Шестнадцать

Атон медленно приходил в себя. Календарь на противоположной стене комнаты был открыт на Втором Месяце, § 403 — почти через год после запавшего в память ужаса. Он поцеловал миньонетку, и… почти год!

«Где я был? Что делал в этот промежуток?»

Он огляделся. Первым предметом в уютной комнате, привлекшим его внимание, было деревянное кресло с твердой спинкой: мощное кресло Аврелия, охранявшее выход. Напротив стоял плюшевый диван, тоже слишком знакомый — диван, который он всегда воспринимал как материнский. Над ним по-прежнему висел портрет дочери Десятого в раме, не вызывавший ныне никакой вины. Рядом с ним…

Рядом с ним висела паутинная картина художника-ксеста: мать и сын.

Атон выкинул из головы комнату и стал рассматривать себя. На нем была светлая рубаха, чистый комбинезон и мягкие сапоги хвеевода:

тот, кто его одевал, знал как. Мог ли он при подобной амнезии одеться так сам?

В соседней комнате кто-то находился. Аврелий? Нет, он умер, так же как умерла лесная нимфа, как умерли все, кто заботился о нем. Кто занимал дом Пятого? Поступь была легкой, знакомой.

— Тема раковины! — воскликнул он, внезапно обрадовавшись, очень обрадовавшись. Он думал, что она тоже мертва, если она вообще существовала вне его грез. Он убил ее — но это была символическая казнь, отречение от второй любви, а теперь символика исчезла.

Она вошла в комнату: волосы были длиннее, чем в воспоминаниях четырехлетней давности, и отсвечивали серебром на фоне зеленой хвеи в полуденном солнечном свете. Изящные черты лица тверды, на запястье — ничего.

На Идиллии не существовало физической смерти, и они оба знали об этом. Однако он столкнул ее с горы в момент восторга. Она не была телепаткой и не могла знать, что его поступок означал отречение не от нее, а от миньонетки. Для Кокены это был его второй отказ… но трепещущая хвея, которую она по прежнему носила, показывала, что ее любовь к нему не ослабевает.

Быть достойным такой женщины…

— Дочь Четвертого, — сказал он, — я люблю тебя.

Она подняла глаза:

— Атон?

Он с трудом встал. В своем теле он почувствовал силу — значит, он не провел весь год в постели.

— Кокена, ты меня не узнаешь?

Она внимательно на него посмотрела.

— Атон, — повторила она, наконец, улыбнувшись.

Он шагнул к ней. Она отступила.

— Пожалуйста, не дотрагивайся до меня, Атон.

— Кокена, *почему?*

Она стояла за широким креслом Аврелия.

— Все может быть не таким, каким ты это помнишь, Атон.

Он вернулся к своему стулу и сел.

— Разве мои мечты ошибались, милая ракушка? Ведь на Идиллии никто не умирает?

— Нет, Атон, нет — не то. Но тебя… не было… долгое время. Я должна быть уверена.

— В *чем* уверена? — спросил он. — Миньонетка мертва, а я люблю тебя. Я любил тебя с самого начала, но пока я не победил миньонетку…

— Атон, позволь мне, пожалуйста, сказать. Тебе будет тяжело, а времени не так много.

Ее рассудочность изумила его.

— Кокена!

Она не обратила внимания на его восклицание и заговорила чуть быстрее, чем раньше, словно читая лекцию.

— Я ходила в лес до того, как ты освободился из Хтона, и говорила с миньонеткой, говорила со Злобой. Я показала ей хвею, которую носила, а она взяла ее и показала, что любит тебя так же, как и я.

— Она любила по-своему, — сказал Атон.

— Она была прелестна. Я улавливала ваше семейное сходство. Она рассказала о тебе все, что мне следовало знать, и я смогла позаботиться о тебе во время твоего выздоровления. Она предупредила меня, что из Хтона явится некий злодей и что я должна защитить тебя от него. Она сказала… она сказала, что вскоре уйдет, и оставила мне песню.

— Песню!

— Она хотела, чтобы ты был счастлив, Атон, но видела, что кровь миньона разрушает тебя, а злодей из Хтона ждет, что от тебя останется. Она подарила тебя мне, Атон, ты не победил эту великолепную женщину!

Мысль об этом ужаснула его.

— Все это… случилось *до того*, как я бежал из Хтона?

— Мы любили тебя, Атон.

— Злоба *знала*, что она умрет?

— Да. Ее имя в понятиях ее культуры означает «Сострадание», и она любила твоего отца настолько, что оставила его, а тебя настолько, что умерла ради тебя. Когда Аврелий увидел, как ты идешь с ней по полям, он понял все и прекратил свою долгую борьбу с болотной ржой. Вскоре умерла и она. Приехал брат Пятого, и мы похоронили Аврелия в лесу рядом с ней.

— Песня, — выговорил Атон, не в силах более сосредоточиться.

Кокена мельком взглянула на него.

— Мне пришлось разбудить тебя… рано, — сказала она. — Песня… — Она решилась: — Вот песня.

Она запела, и это была мелодия его детства. Голосу Кокены не доставало богатства голоса миньонетки, но сейчас это не имело значения. Ведь это была та самая *песня*.

Она пропела ее до конца, но чудо исчезло.

— Песня не прервана, — сказал он, только теперь понимая, что ее истинная привлекательность — не в самой мелодии, а в том, что она не

завершена — точно такими были и его отношения с миньонеткой. Не песня, *но прерванность* влекла его за собой. Почему он не понимал этого раньше?

Кокена пристально наблюдала за ним.

— Теперь, Атон, песня для тебя ничего не значит?

— Извини, — сказал он, понимая, что это выражение неуместно. — Ты могла бы избавить себя от неприятностей.

— Нет, нет, — сказала она с более ясной улыбкой. — Все хорошо. Значит, миньон в тебе умер. Ты опять выздоровеешь, если только…

Эти таинственные намеки раздражали его.

— Если только *что?* Что еще за «выздоровление» и какой такой «злодей»? Где я был и что делал весь этот год? Почему ты не подпускаешь меня к себе? Почему тебе вообще пришлось будить меня? Я спал?

— Теперь я могу тебе сказать, — Кокена обошла кресло и села в него, поодаль от Атона. — Полуминьон, получеловек, ты не мог жить ни в одном из двух миров. Злоба предупредила меня о страшных последствиях, если бы ты бежал до разрешения этого конфликта. Но после того, как она принесла себя в жертву, ты обезумел и

рыскал по лесу в диком слепом гневе. Твой дядя — Вениамин — вытащил тебя из аэромобиля и привел ко мне. Пришлось воспользоваться наркотическими препаратами. Мы не смели извещать власти, иначе тебя выдали бы Хтону. Мы поддерживали твой разум пустым до тех пор, пока ты не выздоровел. Миньонетка предупреждала меня, что может пройти два года до того, как потрясение от ее смерти оставит твою душу и ты снова станешь нормальным человеком. Мы знали, что, все это время мы должны удерживать тебя от деятельности. Но…

— Наркотики! Целый год?

— Больше ничего не оставалось. Добавляли в пищу. Вениамин вел хозяйство, я ему помогала и ухаживала за тобой. Ты, Атон, стал растением — вот почему сейчас я не могу к тебе привыкнуть. Я водила тебя на прогулки…

— Как зверька на поводке!

— Подробность про выгуливание собак! — огрызнулась она. — Пожалуйста, дай мне закончить. Мы скрывали твое присутствие, но один злодей, похоже, это знал. Его бог — телепат, сильнее миньонетки. Этот злодей приходил за тобой, утверждая, что отныне ты принадлежишь Хтону. Он знал… очень многое. Он сказал, что только в

Хтоне ты в безопасности, что бог Хтона восстановит твой разум. Он пытался забрать тебя.

— Посланник из Хтона? — Атон недоумевал.

— Хвеи его не любят, — сказала Кокена, словно это снимало вопрос — как, вероятно, и было. — Я… я сделала ему больно, и он убрался. Теперь сидит в космокорабле и дожидается твоего пробуждения. Говорит, что ты придешь к нему, когда вернешься в сознание. Я его боюсь. Тебе придется встретиться с ним до того, как ты к этому готов, я слишком рано прекратила давать тебе лекарства.

— Кончился запас? — Атона не радовала ни одна из составляющих его странного положения.

— Нет, — больше она ничего не сказала, а вместо этого указала на дверь. Он подчинился ее жесту.

Опускалась ночь, над сумрачным горизонтом виднелись облака — пепел на небе. Он никогда не видел свою родину более прекрасной.

«О радость! — подумал он. — В нашем…»

— Ты должен пойти к нему, — настаивала Кокена. — Тебе придется сразиться сегодня ночью, пока есть время. Пожалуйста, иди.

Атон смотрел на нее, рассеянно отмечая ее прелестную бледность.

— Сразиться? Зачем? Я ничего о нем не знаю,

об этом «злодее». Что за спешка? Почему ты молчишь?

— Прошу тебя, — сказала она, и на щеках ее блеснули слезы.

— Позволь мне коснуться моей хвеи, — сказал он, выигрывая время, чтобы понять тайну. Кокена стояла неподвижно, как кукла, пока он вынимал цветок из ее волос: знак любви, который ему придется постоянно приручать, когда они поженятся. Кокена любила его странно, такими могли показаться и ее поступки; но хвея подтверждала ее любовь. Сейчас она действовала так же необъяснимо, как давным-давно миньонетка в космотеле. Были ли причины ее поступков так же обоснованны?

Хвея на его ладони завяла и умерла.

«Час убывания любви нас посетил», — подумал он пораженный. Но потерянная ДЗЛ теперь не утешит.

Кого хвея не может любить…

Атон уставился на бессильную зеленую веточку. Она осудила его как недостойного быть любимым, и просить ни о чем было нельзя. Неужели все его стремления нашли в этом свое завершение?

Облака тускнели в гаснувшем свете: зола на

небе.

Семнадцать

Охладевшая Кокена не сказала ему, где искать злодея, но Атон целеустремленно шагал по полям в знакомом направлении. Три километра ходьбы в сумерках привели его к черному силуэту: кораблю Хтона.

Этот человек ждал его почти год — не как рука правосудия, но как посланник бога. Сила Кокены оттолкнула его. Кокена не преувеличивала, когда говорила — давным-давно, когда ее любовь только зарождалась — о своей способности побеждать нападавших мужчин. Но ей не дано покорить мощь Хтона, стоявшую за спиной посланника. Это удел самого Атона.

Он ни в коем случае не собирался вернуться в тюрьму.

Замок не был заперт. Глупец, позабывший о собственной безопасности! Атон нашел трап и полез наверх.

Его голова поднялась до уровня люка, что напомнило ему прошлое восхождение и прошлую надежду. Что-то кольнуло его в лицо. Атон замер, ощупывая глазами потемки.

Это был небольшой нож с тонким лезвием, который кто-то держал с четкостью хирурга. Чуть поблескивая, глаза сидевшего на корточках человека внимательно следили за ним, а Атон знал, что сильные контактные линзы позволяют видеть и в темноте. Ниже — губы, сложенные в беззвучном свисте, немелодичном отклонении от нормы.

— Привет, Соучастник, — сказал Атон.

— Соучастниками мы еще станем, — ответил человек. — Но не такими, какими были. Вы меня уже знаете. — Нож не шевелился.

— Да, — сказал Атон, ставя ноги поудобнее. — Миньон Хтона, пришедший забрать меня обратно. Вовсе не случайность привела вас в дремучие леса Идиллии, планеты Хтона, чтобы найти меня и провести через открытия, не оправдавшие моей пригодности вашему хозяину. Отличные слова: никто не убегает.

— Никто, — согласился человек, которого красноречие Атона ничуть не впечатлило. Лезвие не отодвинулось.

Атон понимал, что отступать нельзя — ни словесно, ни физически. Если бы его не обуревали другие вопросы, он бы давным-давно разглядел Соучастника насквозь. Тот был слишком терпе-

лив, давая ему время на Земле, на Миньоне, на Хвее; он стушевывался, пока Атон исследовал собственную природу. Соучастника не интересовали ни гранаты, ни рудники, где их добывали; всего лишь удобный предлог, чтобы усыпить подозрения. У Соучастника имелся уже ключ и от рудников, и от всего Хтона.

Атон помедлил, прежде чем сделать очередное заявление, не уверенный, заставит ли оно убрать нож или воткнуть его. Потом бросился с головой.

— Не случайность. В самом деле, мы очень похожи… доктор Бедокур!

Лезвие исчезло.

— Входите, — сказал доктор.

Атон залез в каюту. Тесное жилое помещение оставалось таким же, каким он помнил его по нескольким совместным путешествиям: запасы воды и пищи располагались вдоль одной короткой стены, откидывающиеся койки — вдоль другой. Любительский корабль, предназначенный для полетов на пикники и развлекательных путешествий. Место, отводимое обычно для груза, было незанятым. Площадь пола составляла роскошных восемь квадратных метров.

Бедокур взмахнул рукой, и со стен замерцал мягкий зеленый свет: свет пещер Хтона. Атон как

будто этого не заметил. Соучастник, скрывая свою личность, страдал от обычного освещения, но теперь маска была отброшена. Какова истинная связь между этим человеком и Хтоном, и почему раньше он утаивал свою историю?

— Что такое «Микса»? — спросил Атон.

— Слизь. Это было не очевидно?

— Не в то время, — сказал Атон, думая о Хтоне и тамошних ужасах. «Тяжелый Поход приберег худшее на самый конец. Какого рода человек мог полюбить его настолько, чтобы задавать академические загадки тем, кто идет следом?» — Вы знаете, сколько погибло, пытаясь бежать? Как вам удалось это в одиночку?

Бедокур сидел на корточках, прислонившись к стене, словно находился в пещерах, по которым он явно скучал. Атон был убежден, что его скальпель не на виду, но наготове. Неосторожный человек не переживет опасностей похода. И нормальный. И не безумный.

— Безумие в наши дни, конечно же, узаконенная выдумка, — сказал Бедокур, решив прежде всего разделаться с подразумеваемым вопросом. — Биопсихические методы официально искоренили эту проблему, подобно тому, как лекарства победили физические болезни, за ис-

ключением озноба и двух-трех других. — Атон оценил ироническую ссылку на страшнейшую из всех болезней — озноб. — Тем не менее, для общества остается необходимым заточать в тюрьму определенных… э-э… нонконформистов. Когда я оказался в Хтоне в качестве заключенного, мой — позвольте назвать это комплексом побега — мой комплекс побега активизировался. У меня была цель. При таких обстоятельствах я вынужден был стать нормальным. Вы следите за мной?

— Нет.

Бедокур нахмурился.

— Человек, который приспособился к ненормальной ситуации, но живет в «нормальном» обществе, имеет тенденцию к невыживанию. Но поместите этого человека в ситуацию, сообразную его личным склонностям, и его черты станут необходимыми для выживания, тогда как нормальный человек погибнет. Вот основания для поговорки; что не безумному человеку из Хтона не убежать. Хтон не ориентирован на душевное здоровье. Конечно, шансы против совместного наложения искаженных изображений…

Атон замотал головой. Он не обращал особого внимания на слова, понимая, что это лишь разговорная прелюдия к грядущему отчаянному

поединку. Ему противостоял здесь такой смертельный враг, с каким он не встречался за всю свою жизнь — из тех, кого приходилось убивать. От их сражения зависело будущее Атона, хотя исход был неясен. Поражение означало возвращение в Хтон и новую нормальность; победа — возвращение к погубленным надеждам умершей хвеи. Вероятно, он боролся, скорее всего, за сохранение за собой права запятнать себя самоубийством.

— Бросьте рыбу в воду, и она поплывет, — резко произнес Бедокур. — Оставьте ту же рыбу на суше…

Атон кивнул, не желая продолжать эту тему.

— Хтон был моей стихией, — беспощадно продолжал Бедокур. — Я проложил себе путь наружу. Я выплыл. Тамошние чудовища были ничто по сравнению с чудовищами в моей голове. Но когда я вернулся в мир, я стал тонуть в воздухе, как тонул и раньше. Мое отклонение быстро указало на мое положение, и я вновь был арестован. Вторично меня в Хтон не отправили, поскольку решили, что я выведу всех. Меня нельзя было ни игнорировать, ни выпускать. Они предпочли приложить небольшое целебное безумие к своему собственному разуму и объявили, что из

Хтона убежать невозможно, а потому я — сумасшедший, назвавший себя знаменитым доктором Бедокуром. Это, по-своему, вполне справедливо. Как бы там ни было, меня положили в «больницу» на «обследование». Очередное заключение вновь активизировало мой синдром побега, и я опять стал способен действовать. После Тяжелого Похода их стены и охрана были детской игрой.

Атон с циничным видом наблюдал за ним.

— Если вы знали, что свобода будет стоить вам душевного здоровья, зачем вы боролись за нее?

Бедокур широко улыбнулся.

— Еще одно романтическое помешательство. Мы полагаем, что проблему личности можно ликвидировать посредством ее понимания — как будто для того, чтобы поднять гору, человеку достаточно подумать, что она тяжела. Нет, понимание — не синонимично решению. Я лечу к свободе, как мотылек к свече, и ничто столь несущественное, как Разум, не свернет меня в сторону.

Атон подумал о собственном опрометчивом стремлении соединиться с миньонеткой: ее алые волосы — страсть, черные — смерть. Разум — как он мог надеяться преодолеть разверстую холодную и мрачную пустоту, потерю исцеленной

песни, разбитой раковины? Мотыльку больно, поскольку его крылья превратились в пепел, но он еще не понял, что больше не может летать. Какой смесью метафор сумеет он себя проанализировать? Гусеница, ползущая в ад?

— Но теперь вы здоровы и свободны. — «Не похоже».

— Ни то, ни другое не естественно, — сказал Бедокур. — Впрочем, да: теперь у меня больше здоровья и свободы, чем когда-либо, и вот их-то я вам и предлагаю.

— Свобода и здоровье — в *Хтоне?* Экая чушь! — сказал Атон и приготовился к действиям.

— Неужели вы полагали, — сказал Бедокур на удивление спокойно, — что можно бросить вызов легким и желудку Хтона и не быть подотчетным мозгу?

— Вашему богу я не подотчетен. Я выиграл свою свободу.

— Еще нет, — сказал Бедокур. — Хтон пожаловал вам отсрочку приговора. Вы ее не завоевали.

Слова звучали очень знакомо. Как много сил воображало, что они управляют его жизнью? Или они всего-навсего воображаемы?

— Как вы заметили, — продолжил Бедокур, — мы очень похожи. По нормальным стандартам

я безумен. Лишь поручение от Хтона сохраняет мое равновесие. Хтон заботится обо мне неким способом, который вы скоро поймете. Но вы…

— Я был осужден как душевнобольной преступник, — признался Атон. — На Хвее этот термин еще в моде. Но все это было до смерти миньонетки. Сейчас я в полном порядке. — Ложность этого заявления тут же поразила его. Хвеи его больше не любили, а это значило, что он совершенно испорчен, неважно, сознает он причину этого или нет. Подозревала ли Кокена? Не потому ли она держалась от него на расстоянии? Почему же в таком случае она все время заботилась о его теле? Зачем послала победить «злодея»? Слишком многое неразрешимо.

Но он совершил бы одну вещь ради нее, ради любви, которую, по его мнению, он ощущал, хотя понимал, что теперь это мелкая эгоистическая вещь — любовь, недостойная ее. Он бы сделал ей подношение, поскольку она, похоже, этого хотела: безжизненное тело Бедокура.

— Ваше личное безумие произрастает из биологической почвы, — сказал Бедокур. — Оно неизлечимо. Свою наследственность вам не переделать. Вы и дальше будете садистски убивать, потому что миньон в вас жаждет телепатиче-

ского наслаждения от боли невинных жертв. Вы и дальше будете забывать свои преступления, потому что человек в вас не может принять преступных наслаждений, которых требует ваше второе Я. Вы и дальше будете оправдывать решение тех, кто наложил запрет на Миньон, ненавидя себя больше, чем кого-либо, — и по праву. О да — теперь вы знаете о своем безумии, не так ли, миньон?

— Я убивал, — сказал Атон, — но не садистски. Мои поступки исходят из справедливости и милосердия. Я — не химера.

Бедокур не смягчился.

— Я не говорю о честных убийствах, миньон. Конечно, в Хтоне убивать порой необходимо. И не ваши ошибки я имею в виду: девушку на Идиллии, месть миньонетке, пещерную женщину. Вы пытались их всех убить, но пребываете в таком раздоре с самим собой, что не способны действенно ни любить, ни ненавидеть. Нет, не эти поступки. Но вспомните один особый случай: своего дружка Влома. (Да, мой бог рассказывает мне все.) Вы утверждали о своей невиновности, потому что формально не пролили его крови. Зато вы предали нижние пещеры и опозорили его, и подставили его под казнь. И были там,

подслушивая, когда придет химера. Ваша чувствительность миньона уловила дикий умишко подкрадывавшейся химеры, и вы поняли, что она идет за Вломом. Вы могли позвать людей и спасти его — но не сделали этого. Вы были там, смакуя его боль, когда химера напала, и по-прежнему не дали сигнал тревоги. Только его предсмертный крик призвал остальных — слишком поздно. Вот что вы делали в Хтоне, и не единожды! Вы использовали химеру для удовлетворения своей звериной страсти. Это и есть ваша справедливость? Ваша… нормальность?

Атон вспоминал… Хтон, где его похоть к боли усилилась заключением. Людей, смерть которых он смаковал; чудовищные пытки над ними существа, которые он мог остановить, но не останавливал, пока они истекали кровью. Греховный восторг, что страшил его; почти религиозная радость, завершаемая судорогами наслаждения, когда наступала предсмертная агония.

Он вспомнил суд на Хвее: эксперты свидетельствовали, что его отклонение было биологическим, а не психическим и что оно неизлечимо. Что его не убьют, но и не выпустят — ради безопасности человечества — на свободу. Что даже полная промывка личности не удалит запретные

побуждения. Он вспомнил приговор: Хтон.

Особенности миньона проявились у него в зрелости, но какое-то время были целиком направлены на поиск миньонетки. Когда ее влияние ослабло, начался ужас. Его любовь к Кокене стала последней борьбой в нем человеческих качеств — проигранной борьбой.

Хвея все знала. Ее не было с ним в период его безумия. Она любила того, кем он был раньше; но когда после Хтона он коснулся ее рукой смерти…

— По этой причине, — сказал Бедокур, — вы и вернетесь в Хтон. Там вы будете в безопасности и от собрата-человека, ибо вы вне закона, и от самого себя, Хтон лучше поддержит ваше душевное здоровье, чем вы сами. Хтон будет вашим богом, а вы и я станем братьями — всегда в безопасности, всегда свободны.

Это искушало. Атон увидел, что вся его взрослая жизнь была разрушительным кошмаром страсти и боли, заражавшим все, чего он касался. Миньонетка была частью этого кошмара — естественной и непременной. Но Кокена… для нее было бы лучше, поступи он с жестокостью миньона и вышвырни ее из своей жизни. Ей было бы лучше с себе подобными. Любовь, которую он зародил в ней, нашла бы самое прекрасное

воплощение в потере.

Но миньонетка умерла, чтобы дать ему человеческое подобие. Она его прекрасно знала, знала о его связи с Хтоном и во всеуслышанье высказывалась против нее. Злоба и Кокена, миньонетка и человеческая женщина, его первая и вторая любовь — они были не соперницы, а искренние сотрудницы в деле на его благо. Они поняли, что у Атона есть шанс, и обе поставили на него свою жизнь. Мог ли он теперь их предать?

Возможно, обе ошибались — но они верили в его выздоровление, и ради них он обязан пойти на крайность, отказаться от легких путей. Он не в силах был зачеркнуть свои преступления, бежав от жизни. Он обязан был жить, чтобы искупить вину, чтобы как-то уравновесить чаши весов. Он должен был встретиться лицом к лицу с тем, кем он был и что сделал — и искать пути исправления. Это и есть настоящая битва: против капитуляции, так привлекательно предложенной доктором Бедокуром.

— Нет, — сказал Атон.

Выражение лица Бедокура изменилось.

— Я покажу вам, кто вы такой, — хрипло проговорил он. Зубы торчали из его рта, как у пещерной саламандры. — Вы схематизируете, вы чересчур

обольщаетесь надеждами на свою грядущую праведность. Но ваше истинное желание осталось прежним — убить себя, ибо вам известно, что вы — соучастник в преступлении против своей культуры. Вы пытались свалить вину на миньонетку, но действовали-то именно вы! Да вы и сами знаете, что я имею в виду, миньон.

Отношение Атона, пока он слушал, неуловимо менялось. Сейчас он был на грани взрыва и не мог ни приостановить его, ни перетерпеть. Лезвие Бедокура было настороже. Обучение в космосе научило Атона приемам против ножа — но не в руке безумного хирурга. Нормальных рефлексов здесь недостаточно.

Бедокур продолжал:

— Вы очень удобно для себя забыли свои кровосмесительные страсти. Не двигаться! — прохрипел он, едва Атон пошевелился. — Я не буду убивать вас, пока в вас нуждается Хтон, но не надейтесь на полную безболезненность моей хирургии.

Это была последняя попытка Бедокура. Мог ли он отказаться от нее? Он был дьявольски умен.

— Там в космотеле, — настойчиво зашептал Бедокур. — Когда вы это сделали. Когда миньонетка была наедине с вами, и вы знали, кто она. — Бле-

стящие линзы сверкали в окружении зеленого мерцания, как раз над направленным лезвием. — *Когда вы изнасиловали свою собственную ма…..*

Нож упал на пол — миньон нанес удар с силой и скоростью телепатии. Бедокур уставился на утраченную вещь — воплощенная химера.

— Моли своего бога помочь! — прошептала она; горячие зубы обнажены, когти рядом с выкатившимися глазными яблоками, готовые вырвать их из глазниц. — Он поможет тебе умереть.

Последовала немая сцена — молодой воин и старый. После чего химера исчезла. Атон, не трогая Бедокура, дал ему упасть.

— Я не тот, кем был, — сказал Атон, — и я никогда не был *физической* химерой. Вы искажаете то, чего не понимаете. Но я не убью вас за это.

Бедокур лежал там, где упал — у ног Атона. В нем не было ничего угрожающего — просто усталый старик.

— Вы сразили свою химеру, — сказал он.

— Сразил.

— Утром я возвращаюсь в Хтон. Вы свободны.

Атон подошел к люку и, распахнув его, ногами нащупывал ступеньки.

— Позвольте мне сказать по-простому, — сказал Бедокур, приостанавливая спуск Атона. — Хтон

желает от вас службы, а не смерти. Никто на вас не обижается. Хтон поможет вам победить в другой битве.

— Нет.

— Тогда послушайте. Если бы меня любила такая женщина, как Кокена, Хтон был бы мне не нужен. Одиннадцать месяцев назад она сломала мне руку — я не знал, что она владеет боевым искусством — эту женщину вы не сможете заменить. Вы потеряете ее, если не…

Атон спрыгнул на землю и пошел прочь.

— Подумайте, подумайте о дате! — кричал вслед Бедокур. — И о хвее! Иначе…

Его голос затерялся вдали.

Восемнадцать

Доктор Бедокур, нынешний выразитель воли Хтона, почти доказал, что Атон бежал лишь телом; но жертвоприношение миньонетки и забота дочери Четвертого нарушили равновесие и помогли цивилизованному человеку в нем победить. Его пробудили слишком рано; еще немного времени — и он стал бы сознавать болезненные истины, которые он не видел, ослепив себя. Слепота не решила проблем Эдипа, как и ритуальное

ослепление жертв не решало проблем у мужчин Миньона. Атон был одержим слепотой — физической и духовной.

Еще немного, и Бедокур вообще не смог бы пробудить умирающую химеру. Она была скрыта — слишком скрыта. В чем смысл этой преждевременной битвы? Неужели Кокена хотела его поражения?

Нет, сомневаться в ее побуждениях было невозможно. Кокена добра, она любит его гораздо сильнее, чем он того заслуживает. Именно ему всякий раз чего-то не хватало. Он отверг их помолвку до того, как встретил Кокену. Столкнул ее с горы, убил хвею.

Подумай о хвее и о дате. Что за таинственное сообщение передал Бедокур?

Как все-таки мало он знал Кокену! Краткое время, проведенное с ней на Идиллии, было счастливейшим в его жизни. Если бы он сумел тогда остаться с ней, а не преследовать свои навязчивые идеи! Он знал, что у него много общего с дочерью Четвертого. Ее воспитание, естественно, было схожим с воспитанием сына Пятого. Она — интеллектуальная хвеянка высшего сословия на планете, где о демократии и знать не знали; она, как небо от земли, далека от девушек послед-

них Династий. Прелестная раковина! Почему он никогда не заглядывал внутрь? Как прекрасен выбор Аврелия!

«*Подумай о хвее...*»

Но ведь хвея умерла. Вся его жизнь была кошмаром, кроме Кокены — но хвея приговорила и ее. Неужели он выиграл битву за будущее лишь для того, чтобы провести его в одиночестве?

«*Подумай о дате...*»

Датой был Второй Месяц, § 403: ничем не отличимый от любого месяца и любого года на уравновешенной Хвее — планете без времен года. Какая-то загадка без отгадки…

В хвее же был определенный смысл. Бедокур мог не знать о последнем эпизоде с хвеей, ибо тот произошел всего за час до их столкновения. Но он знал, что это *произойдет*, когда бы Атон ни коснулся цветка. И предупредил, что Кокена будет потеряна, если не…

Атон уже сожалел о своем пренебрежении к посланнику Хтона. Что такого было в хвее, которая могла спасти Кокену для недостойного ее человека? Свойство, которое мог предсказать знающий третий?

«*Подумай...*»

Атон думал. Быстрым шагом он двигался по

знакомой с детства местности. Вдыхал слабый запах поцарапанных стволов деревьев, развороченной земли, вырванных сорняков, диких лесных цветов. Видел черные очертания высоких деревьев на фоне звездного неба и слышал яростную ночную драку хулиганов-подростков. В нем всколыхнулись воспоминания: мелочи жизни, обретшие вес лишь потому, что они были невесомы. Запах сухой листвы, дуновение ветерка — все чудесное отодвигалось по мере взросления в сторону. Сейчас он минует то место, где встретил миньонетку, где получил в подарок дикорастущую хвею.

Миньонетка сорвала ее, а он, знавший слишком много для семи лет, не позволял ей это сделать. «Хвея — только для мужчин!» — утверждал он, и она подарила ее ему, и хвея была у него до самой помолвки. Была и после, ибо она не стала бы жить у женщины, которая его не любила. Хвея любила своего хозяина и не противилась его возлюбленной до тех пор, пока продолжалась любовь, и пока он был достоин любви.

Миньонетка сорвала ее.

Миньонетка!

Хвея выбрала ее! *Миньонетка* была ее хозяйкой!

Внезапно все сошлось. Он любил ее, вернее, его кровь миньона любила ее достаточно, чтобы сохранить растение. В конце концов, это она была достойна, а не связанное с ней зло. Хвея отзывалась на искренние чувства и не замечала извращений. Ненависть, которую, по мнению Атона, он ощущал позднее к миньонетке, была ложной ненавистью. Хвею не ввести в заблуждение.

Смерть миньонетки забрала с собой не только злую химеру, но и добрую хвею — вот только хвея, которой владела возлюбленная возлюбленного, не знала, что предмет любви умер. Кокена видела мертвую миньонетку, но не сообразила, что это — хозяйка хвеи, а хвея приняла ее невинную веру за свою собственную. Сущность хвеи была любовь, а не разум. Даже ее ясное суждение о достойности — обманчиво. Она любила мужчину, который, в своей основе, любил самого себя, и отвергала того, кто воистину себя ненавидел.

Если бы даже хвея принадлежала Атону, она бы все равно умерла.

Но он не был осужден. Хвея умерла, ибо он знал судьбу миньонетки и знал о ее связи с хвеей, хотя и не сознавал этого. Когда хвея вернулась к нему и его знанию, ей пришлось умереть.

Атон мог бы взять вторую хвею и подарить ее Кокене. Эта бы не умерла.

Он уже видел дом. В окне горел неяркий свет.

Его продолжали мучить сомнения. Почему Кокена послала его раньше времени? Почему отказывалась прикоснуться к нему? После того, как она посвятила три года жизни заботам об умирающем отце и слишком живучем сыне, перед самым концом своих мучений… — почему она плакала?

«*Подумай о дате...*»

Да, дата была преждевременной. Но *почему?* Бедокур наверняка что-то имел в виду.

Атон подошел к дому и без промедления отворил дверь. Какой-то незнакомый человек обернулся ему навстречу — рослый мужчина лет пятидесяти, в расцвете сил, с серьезной внешностью и натруженными руками. В его поведении угадывалась сила — ненавязчивая, но непоколебимая. Это его дядя — Вениамин Пятый, которого он почти забыл.

— Где ты был, Атон? — строго спросил Вениамин.

Его голос был невероятно похож на голос Аврелия. Позади него на диване лежала женская фигура.

— Кокена! — воскликнул Атон, в неуважительной спешке минуя Вениамина. Кокена не шевелилась. Ее светлые волосы безвольно падали с края дивана, почти касаясь пола. — Кокена… я подарю тебе другую хвею…

— Слишком поздно, молодой человек, — сказал Вениамин.

Атон не обращал на него внимания.

— Кокена, Кокена — я выиграл сражение! Злодей побежден. — Ее веки дрогнули, но она не произнесла ни слова. — Кокена! — Атон положил ей на руку ладонь.

Рука была холодна.

«*Подумай о дате...* Это был год и месяц озноба. Озноб!

Она умирала, пройдя точку возврата».

— Ты думал, племянник, что ее любовь слабее, — пробормотал Вениамин, — потому что она протекает ровно?

Атон наконец понял. Озноб поразил Хвею в первом месяце § 305 и, соответственно, ожидался вновь во втором месяце § 403. Кокена это прекрасно знала, как знал всякий обитатель Хвеи, и могла покинуть планету — не будь у нее на руках в сущности инвалида. Вне планеты не было места, где она могла бы спрятать Атона, — не удалось

бы избежать тщательной проверки служащих карантина, которой все еще подвергали каждый корабль, покидавший обреченную планету. Кокена осталась, рискуя заболеть ознобом, — и проиграла! Вместо того чтобы покинуть Хвею к новому началу болезни. Кокена осталась ухаживать за ним и вынуждена была разбудить его, так как один бы он не проснулся — беспомощный, с помраченным сознанием, а то бы и просто умер от наркотиков без присмотра.

Нет, ее любовь не была слабее.

Кокена хотела, чтобы он выиграл свободу, пока она жива и поддерживает его.

Озноб. Атон опознал бы озноб сразу, коснувшись ее, ибо во время их разговора болезнь зашла уже слишком далеко. Кокене наверняка стоило больших усилий не терять сознание и настраивать его на поединок, смысл которого она сама не вполне понимала. И вот поединок завершен, ее роль сыграна — и она прекратила борьбу.

Если, конечно, не сделала этого раньше, когда увидела, что хвея умерла.

Атон нескончаемо долго стоял перед Кокеной на коленях и, взяв в ладонь ее руку, смотрел в спокойное лицо. Знала ли она, что в третий раз он ее не предал? Слезы навернулись ему на глаза, когда

холод перетек из ее руки в его руку, в его дух.

«Моя любовь к тебе, — думал он, — моя любовь к тебе не слабее. Все, что раньше ты делила с миньонеткой, принадлежит теперь тебе одной. Моя вторая любовь сильнее первой».

Она лежала без движений.

Атон, сраженный, опустил голову.

— Цена свободы слишком велика, — пробормотал он.

Раздался настойчивый стук в дверь.

— Это Хтон, — сказал Атон Вениамину, не скрывая более свою полутелепатию.

Вошел Бедокур и сразу же направился к умирающей девушке.

— Кончена, — проговорил он.

Атон кивнул. Последняя загадка Бедокура была разгадана. Наступил черед Атона принести себя в жертву.

— Я буду молиться вашему богу, — сказал он Бедокуру, — если только она выживет.

Бедокур одобрительно кивнул:

— Мы должны отправиться немедленно.

Атон встал, подсунул руки под окоченевшее тело Кокены и поднял ее. Он понес ее к двери. Вениамин не двинулся с места.

— Кажется, ты продал свою душу, — сказал он.

Атон шагнул в ночь. Над головой светили яркие звезды — звезды, которых он больше не увидит.

— «Умерьте свет свой золотой!» — тихо процитировал он. — «Моя возлюбленная спит!..»

§ 400
16

В пещерах было тихо, ни малейшего ветерка. Даже течение воды прекратилось. Она замерла неподвижно в заводях, слишком мелких для купанья. Скальные образования приняли необычный оттенок — неестественно серый, а гротескная форма расходящихся туннелей вызывала отвращение.

Дурные предчувствия росли, пропитанные предчувствием тупика. Некогда могучая река постепенно иссякла, а увлекательное путешествие выдохлось. Отряд вновь голодал. Скоро в ход пойдет жребий, если кто-то сам не станет добровольцем, рухнув без сил. Последняя отметка Бедокура находилась в двух переходах отсюда. Если в конце этого перехода не найдется новой, придется вернуться по тропе назад.

Четырнадцать женщин и шесть мужчин пережили тридцать отрезков Тяжелого Похода… Пока.

Несчастные случаи и переутомление все еще брали свою дань, и химера продолжала преследовать отряд, хотя ей очень редко представлялся шанс для нападения. Они были дальше от поверхности, чем когда бы то ни было — и между ними и выходом пребывала в ожидании Немезида, сведшая с ума Бедокура.

Переход подошел к концу. Все остановились на привал, сгрудившись вместе, чтобы защититься от зловещих скоплений неведомых сил. Эти пещеры исполнены угроз.

— Сколько же еще? — пронзительно спросила одна женщина, обращаясь к мрачным туннелям. Атон согласился: «Какие еще тяготы нужно вынести, чтобы Хтон нас выпустил?»

Крик. Кричала одна из женщин-разведчиц. Пока отряд отдыхал, группы из нескольких человек выходили побродить по окрестностям. Химера никогда не нападала на бдительный отряд.

Все собрались вокруг пирамиды Бедокура с нацарапанным на полу сообщением. Камень здесь мягкий и легко резался.

— Что это значит?

Типичное указание на опасность — с черепом, но без скрещенных костей. Под ним одно-единственное слово.

Атон произнес вслух корявые буквы: МУХА.

— Кажется, медицинский термин, — сказал он.

— Микса, — пробормотал Старшой. — Для меня это ничего не значит. Не похоже на него оставлять рисунок незаконченным.

— Если его что-то не спугнуло… — предположила женщина.

— Или здесь есть какая-то Микса, которая не совсем убивает, — закончила другая.

Они стояли переглядываясь. Никто не знал. Но одно казалось несомненным: Бедокур шуток не любил, и пренебрегать его предупреждением было нельзя.

— Лучше побыстрее идти дальше, — решил Старшой. Все устали, но никто не возражал. Здесь опасно.

Через четверть часа, схватившись за горло и голову, упала одна женщина. На нее никто не нападал, и с виду все было порядке.

Остановились для короткого обсуждения. Жизнь в этой точке возросла в цене. Если снова будут потеряны люди, малочисленный отряд не преодолеет оставшиеся испытания. Должны быть группа разведки, группа охраны и смена для них, а также люди для особо неприятных заданий. Если порядок рухнет, гибели оставшихся

участятся. Забота о слабых была чем-то новым — но необходимым.

Они остановились на привал и поудобнее уложили упавшую женщину. Ее тщательно осмотрели. Что с ней?

Дыхание было затрудненным, хриплым. Постепенно стала белеть кожа. По всему телу выделилась скользкая слизь, издававшая запах испражнений. Женщина пала жертвой какой-то болезни — первой болезни, встретившейся в Хтоне.

— Лучше убить ее прямо сейчас, — убеждала одна из женщин, — до того, как болезнь распространится.

Старшой обдумывал предложение.

— Не стоит труда, — сказал Атон. — Мы все были ей доступны.

— Где она такое подхватила?

— Не видел ничего подобного.

— Оставить ее здесь и убираться, — крикнул какой-то мужчина. В его голосе слышалась заразительная нотка паники.

Упала вторая женщина.

— Слишком поздно, — сказал Старшой. Суть очередной опасности они всегда понимали слишком поздно. — Лучше сплотиться и бороться.

— С кем бороться? — спросил тот же мужчина.

Вопрос был чисто теоретический: повалилась третья женщина.

Женщины падали одна за другой и лежали с кожей, измазанной белым. Кажется, после первоначальной судороги у них ничего не болело: но отвратительный покров становился все хуже. После того, как кожу вытирали начисто, он возникал заново и был повсюду.

Атон, Старшой и остальные четверо мужчин беспомощно стояли рядом. В походе мужчины больше рисковали и умирали чаще, да и химера, похоже, предпочитала их. Теперь, когда таинственная зараза превратила женщин в мумии, счет перевернулся. Старшой сделал все, что в его силах. Ухватив одну женщину за ноги, он подтащил ее к ближайшей заводи и принялся отмывать слизь. Кажется, это помогло: женщина села и стала обливаться сама — медленно, но с явной пользой.

То же самое сделали с остальными, погружая их в воду, а голову удерживая за волосы на поверхности, пока те не оживали. Кризис, казалось, миновал.

После чего то же самое началось у мужчин.

Нападение на мужчин, словно в отместку за

потерянное зря время, было куда более яростным. У всех почти одновременно начались судороги. Кожа выделяла быстро затвердевающий пот. Теперь женщины стали сестрами милосердия. Вскоре все пораженные находились в заводи, и вода приобрела молочный оттенок. Если бы болезнь была смертельной, умерли бы все.

Но Бедокур не нарисовал кости.

Атон первым из мужчин пришел в себя. Не считая напряжения в горле, мешавшего дышать, боли никакой. Зато сильнейшая усталость, желание опустить руки и отдаться воле волн — стряхиваемое, впрочем, холодной водой. Атон испытывал отвращение. Не к нелепой коммунальной ванне, а к своей неспособности сопротивляться болезни.

— Микса! — воскликнул он. — Наверняка об этом и предупреждал Бедокур. Какой-то вирус.

Женщина рядом посмотрела на него. Та черноволосая, уже не такая симпатичная, как до похода, но все еще привлекательная. При Гранатке она его сторонилась, но Гранатка скормила себя существу под белым буруном, пока остальные в безопасности переплывали реку, и теперь место было свободно.

«Если бы все когда-нибудь кончилось так легко,

чтобы позволить вдохновенную расплату…»

— Наверняка в воздухе, — сказала она. — *Лучше* отсюда убираться.

«А я так и не узнал ее имени».

Ожил Старшой.

— Ага, — согласился он.

Двинулись дальше, пытаясь бежать от заразы, которую наверняка несли с собой. Но далеко не ушли.

И вновь началось с женщин. На этот раз у них поднялась невероятно высокая температура. Ни термощупов, ни градусников не было, но простое прикосновение к телу убеждало, что температура на несколько градусов выше нормы. Жар возрос до предела человеческой выносливости. Потом еще выше.

Идти больше не пытались. Было очевидно, что они не могут ни обогнать болезнь, ни спрятаться от нее. Туннель расширялся в купол-пузырь, еще один реликт возникновения Хтона, совершенно неуместный в этой части пещер, зато как раз для их беспомощного положения. Основание на небольшую глубину заполнено чистой водой — удобно и относительно безопасно. Все расположились в озере и на берегу в ожидании, что произойдет дальше.

«В какой момент, — гадал Атон, — произошло умоповреждение? Наверняка жар сварил нервные клетки своих жертв. Вопреки мнению врачей, нет предела температуре, которую может вынести тело, но *такой жар* действительно опасен. По этому ли пути направлялось безумие Бедокура? Если да, как перехитрить болезнь? Можно ли снизить жар, когда болезнь в разгаре?»

Атон вглядывался в воду. Она была холодна; отряд находился гораздо ниже огненного кольца. Полностью погруженный…

Нахлынул жар. Атон сполз в озеро и лег на дно, устроившись так, чтобы одно лицо выступало над водой. Наступило блаженное облегчение. Но кровь в нем кипела, ткани клубились. Пекло голубого граната вряд ли было так горячо, как это.

Атон смутно слышал вокруг себя плеск и бултыхание. Что-то происходило, но он боялся сесть и посмотреть, боялся покинуть воду из-за бессознательного страха, что вспыхнет, едва это сделает.

Он должен. По какой-то причине стало трудно дышать. Что-то мешало.

Атон сел, коснулся ладонью рта и обнаружил, что тот забит толстым слоем вонючего клея. На этот раз внутри, в носоглотке, а не на коже. В носу

непроходимая пробка. Атон сунул палец в рот и выскреб оттуда комок желтой слизи — прогорклой и тухлой, тотчас же затвердевшей на воздухе. Неудивительно, что дышать так трудно. Слизь засоряла дыхательные пути, застывая на них.

Он попытался оглядеться и обнаружил, что такой же гной обволакивает его глаза, почти залепляя их. С другими было то же самое: с мужчинами и с женщинами — болезнь не различала более полов. Кого то уже рвало из-за тошнотворных отложений. Один мужчина отодрал от слизистой оболочки огромный твердый кусок: на нем была кровь. Позволять гною накапливаться — значило выбирать между увечьем и удушьем. А жар неистовствовал по-прежнему.

Атон погрузил лицо в воду, пытаясь избавиться от этой мерзости. Помогло: комья рассосались. Он сплюнул густую смолу, снова ощутил во рту зловонную пробку и вновь окунулся. Вода спасла во второй раз.

Остальные последовали его примеру. Для троих делать что-либо было уже поздно. Некоторые еще колебались и наверняка вскоре задохнутся. Помочь ближнему ни у кого не было времени. Казалось, от этого нападения нет защиты — лишь временное прерывание симптомов постоянным

полосканием.

Озеро смердело.

— Передвинемся… немного, — прохрипел Старшой.

Они передвинулись, но лишь настолько, чтобы оказаться в чистой воде. Даже недолгая ходьба неимоверно их утомила. Болезнь высосала из людей все силы.

Она продолжалась беспредельно долго. К концу почти все просто переползали с места на место, не в силах более ходить. Судя по чувству голода, Атон оценил время со вспышки болезни в полтора перехода — но субъективно оно казалось во много раз дольше.

Наконец началось выздоровление. Женщины заболели раньше и первыми вернулись к нормальному состоянию. Постепенно симптомы исчезли у всех.

Выжило одиннадцать женщин и трое мужчин. Троих из них болезнь не отпускала: Атона, Старшого и черноволосую женщину. Увидев это, Атон что-то понял, но тут же потерял мысль, так как начал бороться с очередной волной головокружения и тошноты.

17

Выздоровление: но те, кто выздоровел вполне или, по крайней мере, настолько, что исчезли видимые симптомы, другим не помогали. Просто замерли в летаргическом состоянии, ожидая… чего-то. И не произносили ни слова.

Наконец пришли в себя оставшиеся трое и вылезли на берег, уже не чувствуя жара. Одиннадцать стояли поблизости с пустыми лицами и смотрели на них.

— Ладно, — крикнул Старшой, хотя его голос был лишь тенью прежнего. — Надо идти к следующему озеру.

Он показал пример, но одиннадцать за ним не последовали.

— Что с ними? — спросила черноволосая.

— Почему вы не идете? — крикнул Атон.

Ответа не было.

— Смотрите! — сказала женщина. — Они ведут себя как зомби.

В том-то и дело. У стоявших людей, казалось, вообще отсутствовала воля. После тягот похода Атон их всех хорошо знал. И хотя завзятыми индивидуалистами они не были, они по-прежнему

должны были…

Проявилась его предыдущая мысль. Индивидуализм: лишь трое самых независимых из оставшихся членов отряда были способны теперь передвигаться. Те, кто всегда говорил сам за себя, кто действовал на основании собственных побуждений, кто обычно требовал объяснений.

Дальнейшие догадки были сорваны очередной вспышкой болезни. Они втроем доплелись до озера и рухнули в него, борясь холодной водой и с жаром, и со слизью. Остальные одиннадцать тупо наблюдали за ними и ничего не делали.

В горячечном бреду Атону показалось, что он не в силах управлять своим телом. Руки реагировали медленно, мышцы были вялые, неуверенные. Это была грань болезни, которая только теперь стала проявлять свой извращенный смысл.

Но мысль о Злобе взбодрила его. Ее песня не завершена. Он не должен отдыхать, пока не обретет ее. Ничто иное уже не волновало. Огонь в его крови не такой неистовый, как в ее волосах; вода освежает не лучше ее бездонных глаз. Ее любовь одна…

Приступ закончился. Теперь Атон чувствовал себя сильным. Легче сопротивляться, когда помнишь о цели. Двое других были менее удачливы.

Они с тревогой смотрели на него, но подняться не пытались. Придется ему проникать в тайну зомби.

Десять женщин и один мужчина избежали последнего приступа. Атон направился к ним.

Они враз отступили — как один. Неуклюже, ходульно, в унисон зашаркали прочь. Никаких сомнений: они одержимы и управляемы. На сей раз это не гусеница, по крайней мере, внешне, хотя по сути — то же самое.

— Убей их! — прохрипел Старшой из воды. — Они больше не люди.

Атон догнал единственного мужчину: это был человек среднего сложения, всегда усердно работавший и до сих пор близкий ему по духу.

— Очнись, — сказал Атон, ткнув его в плечо.

Мужчина упал навзничь и во весь рост растянулся на земле. Встать он и не пытался.

Атон наклонился, чтобы пощупать ему пульс. Человек не дышал. Сердце его не билось. Он был мертв.

Женщины продолжали отступать. Он пошел следом — и был остановлен третьим приступом — еще более напряженным, чем раньше. Атон с трудом заставил себя дойти до ближайшего озера. Ноги хотели шагать в том же ритме, что двигал

строем женщин. Свертывающаяся во рту слизь усиливала отчаяние.

Он добрался до воды и бросился в нее вниз головой, ни на миг не задумавшись, что может утонуть. Вновь возникла Злоба — прелестное видение — и ненасытная тоска по ней не без труда сбила жар. Это было единственное, что укрепляло его волю к сопротивлению. Жар был так велик, что долго его вряд ли выдержать.

Все прошло: он невероятно ослаб и задыхался. Рядом, уставившись на него, стоял одеревеневший Старшой с глазами, налитыми кровью. Атон испугался, что главаря одолели, но из перекошенного рта донесся все же голос — невнятный, сиплый голос Старшого.

— Я… не могу больше бороться, — сказал Старшой. Его рука с трудом опустилась в воду и вынула сверкающий топор. — Возьми… убей меня, если я пойду…

Атон взял топор. Он встал и еще раз пошел к оставшимся. Женщины опять зашаркали прочь, некоторые даже не увидев его, но механически двигаясь вместе с другими. И вновь ударил жар.

Он осознал, что жаром кто-то управляет. Когда он отошел к озеру, жар спал; когда направился к зомби, нахлынул. Приказ был ясным: оставь их.

Атон тоже ответил предельно ясно. Он сосредоточил разум на господствующем образе своей любви, недоступной миньонетке, и продолжил наступление. Свободной рукой он ударил ближайшую женщину; координации движений, необходимой для взмаха топором, у него не было. Та молча рухнула, как недавно мужчина. Напряжение от ходьбы так, вероятно, ослабляло зомби, что любой толчок был для них смертельным. Атон мог убивать одним ударом.

«Убивать!.. — подумал он. — Но это ведь те самые люди, с которыми я пережил самые ужасные приключения в своей жизни. Как я могу их убивать?»

Но он знал ответ, и разум убеждал его подорванную психику: «Убивать можно, эти существа больше не люди. Они отдали свой разум и волю Хтону, такому же коварному, как чудовищная гусеница, и смерть для них милосердна». Он понимал это рассудком и каким-то образом чувствовал душой: «В зомби не осталось личности. Убивать можно».

Невидимое нападение на Атона усилилось. Его дыхание прервалось, в глазах помутнело, но он боролся, наступал и почти вслепую бил снова и снова, то и дело соприкасаясь с твердой плотью.

Вокруг него безмолвно падали женщины. Это была бойня: один удар означал одну смерть, а ударов было много.

Наконец давление на него усилилось настолько, что Атон упал. Не в силах подняться, он попытался перекатиться к воде. Но оттолкнулся слишком далеко. Он уступил — не одержимости, забвению.

Уступил…

— *Твоя мечта тщетна,* — казалось, говорил голос. — *Миньонетка — запретна: лишь когда ты вдали от нее, твои чувства реальны. Ты не можешь свести полюса: они объединяются только в несчастье.*

Он сосредоточился на сплошном зеленом, и появились листья и лепестки: цветок хвеи. Губы лепестков вновь заговорили:

— В *твоей песне нет никакого волшебства. Лишь потому, что она прервана, она тебя очаровывает. Лишь потому, что твоя любовь не завершена, она продолжается.*

— *Нет!*

Но каким-то образом это начало действовать, предопределение поднималось как прилив, легко смывая идеалистические замки из песка. Ибо хвея не лгала своему хозяину.

— Ты — не мой хозяин. Ты только...

Атон выбросил из сознания этот образ, боясь тех слов, которые он может сказать. Цветок заколебался и померк. Это оказалось свисавшее с потолка образование — расколотый кристаллический сталактит, похожий на чудовищную раковину.

Женщины неумелыми и неловкими движениями обмывали Атона в воде.

Атон отпрянул. «Они же зомби!»

Топор лежал на земле там, где Атон потерял сознание. Сам он не мог добраться до воды. Неужели он тоже зомби?

— Нет!

Атон вскочил, выбрался из воды, поковылял к оружию. Он хлопнул по топору рукой, словно опасаясь, что тот ускользнет. Теперь он вновь вооружен; он не зомби.

Женщины механически следовали за ним. Атон отошел, колеблясь после их доброго отношения к нему. Он уничтожал их, почему же они щадят его?

Кто-то коснулся его. Повернувшись, Атон увидел мужчину. Это был стоявший на берегу Старшой. Кожа у него была чистая. Глаза — пустые.

Атон знал, что нужно делать. Он поднял топор.

И тут же начался приступ. Сопротивляясь, он напряг разум и взмахнул потяжелевшим вдруг топором. Огромное лезвие, слишком тяжелое для него, с трудом поднялось над головой. Он медленно наклонил его вперед, направляя удар, пока притяжение не подхватило его и не обрушило вниз. Топор зацепил Старшого за череп, и тот упал, упал.

«Я вернул тебе свой долг и… прости».

Мощный приступ давил на него, как удушающее покрывало, но когда он, пошатываясь, отступил, тот вновь ослаб. Вокруг лежали мертвые женщины; только две, опекавшие его, были живы. Он мог убить и их…

И бродить по бесконечным пещерам Хтона в одиночку. Неужели все должно кончиться этим? А если и он превратится в зомби, кто тогда убьет *его*?

Так вот куда завела его любовь Злобы!

— Перемирие, — трескучий голос послышался из озера позади него. Он забыл о черноволосой женщине — последней из несломленных.

Она выходила из воды. Он был не один.

Она приближалась к нему, двигаясь угловатой походкой одержимой. Глаза смотрели прямо

перед собой.

Последний из покоренных зомби шел к нему — легкая добыча для топора или кулака. Что это значит?

— Перемирие, — повторил зомби.

Женщина могла говорить. За полусмертью Миксы существовало мышление! Череп без скрещенных костей.

Теперь оно готово было вести переговоры.

18

Атон держал в руках топор, не желая совершать действия, которое оставило бы его в пещерах в полном одиночестве. Мышление, даже враждебное, было более приятным противником, чем одиночество.

— Перемирие, — согласился он.

Зомби-женщина безразлично остановилась перед ним.

— Не убивай, — сказала она.

Хозяин зомби хотел спасти оставшихся покоренных! Он предлагал сделку. Разум Атона исследовал возможности.

— Кто ты? — спросил он, не столько из любопытства, сколько чтобы выиграть время для

размышлений. Мог ли он сыграть на этом и добыть себе свободу?

Глаза женщины моргнули. Она отошла, не сводя их с топора.

— Что случилось? — жалобно спросила она. — Почему ты…

Она сбросила одержимость!

— Ты не помнишь?

Она увидела двух застывших зомби.

— Я… я проиграла? — произнесла она нерешительно. — Я погибла. Вся боль и ужас исчезли… но не совсем. Я не совсем… — она замолчала, показывая на других.

Неполное превращение? Что-то здесь не так. Чьим посредником она сейчас служит?

Женщина выпрямилась, вновь цепенея:

— Я — Хтон.

Хтон — на сей раз имя, а не место. Разум Миксы.

Хтон научился умеренности. Абсолютные зомби для него бесполезны, ибо они теряют способность управлять своим телом. Но, не касаясь человеческой воли, он воздействовал на центр речи и, вероятно, на память и рассудок. Но кто он, сам Хтон?

Атон спросил.

Хтон не знал точного ответа. Несмотря на сбивавшие с толку смены образов, постепенно вырисовалась надоя общая картина. Геологические силы прорыли под поверхностью планеты Хтона пещеры — сотни и тысячи кубических километров: каналы горячей лавы, извилистые водяные пути, гладкие воздушные туннели. Доследующие причуды природы подняли и перевернули изощренную структуру, сдвигая и разрушая туннели и начиная весь процесс с начала. Лава текла снова и снова, вода вырезала слои, подобные сотам, русла рек размывались, холодные озера осаждались расплавленной породой. В трещинах возникали всевозможные кристаллы, они неимоверно разрастались, лишь для того, чтобы снова быть погребенными. Постоянное давление на них порождало незатухающие токи, ибо некоторые были полупроводниками; появлялись и рассыпались диоды; электроны двигались по металлическим жилам, оставшимся от прежних процессов плавки, и разряжались в потоках воды, сваривали разрушенные сети, и разгонялись посредством естественных электромагнитов. Искры воспламеняли скопившийся газ и взрывали улетучивающиеся пузыри. Установилась непрерывная циркуляция, нагревавшая и

ломавшая холодный камень и испарявшая просачивающуюся влагу, и все это регулировал, меняя режимы, огонь. А кристаллы продолжали расти и меняться в новом окружении, и некоторые из них преобразовались в формы, которые вряд ли были естественными, а ток создавал в них цепи и обратные связи, аналогичные соседнему огненному циклу. Наконец, тем неопределимым способом, каким слизь превращается в живую слизь, совершился переход от электрического тока к сознанию без посредничества жизни, и был сотворен разум Хтона.

— Чего ты хочешь от нас, — спросил его Атон, — от людей? Зачем мы тебе понадобились?

Женщина запнулась, перешла в состояние зомби, и снова стала человеком.

— Он хочет, чтобы я объяснила тебе, что у него нет… нет движущихся частей. Это все… электроника, компьютер. Он может думать, но не способен ничего *сделать*, если не управляет подвижными элементами. Местные животные для этого не годятся. Они не выполняют сложных предписаний, а Хтону трудно приспособиться к их нервным системам. Ему нужны элементы, имеющие… рассудок.

— У него два зомби, — заметил Атон. — Три.

— Они… бессильны. У них нет… требуется большая сосредоточенность, чтобы заставить их тела двигаться, потому что… цепи менее знакомы, чем у животных. Чужды. Ему нужны… элементы с волей.

Атон особых эмоций не испытывал.

— Какая нынче цена на «элементы с волей»?

— Спокойствие. Здоровье, — сказала она.

Атон рассмеялся.

— Мои условия таковы: я не буду убивать то, что осталось от этих «здоровых» и «спокойных» людей, если он безопасно проведет меня на поверхность.

— Согласен, — сказала она.

— Согласен? — Атон не верил, что все может быть так легко. — Хтон согласен?

— Да.

— Прямо сейчас? — Он искал ловушку. Отвлечь его внимание, похитить всех зомби, а затем возобновить приступы? — Мы пойдем вместе — все четверо, — внес он поправку, — или я убью их немедленно.

— На это потребуется… шесть переходов, — ответила она. — Остальные не смогут уйти так далеко. Они умрут.

— Угу. Я готов сократить их невзгоды.

— Ты умрешь… если Хтон позовет… зверя… и раскрепостит его душу.

Политика силы. Этот компьютер быстро обучается. Мог ли он привести сюда химеру или это был обман? Атону в голову пришла еще одна мысль.

— Если Хтон может повелевать зверями, проблема решена. Пускай он призовет кого-нибудь, на ком можно ездить.

Переговоры продолжились; но вскоре Атон уже восседал на спине огромной камнеедки, упершись коленями в мелкие чешуйки на ее боках, ухватив руками за толстые шейные складки. Ящерице с всадником приходилось передвигаться на всех четырех лапах, но крепкое животное легко везло его на себе. Остальные расселись сходным образом. Началось долгое путешествие, оцениваемое при таком способе передвижения всего в два перехода.

Это был Легкий Поход.

Камнеедки неслись быстрым аллюром. Громадные псевдорептилии, освобожденные на этот раз от непосредственного управления Хтона, делали добрых пятнадцать километров в час. Они мчались по лабиринту однообразных серых пещер. Атон понимал, что в одиночку он ни за что не нашел бы пути отсюда. Глаза его начали слипаться,

но уснуть он не смел. Он боялся, проснувшись, обнаружить, что зомби исчезли. Странный поворот судьбы, сделавший этих обременительных полулюдей такими Ценными!

Однако здравый смысл подсказывал ему, что поймать зомби практически невозможно, если их скакуны уклонятся в сторону. Они потеряются в несколько секунд, а Хтон оглушит свое домашнее животное и предотвратит погоню. Если заложники пропадут, ни о какой сделке говорить не придется. Он пребывал во власти пещерного бога в большей степени, чем ему казалось.

Атон огляделся. Прошло немало времени, от постоянного напряжения его ноги свели судороги. Окружающие пещеры изменились, и он понял, что или уже спит, или вот-вот заснет. Но зомби по-прежнему скакали рядом с ним. Хтон держал свое слово. Удивительное, неправдоподобное развитие событий! Хтон вряд ли глуп. Почему же он ему потакает?

Очевидно, у Хтона были в отношении него какие то свои замыслы. Соглашение — лишь уловка для достижения временного сотрудничества. Атону ничего не оставалось, как подыгрывать и ждать, когда тот покажет свое… лицо.

Они продвигались по туннелю, напоминающе-

му подход к залу китомедузы, только с высохшим руслом. Пологий путь поднимался все выше и выше, извиваясь, но не кончаясь. Атон вспомнил транссистему космокорабля и на миг задумался, не встретится ли им на каком-нибудь перекрестке поперечное движение. Однако Хтон отозвал всех животных, в частности, гусениц.

Прошло еще некоторое время, неутомимые твари мчались дальше. Все тело Атона ныло, но его стремление к свободе подавляло телесную боль, и он не просил остановиться. Ему хотелось разве что знать, насколько тяжелой будет его борьба за обладание свободой, когда настанет решительный момент. Так просто ее не подарят.

Внезапно пошел дождь.

«Мы на поверхности! — подумал он. — Выбрались из пещер! Остановитесь — я хочу слезть здесь!»

Но время еще не пришло. Это был первый переход, и они по-прежнему находились в глубине. Через несколько минут камнеедки скрылись от непогоды под выступом скалы, и Атон понял, что это еще одно чудо Хтона: подземное пространство настолько обширно, что в нем существуют разные метеоусловия. А может быть, осадки постоянно выпадают с холодного потолка или

просачиваются сверху из какой-то реки? В любом случае, это удивительно.

Звери снова нырнули в дождь, и Атон плотнее прижался к мокрой спине. Что-то в этом дожде его тревожило. Возникло предчувствие гибели, ужаса и конца любви. Странно — никогда раньше дождя он не боялся.

Взгляд натыкался на короткие вспышки необычной растительности. Мерцающие сады, светившиеся зеленым и голубым, были окружены под дождем клубами пара.

Атону жалко было покидать эти места.

Наконец переход подошел к концу. Всадники с трудом спешились, надеясь отдохнуть. Атона терзал голод; он был голоден и до начала таинственной поездки, а сейчас его подташнивало. Атаки Миксы лишили его последних сил.

Полуженщина заговорила:

— Если хочешь, разожги костер; звери — съедобные.

Так вот для чего еще они были предназначены! Атон обнаружил, что в мясе зомби-животных нет ничего дурного.

Путники расположились на привал в незнакомых туннелях-воздуходувках. Возможно, они — часть системы, противоположной той, которую

они знали, когда были заключенными по другую сторону огромного газового ущелья. Атон занялся бы исследованием туннелей, если бы издавна не знал о его тщетности. Что можно здесь найти, кроме новых пещер?

Все спали: Атон — положив руку на полуженщину, не из телесного желания, а чтобы сохранить ее в качестве заложницы — только для этого она и годилась. Он полагал, что из покоренных она самая ценная, поскольку ее разум почти не тронут. Предполагаемая сделка будет заключена, пока у него власть над ней. Будь у него другой способ, он бы вообще к ней не прикоснулся: мысль о столь чуждой одержимости его отталкивала.

«Поутру» их ждали свежие «лошади», и четыре всадника возобновили путешествие. Туннели остались позади, путь лежал теперь через лес бурых и бесцветных сталагмитов. Новое окружение слегка взволновало его: вид древовидных колонн, вздымавшихся из пола, напоминал леса его детства на Хвее — всегда дружелюбные, наполненные невыразимыми предчувствиями. Атон почти сомневался, покидать ли защищавшие его пещеры с их всевидящим богом. Он боялся того, что может обнаружить снаружи.

Он отбросил эти мысли. Вероятно, Хтон скрыт-

но давит на его разум. Но ничто не удержит его на пути к миньонетке.

На втором переходе животные вдруг замедлили движение, и двинулись едва ли не на цыпочках. Атон, более бдительный, чем раньше, подозрительно огляделся по сторонам и обнаружил вздымавшуюся тушу какого-то огромного спящего монстра. Поперек дороги лежал дракон подземного мира с туловищем слона. Они миновали его логово — недавно прорытые в камне трехметровые проходы носили следы исполинских когтей. Но зверь крепко спал, наверняка под влиянием Хтона.

Система пещер была еще огромнее, чем представлялось Атону — наверняка величайшее подземное царство во всей галактике. Независимый человек мог бы жить здесь вызывающе спокойно.

Животные ускорили бег. «Вернемся к безопасной скорости», — подумал Атон и улыбнулся. Чудеса продолжались, их было больше, чем мог воспринять мозг за одну скоротечную поездку. Когда-нибудь ему придется вернуться сюда — исследовать пещеры и разрабатывать копи. Здесь несметные богатства и, что гораздо важнее, знания. Жизнь, посвященная описанию неисчис-

лимых подземных сокровищ, разве не славная жизнь?

«Не пытайся отвлечь меня от миньонетки. Она — моя жизнь, а не подземные сокровища».

Возможно ли все это картографировать? Трехмерный мир, уровень над уровнем, климат над климатом, изобилующий разнообразием. Одной жизни вряд ли хватит.

Час за часом. Продвижение замедлилось, подъем стал круче. Свечение на стенах померкло и вскоре совсем пропало. Атон оказался во тьме. Камни, шурша, катились в стороны, выбиваемые неуклюжими лапами бредущих вслепую животных. Это было самое странное место — слишком отдаленное, чтоб освещаться. Оно пугало Атона. Он был беспомощен.

— Животные не выносят дневного света, — послышался впереди голос полуженщины. — Мы должны остановиться.

Дневной свет!

— Пешком. Следующий поворот, — сказала она. Атон услышал, как она вместе с зомби спешилась, и присоединился к ним. Отпущенные животные тут же убежали. — Мы не пойдем туда, — сказала женщина. — Ты должен идти один.

Один! К судьбе, которую замыслил для него

Хтон.

Босые ноги расшибались о валуны. Атон с трудом двигался среди них, нащупывая путь вдоль шероховатой стены; наконец нашел роковой угол. Повернул.

Сверху лился свет — не зеленый, а белый. Он был ярок и прекрасен, тогда как бледный пещерный — уродлив. Свобода!

Атон глянул вверх и увидел силуэт. Какое-то животное ходило между ним и светом — странная птицеподобная тварь с длинным острым клювом, кончик которого был слегка загнут. Когда тварь раскинула крылья, на них показались страшные когти; крепкие ее ноги напоминали клешни.

Химера.

Это ли обещанная Хтоном свобода?

Атон мог повернуть назад, присоединиться к зомби, оставить мечту. Забыть миньонетку. Поклоняться Хтону.

Или направиться к химере — твари, которую он не надеялся одолеть, — и умереть смертью, которую она предложит. Без глаз и внутренностей он прожил бы несколько мгновений свободы на поверхности планеты Хтона: прелестной Идиллии.

— Я забыл ДЗЛ! — воскликнул Атон. — Оставил свою книгу в пещерах, где начались приступы

Миксы. — Придется вернуться за ней…

Но вдруг он увидел за химерой манившую его миньонетку. И пошел к ней.

Беззвучно взмахнув огромными крыльями, химера исчезла, а вместе с ней исчез и другой образ. Путь был свободен. Хтон его выпустил.

Эпилог

Как отличить танцора от танца?

Вильям Батлер Йетс, «Среди школьников»

Да — мы его выпустили.

Мы позволили Атону вновь посетить жизнь.

Он был мертв, когда пришел к нам, —

Говорит его культура.

Но он был не закончен.

А он нужен нам — целиком.

Мы отдали его нашему полубезумному миньону Бедокуру

И ждали его возвращенья.

Атон, Атон — ты искал зло?

Ты покинул своего отца в час нужды ради преследованья

любимой иллюзии?

Ты отказался от искренней любви из-за кровосмесительной страсти?

Ты предал своих собратьев во время мора?

Ты, в конце концов, совершил сделку с самим адом, который

символически изобразил как Хтон?

И был осужден:

Не отцом

Не первой и второй любовью

Не собратьями

Не Хтоном.

Где зло, которое ты ищешь?

Как отличишь его от себя?

Как сможешь осудить себя

За то, что ты такой?

Мы думали спасти из твоей культуры добро философии

И уничтожить зло существованья;

Но находим, что они друг другу сродни.

Мы думали завербовать агента по истребленью,

Чтобы очистить нашу галактику от жизни.

Но этот агент приносит нам ДЗЛ

И дразнит наш разум этическими понятьями.

(До этого мы видели лишь твою нездоровую стихию.)

Как нам отличить предопределенье жизни от нашего предопределенья?

Не сродни ли мы, друг другу в наших поисках завершенья?

Как ложно осудишь тебя

За то, что ты разделял наш идеал

Со своей перевернутой точки зренья?

Таким образом, мы должны принять тебя вместе с твоей женщиной;

Мы должны изгнать из раковины озноб

И научиться тому, что в милосердии —

Наша собственная сверхновая.

Ибо, пока изучаем озноб, мы открываем чудо:

Не естественное

Не вредное

Не случайное

Но возбужденье, укорененное внутри

нашей галактики,

Прочные воздействия которого на жизнь непреднамеренны:

Сигнал.

Послание каждому разуму с силой, достаточной, чтобы понять;

Мы — не одни во вселенной.

Боги-разумы ждут ответа.

Фтор

ФТОР — происходит от греческого «phthoros» — «уничтожение, разрушение».
1. Химический элемент, символ F (лат. Fluorum).
2. Армагеддон, «Гибель богов», Рагнарёк.
3. Хтонический бог.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЕКТОРА, § 426

«…фтор — единственный из известных элементов, который не образует соединений с кислородом».

Элиот и Сторер, «Неорганическая химия»

Пролог



Уничтожение
Единственный ответ

F
Fluorum
В соединеньи с кислородом
Phthorum
Наша сущность
Враждебная химии жизни

Парадокс:
Жизнь есть ужас

Ее нужно вычеркнуть
Однако жизнь нужно взрастить
Орудие
Уничтоженья жизни

Атон:
Наполовину миньон
История его прихода к Хтону
Шестиугольник
Прошлое — Настоящее — Будущее,
Представленные половинками каждого лика
Нет выхода из этой параллельной цепи

Арло:
На четверть миньон
История его проявления в качестве Фтора,
Раздвоенная — буква Y
Прошлое — Настоящее — Будущее,
Представленные ветвями дерева
Четыре выхода — и ни одного

Единственный ответ
Уничтоженье

I. Арло
§ 426

Арло остановился, когда к нему подбежал крот-светляк. Лапки крохотного зверька оканчивались острыми шипами, которые входили в камень наподобие бурильного молотка, и крот перебегал по стенам с резким цокающим звуком.

— Что с тобой, Железный Коготь? — спросил Арло. Общаться с пещерными животными он мог без слов, посредством Хтона, но Кокена велела ему почаще разговаривать вслух. Иначе, предостерегала она, он забудет язык своих предков.

Его предков? Арло знал о них лишь из рассказов Кокены про огромную вселенную вне пещер Хтона — целых планетах, населенных людьми, а не животными. В это трудно было поверить, особенно потому, что ему не разрешали посмотреть самому. Возможно, мать имела в виду ДЗЛ — большую книгу Древнеземлянской литературы, — по которой она учила его читать. Все истории — про минувшие времена, и ни одной — про пещеры…

Крот развернулся и зацокал в обратную сторону. Его блестящая шерстка мерцала голубым

светом. Он был один из едоков свечения, которые выискивали на стенах питательную плесень и, объедая ее, ослабляли освещение. Почти весь Хтон освещался плесенью: не слишком ярко, но и не настолько тускло, чтобы сделать передвижение рискованным. Не считая тех временных затемнений, которые недавно выели более крупные едоки.

— Чего он хочет, Хтон? — спросил Арло, направляя внимание в то место в своем мозгу, где обычно появлялся его друг. Но на этот раз не получил ответа.

Что ж, у Хтона свои дела, а вопрос был не таким уж важным. Арло последовал за кротом.

Тот процокал до одной из узких пещерных речушек, затем поспешил вдоль берега. Арло шел за ним по воде. Этот участок был безопасен, он здесь часто бывал и знал его особенности. Маленькие китомедузы не могли на него напасть, а гусеницу он бы услышал издалека.

Они продвигались вверх по речке до тех пор, пока стены не сузились и не показались многочисленные сталактиты, капель с которых подпитывала речку.

— Тупик! — пожаловался мальчик. — Ты меня дразнишь?

Он ошибался. Это был не тупик, поскольку кто-то пробил в стене отверстие, ведущее в новый туннель. По высоте отверстия Арло рассудил, что это сделала камнеедка величиной с человека. Безвредная тварь, да и живет она в одиночку — но какая сильная! Стена здесь была в палец Арло. Глупая камнеедка, вероятно, ударила по ней, рассчитывая на ее прочность, и убежала прочь, когда отвалился целый кусок стены.

— Так вот зачем ты привел меня! — воскликнул польщенный Арло. — Спасибо, дружок. Конечно, я нашел бы проход и сам, но с тобой быстрее. Новый участок для исследований!

Но крот на этом не остановился. Он процокал в отверстие и двинулся дальше.

— Что-то еще? — Теперь Арло разволновался. У него был тонкий нюх на приключения («Ты унаследовал его от отца!» — любила говорить Кокена, взъерошивая его рыжие волосы) и дар отменного ходока. («От матери», — сказал бы, подмигивая, Атон). Странное дело, ведь Кокена прогулки не жаловала и все время отсиживалась в расслабляюще теплой пещере возле кипящего потока.

Впрочем, его родители всегда казались печальными, и не только потому, что один потерял

глаз, а другая — возможность передвигаться, но и потому, вероятно, что не могли забыть своего первенца, имени которого Арло ни разу не слышал. Тот мальчик умер в младенчестве, еще до рождения Арло. Он знал о нем лишь со слов старого доктора Бедокура. Вот почему буква «А» Первенца перешла ко второму ребенку — иначе бы его назвали по-другому. Арло знал, что он — второй сын и в глазах родителей принадлежит ко второму сорту, хотя они никогда об этом не упоминали — не было нужды.

Теперь Арло двигался осторожнее, ибо новые туннели могли быть смертоносны, пока неизвестны их особенности. Этот участок казался заурядным, но Арло не такой дурак, чтобы полагаться на внешний вид. Он принюхался, изучая подозрительные запахи. Иногда на такой вот сухой территории подстерегала химера…

Его нос что-то обнаружил. Какой-то новый запах — знакомый, но непривычный. Наверняка животное — неизвестного ему по пещерам вида.

Арло продолжал бесшумно двигаться, свернув с прямой тропы крота, чтобы не попасть в засаду. Кроту-светляку можно было доверять, но животное нетрудно одурачить. А что, если кто-то послал крота, чтобы заманить мальчика в

пределы своей досягаемости…

Арло оскалил зубы наподобие того, как это делал иногда Атон. У мальчика на бедре висел длинный острый сталактит, а за щекой были спрятаны два осколка железного камня. Он мог рассечь глаз нападавшему животному с расстояния в десять своих ростов. Двадцать ярдов в мерах длины Древней Земли. Эта способность была бесполезна против крупных хищников, но большинство из них он мог избежать или перехитрить. Необходимо лишь крохотное предупреждение.

Загадочный запах усилился. В пещерах всегда был слабый сквозняк, даже в тупиках, здесь же ветер дул со стороны каменоломни. Арло бесшумно ступал голыми ногами по теплому камню, нащупывая языком один из камней за щекой. Ради таких вот испытаний он и жил! Опасность, приключение, неизвестность, действие!

Затем Арло услышал завывание, доносящееся сквозь отдаленный плеск текущей воды: вероятно, вой раненого животного. Он двинулся на звук и осторожно высунул голову из-за поворота стены. Посреди чашеобразной пещеры он разглядел разочаровывающе маленькое существо.

Это был обнаженный человек.

Чтобы осознать это, Арло потребовалось какое-то время, поскольку, кроме родителей и Бедокура, он редко видел других представителей своего вида. Другие были на картинках в ДЗЛ, поэтому Арло знал, что они существуют, — но те были одеты.

Возможно, это зомби. Зомби выглядят как люди, хотя ими не являются — и не только потому, что они голые. Арло сам сбрасывал стесняющую его одежду, когда выходил из дома. У зомби не было разума. Они двигались по указанию Хтона и избегали настоящих людей. Арло никогда не видел зомби-ребенка, но пещеры полны неожиданностей.

Во всяком случае, бояться ему нечего. Зомби оказался небольшой и, очевидно, неисправный. Звуки, которые слышал Арло, были плачем. Неудивительно, что они показались ему такими странными!

Даже зомби заслуживают определенного внимания. Хтон забывает иногда о них, позволяя им кое-как прозябать поодиночке вне мест обычного пребывания, и тогда они и впрямь становятся беспомощными. Арло мог бы проводить этого зомби к его спутникам.

— Здравствуй, — сказал он, подходя к нему

— но не слишком близко. От зомби всего можно ожидать.

Голова поднялась. По грязному лицу текли слезы, а за спутанными желтыми прядями сияли огромные глаза.

— Здравствуй.

Арло вздрогнул. Говорит! Зомби говорят только при непосредственном управлении Хтона. А он думал, что бог отсутствует.

— Хтон? — спросил Арло, сосредоточившись.

— Что? — произнес ребенок.

Арло взглянул в его глаза. Они были тусклыми — но Хтона там не было. Что означало…

— Ты — человек!

— Я не знаю, где нахожусь.

— Ты говоришь самостоятельно! У тебя есть разум!

— Не обижай меня!

— Как тебя сюда занесло?

— Старая тюрьма… слишком далекая прогулка, не могу найти дорогу назад…

— Тюрьма! Отсюда до нее дневной переход — для меня. Для тебя еще дольше.

Арло знал, что он хороший ходок. Он мог перегнать отца, так как был сильнее его и лучше знал пещеры, а кроме того, мог вызывать Хтона, чтобы

тот придержал хищников.

— Наверное… уже несколько дней, — сказал ребенок. — Не умею здесь определять время.

Интересно. Арло определял время по ритмам больших пещер, пульсу Хтона — он автоматически переводил их в часы и дни, которые показывали родительские часы.

— Я провожу тебя туда.

Ребенок поднялся.

— Спасибо.

Теперь Арло увидел, что это девочка. По крайней мере, не мальчик. Грудь как у мужчины, но между ног не видно никакого отростка.

— Ты девочка? — спросил он с любопытством.

— Вполне.

Он пожал плечами и повернул к реке.

— Туда.

— Пожалуйста… — сказала она, уже без слез, но с прежним страданием в голосе. — Я хочу есть и устала. У тебя нет ничего съестного?

— Полным-полно свечения, — ответил он, указывая на стены.

Она недоверчиво поглядела на него.

— Вот это зеленое? Ты его ешь?

— Иногда. Или убиваю какое-нибудь животное. Или растение.

— Растения в пещерах не растут! Здесь нет солнца.

Ни одно из этих утверждений не имело смысла, и он не стал отвечать. Она задумалась.

— Значит, животное.

— Кое-какие есть в реке.

Арло повел ее туда. Она нетвердыми шажками последовала за ним. Он гадал, как она смогла забраться так далеко без пищи, если не ела свечения. И как сама не стала пищей хищника. Большинство животных держалось поодаль от тюремных туннелей (те были чересчур жаркими и сухими), но она должна была пройти и через другие места. Пока она не показала и намека на знание пещер.

Следовательно, она должна знать, как драться. В таком случае она опасна. Атон умел драться, и Арло знал, что лучше не втягивать его в серьезное единоборство. Даже хрупкая, слабая Кокена с год назад впечатала его в стену, когда он, по ее словам, забыл, что еще носит короткие штанишки. Штаны — одежда времен ДЗЛ, надеваемая на ноги, в пещерах ими не пользовались, но Арло ее понял. Когда-нибудь и он научится боевому искусству…

Так что за этой беспомощной на вид девчушкой

нужен глаз да глаз — пока он не удостоверится в ее способностях. Вероятно, найдется способ скрытно проверить их.

Арло вытащил из холодной речной воды скато-медузу. Та сопротивлялась и пыталась дотянуться до его руки жалом, но он умелым движением переломил ей псевдохребет, и она затихла. В убийстве была своего рода прелесть, но также и вина, поэтому он никогда не убивал просто так.

— Держи!

Девочка отпрянула.

— Это?

— Животное. Его едят.

— Сырое?

Он с недоумением посмотрел на нее.

— Оно же мертвое. Я его убил. Ты хотела, чтобы оно жило?

— Ты его не приготовил!

В раздражении Арло осадил ее:

— Ты хочешь его поджарить? — (Кокена поступала так с мясом и совершенно его портила.)

— Да.

— Зачем?

— Чтобы сделать съедобным!

— Оно и *так* съедобное!

Она села и прислонилась к стене, вытянув ноги.

Они отличались от его ног: не такие жилистые, поокруглее. По-своему славные.

— Пожалуйста… мы можем его приготовить?

— Когда доберемся до огненного языка, — ответил Арло. Его взгляд проследовал вдоль ее гладких ног до места их соединения, где находился не детородный член, а некая складка. По какой-то причине она его заинтересовала.

— Хорошо, — согласилась девочка с легким вздохом. — До огненного языка. — Ее тон показывал, что она не понимает, о чем говорит.

Раздражение Арло боролось с любопытством.

— Дай поглядеть, — потребовал он.

— Что?

— Вот это. — Он ткнул пальцем в складку. Почти инстинктивно Арло понимал, что ведет себя неприлично, но это его лишь подстегивало. Он готов был поставить блоки отскочить, если она нападет на него. Девочка находилась в неудобном для схватки положении, он это уже отметил. Насколько она быстра и ловка? — Как ты устроена?

Девочка не возражала. Ее тело было совершенно расслаблено.

— Так же, как любая девчонка.

Он ощупывал ее до тех пор, пока не наткнулся на камень у нее под ягодицами, но так ничего и

не обнаружил.

— Как ты мочишься?

— Хочешь, чтоб я сделала это тебе на руку?

— Да.

— Не могу. Пойдем лучше искать огненный язык.

Подавленный по нескольким причинам, он встал и направился к ближайшему выбросу пламени. Ощущение ее странной, мягкой, несовершенной анатомии вызвало в нем какое-то сильное чувство, но он не мог найти ему точное название.

— Ты не спросил, как меня зовут, — сказала она, бредя следом за ним.

Ее имя, казалось, мало его интересовало.

— А ты не спросила, как зовут меня, — грубо заявил он.

— Как тебя зовут?

— Арло Пятый.

— Хвея! — воскликнул она.

Арло в удивлении остановился.

— Ты что-то знаешь о Хвее?

— Фамилии-числа. Они с планеты Хвея. Все знают о ней — это единственное место, где растут растения хвеи. Твое имя начинается на «А» значит, ты первенец. Ты — счастливый!

Он был польщен.

— Моя мать — Кокена Четвертая, третья ветвь высокородной Династии.

— Наверняка из дворянства Хвеи. Она, конечно, переживала, когда тебя осудили.

— Осудили?

— А за что же тебя отправили в Хтон, дурачок?

— Меня сюда не отправляли! Я здесь родился.

— Не ври!

— Здесь живет вся моя семья. Мы — не заключенные… мы — местные.

Девочка покачала головой:

— Я здесь недавно, но знаю, что здесь никто не рождается. В пещерах что-то этому мешает. Наверное, очень жарко.

— У реки не жарко!

Она задумалась.

— Верно! Здесь ветер, и водятся животные. Вероятно, возможно и размножение. — Она подняла голову, откинув назад светлые волосы. — Я хотела бы увидеть твою мать.

— Нельзя. Ты вернешься в тюрьму, которую покинула. — После чего в очередной раз задумался: — Что мог сделать такой ребенок, как ты, что его сослали туда? По тебе ни за что не скажешь.

— Мы никогда не говорим о своем прошлом, —

робко произнесла она.

— Ты же только что спрашивала *меня* о…

— Тем не менее.

Рассердившись, Арло готов был ее ударить. Он быстро приходил в ярость.

Она не отступила, но и не напала. Вместо этого она вдруг улыбнулась — проказливой и беззаботной улыбкой, которой, как он понял, она его дразнила. Он улыбнулся в ответ, сознавая комичность ситуации, но девочка внезапно помрачнела.

Человек, размышлял Арло, намного сложнее животного. Какое-то время он рассматривал девочку, пытаясь понять ее побуждения. Но они оказались такими же неуловимыми, как и плоть, которую он тщетно искал у нее между ног.

Она из тюрьмы — это был единственный намек. Преступница, отвергнутая себе подобными. Но конечно же не из-за того, что ее настроение так быстро меняется!

Арло плохо знал тюремные пещеры по нескольким причинам. В них жарко и ветрено, так что человек без запаса воды быстро обезвоживается. Они удалены от обычных мест его обитания. Они почти не соединяются с главными пещерами, так что до них добраться трудно. И Атон запретил их

посещать. В результате Арло редко видел заключенных и относился к ним почти как к зомби: существа из иного мира, не родственные ему. Все заключенные были взрослыми, некоторые даже старыми. Мужчины — гибки и жилисты, женщины с выпирающими или отвислыми грудями и курчавыми волосами на лобке. По сравнению с Кокеной, они были уродливы, несмотря на свою наготу. Но иногда, разглядывая их, он обнаруживал, как набухает и твердеет его член.

— У тебя пенис торчит, — сказала девочка.

Смущенный без видимого повода, Арло двинулся вниз по реке. Чтобы не отстать, девочке пришлось идти быстрее.

— Почему в тюрьме не говорят о прошлом? — кинул он через плечо.

— Не знаю. Наверное, просто условность. Я не…

— Не ступай в воду! — внезапно крикнул он.

Она замерла с занесенной ногой.

— Я не могу все время перепрыгивать, как ты! Здесь ведь неглубоко.

— В этом месте обитают присоски.

— Что за присоски?

— Сейчас покажу.

Арло окунул скатомедузу в чистую воду и помо-

тал ей, держа руки над водой. Через мгновение возникло какое-то подвижное мерцание.

Когда он вытащил скатомедузу, с нее свисало два тонких, прозрачных хвостика. Внутри каждого уже образовалась красная полоска — кровь из мяса перекачивалась в пищеварительный тракт паразита.

— Присоски причиняют боль, — объяснил Арло.

— Ух ты! — согласилась она, отступая назад.

Ударив скатомедузу о стену, Арло сбил с нее присосок. Те упали в воду и исчезли из виду, оставив на поверхности две воронки.

— Почему ты их не убил? — спросила девочка.

— У них не очень приятный вкус, если они давно не питались.

— Не для *еды*! А чтобы убить.

— Зачем?

— Они же опасны!

— Не для меня.

— Ты только что показал, как они…

— Если кто-то настолько глуп, что сует ногу в воду, где они обитают…

— Ты так и не спросил, как меня зовут.

— Забыл.

Он пошел дальше, вниз по реке. Она двинулась

следом, ловко перепрыгивая, где необходимо.

Огненный язык вырвался из трещины в горячем камне. Арло поднес к нему скатомедузу, чтоб поджарить жирное мясо.

— Откуда здесь огонь? — спросила девочка.

— Атон говорит, утечка из газовых пещер. Газ попадает главным образом в большие туннели над тюрьмой, но какая-то часть просачивается через трещины и вырывается в таких вот местах. Атон поджег газ, чтобы он не отравлял нам воздух.

— Как много ты знаешь! — с восхищением произнесла девочка.

— Мне уже четырнадцать. Я умею читать.

— А мне одиннадцать. Я тоже читаю.

— Что ты сделала? Кого-нибудь убила?

— Ты так и не спросил, как меня зовут.

— А если спрошу, ты расскажешь, что сделала?

— Нет. Я не должна рассказывать.

Арло пожал плечами, хотя его бесило, что его слова вновь оставили без внимания. Эта девчонка не походила на преступницу, а ведь, если верить Атону, в тюрьму Хтона попадали лишь самые злостные правонарушители. Что она *могла* сделать, чтобы заслужить такой приговор?

— Я могла бы наврать, — сказала она. — Я это

здорово умею. Ты бы и не понял, верно?

— Понял бы, раз ты предупредила, что врешь!

— Но я бы сделала вид, что говорю правду.

Арло ее рассуждения показались слишком хитроумными.

— Кокена считает, что люди всегда должны говорить правду.

— А ты сам?

Он вспомнил о вынужденной лжи, которую говорил матери.

— Нет.

— Так что?

— Ладно. Как тебя зовут?

— Паллада. Это тоже вранье.

— Почему?

— Потому что настоящее имя выдало бы, что я сделала.

— Тогда почему же ты жаждала открыть мне свое имя?

— Чтобы ты лучше узнал меня.

— Мне для этого не нужно имя!

— Нужно. Имя девушки мучительно важно.

— Не для меня.

— Для краткости можешь звать меня Ада.

— Обойдусь без имени!

— Ты прелестен, когда бесишься.

— Вот твоя еда, — буркнул он и сунул ей под нос подпаленное пузырящееся мясо.

— Можно, конечно, Алла или Лада, но мне больше нравится Ада.

— Так почему ты в тюрьме?

— Здесь я не в тюрьме. Я — бывшая узница из Ада.

— Я не это имел в виду.

— Ух ты! — вздохнула она, понюхав скатомедузу. — Наверное, лучше было оставить ее сырой.

— Ты же обещала мне все рассказать, если я спрошу, как тебя зовут!

— Я обещала тебе соврать, — ответила она. — Что я и сделала.

— Вранье насчет имени не считается!

— Вранье, — сказала она вкрадчиво, — свелось бы к тому, что я сказала бы тебе, почему меня посадили в тюрьму.

На какое-то мгновение он был сбит с толку.

— Не понимаю тебя!

— А тебе нужно?

— Да!

— Зачем?

— Не знаю, — уныло признался он.

— Можешь забрать свою горелую рыбешку!

— Зачем?

— Чтобы отплатить мне за вранье. Наказание. Месть.

— Так ведь еда пропадет.

— В таком случае можешь сделать мне больно как-нибудь иначе. Например, ударить.

Арло задумался. Предложение было весьма привлекательным, хотя не исключено, что она опять его дразнила. Его удар не достигнет цели — или окажется поводом для смертельного ответа. Именно так дрался Атон, и даже в игре он был опасен. Зато так можно проверить, понимает ли она что-нибудь в драке. Если он нанесет сильный удар, быстро поставит блок и одновременно отпрыгнет, игра будет стоить свеч.

— Да.

— Ударь меня! — проговорила она, заложив руки за спину и подняв голову. Так она была очень мила.

Арло ударил.

Его кулак быстро и сильно поразил ее подбородок и отбросил девочку назад. Он был доволен — ему удалось предотвратить встречный удар и без вреда покинуть пределы ее досягаемости.

Ада упала, словно сломанный сталагмит. Затылок хрустнул о каменную стену. Она лежала почти так же, как и тогда, когда он нашел ее, но

на этот раз не плакала.

Тотчас же Арло раскаялся в содеянном. Он не осознал, насколько он крупнее ее и сколь слабо ее сопротивление. Теперь стало очевидно, что Ада — ничтожный боец. Она взбесила его и навлекла на себя воздаяние, ожидая разве что чисто символический удар. Он был расстроен, но не собирался причинять девочке вред.

Арло сел на корточки и осмотрел ей голову. Сквозь желтые волосы сочилась кровь, окрашивая их в алый цвет. Он зачерпнул воды в реке и плеснул Аде на голову, чтобы промыть рану. Девочка была жива, но он знал, что повреждение головы способно медленно убить ее или превратить в зомби. Потеря крови тоже вредна и к тому же могла привлечь хищников.

Арло понял, что убийство дается ему намного проще, чем лечение.

— Хтон! — с болью воскликнул он, обращаясь за помощью к своему другу-богу. Но Хтон по-прежнему не отвечал.

Арло быстро прикинул свои возможности. Можно бросить ее в реку, сплавить к ближайшей китомедузе. Китомедуза средних размеров способна за несколько часов проглотить скелет. Но Ада была еще жива и, несмотря на неприятности,

которые она ему доставила, он не *хотел*, чтобы она умерла. Не считая взрослых, приятелей у него никогда не было. Теперь он понял, как их ему не хватало.

Можно рассказать все родителям. Но Атон с недовольством отнесся бы к появлению в пещерах человека, а Кокену оно бы расстроило. Родители прогнали бы Аду назад в тюремные туннели, чего Арло не хотел. Девочка произвела на него сильное впечатление, в природе которого Арло не мог разобраться. Но он не желал, чтобы она ушла, пока он в этом не разберется.

Можно отнести ее в свой сад хвей — тайное место, о котором даже родители не знают. Ада сказала, что хвеи растут только на планете Хвея, но это неправда. В саду можно оказать ей помощь и накормить, пока она придет в себя — если это случится. А если нет — в реке полно китомедуз.

Так рассуждал его разум, но и чувства уже вступили в дело. Он причинил девочке боль — и обязан помочь ей. Он почти не знал ее, но она обещала заполнить возникшую в нем вдруг пустоту.

Арло поднял Аду, вновь удивившись, какая она легкая, и понес вниз по реке. Ее голые ноги свисали с его левого плеча, а запачканные кровью волосы — с правого. И опять он почувствовал

непривычную боль от угрызений совести.

Никогда в жизни он не нанесет больше бездумного удара.

Арло миновал камнетеску — серое, в рост человека, животное, покрытое плотно прилегающими чешуйками, — которая, стоя на задних лапах и опираясь на хвост, соскабливала зубами съедобное свечение. Она была сильна, но безопасна. На ней можно было проехать верхом и без вмешательства Хтона. Вряд ли кто из пещерных созданий был так послушен, как камнетеска.

— Отлично! — воскликнул Арло. — Ношу повезет камнетеска.

Но тут же сообразил, что ничего у него не получится. Ехать верхом — это одно, а заставлять глупое животное везти груз — совсем другое. Только Хтон мог до такой степени управлять им. Камнетеска понимала, что Арло ей не угрожает, и поэтому игнорировала его. Тут помощи не найти.

Ноша была не очень тяжелая, однако руки были заняты ей, а это затрудняло движение. Арло мог бы перекинуть Аду через плечо, головой вниз, но боялся, что это усилит кровотечение. Он не сумел направиться в сад напрямик, поскольку не мог ни плыть, ни карабкаться. Ровных

туннелей здесь почти не было. Они извивались, как ходы громадных червей (Атон называл их лавовыми каналами), образованные потоками и разломами. Самые опасные животные часто посещали нижний уровень пещер — те места, где шел сейчас Арло. Он нес Аду и потому не мог для защиты ни бросать камни, что лежали за щекой, ни орудовать дротиком-сталактитом.

Удивительно, как может все изменить одна девчонка!

Пока неприятностей у него не возникало. Пещерные животные были не так умны, как он, и не сразу улавливали его слабые места. Но положение становилось все тревожнее, поскольку весть о его странном поведении уже распространилась по Хтону. Будучи свободным, сильным и подвижным, он имел лишь несколько смертельных врагов. Сейчас их становилось гораздо больше. Химера…

Арло вздрогнул. Так рисковать он не мог!

В сад вел один короткий путь, к тому же ровный и сухой: через лабиринт дракона.

Арло не боялся дракона, но лишь потому, что тот не мог покинуть собственные туннели. Его громоздкое тело преуспевало лишь на своей территории. В больших пещерах дракон становился

неловким, улизнуть от него не составляло труда. Но в пределах своих туннелей диаметром метра в три он превращался в исчадие ада — свирепое и неодолимое. Дракон был плотояден и питался большими и малыми тварями, которые по глупости или случайно забредали в его логово и не успевали вовремя выбраться оттуда.

Сейчас Арло приближался к владениям дракона. Из-за девчонки, которая, вероятно, все равно умрет. Он понимал, что действует иррационально — ведет себя, по словам Атона, как дурак, — и какая-то его часть гневалась на это. И все-таки он шел.

Туннели здесь были не естественными, а выцарапанными в цельном камне мощными когтями дракона. Впрочем, камень был довольно мягкий: Арло смог бы обтесать его своим сталактитом. Но даже на крохотный туннель потребовались бы месяцы утомительного труда — а эти были далеко не крохотные!

Арло вошел в сужающийся проход, сохранившийся с тех времен — вероятно, века тому назад, — когда дракон был молод. Большинство туннелей он расширил, но их было так много, что некоторые на краю логова он пропустил. Вероятно, изменил свой первоначальный замысел

и больше в них не нуждался, а то и оставил их намеренно — для входа добычи. Очевидно, большую часть добычи дракону удавалось поймать, иначе бы он сдох с голоду.

Арло бывал в окрестностях лабиринта и знал, что он двухмерный. Тело дракона было таким тяжелым, что при падении его бы раздавил собственный вес, поэтому он предпочитал не забираться наверх. Так говорил старик Бедокур: а он-то разбирался в повадках животных.

К тому же дракон в это время обычно спал и пробуждался с неохотой. Так что рискнуть стоило.

Узкий туннель перешел в широкий. Следы когтей выдавали работу дракона, постоянно скребущего стены, чтобы вместить свое увеличивающееся тело. Общее устройство логова было несложно. Туннели лучами отходили от центральной пещеры, как спицы колеса, описанного в ДЗЛ. Их пересекал спиралевидный туннель, который делал несколько оборотов и заканчивался тупиком. Все «спицы» выходили за пределы спирали и тоже кончались тупиком. Большинство животных, забредших в лабиринт, терялись, так как не могли понять его устройства. Преследуемые драконом, они инстинктивно бежали

наружу и попадали в тупик, где и становились верной добычей.

Арло быстро шагал к центру. Слух чудовища настроен в первую очередь на звук удаления. К шуму приближения он терпим, поскольку хочет, чтобы добыча забралась в центр лабиринта и там заблудилась. Пока Арло идет твердо и без страха, дракон вряд ли проснется.

И все же Арло хотелось, чтобы, эта часть пути поскорее завершилась.

По сравнению со спиралью «спицы» были короткими, но Арло и с пустыми руками понадобилось бы минут десять, чтобы пересечь логово. Сейчас времени на это уйдет вдвое больше.

Арло добрался до центральной пещеры. Здесь, зарывшись в мощные складки кожи, спал дракон. Даже лежа он был раза в два выше Арло. Впрочем, стоя он почти такой же: лапы у него короткие, а туловище при беге удлиняется. Воняло здесь изрядно — весь, пол пещеры завален нечистотами. Храп дракона напоминал завывание в дальних туннелях-воздуходувках.

Арло обошел дракона, стараясь идти бодрым шагом, чтобы показать «приближение». Выход наружу будет потруднее. Можно воспользоваться спиральным каналом, но это займет больше

времени и, пожалуй, скорее разбудит спящее чудовище. Дело не в близости или громкости звуков, а в их природе и направлении.

Ада пошевелилась. С одной стороны, это хорошо, поскольку она приходила в себя, а с другой — плохо, поскольку он не мог предостеречь ее, чтобы она молчала. Звук его голоса мог разбудить дракона!

Девочка чихнула.

Дракон вздрогнул. Его толстый хвост дернулся.

Арло продолжал идти. Любое изменение в характере движения могло стать роковым — если их положение уже не является безнадежным. Чихание, однако, не звук страха, оно могло бы сойти за…

Громадный зверь перевернулся. Показались его твердые как металл когти. Каждая лапа была величиной с грудь Арло, каждый коготь подкреплялся особым расположением костей и мышц, которые наделяли его невероятной пробивной силой. Арло подумал, что, судя по строению лапы, дракон мог приходиться дальним родственником кроту-светляку.

Арло уверенно направился в дальний туннель. Дракон больше не шевелился. Опасность миновала. У Арло по телу пробежала дрожь облегчения.

— Куда ты меня тащишь? — громко спросила Ада.

Послышалось фырканье. Не было нужды оборачиваться, чтобы понять: на этот раз дракон проснулся! Дети стояли перед ним, как на блюдечке.

— Дура! — сердито воскликнул Арло, опуская девочку на ноги. — Беги… если можешь. Прямо по этому туннелю. В самом его конце есть дыра… я пойду другим путем.

А дракон уже двигался, пока еще вяло и сонно, сотрясая камень топотом своих ног. Арло вскрикнул, будто в страхе — несложная задача! — и побежал по спиральному туннелю.

Дракон добрался до пересечения и замер, смущенный наличием двух жертв. Какую из них преследовать? Но уже через миг решил: испуганную. Он обогнул угол и ринулся вслед за Арло. Ада замерла на месте, когда мимо нее промчалось удлинившееся туловище. Арло понял это не глядя: кроме топота дракона, других звуков не было слышно.

Арло собирался отвлечь чудовище, но оказался в трудном положении. На какое-то время он мог убежать от дракона, сворачивая в пересекающиеся туннели, — вес и скорость делали дракона

менее подвижным, чем Арло. Но так не могло продолжаться вечно — и это бы не спасло раненую Аду. Когда дракон отстанет от Арло, его добычей станет она — на этот раз замирание на месте его не обманет! Почему девчонка не убежала, пока у нее была такая возможность?

Пещера сотрясалась под ужасными лапами дракона, передвигающими его туловище. Дыхание с запахом падали вырывалось из пасти, словно горящий газ. Арло понял, почему попавшие в лабиринт животные вели себя глупо и быстро теряли самообладание. Дрожащий камень делал их поступь неуверенной, приводил к неверной оценке своего положения и уменьшал подвижность. Дыхание чудовища едва ли не сдувало добычу, а его жар и зловоние могли ее парализовать.

Показался поперечный туннель, и Арло свернул в него. Дракон затормозил на повороте, потеряв скорость. Отлично — Арло был необходим выигрыш времени! Пожалуй, Арло мог обхитрить дракона, пока тот сонный, а сам вернуться назад к Аде и указать ей путь бегства. Слабая надежда, но…

Изгиб туннеля — и перед Арло показалась стена. Он ошарашенно уставился на нее. По ошибке он попал в тупик! Надо было свернуть в обрат-

ную сторону, к центру, где возможностей для бегства было больше. Вместо этого он побежал из лабиринта, как обезумевшее животное, и попал в ловушку!

Стены туннеля были здесь гладкими, без следов когтей. Дракон обмазал их своей густой слюной, сделав не подверженными повсеместному зеленоватому свечению. Зачем?

Положение стало безнадежным, но Арло должен бороться. Туша чудовища перегородила туннель: мимо не проскользнуть! Два крохотных глаза сфокусировались на мальчике. Распахнув челюсти, дракон приближался к нему.

Арло выплюнул в ладонь камень, прицелился и кинул в правый глаз дракона. Но тварь успела моргнуть, и осколок лишь скользнул по кожистому веку. Арло бросил второй камень в другой глаз — дракон снова моргнул. Уловка не удалась, он даже не ослепил чудовище — теперь оно легко справится с добычей.

Не считая хитрости, оставался лишь сталактитовый дротик. Арло выставил его перед собой, ожидая, когда громадные челюсти щелкнут перед ним, а он отскочит в сторону, уклонится от пасти и поразит дракона в глаз. Веком дротик не задержать! Арло несколько раз махнул рукой, за-

ставляя дракона моргать. Тот не знал, что камни у Арло кончились.

Дракон наклонил голову и закрыл глаза. Тогда Арло высоко подпрыгнул и оказался между горячими черными ноздрями. Он тянулся к глазам дракона, но ноги его скользнули по слизи носа, и он приземлился прямо перед сомкнутыми челюстями. До глаз было не достать!

Арло воткнул дротик в мягкую влажную перегородку носа. Дракон взвыл и отпрянул. На какой-то миг его грузное тело коснулось гладкой стены туннеля, образовав с другой стороны пустоту. Удастся ли проскользнуть в нее?

Но тут челюсти дракона далеко разошлись, обнажив на удивление маленькие зубы. Из пасти вырвался воздух вперемешку со слюной, и образовалось туманное облако.

— Яд! — воскликнул Арло, когда его окружила обжигающая дымка. Это был конец. — Хтон! Хтон! — закричал он.

«*Я здесь, друг*», — произнес голос у него в мозгу. Хтон вернулся!

Тело дракона обмякло. С боков всосался свежий воздух. Арло жадно его глотнул, избавляясь от боли в легких, а слезы промыли глаза. Теперь мальчик был в безопасности, ни одна тварь в

пещерах не могла одолеть управление бога.

Арло разразился благодарностями и вопросом: «Хтон меня спас, но где Хтон был до сих пор?» — Смотри, кого я нашел! — сказал он вслух, вспомнив про Аду.

Но Хтон уже покинул его. Арло стоял обескураженный и озирался, словно мог воочию обнаружить присутствие бога. Что это — упрек? Но в чем он провинился?

Впрочем, отсутствие Хтона не было полным — дракон оставался неподвижным. Что означал отказ Хтона от общения?

Арло пожал плечами. Он подобрал на земле оружие, а затем поспешил по туннелю к тому месту, где в последний раз видел Аду. Прежде всего надо вывести ее из западни. А на досуге можно поразмыслить о том, что имел в виду Хтон.

Ада сидела, скрестив ноги, в том же туннеле. У нее и мысли не было бежать! Голова девочки склонилась, на теле блестел пот.

Нет, не пот — слизь! С дурным запахом, блестяще белая, она покрывала всю кожу. Что ее вызвало: рана на голове или яд дракона?

Нет, у чудовища не было времени выдохнуть на нее яд. Это микса — слизь Хтона. Однажды он видел ее на Атоне, когда тот хотел зайти туда,

куда запретил ходить Хтон. По словам доктора Бедокура, так бог карал существо, наделенное мозгом и силой воли для сопротивления велениям пещер.

— Нет! — воскликнул Арло, прикоснувшись к девочке. Она вся горела: еще один признак. — Ведь она не враг! Я ранил ее, я привел ее сюда — я должен спасти ее!

Хтон оставил его слова без внимания. Слизь стала твердеть. Ужасная белая корка покрыла Аду так, что девочка превратилась в каменное изваяние.

Никогда прежде Арло не сопротивлялся воле Хтона. Теперь придется это сделать.

Он взял сталактит и приставил к своей груди. Обеими руками обхватил его толстый конец и напряг мышцы.

— Прекрати — или я умру! — крикнул он.

Внезапно Арло подпал под волю Хтона, принуждающего его мышцы расслабиться. Он боролся, вдавливая острие себе в кожу, но противодействующая ему сила превосходила даже силу дракона.

Девочка зашевелилась. Когда она попыталась встать, с нее упали белые хлопья. Помочь ей Арло не мог. Все его существо было отдано борьбе с богом — борьбе, которую, как он теперь понял,

ему не суждено выиграть. Хтон слишком могуч, Хтон — правитель всех пещер! Кто сражается с Хтоном, тот становится зомби.

Но Арло сражался. На его коже появился белый налет — первый блеск слизи миксы. Мальчика бросило в жар — жар не страсти, но казни. Его сокрушали, медленно и неизбежно, но он не сдавался.

Вдруг все прекратилось. Еще некоторое время Арло удерживал свой меч, чтобы убедиться, что осада не перенесена на девочку, затем расслабился. Хтон опять исчез.

Зашипел дракон, шум эхом пронесся по пещерам. Хтон отпустил и его!

Арло поспешил вывести Аду из лабиринта, пока дракон не вернулся. Спустился с ней к безопасному потоку, где смыл ей отвратительную миксу с кожи и кровь с волос. После этого повел в свой сад.

Сад находился в громадной пещере, настолько высокой, что потолка не было видно. Здесь было светло и тепло, поскольку яркое свечение исходило не только от стен и пола, но и от изящных зеленых и голубых растений, которые росли в нишах. Но еще сильнее освещало пещеру ровное желтоватое пламя сверху: горящие струи газа, чу-

довищные огненные языки, бросавшие вниз свет и жар, когда не было дымки. В саду было шумно — не от завывания ветра, а от рева падающей воды и вырывающегося огня.

Арло принес Аду в свой любимый укромный уголок и опустил возле пенящегося водопада. Он принялся подкладывать ей под голову мох, но, пока занимался этим, девочка села — и так живо, что он догадался: какое-то время она уже бодрствует.

— Привет, — сказала Ада.

Арло тупо уставился на нее.

— Что?

Она говорила на языке Древней Земли, а не на галактическом. Арло знал его благодаря ДЗЛ, но никак не ожидал услышать мертвый язык в живых устах.

— Ой, больно! — закричала вдруг Ада, схватившись за голову, и упала на спину.

Расстроенный Арло забыл о вопросе, который хотел задать. Он подложил ей под голову мох. Лицо девочки было искажено сильной болью. Зачем он ее ударил? Мальчик чувствовал себя беспомощным, он не знал, как ей помочь. Некоторое время Ада корчилась от боли и стонала, а его сознание вины росло. Из головы у нее вновь

потекла кровь, и мох потемнел.

В ту минуту, когда Арло показалось, что она умирает. Ада затихла. Глаза были закрыты, словно она спит. Какое-то время Арло наблюдал за девочкой, но она не двигалась, и постепенно его тревога отступила.

Ее место занял очередной приступ раздражения. Почему Ада не сказала ему, что умеет говорить по-древнеземлянски? И если она пришла в себя, когда он нес ее из логова дракона, почему не дала об этом знать? Она вполне могла передвигаться по туннелю до приступа миксы, а затем снова ослабла. Или так только казалось.

Арло пришло вдруг на ум, что последний обморок был очень удобен для девочки, которой не хочется отвечать на вопросы. Но ведь она и впрямь ранена, и у него не было уверенности, что он притворяется. Чему следует верить?

Раздираемый сомнениями Арло оставил девочку и пошел через сад. Растительность здесь была высокой и пышной, с тем нежным, ароматным запахом, который присущ хвее — цветку любви. Старик Бедокур несколько лет тому назад привез ему в подарок побег молодой хвеи. Бедокур мальчику не нравился, и Арло ему не доверял, но этот сумасшедший обладал трогательным умением

делать прекрасные подарки и к тому же в нужное время. Хвея — прекрасный тому пример.

Вероятно, Бедокур рассчитывал, что Арло будет носить цветок в волосах, как носят мужчины планеты Хвея. Но та самая незрелость, что позволяла хвее переходить от человека к человеку и не привязываться к нему, позволила ей вновь вернуться в почву. И хотя во всей галактике хвеи росли только на их родной планете — Арло все равно попробовал.

И добился успеха! Цветок пустил корни и разросся. Было очевидно, что условия, необходимые для его разведения, были, очевидно, в этой светлой пещере точно такими же, как и на родной почве. Один-единственный побег разделился на два, затем на четыре. Арло пересадил новые растения и вскоре собрал семена. Теперь все они лучились здоровьем — некоторые крупнее, некоторые зеленее, некоторые крепче других. Арло попробовал скрестить их с пещерным светящимся мхом, чтобы вырастить светящуюся хвею, единственное в своем роде растение во всей вселенной, и достиг определенного успеха. Неискушенность Арло мешала ему осознать, сколь замечательно его достижение и как оно отражается на способности Хтона управлять ходом

жизни в пещерах.

Мальчик остановился у самой обещающей ниши, где росла новая разновидность. Эти цветы были голубыми и — да-да! — слегка светились! Первый светящийся голубой гибрид! Арло поднес к цветку ладонь, но тот отклонился. На самом деле хвея не двигалась, просто ближайшие к нему лепестки чуть поникли, обозначая отказ.

Потрясенный, Арло отступил назад. Никогда раньше ни одно из растений не отвергало его! Что случилось?

Он подошел к другой хвее — привычно зеленой. Она тоже уклонилась от него. Следовательно, дело было не в гибриде, а в чем-то между ним и хвеями. А для того, кто знал, что такое хвея, это было ужасно.

«*Хтон*!» — крикнул он про себя. Но и бог отверг его. Ответа не было.

Это окончательно потрясло мальчика. Для него это было слишком. Арло выбежал из сада в один из проходов, поспешил по нему до пересечения с другим туннелем и дальше — вверх по извилистому подъему. Он не понимал точно, от чего бежит.

Потом сообразил, что направляется к пещере норн. Да, они могли бы объяснить. Его подсо-

знание верно вело его. Арло продолжал идти по запутанным туннелям, избегая ловушек и опасностей, которые истребили бы любого человека или животное, плохо знакомых с этими тропами. Петляя по каньонам и штопорам, он пересек несколько троп гусениц и лабиринт малого дракона и наконец вышел к пещере — уступу за высоким водопадом, примерно на половине высоты стены.

Река здесь была сравнительно узкой, потому что круто падала вниз, образуя плоское полупрозрачное полотно, которое завешивало уступ холодным туманом брызг. Арло знал, что по другую сторону эти брызги испаряются, способствуя образованию облаков, которые проливаются иногда дождем на растения внизу. Порой ему хотелось полетать среди этих облаков, с той же легкостью проникая в их тайны, с какой он проникал в тайны туннелей. Но его желания были не слишком сильны. И вообще он чувствовал бы себя совершенно спокойно, не будь здесь жилища норн.

Они появились из темной дыры — три человеческие фигуры. Все три зомби: две — полностью, третья — наполовину.

Полуженщина подошла к нему.

— Да, мы можем рассказать тебе, Арло, сын Атона, — сказала она. — Если захотим.

Она была довольно привлекательной — с крупными красивыми грудями, тонкой талией, гладкой кожей и длинными черными волосами. Арло понятия не имел, сколько ей лет: определить возраст зомби невозможно. Вероятно, лет пятьдесят или шестьдесят, поскольку глаза ее стали щелками, сквозь которые просвечивал древний голод.

Арло стоял на краю уступа и молча ждал. Его не удивило, да и не встревожило, что Верданди знает о цели его прихода, хотя он ничего не сказал: такова природа норн. Их знание исходит от Хтона, который конечно же знает все. Однако они не вполне принадлежали Хтону, человеческое в них сохранилось, особенно у Верданди. И внешне они различались.

Полуженщина протянула ладонь к водопаду. На Арло полетели брызги. У нее было жуткое намерение!

— Тебе ответят мои сестры, — сказала она. — Но им нужно к тебе прикоснуться.

Ибо обе были слепы. Состояние зомби каким-то образом лишило их зрения и во многом слуха, и они полагались на осязание. Вероятно, микса

— довольно толстый слой клейкого вещества… уф! Арло это знал и сочувствовал их положению — но не любил, когда его трогали их морщинистые цепкие руки.

— В таком случае спрашивай у своей хвеи, — сказала Верданди, отворачиваясь.

Она в самом деле знала! И наверняка знала ответ. Придется покориться. Арло знал, что они не причинят ему вреда. Более того, он мог бы сбросить всех троих со скалы, если бы было нужно. Вот разве что рассердит этим Хтона. Кроме того, норны будут с ним осторожны, потому что больше зависят от Хтона, чем он.

Арло стоял на месте, а три женщины приблизились к нему. Урд протянула свою тощую руку и положила ее мальчику на грудь. Ее пальцы заскользили по мышцам его груди, а изо рта полился поток какой-то тарабарщины.

— Дитя злобы, — перевела Верданди. — Плод кровосмешения, но очень сильный.

— Я — дитя *Кокены*, — раздраженно проговорил Арло. — Она никогда не преступала закона.

Урд ткнула своими обломанными ногтями в его соски и издала резкий смех. Арло догадался, что его одурачили какой-то игрой слов или шуткой, смысл которой понятен только норнам.

Скульд положила свои холодные ладони на его правую ногу и тут же разразилась тарабарщиной. Вновь переводила Верданди:

— Как скоро эта плоть нас приведет всех к Рагнарёку!

На этот раз Арло смолчал. Пророчество было явно бессмысленным, но ему не хотелось вызывать их безумное веселье.

Теперь дотронулась Верданди. Ее гибкие и сильные руки тронули его детородный член и стали поглаживать его и растягивать, вызывая реакцию, которая вовсе не была ему неприятной.

— Сей твердеющий уд пронзит твою сестру, — сказала Верданди.

— У меня нет сестры! — крикнул Арло, отскакивая в сторону. — Почему вы не отвечаете на мои вопросы? Почему от меня прячется Хтон? Почему отворачивается хвея? Кто эта девочка Ада?

Верданди спокойно взглянула на него. Теперь она дышала полной грудью и выглядела на редкость красивой женщиной. Но ее слова оставались словами зомби.

— Мы ответили: о прошлом, будущем и настоящем. Твое раздраженное кровосмешение уничтожит жизнь и смерть.

Арло отшатнулся.

— Это безумие! Какова ваша цена за честный ответ? — Ибо он знал, что они *могли* бы сказать ему, если бы *захотели*.

Верданди задержала на нем взгляд.

— Тебе шестнадцать… почти, — сказала она.

Арло собрался поправить ее, но тут же сообразил, что вряд ли точно знает свой возраст. Прошло уже два года с тех пор, как он спрашивал о нем Кокену, и сейчас, вероятно, он старше.

— Вполне брачный возраст, — продолжала норна.

Теперь он наконец ее понял, и ему стало не по себе. Верданди массировала его тело, возбуждая в нем некое желание, некую тайну. Наверняка она знала об этом больше мальчика и хотела от его тела чего-то большего, чем простое прикосновение. И потому, что он угадывал в себе мощное, тревожное желание, его отвращение усилилось.

— Не надо!

Арло не знал, что он имеет в виду. Вероятно, это был страх перед посвящением в таинство, которое могло бы его самого сделать отчасти зомби.

— Какая другая цена?

Верданди указала рукой.

— Встань в воду.

Арло посмотрел на водопад. Встать в эту пада-

ющую стену было бы убийственно! Но Верданди показывала в сторону, и он увидел чуть дальше на краю уступа небольшой желобок, из которого в пропасть хлестала дугообразная струя. Там была площадка — но можно ли на ней устоять?

— Меня смоет! — возразил он.

Она протянула ему ладонь, предлагая помощь. Арло было не по себе, но он решил, что это лучший компромисс, которого он мог добиться, — и шагнул к разрыву водопада.

Вблизи положение оказалось совсем сомнительным. Мальчик испытывал чувство, граничащее с ужасом. И потому продолжал идти, понимая, что норны его проверяют. Они ожидали, что он отступит, повернет назад — и тогда не будет предлога для ответов. Или для его вопросов. Но он этого не сделает.

Он погрузил одну ступню в воду. Вода была ледяной и падала с такой силой, что ногу сразу же отбросило назад. Арло потерял равновесие. Он неистово замахал руками, но Верданди ухватила его за руку и не дала упасть.

Вероятно, схватив его за руку и распоряжаясь его жизнью, она получила от него то, что хотела. Верданди легко могла бы столкнуть его в поток. Пусть так, все равно он не сдастся. Арло снова

погрузил ступню в воду, надежно поставил ее на скользкий камень и медленно перенес на нее центр тяжести.

Ошеломляющая сила передалась по его ноге сначала до пояса, а затем до груди. Казалось, что сила струи сейчас смоет его, но когда он вошел в струю целиком, эта сила уравновесилась, а вода, обтекая его со всех сторон, удерживала внутри себя. Середина водопада была пустой: на голову ему почти не лило. Мальчик отпустил руку норны и остался один, в вызывающей озноб оболочке падающей воды.

Вероятно, так ощущали себя зомби под покровительством Хтона.

Вскоре его смущение и раздражение, связанное с Адой, ослабли. Она была всего-навсего маленькой девочкой, ребенком, которого ударили по голове. Вполне естественно, что она реагировала иррационально. Он будет заботиться о ней, и она поправится. Ему понравилась эта мысль: заботиться о ней. У него никогда не было товарища-человека, а тем более девушки. *Настоящей* девушки: зомби не в счет, они лишь раковины, разум которых похоронен в Хтоне. Находиться в оболочке, наверное, прекрасно — но только если остается возможность по собственной воле

вырваться из нее наружу.

Теперь Арло был в силах заняться вопросом о хвее. Почему растения уклонялись от него? Может быть, рассердились на присутствие в саду еще одного человека? Однако старик Бедокур нередко заходил в сад. Арло это сердило, но он ничего не мог поделать: Бедокур был еще одним творением Хтона — как и нервы, хотя немного другим. Хвеи Бедокура не любили — но это никак не влияло на отношение растений к Арло. Почему же с Адой получается по-иному?

Причина, должно быть, в самом Арло, на что, похоже, и намекали норны. Наверное, изменился каким-то образом он и стал для хвей чужим. У цветов не было разума, они не могли рассуждать, а значит, не могли и лгать. Они реагировали лишь на то, что скрывал в себе стоящий рядом человек.

Как трудно думать! Арло редко вникал в мотивы своих действий, но сейчас ему надо постараться. Придется разбираться вместе с хвеями, потому что чуткие цветы, словно в зеркале, отражали его самооценку. В каком-то смысле он пребывал в кровосмесительной связи, возможно, разрушая этим себя: его чувства обращались в пределах собственной семьи, не взаимодействуя с чувства-

ми других людей. Слова норн стали понятными!

В чем же он изменился? Ни в чем — разве что проявил заботу о девочке. Неужели хвеи любили бы его больше, если бы он оставил девочку умирать? Если бы позволил Хтону сделать из нее еще одного зомби? Нет — он поступил так, как счел правильным, потому что ему нужен товарищ.

Другой товарищ, отличный от хвей? Но хвеи не ревнивы. Более того, суть этих растений в том и состоит, чтобы скреплять любовь мужчины и женщины. Стоит хвее выбрать какого-то мужчину, и она умрет в его отсутствие — если только рядом нет женщины, которая по-настоящему его любит.

Мужчина? Женщина? Любовь? Какое это имеет к нему отношение?

Но приходилось во все искренне вникать. Ада очаровывала его и одновременно раздражала. Это смущало. Возможно, его смущение передалось хвеям.

В таком случае ему придется узнать девочку получше. И тогда смущение пропадет.

Внезапно Арло испытал чувство страха. Он схватился за дротик и едва не потерял равновесие. На мгновение его лицо высунулось из водяной струи, и он увидел пропасть.

Но это не был его собственный страх. Здесь, сохраняя равновесие, он чувствовал себя в безопасности. В той безопасности, которая вообще возможна в пещерах.

Нет, что-то угрожало не ему, а кому-то другому. Его отцу Атону? Нет, не ему. Его матери Кокене? Нет.

Арло замер. Аде! Она осталась в саду одна, без всякой защиты, и что-то большое и жуткое двигалось к ней. Он почувствовал это той своей частью, которая настроена на жизнь пещер. Этой способности научил его Хтон.

Арло выбрался из-под струи. Вода с силой ударила по нему, и его нога заскользила. Мальчик со всего маху уселся на скалу, свесив ноги с края, а взгляд устремив вниз сквозь светящуюся дымку сада… и вновь рука Верданди подхватила и удержала его.

— Ты спасла меня. И к тому же ответила на мои вопросы, — сказал Арло. — Я это запомню. Но сейчас мне нужно спешить.

Верданди кивнула. Наверняка она знала, что он вернется к ней, и могла подождать. У зомби невероятное терпение.

Арло покинул пещеру норн, увлекаемый новым порывом. Он проделал обратный путь через

лабиринт туннелей, в очередной раз подумав о том, сколь непреодолимы они для того, кто не знает их особенностей и скрытых угроз. Отец здесь пройти бы не смог — по крайней мере, быстро и безопасно. А за плечами Арло годы их изучения под защитой Хтона и с его помощью.

Отсюда был только один надежный ход: туннель-штопор, размеры которого едва позволяли пройти по нему человеку. Остальные тропы вели мимо китомедуз, гусениц и прочих хищников. Арло мог ходить там, когда с ним был Хтон, но не в одиночку.

Достигнув штопора (название происходит от предмета, упомянутого в ДЗЛ: спирали из металлической проволоки, используемой для вынимания пробок из древних бутылок), он остановился. Там была саламандра.

Лучше всего от нее убежать. Обычно саламандры не покидают жаркие туннели-воздуходувки. Это наводило на мысль, что ее присутствие здесь не случайно. Саламандру вызвал Хтон, чтобы преградить ему дорогу.

Зачем?

Арло застыл на месте, по спине у него побежали мурашки. Ада одна, а ведь только его решительность спасла ее недавно от осады Хтона. Над ней

нависла чудовищная опасность Кажется, волк. Сейчас…

Он должен миновать саламандру! Но тварь уже почуяла его, а одно прикосновение ее крохотных зубов означало смерть.

— Хтон! — машинально позвал он, понимая, что это бесполезно. Случай с Адой послужил ему уроком: нельзя больше полагаться на своего друга-бога. Нельзя полагаться вполне. А если ненадежным оказывается какой-то промежуток времени, то ненадежным становится и *все* время. Он полагался на защищавшего его от пещерных хищников Хтона до тех пор, пока считал пещеры безопасным местом. Какое рискованное благодушие!

Придется сражаться с саламандрой самому — причем быстро, ибо угроза Аде нарастала. Уклонившись от прямого нападения, Хтон применил теперь обходной маневр: он послал некое чудовище убить Аду, пока саламандра задерживает Арло. Задержись он у норн дольше, и все кончилось бы до его возвращения. Норны, управляемые Хтоном, ничего не сказали ему, а старались дольше отвлечь его.

Арло нахмурился. Когда-нибудь, когда ему нечем будет заняться, он заставит их пожалеть

об этом.

Вдруг у него в голове возникла новая отвратительная мысль. *Хвея тоже действовала по воле Хтона*! Она послала его к норнам, сделав Аду уязвимой. Хвеи растут в пещерах лишь в присутствии Хтона. Все происходит благодаря Хтону. Хтон захотел, чтобы Арло был счастлив, и потому доставил ему посредством доктора Бедокура величайшую радость: удачную хвею. Но выходит, что хвея — еще один зомби или, на худой конец, частичный зомби, вроде Верданди и Бедокура. Она кажется независимой, но это вовсе не так.

Арло понимал, что невероятно усложнил себе жизнь, противопоставив свою волю воле бога.

«Но выбрось из головы теоретические выводы перед лицом конкретного и вспомни о саламандре». Арло не отваживался поднять на нее руку. Тварь была размером с его ладонь, но ее смертельный яд мог убить за несколько минут. Мальчик не рисковал перепрыгнуть через нее, потому что она прыгала не хуже его. Можно отбросить саламандру в сторону палкой, но у него не было ни палки, ни камня, да и времени, чтобы их найти.

Оставался сталактитовый дротик, по-прежнему висевший на бедре. Если бы он смог заколоть

эту тварь…

Времени на раздумье не оставалось. Саламандра двинулась к нему, ибо эти существа всегда нападают и никогда не отступают. Надо сражаться или бежать. При обычных обстоятельствах Арло убежал бы, но здесь не было обходного туннеля, который позволил бы обойти ее и продолжить путь.

Мальчик прыгнул навстречу саламандре, целясь в нее острием. Тварь раскрыла пасть, чтобы укусить оружие — и острие дротика воткнулось ей прямо в глотку. Удачный удар!

Арло отбросил дротик в сторону. Саламандра еще не мертва, но ей не избавиться от пронзившего ее тяжелого каменного дротика, а с ним передвигаться она не может. Путь свободен.

Тут Арло задумался. Дротик ему еще пригодится. Даже наверняка — чтобы отвести опасность, приближающуюся к Аде. Он осторожно взял его за конец, подняв саламандру в воздух. Ее глазки-бусинки злобно пожирали мальчика, и это Арло как-то странно взволновало. Ему *нравилась* ненависть этого маленького чудовища!

Арло двинулся дальше, держа дротик горизонтально и чуть сбоку, чтобы яд не попал ему на руку, стекая вниз по дротику, или не был сдут

ветром. Можно сбросить саламандру с помощью камня, а затем тщательно отмыть дротик в проточной воде. Если бы было время. Вот и приходится нести дротик так неуклюже.

Штопор добавлял проблем. Если наклонить дротик вниз перед собой, яд стечет на камень, которого потом коснется нога. Если же держать его над собой, капли упадут прямо на него. Но оказывается, можно нести дротик сзади так, что он ни разу не окажется над ним. Ядовитые капли падали на камень, и Арло понимал, что пройдет немало времени, прежде чем он отважится пройти по этой тропе. Ну что ж, норны подождут!

Он уже бежал по широким туннелям. Скоро он вернется в сад — и встретится с опасностью. Приближаясь к саду, мальчик знал, что животное очень крупное. Ему приходилось выбирать туннели, по которым оно могло пройти, потому оно и двигалось кружным путем и медленно.

— Арло!

На его пути стоял человек. Он был ниже и худощавее Арло. И стар: насколько знал мальчик, шестьдесят с лишним лет. Доктор Бедокур.

Арло понял, что этот человек здесь не к добру. В сущности, еще одна преграда, поставленная Хтоном, — более внушительная, чем норны и

саламандра. Ибо Бедокур был не только сумасшедшим, но и умным.

Все-таки Арло удастся, наверное, с помощью хитрости пройти дальше.

— Я заколол бродячую саламандру. Теперь надо от нее избавиться. Осторожнее — яд, — и он нарочно направил дротик на Бедокура.

— Так-так, встреча с саламандрой, — проговорил Бедокур, не уступая прохода, и глаза его так и засверкали среди желтоватых морщин. — Знал бы тогда твой отец…

— Ее убил я *сам*, а не отец, — сказал Арло.

Как бы сдвинуть этого человека? Волк все ближе приближался к спящей девочке, Арло ощущал сейчас как ее невинность, так и его злобу.

Злоба… как там сказали норны?

На это нет времени! Арло надо прорваться, но он не может оттолкнуть старика. У Бедокура своя собственная, особая мощь, как у самого хитрого из миньонов Хтона. Нередко он говорил, в сущности, от имени Хтона. Нападение на него стало бы выпадом против Хтона: несмотря ни на что, это невозможно.

— Физически Атона задержала саламандра, — сказал Бедокур. — А душевно — миньонетка. Его смерть вторит его жизни, но он не сумел вовремя

разобраться с подобиями.

— Миньонетка? Смерть? Мой отец *жив*, — произнес сбитый с толку Арло.

— Все люди, отправленные в тюрьму Хтона, юридически считаются мертвыми, — сказал Бедокур. — Пещеры заменяют высшую меру наказания. Из них не выпускают, так что они напоминают мифическую преисподнюю. В этом смысле я умер в § 394, Атон — в § 400. Меня приговорили к Хтону за то, что я сумасшедший, его — за то, что он любил миньонетку. Почти одно и то же.

В Арло росло отчаяние из-за маячившего приближения пещерной опасности, однако желание получить сведения об отце вынуждало его довести разговор до конца. Он знал, что Бедокур удерживает его здесь, подобно саламандре и норнам. Но жажда, которую вызвал в нем старик, была неотразимее той, которую возбудили норны, и бороться с ней было труднее, чем с угрозой саламандры. Мальчик понимал, что Бедокур будет говорить только то, что хочет, как и норны, которых он напоминал.

Ох!.. Но волк, кажется, временно потерял запах добычи. Хтон не мог вести его всю дорогу, ибо это явно нарушило бы соглашение, которое они,

недавно установили. Волк должен был найти Аду сам. Таким образом возникло дополнительное время. Арло пришлось бы отложить или, вернее, навсегда потерять возможность получить это знание. Для него, привязанного к пещерам, источники информации извне были неоценимы. Поэтому он внимательно слушал, хотя одновременно и сердился, что попал в ловушку.

— Кто такая миньонетка? — спросил он.

— Женщина модифицированной человеческой природы с планеты Миньон. Твоя бабушка была миньонеткой, ты — на четверть миньон.

— Но вы сказали, что моего отца посадили в тюрьму за любовь к миньонетке! А моя мать…

— Кокена — человек или близка к этому. Она родом с Хвеи. Миньонетка — это смерть.

— *Саламандра* — это смерть! — проговорил Арло, разглядывая тварь на дротике. Она по-прежнему была жива и боролась.

— Верно! Атон искал несметное сокровище, голубой гранат, а нашел саламандру. Точно так же он всю жизнь искал прелестную сирену — или, скажем, валькирию — миньонетку, но поиски привели его сюда, в подземный мир. Сирена, валькирия, миньонетка: все это дороги к смерти. Такова вся его жизнь.

— Все вторит смерти? Это бессмыслица…

— Его жизнь вторит его смерти, а смерть — жизни. Ему достаточно истолковать подобия, и он узнает свое будущее.

Арло оставался недоверчивым.

— Миньонетка похожа на саламандру? У нее есть ядовитые клыки?

— В своем роде. В твоей жизни тоже имеются подобия — надо только суметь разобраться с ними. Намеки вокруг тебя.

Арло улыбнулся и снова взглянул на саламандру.

— Если я встречу миньонетку, я проткну ей живот дротиком.

— Конечно. Это самое правильное.

Когда Бедокур с ним соглашается, то, как знал Арло, лучше обдумать все заново. Но внезапно в нем возникло невыносимо сильное чувство. Волк обнаружил запах, напал на Аду и терзает ее!

Арло выставил перед собой саламандру и бросился бежать. На этот раз Бедокур, зная об опасности, отошел с дороги. С какой радостью Арло зацепил бы его саламандрой!

Через несколько секунд он ворвался в сад. Но его приближение вспугнуло чудовище — Арло увидел лишь огромное туловище убегающего

зверя. Он бросил вслед дротик, надеясь задеть его отравленным концом, но расстояние было слишком велико.

Ада лежала на камне вся в крови. Тело разодрано, словно у распотрошенной камнетески, так что видны даже внутренности — однако жива. Арло бросил один испуганный взгляд и понял, что сам ничего не сделает. Ему нужна помощь.

Чья? Несомненно, не Хтона! К кому еще обратиться?

Он едва помнил, как домчался до дома. Как-то вдруг оказался там, тяжело дыша и натягивая трусы. Кокена с удивлением смотрела на него.

На ней было платье, очень похожее на изображенные в ДЗЛ. Она всегда одевалась, несмотря на удушливую жару. Одежда стала частью ее пещерно-домашнего ритуала, и Арло никогда не приходило на ум, что может быть иначе. Кокене было около пятидесяти, а красива она или уродлива — какая разница? Она его мать.

Арло с трудом перевел дыхание. В этой духовке пот, казалось, так и брызнул из его кожи. Но Кокена не покидала своего обиталища возле горящей стены, обогреваемой кипящим потоком. Разве что на минутку.

— Девочка, — закричал Арло, — умирает. Чу-

довище!

Кокена не теряла времени на расспросы.

— Атон в наветренном лесу. Найди его. Возьми Слейпнира.

— Я не умею ездить верхом на Слейпнире! — возразил Арло.

— Ухватись ему за хвост и беги следом. Он быстро найдет Атона и привезет вас обоих назад.

Она права: это самый быстрый способ передвижения.

— Спасибо, мать!

Новость об Аде не вызвала у нее ни малейшего удивления!

Арло покинул пещеру-духовку и поспешил на пастбище. Это была небольшая сеть туннелей, предоставленная животному и огороженная со всех сторон. Преграды препятствовали не его побегу, а вторжению опасных хищников. Мальчик обнаружил Слейпнира по звуку: непрерывное «шур-шур-шур». Слейпнир был из числа едоков свечения: он обтесывал своими крупными резцами камень и добывал таким образом покрывающий стены лишайник. Утомительное занятие, отнимающее массу времени и усилий, — но у этой твари были и время, и сила, и почти отсутствовало воображение. Атону приходи-

лось то и дело перегонять Слейпнира на новый участок, иначе тому пришлось бы обтесывать камень без свечения и умереть с голоду.

У Слейпнира была вытянутая голова, тело, состоящее из сегментов, и восемь мощных ног. Он был длинным и приземистым, способным не останавливаясь мчаться по очень узким туннелям. Что и делало его хорошим скакуном — для Атона. У Слейпнира разума почти не было, зато он знал своего хозяина и не терпел на себе никого, кроме него, хотя мог бы увезти несколько человек сразу.

— Пойдем, глупыш, — позвал Арло.

Никакой реакции.

— Слейпнир! — громко крикнул Арло.

Тот, услышав свое имя, оживился, но когда увидел, что это Арло, вернулся к трапезе. «ШУР! ШУР!».

Арло ухватил его за жалообразный хвост.

— Ищи Атона! — заорал он, стараясь по возможности подражать голосу отца. — Атон! АТОН!

Имя подействовало. Слейпнир огляделся в поисках хозяина. Не увидев его, обнюхал землю.

— Атон! Наветренный лес! — крикнул Арло, дергая Слейпнира за хвост. Ада умирает, а ему приходится возиться с этим слабоумным зверем!

Слейпнир не понимал слов, но теперь его желание найти хозяина нарастало, и он двинулся с места. Мозг крохотный, зато нюх отменный. Через мгновение он взял свежий след и потрусил по нему.

Действительно ли так велика разница между человеком и животным, гадал Арло. Норны, саламандра и доктор Бедокур вызывали у Арло определенные реакции подобно тому, как Арло вызвал сейчас реакцию у псевдоконя. Одного разума мало, чтобы перехитрить эти реакции, иначе он сумел бы спасти Аду, проигнорировав все отвлекающие обстоятельства на своем пути.

Когда Слейпнир бежал, он *бежал*. Арло вцепился обеими руками в хвост и помчался, но скакун оказался для него слишком резвым. Вскоре Арло перестал двигать ногами: соединив ступни, он запрыгал, как камешек, пущенный по поверхности воды, — стремительный аллюр животного увлекал его вперед. Суровое упражнение — но оно доставит его туда, куда нужно!

Пещеры приняли неясные очертания. Одни были темные, другие — светлые; те — маленькие, эти — огромные. Некоторые тянулись прямо, и по ним сквозил ветер; некоторые замысловато извивались. Постороннего человека удивило бы

здесь разнообразие форм и расцветок, для Арло же это само собой разумелось.

Наконец они добрались до наветренного леса. Повсюду с потолка свисали сталактиты, соединяясь со сталагмитами, вздымавшимися вверх, как колонны. Многие из них вертикальными не были: постоянный ветер отклонял капающую жидкость, наклонными получались и каменные изваяния. Порой, спустя века, природные силы меняли направление ветра, вынуждая эти сооружения изгибаться в другую сторону, а возросшее число наветренных колонн тормозило воздушные течения, что сказывалось на форме колонн подветренных. Медленный рост уступал место выветриванию. В итоге у сталактитов отрастали беспорядочно свисающие ветви, а у сталагмитов — причудливо закрученные корни. Цвета были самые разные: светящиеся голубые и розовые полосы, наросший зеленый мох. Арло видел перед собой своеобразную летопись пещер: свечение не всегда было здесь зеленым, и в разрастающихся колоннах сохранились его древние разновидности.

— Отец! — крикнул Арло. Руки и ноги у него онемели, тело ныло от болезненной гонки, но это было неважно.

Атон обернулся. Ему было пятьдесят два года. Он был темнобородый, сильный, с выражением решительности, а то и беспощадности на лице. Он ткнул Слейпнира кулаком в нос — так он ласкал животное. Оно было настолько могучим, что не почувствовало бы легкого прикосновения. Единственный глаз Атона вопросительно смотрел на Арло.

— Девочка. Ранена. Умирает. Кровь. Помоги, — проговорил Арло между глотками воздуха.

Атон уперся ладонью в спину Снейпнира и вспрыгнул на него. Его энергичность не показалась Арло странной: отец всегда был деятельным человеком. Лишь недавно Арло обогнал его в росте. Атон наклонился, подхватил сына и усадил на задний сегмент скакуна. Слейпнир даже не обратил на это внимания: его интересовало лишь то, что на нем сидит Атон.

В этой области пещер не было других людей, кроме Атона, Кокены, Арло, доктора Бедокура да нескольких зомби! Однако Атон ни секунды не колебался.

— Где? — спросил он.

— В моем саду.

Атон знал, где расположен сад, но ни разу там не бывал, поскольку путь в сад был сопряжен с

многими опасностями. На этой тропе Хтон Атону не помогал, как будто бог хотел, чтобы там бывал один Арло. Само собой Арло исследовал все туннели и отыскал туда безопасный путь, который не зависел от мощи Хтона.

Атон направлял Слейпнира по указаниям Арло, и они быстро неслись к саду. Даже на таком резвом скакуне путешествие заняло много времени — безопасная дорога вела в обход. Отгоняя страшную мысль о том, что их там ожидает, Арло заговорил с отцом, а это бывало крайне редко. Отношения у них были не то чтобы плохие, но какие-то неполные. В сущности, Арло плохо знал отца.

— Кто такая миньонетка? — Он уже задавал этот вопрос Бедокуру, но не получил удовлетворительного ответа. *Конечно* же миньонетка — женщина с планеты Миньон. Почему это должно иметь значение? Почему ее сравнивают с сиренами, валькириями и смертью?

Спина у Атона напряглась, и Арло понял, что допустил ошибку. Он был вторым сыном, заменившим любимого первенца, и не смел позволять себе такое. Просто Арло решил, что сегодня особый случай.

— Кто говорил с тобой об этом?

— Старик Бедокур.

Атон презрительно хмыкнул, но чуть расслабился.

— Что он тебе рассказал?

— Что я на четверть миньон. Моя бабушка…

— Довольно!

Арло рад был оставить этот предмет. Атон — человек необузданного нрава, у него имелись садистские черты. Очевидно, хитрый Бедокур пытался посеять раздор. Пора сменить тему разговора.

— Откуда у тебя Слейпнир?

Атон вновь расслабился.

— От Бедокура, — он всегда называл доктора Бедокура именно так. — В старые времена мы с ним исследовали пещеры и по неосторожности попались гусенице. Бедокур пытался отвлечь ее, пока я пробивал дыру в стене, но она проткнула его хвостом и включила в себя.

Арло знал, как это бывает. Длинная гусеница таранит хвостом-пикой свою добычу посередине тела. Через мгновение в жертву проникают особые вещества или нервы, и та не умирает, а продолжает жить в виде сегмента этой твари, шагающего в унисон с другими сегментами. В обычном состоянии сегменты у хвоста медленно

лишались жизненных соков, перекачиваемых в переднюю часть гусеницы, и усыхали до тех пор, пока не превращались в ходячие обрубки. Гусеница ела не пастью: ее лицо было огромным фасадом, предназначенным для того, чтобы испугать возможную жертву и отогнать ее к хвосту. Лучшей защитой от гусеницы, как, впрочем, и от других хтонических опасностей, было бегство. Но действуя с должной осторожностью, гусеницу легко было избежать. При случае Арло вскарабкивался ей на середину туловища, поскольку опасен был только хвост.

Наконец до Арло дошел смысл слов Атона.

— *Бедокур* был включен? Но он ведь жив!

— Кажется, дошло, сынок, — усмехнулся Атон. — Бедокур жив лишь наполовину. Он — создание Хтона, сумасшедший доктор, голем, живой чурбан. Хотя, особенно когда ему помогает Хтон, *отличный* доктор. Тебе нужно было бы обратиться к нему.

— Я не мог. Хтон хочет, чтобы девочка умерла.

— Так я и думал, — сказал Атон. — Похоже, Хтон не участвовал в данном замысле. Ты начинаешь понимать, что бог пещер не обязательно благодетелен.

— Да!

Тяжелый урок, как и большинство пещерных уроков. Однако Арло почувствовал, что отец доволен. Атон ненавидит Хтона, но остается здесь, во владениях Хтона, и Хтон терпит его. Почему? Арло не смел спросить — пока.

— Обычный человек пропал бы, — продолжал Атон. — Но Бедокур принадлежит Хтону, а Хтон управляет всей жизнью в пещерах. За исключением нас троих. Человеческий мозг слишком сложен, и чтобы управлять им, нужны особые усилия и специальные средства.

— Микса! — воскликнул Арло.

— Верно. А те из нас, в чьих жилах течет кровь миньона, способны противостоять даже миксе. И если все-таки Хтон побеждает, результатом его победы оказывается не управляемый человеческий мозг, а зомби. То, что ему не надо. И все же у неорганического разума есть способы достичь свою цель. Хтон мог бы остановить гусеницу — но, видно, он хотел преподать нам урок. И потому позволил гусенице поймать Бедокура. Я убежал — Хтон дал мне такую возможность, — а вот Бедокур целую неделю прошагал в гусенице. Позади него было включено еще несколько сегментов. Я думал, что больше никогда его не увижу, но не очень жалел об этом.

Атон тряхнул головой, его темные волосы развевались при движении.

— До этого случая я не знал по-настоящему, насколько Хтон могуч. Возможно, и сейчас еще не знаю. И Хтон показал мне свое могущество! На эту гусеницу напал хищник — что-то вроде огромного волка — и…

— Волк! — вскрикнул Арло. Но тут же закрыл рот, ибо отец замолчал. Мальчик хотел дослушать его до конца.

— Волк разодрал ее как раз перед Бедокуром. Главная гусеница убежала, а Бедокур выжил в качестве независимого сегмента. Он не стал настоящей гусеницей, потому что не мог использовать хвост для включения новых сегментов, — всего-навсего бродячий обрывок с десятью ногами. Но теперь им управлял Хтон. Уверен, что сам я в таком положении умер бы. Через некоторое время хищник напал снова и на этот раз откусил последние четыре сегмента. Бедокур снова остался жив. Он стал почти обычным — если можно так выразиться, как-никак, он наполовину сумасшедший, наполовину Хтон, — а остаток его бывшего тела стал существовать сам по себе. Он тоже не умер. Новая голова приняла на себя управление и питание. Этот остаток из последних сегментов

был очень сильным, поэтому существо получилось могучим, но глупым. Бедокур отдал его мне, чтоб я о нем заботился, и назвал Слейпниром в честь восьминогого коня из скандинавской мифологии. Ты можешь прочесть об этом в ДЗЛ.

Атон замолчал, а Арло больше не спрашивал. Невероятная история, но ей приходилось верить! Хтон был могуществен, а у доктора Бедокура на теле имелись огромные шрамы, происхождение которых мгновенно прояснилось. Ну, разве не поразительно, что сумасшедший доктор почти в буквальном смысле породил прекрасного пещерного коня — четыре сегмента гусеницы! Где еще такое возможно?

Они въехали в сад. Атон с любопытством огляделся, моргая из-за необычного желтого освещения — бывать здесь раньше ему не приходилось.

— Прекрасно, — сказал он с пониманием. — Кажется, я смутно припоминаю что-то похожее. Когда впервые Хтон вел меня через пещеры, используя полуженщину…

— Черноволосую? — спросил Арло.

— Да. Полузомби. Не знаешь, она еще жива?

— Да. Она — одна из норн.

— Одна из норн! — Атон разразился смехом. —

У Хтона в его каменных электрических контурах, кажется, неплохое чувство юмора. Когда я знал ее, она была сукой из Нижней Пещеры.

Сука. Женская особь древнеземлянской собаки, явно оскорбление. Но они оказались уже в саду Арло возле водопада, где находилась девочка.

Ада лежала в прежнем положении. Арло боялся на нее посмотреть. Его волновал не вид ее ран и крови, а то, что он совсем недавно узнал эту девчонку и, в сущности, виноват в случившемся.

— Ее распотрошили, но она жива, — сказал Атон. — Удивительно! Ты уверен, что это не зомби?

— Она — *человек*! Сначала Хтон пытался овладеть ею, а потом послал волка.

Атон поднял голову.

— Волка? — резко спросил он, явно подразумевая ту же связь, что и Арло. Бедокура от гусеницы освободил волк…

— Это существо напоминает волка. Своим нравом. Бедокур задержал меня, я пришел слишком поздно и едва увидел его. Огромное… огромное, как волк!

— Ты никогда не видел волка!

— Зато видел рисунки в ДЗЛ. Но я имею в виду свое *ощущение*. Злоба. Неважно, как он *выглядит*.

Это волк.

— Волк, — повторил Атон. — Ты прав: в пещерах чутье важнее внешнего облика. — Тут он вздрогнул. — Так девочку привел ты! Она наверняка из тюрьмы.

— Да. Она так сказала.

Но теперь Арло почувствовал некоторую неискренность отца и догадался, что тот что-то от него скрывает. Атон должен был удивиться, возможно, рассердиться, но не сделал ни того, ни другого. Вряд ли отец находился в сговоре с Хтоном. Так что же ему было известно?

— Нам ее не спасти, — с сожалением сказал Атон. — Видишь — кишки у нее наружу. Не понимаю, почему она еще живая.

Временами отцу недоставало такта. Однако он был прав. Непонятно было, почему Ада еще дышит.

— Надо попытаться, — сказал Арло.

— Попробуем сшить ее и посмотрим, что из этого получится. А спасти ее может только Хтон.

— Но Хтон *не будет* ее спасать!

На него глянул глаз отца, и Арло понял, что его последующий вопрос был чисто риторическим.

— Почему?

— Потому что Хтон послал волка убить ее!

Атон кивнул. Он обдирал прочное лыко с естественной растительности сада.

— А тебе не кажется, что Хтон мог бы сразу убить ее, а не оставлять на волоске от гибели?

— Я… — Но его появление и впрямь мало что изменило: волк уже убегал. — Она *нужна* Хтону… вот такая?

— С Хтоном можно заключить сделку. Так я спас твою мать.

Арло раздирали надежда и недоверие.

— Ты?..

— У нее был озноб.

— Озноб?

— Ах да, об этом нет в ДЗЛ, — вздохнул Атон. — Как мне все это не нравится! Похоже, что твоя девочка умирает, вот я и говорю о другом. А вдруг поможет. — Он замолчал, стараясь обрести душевное спокойствие, а руки его продолжали работать, подготавливая лыко. — Многое из того, что мне известно об ознобе, я узнал от толстяка Цветика. Первоцвет или Цветик — мой собрат-заключенный, четверть века уже прошло. Цветик, Влом, Старшой, Гранатка, черноволосая сука… я так и не узнал ее имени.

— Верданди.

Атон фыркнул, но продолжал:

— Двести сорок один обитатель нижних пещер и еще больше в верхней тюрьме. Но Цветик был особым. Он знал все, за исключением того, как находить гранаты. Он застрял в протоке, и Старшой разрубил его топором. Пришлось сделать это, потому что появилась китомедуза… — Он помолчал. — Цветик устроил замечательное представление. Он описал тайну озноба в виде пародии на древние теории света, говорил о корпускулярной и волновой теориях и рассказал, как первая была подорвана, а вторая опровергнута. Он забавно играл словами! А также насмехался над тупостью военврачей, по мнению которых человек без температуры больным быть не может, даже если умирает. И над схоластической системой «печатайся или пропадай», которая вечно заставляет профессионалов заниматься не своим делом.

Арло замотал головой:

— Не понимаю.

— Естественно. Заключенные тоже не улавливали всех тонкостей. Но суть такова: у озноба циклы в девяносто восемь лет — его волны распространяются из центра галактики. В пораженных ознобом местах умирает больше половины населения. Заболевший становится все холоднее

и холоднее — и не может поддерживать в своем теле необходимые для жизни процессы. От озноба нет лекарств.

Кокена заболела ознобом, когда он в последний раз прошел над планетой Хвея — в § 403. Я знал, что она умрет. Она осталась на пути озноба, чтобы ухаживать за мной, доведенным до безумия, и этим показала мне, что такое настоящая любовь. Я знал, что тоже люблю ее. Поэтому я сделал то, что когда-то поклялся не делать: заключил с Хтоном сделку и согласился поселиться здесь при условии, что Хтон сохранит ей жизнь. Пока Хтон свое слово держит, я держу свое. Можно назвать это честью и благородством двух врагов. Кокена обитает в жаркой пещере, и температура ее тела не падает, а присутствие Хтона поддерживает ее силы и здоровье. Так и живет. Жизнь не совсем для нее, но если она когда-нибудь покинет эту жару или Хтон, она умрет.

Арло был ошеломлен. В несколько слов отец прояснил тайны всей жизни — но сколько новых тайн возникло после его рассказа! Какова истинная причина озноба, и как Хтон мог свести его на нет, словно Кокена — еще одна хвея, существующая по воле бога, но не зомби? Что довело Атона, как он сам в этом признался, до безумия? Как с

этим связана миньонетка? Почему Хтон *захотел*, чтобы Атон жил здесь? Арло понимал, что лучше вообще ничего не спрашивать: как и Бедокур, отец сообщал информацию только тогда, когда считал нужным. Это была непредвиденная удача, но на ней все и кончилось.

Атон обматывал лыко вокруг туловища Ады, соединяя края огромной раны и засовывая кишки внутрь — осторожно, по обороту за раз. Даже Арло видел, что это крайне грубая, а главное, бесполезная хирургия, но делать было нечего.

— В пещерах, по крайней мере, нет вредных микробов, — пробормотал Атон. — Раны не гноятся, а заразных болезней нет. Снаружи может убить крохотная царапина, даже воздух, выдохнутый больным…

— Царапина саламандры убивает, — сказал Арло. — И дыхание дракона тоже.

— Нечто подобное, — согласился Атон с мрачной улыбкой.

— Я заключил с Хтоном сделку, — отважился Арло. — Пригрозил убить себя, если он не прекратит миксу.

Глаз Атона расширился.

— Ты испытал миксу?

— Хтон пытался овладеть Адой, и она покры-

лась белой коркой, поэтому я приставил к себе дротик и…

— И заключил таким образом сделку с подземным богом, потому что ему пришлось бы или превратить тебя в зомби, или позволить умереть. Ты победил!

— По-моему, да. Но когда я оставил Аду, на нее напал волк…

Атон положил руку на плечо Арло.

— Сынок, ты — настоящий мужчина. Чтобы спасти свою девушку, ты, как и я, боролся с самим Хтоном. Но ты остановился на полпути.

Арло был польщен словами отца. Потом бросил взгляд на перевязанное тело Ады, все еще медленно истекающее кровью, и понял, что потерял то, за что боролся.

— По-моему, нет.

— Ты помешал Хтону применить миксу. Но пока он управляет пещерными животными, он может убить девочку. Тебе не спасти ее, не заключив с Хтоном договор.

Арло задрожал, хотя в саду было тепло.

— Я должен снова попытаться себя убить?

Атон прикрыл глаз.

— Сынок, я недооценивал тебя. Моим первенцем был Ас, и после его смерти детей у меня как

бы не стало. Ты родился позднее, но не был для меня настоящим. Ту же самую ошибку я совершил, когда цеплялся за миньонетку, предпочитая ее твоей матери. Но теперь ты — настоящий мужчина, и я знаю, что, хотя ты родился вторым, ты мой, мой до последней клеточки, как и Кокена. Второй, но не хуже первого! Я не хочу, чтобы ты умер.

Арло снова изумился. Столь сильного выражения родственных чувств он от отца еще не слышал. Кроме того он узнал имя своего погибшего брата: Ас. И получил от Атона признание, что он любил миньонетку. Но голос Арло не дрогнул:

— Благодарю тебя. Но как мне защитить Аду от Хтона?

— Точно так же, как я защитил Кокену. Скажи Хтону, что не будешь противиться ему, пока девочка жива. Жива *по-настоящему*, а не как зомби! Хтону нужна твоя помощь, так же как нужна и моя. Более того… — Атон на мгновение смолк, и на лице его возникло какое-то неясное выражение. — Более того, я подозреваю, что я был нужен Хтону в пещерах лишь для того, чтобы родить ребенка. Человек, зачатый, рожденный и обитающий в подземном мире. Наверняка Хтон убил Аса, который не годился для каких-то его

целей. Теперь здесь ты, и ты нужен Хтону целиком, только не знаю, зачем. Думаю, ты можешь заключить с ним сделку. Потребуются годы, чтобы произвести на свет другого ребенка, и вряд ли Хтон захочет ждать так долго.

— Я нужен Хтону… — эхом отозвался Арло. — Наверное, так оно и есть. Хтон всегда был мне другом. Пока не появилась Ада.

Атон улыбнулся:

— Значит, Хтону не нужен ребенок от тебя! И не нужно воздействие на твою душу постороннего человека. Пожалуй, это козыри в твоей сделке. Пообещай Хтону, что у вас с Адой не будет детей и что ты продолжишь сотрудничать с ним, как и прежде, что бы она тебе ни говорила, если, конечно, Хтон не будет вам вредить. И пусть исправит причиненный им ущерб.

— Но я не знаю, будут ли у нас дети… и откуда они вообще берутся! — возразил Арло.

— Ничего, узнаешь. Хтон в силах предотвратить зачатие, пока вы оба остаетесь здесь. По-моему, это честная сделка. Взгляни, согласен ли Хтон.

Арло обратился внутрь, и там был Хтон — его друг, как и прежде.

— Хтон согласен, — сказал мальчик с удивлением.

Атон поднял бровь над здоровым глазом.

— Вот видишь! — У него не было прямой связи с Хтоном, да он в ней и не нуждался.

Арло взглянул на Аду, которая, казалось, спокойно отдыхала.

— Что такое зачатие? — спросил он, догадываясь, что оно имеет какое-то отношение к любопытной складке между ее ног.

Атон повернулся к Слейпниру.

— Девочка еще маленькая. Не принуждай ее ни к чему. Дай прийти в себя, дай два-три года подрасти. Узнай ее лучше. Если она добрая, она наполнит твою жизнь так же, как Кокена наполнила мою. Она превратит животное в человека. — Атон забрался на своего скакуна.

Арло пришло на ум, что отцу что-то известно о появлении Ады: подруги для мальчишки, не сознававшем, как он одинок. Но Хтону это не понравилось, и вот результат: нападение волка.

— Ты спрашивал о миньонетке, — сказал Атон. — Когда вернешься домой, спроси у матери. Она расскажет тебе все, что ты хочешь узнать. — Он обратился к Слейпниру: — Любой дорогой — домой! Уверен, что на этот раз Хтон нас защитит. — И ускакал.

Арло чувствовал согласие Хтона. Бог знал, что

Атон скажет и сделает, и разрешил ему посетить сад. Один-единственный раз.

Мальчик долго сидел возле Ады, размышляя над словами отца и наблюдая, не станет ли девочке лучше.

Наконец явился доктор Бедокур.

— Так ты заключил с Хтоном мир, — сказал он. — Позволь осмотреть ребенка.

Все шло как надо. Арло позволил старику снять лыко и листья и исследовать огромную рану.

— Потрясающая живучесть! — заметил Бедокур. — И удивительное везение. Ни один внутренний орган не поврежден, кровотечение сравнительно слабое. Подозреваю, что несколько швов и благодеяние Хтона поставят ее на ноги.

— Почему Хтон хотел ее убить? — спросил Арло.

Атон высказал свое предположение, но сейчас мысль о принесении Ады в жертву, чтобы помешать ей стать его подругой, показалась мальчику маловероятной. Наверняка были менее сложные причины!

— Пути Хтона неисповедимы. Но теперь ты заключил сделку, и Хтон будет соблюдать ее условия. Ни одна пещерная тварь не причинит девочке вреда, пока ты и Хтон будете заодно.

— Чего хочет от меня Хтон? — воскликнул Арло.

Бедокур посмотрел на него своим беспокойным взглядом.

— Я — сумасшедший. То есть не соответствую нормам вашего общества, хотя могу, в случае необходимости, соответствовать. Твой отец сумасшедший наполовину. А вот ты душевно здоров. Ты избран Хтоном. Тебя ждет великая судьба.

— *Избран* для чего?

Но Бедокур лишь улыбнулся.

Ада выздоравливала на изумление быстро, если учесть опасность ее ран. Все же на выздоровление требовалось время. Арло приносил ей еду, которую готовила Кокена: хлеб из свечения, перебродивший сок, вяленое мясо камнетесок. Он то и дело относил ее к узкой глубокой расщелине над водным потоком, где она справляла нужду. Поддерживал ее, когда она начала ходить. Разговаривал с ней.

Арло все рассказал девочке о пещерах: о реках, китомедузах, ледяных туннелях, гусеницах, сталагмитовых лесах, химере и Хтоне. Рассказал, как его отец добывает золото, гранаты и другие драгоценные камни и делает из них прекрасные кольца, которые доктор Бедокур переправляет

наружу в обмен на одежду, орудия и книги.

Ада, в свою очередь, рассказала ему о великом мире снаружи. О том, как чудесные §-корабли путешествуют с Земли по всему человеческому сектору галактики и даже торгуют с разумными иномирянами: ксестами, лфэ и ЕеоО. (Девочке пришлось произнести это необычное имя несколько раз: ударение на первом и последнем слоге, а все в целом напоминает скорее восклицание, чем имя.) Как человек разделился на планетные подвиды: каждый из них сложным образом приспособлен к своему миру, хотя внешне все выглядят как люди и могут даже скрещиваться. (Скрещиваться? Арло с любопытством спросил: «Как это делается?» Но, кажется, она его не расслышала.) Как ночью появляются звезды, точно такие же, что описаны в ДЗЛ: бесчисленные светящиеся точки, которых особенно много в области «Млечного пути». Как по орбитам вокруг некоторых звезд вращаются скалы, называемые «планетоидами», — порой всего в несколько километров в поперечнике, и путешественник почти не притягивается к их поверхности.

— Превосходное место для добычи редких руд, — добавила она. — Глубокие пласты выходят здесь наружу и легко достижимы. Золото,

иридий… все, что угодно, и почти не требуется энергии, чтобы отправить добычу в космос. Рудные челноки — выгодное космическое занятие.

— Наверное, — согласился Арло, завороженный этим зрелищем. В ДЗЛ об этом ничего не было!

— А некоторые из планетоидов превращены в туристские гостиницы. Космотели. Закрытые, совершенно уединенные, со всеми домашними удобствами. — Она доверительно подмигнула. — Меня зачали в космотеле!

— Но как?..

— Мой отец умер. Мать тоже. Наверняка какая-то любовная история!

Так были обойдены дальнейшие расспросы о природе размножения людей. Но в воображении Арло одно переплеталось с другим: добыча руды на планетоиде и любовная история.

Они не только разговаривали, но и играли во всевозможные игры — от пятнашек до шахмат. Ада была искусна во всех играх — она обладала отличной физической и умственной координацией. Для девочки она знала на удивление много.

Пока Ада выздоравливала, с ней произошла удивительная вещь. Ее измученное болезнью тело стало крупнее, чем было. Ноги округлились, особенно в бедрах. Грудь набухла двумя бугорка-

ми. Под мышками и между ног выросли волосы, скрыв ту складку, которая так заинтересовала Арло. Ее тело стало отчасти напоминать тело норны Верданди. И лицо слегка изменилось, стало не таким детским. Короче, она превратилась в златовласую маленькую красавицу.

Но особенно изменилось ее поведение. Очень многое в Аде по-прежнему раздражало, но многое на что-то намекало. И, странное дело, чем сильнее она его бесила, тем привлекательнее становилась!

— Куда они ведут? — спросила Ада, указывая на беспорядочные проемы в стене. Ей стало намного лучше, и она горела желанием всюду побывать.

— К большой газовой расщелине, — сказал Арло. — Ее не обойти. Это самое длинное ущелье в пещерах — оно тянется на сотни километров.

— Давай посмотрим! — крикнула она и побежала к ближайшему проему.

— Подожди! — воскликнул Арло, устремившись за ее мелькающими бедрами. Какая-то часть его мозга отметила, насколько пополнели ее ягодицы. Вероятно, потому что, выздоравливая, она слишком долго сидела. — Там небезопасно!

Но Ада уже забралась внутрь, пригнувшись под низким потолком туннеля. При этом она оттопы-

рила попку, которая вновь заинтересовала Арло, хотя он уже знал, что в сущности там ничего нет. Тем не менее непосредственная опасность встревожила его.

— Там обрыв! — крикнул он. — Туда нет безопасного спуска… к тому же ты задохнешься от газа.

Ада завернула за поворот. Арло последовал за ней. Еще один поворот, и туннель сузился настолько, что ее бедра застряли. Арло знал, что впереди обрыв, и, как сумел, схватил девочку. Одна его ладонь оказалась между ног, поймав ее за бедро, и пальцы погрузились в мягкую плоть.

— Стой! — крикнул он.

— Вот ты как! — послышалось в ответ. — Заводишь меня! — хихикнув, она скользнула в дыру.

Арло пытался удержать девочку, но ее бедра, которые только что плотно сжимали его ладонь, раздвинулись, и пальцы выскользнули. Вновь он испытал возбуждение и тревогу — ему хотелось удержать бедро, которое так его возбуждало, и одновременно защитить Аду от опасности — и все-таки он упустил ее.

Арло нырнул за девочкой, но теперь сам застрял в узком месте. Он рванулся и ободрал с боков кожу — камень здесь был очень тверд.

Раздраженный острой болью и ее бегством, Арло вновь ринулся за ней.

— Ой! — крикнула Ада, и на мгновение он испугался, что девочка упала в пропасть. Но она вовремя остановилась и теперь сидела на кромке скалы, свесив ноги вниз.

— Почему ты не подождала? — сердито спросил он. — Ты ведь могла убиться! Я *говорил* тебе, что здесь опасно!

Ада всматривалась в дымку перед ними, словно ничего не случилось.

— Что это, Арло? Я никогда не видела ничего подобного!

— Газовая расщелина, я же говорил, — сдержанно объяснил он. — Оттуда, с потолка, спускаются газовые пары. — Он указал на далекий и высокий потолок, который отсюда не было видно. — Они скапливаются на дне в километре отсюда, а может, больше — не знаю точно, какая здесь глубина, — и всасываются в каменные трубы. На другом конце, по ту сторону пещер, горит огонь. Он вдувается в проходы и раскаляет туннели как раз там, где тюрьма. Потом воздух охлаждается, расширяется, успокаивается и возвращается сюда, чтобы повторить цикл.

Ада глядела вниз.

— Ничего не вижу.

— И не увидишь. Внизу нет свечения.

— Откуда же ты знаешь про газ?

— Отец рассказал.

Тот редкий случай, когда Атон разговорился. Он вообще больше любил рассказывать о вещах, чем о людях.

— А откуда он знает?

— Ему, наверное, рассказал толстяк Цветик во время Тяжелого Похода.

Девочка фыркнула:

— Но это же миф!

— Что?

— Тяжелый Поход. Тюремная байка. Никакого Тяжелого Похода не было.

— Мой отец проделал *его*! — горячо возразил Арло. — Им нечего было есть, и они ели мертвецов. Их преследовала химера, и микса, и…

— Очень милая байка, — сказала Ада. — И ты тоже очень милый. — Она наклонилась к нему, сидящему на корточках, и поцеловала его в губы.

Она никогда не целовала его прежде. Результат был потрясающий. Казалось, Арло, как в воронку, всосало в соединение их губ, и он почувствовал, что его крутит и вертит. Умопомрачительное

блаженство! В ДЗЛ много раз описывались поцелуи, зачастую очень бегло и перед фигурами умолчания, которые, к его досаде, скрывали механику размножения, — но действительность превзошла все ожидания!

После чего падение и вращение стали буквальными. Ада соскользнула с выступа и едва не увлекла его за собой. В следующий момент Арло обнаружил, что цепляется одной рукой за неровный край, обняв Аду другой, а ноги его болтаются в поисках опоры.

Через мгновение его опытные ступни нащупали опору и страх перед возможным падением ослаб.

— Что ты *сделала*! — гневно крикнул он.

— Я поскользнулась. — У нее был довольно жизнерадостный вид.

— Нет. Ты не…

Ада вскарабкалась наверх, угостив его еще одним видом своих по-новому таинственных ягодиц, и побежала по примыкающему туннелю. Разгневанный, он поспешил следом.

Этот туннель был уже предыдущего. Ада пробиралась по нему чуть впереди Арло и наконец выскочила в главный проход А преследовавший ее Арло, ослепленный желанием и яростью,

снова застрял. На этот раз его заклинило по-настоящему: бедра так плотно придавило к камню, что, не причинив себе острой боли, он не мог ни двинуться вперед, ни отступить назад. Он стоял, вытянувшись, лицом к туннелю.

Обнаружив, что Арло ее не преследует. Ада вернулась назад.

— Что случилось?

— Я застрял. Не могу двинуться, — с жаром сказал он.

— В самом деле? — в ее голосе прозвучала радость.

— Похоже на это!

Она наклонилась, чтобы получше разглядеть его промежность. Юные груди Ады стали в этом положении более выпуклыми. Когда-нибудь, догадался он, они будут напоминать груди Верданди — большие и пухлые. Потом, вероятно, отвиснут, как у двух других норн, и станут менее возбуждающими. Но только потом, а сейчас…

— Кажется, он поднимается, — сказала она.

— У меня *бедра* застряли! — сказал он. — Помоги мне!

— И к тому же становится больше.

— Заткнись! — воскликнул он в смущении и ярости. Хотя в отношении пола особого стыда у

него не было и он гордился эрекцией, в данном положении она была ему ни к чему. Скорее она демонстрировала его невежество и напоминала о прикосновении и любопытстве норн. Как они сказали? «Сей уд пронзит…»? Он не владел уже собой.

Ада приплясывала вплотную к нему, вращая бедрами и выставив свой зад так, что он почти терся об Арло.

— Почему ты не…

Внезапно Арло прозрел смысл своего возбуждения. Теперь он знал, куда вставить восставший орган! Он ринулся было к ней, не понимая, готов ли он доставить ей удовольствие, или нанести боль, или то и другое вместе. Но камни держали его крепко, и бедра обожгла сильная боль. От ярости он едва видел Аду, однако желал ее с такой силой, о существовании которой и не подозревал. Да, теперь он знал, что делать, — когда ему подвернется случай.

— У-тю-тю! — пропела Ада и на этот раз действительно коснулась его члена.

Арло исхитрился. Он не стал лезть вперед, а резко крутанулся. Кожа содралась с обеих сторон, и казалось, даже кости сжались, но он все-таки вырвался, выскользнул из узкого места!

Зато Ада исчезла. Теперь она была такой же быстроногой, как и он, и знала пещеры достаточно хорошо, чтобы спрятаться. Он не смог ее поймать.

Вероятно, к лучшему. Арло заключил с Хтоном сделку, дабы сохранить девочке жизнь, но в тот момент с радостью готов был убить ее сам.

— Миньонетка? — переспросила Кокена, и на лице ее появились морщины, делавшие ее старше.

— Отец велел спросить у тебя, — сказал Арло, и тело его нервно напряглось. На этот раз он был рад, что одежда помогает скрыть напряжение. — Бедокур сказал, что миньонетка, как и саламандра, означает смерть… что это подобия, как жизнь и смерть Атона. Он…

— Доктор Бедокур — сумасшедший, — сказала Кокена.

— Да. Он говорит, что он сумасшедший полностью, а отец — наполовину. Только, кажется, он имеет в виду совсем не то, что мы. Но Бедокур всегда говорит мне правду, хотя и по-своему, а он сказал, что отца посадили в тюрьму за любовь к миньонетке. И еще он сказал, что моя бабушка была миньонеткой, и я — четверть-миньон. Разве можно посадить человека в тюрьму за то, что он

любит свою мать? Я люблю тебя…

Чтобы удержаться. Кокена уперлась о горячую стену. Арло подхватил ее под другую руку, боясь, что она упадет.

— Что с тобой?

Мать овладела собой.

— Как твои дела с Адой?

Кокена встречалась с Адой лишь однажды. Это было ужасно — Кокена не выказала ни малейшей ревности и радушно протянула навстречу девочке руки — Ада же убежала. Арло отреагировал обычной вспышкой гнева, но не смог поймать Аду, чтобы вернуть ее или объясниться. Она обращалась с Арло, Атоном и Бедокуром, понемногу раздражая всех, — но Кокена, которая не имела к ней ничего, кроме любви, была отвергнута. Одна из тех вещей, что огорчали Арло, — и все же его влекла к Аде возрастающая страсть. Словно ему *нравилась* извращенность, словно что-то в нем хотело причинять боль и испытывать ее — и это вызывало отвращение. Подозревая, что дело в его наследственности, он и собрался наконец спросить об этом у матери.

— Она чертовски невыносима, — сказал он. — Но порой страшно мила. Мне то хочется убить ее, то… — Арло осекся, неуверенный, много ли

он может себе позволить. Например, вряд ли Кокену обрадует случай в газовой расщелине. Ничего, собственно, не произошло, но будь он чуть проворнее…

— Она юная женщина, а ты юный мужчина, — сказала Кокена. — Тебе естественно желать ее. Это не стыдно.

В таком случае почему мать никогда не рассказывала ему про половой акт? Очевидно, где-то *таился* стыд.

— Но я больше всего хочу ее тогда, когда больше всего ненавижу! — воскликнул он.

Кокена села в кресло-качалку. Оно было из камня и передавало ее телу тепло от стен и пола. Арло исходил от жары потом, но его мать совершенно не потела. У нее явно был нарушен механизм теплообмена организма.

— Да, тебе пора узнать. Но должна предупредить: в этом боль — для твоего отца, для меня, да и для тебя тоже.

— Потому что я на четверть миньон! — догадался он.

— Да. Я надеялась, что миньонская составляющая будет в тебе подавлена, но, кажется, этого не произошло. Поэтому тебе лучше узнать правду, чтобы уметь с этим справляться, как твой отец.

— Он любит и ненавидит *тебя*? — ужаснулся Арло. Никто не смел ненавидеть Кокену!

Она слабо улыбнулась:

— Нет. Он никогда не причинял мне боли. Но пока он не победил свою химеру, было очень плохо. На его руках много крови, большую часть его злых поступков нужно выбросить из головы, потому что он не знал. Я молюсь, чтобы на твоих руках ее не было.

— Чего он не знал? — сокрушенно воскликнул Арло. Порой его родители были хуже Бедокура и норн и изводили его туманными ответами.

— Все началось с твоего дедушки Аврелия Пятого, отца Атона. Аврелий женился на дочери Десятого, во всех отношениях замечательной женщине, которую любили хвеи. Но через два года она умерла при родах, ибо в некоторых отношениях планета Хвея весьма первобытна. С горя Аврелий отправился в космос и там попал под власть миньонетки. Ее привлекла к Аврелию его страшная печаль, а также чувство вины из-за того, что он ее любит.

— Не понимаю, почему он на ней не женился?

— Миньон — запретная планета. Аврелий нарушил галактический закон, сперва тем, что отправился туда, а потом тем, что привез Злобу к

себе домой. Так что…

— Злоба! — Это слово упоминали норны. — Что за имя?

Кокена коснулась его плеча.

— Тебе нелегко, сынок. Потерпи вместе со мной.

— Извини.

Кокена говорила об очень важном, и он не имел права ее перебивать. Можно было отложить свои вопросы.

— У всех миньонеток такие имена. Ярость, Агония, Боль, Жуть, Невзгода…

Арло снова едва не перебил ее, но сделал вид, что поперхнулся. Он должен не спорить, а слушать.

Кокена улыбнулась, и он увидел в ее улыбке то, за что отец полюбил ее.

— Да, поначалу это кажется странным. Но они верны своей природе, как мы верны своей. Дело в том, что чувства у миньонеток перевернуты. Наша любовь, красота, радость воспринимаются ими как ненависть, уродство, отвращение, и наоборот. Они — чувственные телепатки и потому воспринимают эти чувства непосредственно. Ненависть мужчины для них божественная любовь, но любовь эта может быть смертельной.

В сущности, миньонетки бессмертны, их почти ничто не может убить, и они веками остаются красивыми и молодыми. К тому же они похожи друг на друга, пока ты не узнаешь их лучше. Так они и живут, пока их не настигнет чья-то любовь — и тогда они умирают. Их имена, собственно, выражают их привязанности.

Она перевела дыхание, как бы собираясь с силами.

— Мужчины планеты Миньон близки к норме, но им приходится учиться ненавидеть тех, кого они любят. Они бьют своих жен и даже пытаются убить, зная, что только так сохранят их. В результате у мужчин с Миньона сильно развиты садистские черты, связанные с любовью. Вот почему эта планета под запретом. Такого рода любовь уже принесла в истории Древней Земли слишком много бед и привела бы к уничтожению цивилизованных культур галактики.

Злоба оставалась с Аврелием один год и родила ему Атона. К этому времени Аврелий смирился со смертью дочери Десятого и начал любить Злобу без чувства вины. Он не понимал — вероятно, не позволял себе понять, — что она бежала от его любви. Поэтому Атон рос без матери…

В культуре Миньона есть одна особенность.

Женщины живут веками, а мужчины обычно умирают в пятьдесят лет. Очевидно, за этот срок их ненависть обращается в любовь, садизм ослабевает, и когда это происходит, их казнят другие мужчины. Эта печальная, но почетная кончина известна под эвфемизмом «неосторожность». Но миньонетка не становится вдовой: она выходит замуж за своего сына.

— *Что*? — воскликнул Арло. Все его знания о человеческой культуре убеждали его в запретности кровосмешения.

— Это естественный для них порядок, — продолжала Кокена, хотя он видел, что она страдает от дурных предчувствий. Кокена, дочь Четвертого с планеты Хвея, была исконно консервативной, истинным ребенком своего мира. Однако она сумела приспособиться к своему чрезвычайному положению — к любви полуминьона Атона. Она была терпима. — Миньонетка становится женой своего сына, а после него — своего внука, который является ее сыном, а после него — следующих своих потомков мужчин, хотя каждому из них она мать. Она рожает одних мальчиков до тех пор, пока наконец не состарится. Тогда она рожает девочку, которая и занимает ее место.

— Но если моя бабушка… — Подразумеваемое

ошеломило Арло.

— Аврелий был человек, а не миньон. Он не мог принять законов Миньона. Тогда Злоба отправилась на поиски своего сына Атона. — Кокена умолкла, словно собираясь с новыми силами, и на этот раз Арло отлично понял, почему. — Ты должен понять. Она была с виду молодой красивой женщиной, она появилась как возлюбленная, а не как мать, и он не знал…

Молодая и красивая. Это как-то сразу ослабило его отвращение. Но второй вопрос вряд ли можно было обойти так просто.

— Мой отец Атон… женился на своей… *матери*?

— Да. Свадебного обряда не было, поскольку ей приходилось скрывать свою личность от властей. Официально он был помолвлен со мной, но…

— Я убью ее! — крикнул Арло, исполненный каким-то новым гневом.

— Нет. Она давным-давно умерла… к тому же она была не такая уж плохая. Я встречалась с ней. Знала ее. То, кем она была, что она делала, определялось ее генами, ее культурой. Все мы — плоды своей наследственности! С объективной точки зрения нет истинного и ложного.

— *Должно* быть, — сказал Арло.

— Я никогда не встречала более умной, обаятельной, умелой и любящей женщины, если не считать парадоксальной перевернутости ее чувств. Сейчас я вижу, что миньонетка владеет в Атоне лишь его половиной, и я люблю его за это не меньше, чем за его человеческую сторону, которая превосходна. — Кокена вновь умолкла. — Но я любила бы его и без того…

— Атон не женился бы на тебе, будь она жива! — воскликнул Арло. — Как ты можешь…

— Быть второй любовью не так уж плохо, — сказала Кокена. Арло заколотило, когда он вспомнил, что то же самое сказал отец. Атон и Кокена, такие разные на поверхности, обладали одинаковой природой и прекрасно подходили друг другу. — Первая любовь может быть буйной, безрассудной, тяжелой; вторая же опирается на опыт. Я жалею только о том, что миньонетке пришлось умереть, чтобы наш брак стал возможным.

— Неужели он не женился бы на тебе, пока не умерла его мать? Я убью его! — воскликнул Арло, содрогаясь от гнева, но понимая, что это пустое бахвальство. У него не было ни сил, ни желания убивать отца, просто ему хотелось выразить свою поддержку Кокене. Собственно, он стал уже повторяться — но мысль о необходимости смерти

матери для женитьбы жутким образом засела в его голове.

— Ты — на четверть миньон, — сказала Кокена. — Убить отца… это тоже путь миньона. Мужчин, которые живут слишком долго, убивают их сыновья, которым не терпится исполнить свои супружеские обязанности.

От этих слов Арло похолодел. Все его недавние страсти и безумия свелись к одному: кровь миньона жаждала в нем садистской любви. Неудивительно, что его роман с Адой протекает так бурно! Придется все изменить.

— Надеюсь, во мне больше от Аврелия, чем от миньонетки, — сказал Арло. — Как я хотел бы познакомиться с этим отважным стариком!

— Его брат Вениамин еще жив — у доктора Бедекера время от времени с ним какие-то дела. Вениамин очень похож на Аврелия.

— Да? — «Это очень интересно!» — Сумею ли я когда-нибудь встретиться с Вениамином?

— Для этого тебе придется покинуть пещеры или ему спуститься в них. И то и другое маловероятно.

Все верно. Очень интригующее начало, а в конце — тупик. Арло вернулся к исходной теме:

— И все-таки ты должна быть *первым* выбором

Атона, а не вторым!

— Нет. Это был брак по расчету: Первый сын Старшего Пятого, Третья дочь Старшего Четвертого. Очень выгодный с общественной точки зрения — но мы ни разу не встречались и познакомились лишь после романа Атона с миньонеткой. Он знал ее с самого детства. Она его первая женщина… а я готова была быть хоть сотой, только бы последней. Познав ее, он выбрал меня — это величайший подарок в моей жизни.

«Кокена и словом не обмолвилась против миньонетки!»

— Кто убил ее?

— Атон.

Арло вновь опешил.

— *Он* убил свою жену… свою мать? Почему? Как?

— Своей любовью.

Арло искал Аду, желая объясниться, извиниться. Но она избегала его. Ее золотые пряди развевались, когда она проносилась по пещерным туннелям. Наверняка она думала, что он хочет вновь ее ударить. После заключения договора с Хтоном она боялась не пещерных тварей, а самого Арло.

— Подожди! Подожди! — звал он. Но она не

слушала.

Преследуя девочку, он далеко ушел от сада, пересек реку, в которой обитали рыбообразные хищники, разрывающие на куски всех несведущих, и попал в прошибающие ознобом ледяные пещеры. Он редко забредал сюда, поскольку здесь было очень скользко и к тому же холодно. Но он не мог отступить, пока не заставит себя выслушать.

Ада кружилась вокруг сталагмита.

— Ой! — крикнула она, когда тепло ее руки растопило сверкающий лед и она лишилась опоры. Ноги у девочки заскользили, и она без всякого вреда для себя изящно упала. — Ой! — повторила она и покатилась вниз по извилистой ледяной реке на голой заднице, подняв ноги и руки и медленно вращаясь.

Арло плюхнулся на живот и последовал за ней. Тончайший слой воды на льду сводил трение на нет. Жар погони делал соприкосновение со льдом весьма возбуждающим. Вид Ады, вращающейся с привлекательно раскинутыми конечностями, возбуждал его по-иному. Первое бы он объяснил. Тогда как…

Ледяная река, покинув ущелье, впадала в ледяное озеро. Волосатые пещерные птицы тут же

упорхнули, едва на середине озера появилось двое людей. Поверхность была покрыта обломками ледяных сталактитов. Арло сметал их со своего пути руками и ногами и наблюдал, как они катятся и со звоном разбиваются об отвесную обледеневшую скалу берега. Забавное зрелище, но он попал сюда не за этим.

Скольжение Ады замедлилось. Более тяжелый Арло продолжал катиться. Он вытянул руку и, оказавшись рядом с Адой, поймал ее за ногу и подтянул к себе.

— Я хочу рассказать тебе о миньонетке, — выдохнул он.

Челюсть у нее очень мило опустилась.

— Ты *знаешь*?

— Да. Я — на четверть миньон. Моей бабушкой была миньонетка Злоба. От нее я унаследовал садистские склонности. Но их можно подавить. Мой отец подавляет… и я тоже буду. Я люблю тебя.

На мгновение Арло показалось, что Ада не так его поняла. Ее лицо перекосилось от притворной боли.

— Что с тобой? — спросил он, и в нем вспыхнуло прежнее раздражение. — Я сказал, что люблю тебя! — А внутри он гадал, правда ли это, или

же замечание Кокены о буйстве первой любви служило предупреждением. Никогда раньше он не испытывал такого рода любви…

Вдруг Ада улыбнулась. Она протянула руку и ущипнула его за самое нескромное место.

— Докажи!

И тут же уперлась в него ногами и с силой оттолкнулась.

Девочка покатилась по льду в одну сторону, он — в другую. Ее поступок был по-своему забавен и однако же приводил Арло в ярость. В любом случае, это вызов. Он непреклонно будет доказывать свою любовь — зная, что не в шутку угрожает своей четвертинке миньона, он, тем не менее, решился.

Арло достиг каменной стены, уперся в нее ногами и оттолкнулся. Его понесло в обратную сторону, к Аде. Но она успела оттолкнуться от противоположной стены и проскочила мимо него.

— Ку-ку, глупышка! — крикнула она, весело махнув рукой.

Арло становилось все жарче, а его ягодицам — холоднее. Он достиг стены и оттолкнулся под таким углом, чтобы попасть прямо на нее. Но девочка вновь миновала его, приведя Арло в бешенство.

— Плохо стараешься! — воскликнула она.

Полный решимости, он придумал стратегию получше. До того, как оттолкнуться от стены, он посмотрел, в каком направлении движется она, и выбрал угол так, чтобы пересечь линию ее движения. Ада была не в силах изменить его, так как скользила по инерции, и когда они наконец поравнялись, Арло схватил ее за длинные волосы.

Он безжалостно дернул, и ее волосы погасили их инерцию. Когда она с разинутым ртом и вытаращенными глазами закружилась вокруг него, он об этом пожалел. Но Ада лишь рассмеялась, а он опять разъярился.

Арло подтащил девочку к себе. Она охотно позволила это сделать: ноги у нее были раздвинуты, с пяток капала холодная вода, ягодицы белели в тех местах, где их охладил лед.

Ада поцеловала его, мгновенно пробудив в нем жажду ее тела, затем уперлась ступнями ему в живот и снова отпихнулась.

Но дважды на одну уловку он не попадется! Арло по-прежнему держал девчонку за волосы. Она взбрыкнулась, но никуда деться от него не смогла. Арло подтянул ее обратно, пытаясь обхватить распростертые руки и манящие ноги.

Но сцепления со льдом не было. Ада рассмея-

лась, глядя на его попытки прижаться к ней. Все равно, что на материнском уроке держать лист бумаги на весу и писать на нем по-древнеземлянски. Без твердой опоры — тщетные усилия. Ада же была далеко не твердой, а извивалась как пещерный червь. Его неумелость казалась ей забавной, и она то и дело дразнила его, мельком показывая цель. От смеха она вся дрожала вплоть до лобка.

— Ну и любовник! — весело кричала она.

Они продолжали скользить по льду и наконец стукнулись о стену. У Арло возникла новая мысль. Вот где его опора!

Он сманеврировал так, чтобы она оказалась спиной к стене, а ее руки и ноги не могли его снова оттолкнуть. Нащупал в скале неровности и трещины и плотно прижался к ним ладонями, чтобы растаял тонкий слой льда. Это позволит ему ухватиться понадежнее. Его руки и ноги образовали у стены замкнутое пространство, и она оказалась пойманной.

«Теперь, — подумал он, — решающий маневр». Словно он — космокорабль, о котором она рассказала: челнок, доставивший иридиевую руду с поверхности планетоида. Он находился на орбите, нацеливаясь кронштейном — устройством для хранения руды. Надо точно состыковаться,

выкинуть спускной желоб и перекачать свой груз в закрытый бункер. Насос включится автоматически, как только произойдет соединение; человеческие руки для управления не нужны. Такие корабли не нуждаются в герметичности, системе жизнеобеспечения и защите от радиации. Они очень производительны.

Но данный челнок страдал от одной неполадки и никак не мог состыковаться с приемным механизмом. Чтобы добиться соединения, Арло приходилось упираться краями кронштейна и разворачиваться. С определенной осторожностью и расчетом все должно было удасться. Транспортер-гидрант уже наполнен для немедленной отгрузки. Он нацелен в трубу бункера. Измельченная руда поднимается по внутреннему транспортеру, создавая необходимое для сброса давление. Медленно, медленно к цели..

Цель отклонилась: необходимо внести поправку. Легкий толчок в сторону — слишком сильно, назад! *Теперь* точно по центру. Время для решительного движения вперед…

Контакт! Гидрант включился, руда пошла…

И в тот же момент что-то отбрасывает спускное отверстие в сторону. Для поправок слишком поздно! Ценный груз не попадает в бункер и

извергается в космос — пропавший, невосстановимый.

Арло очнулся от грез в высшей точке боли-наслаждения. Ада смеялась так громко, что стала задыхаться.

Руки у Арло заняты — цепляются за скалу позади Ады. Он и забыл, что у нее-то руки свободны. Она воспользовалась ими в решающий момент и все испортила.

Руки Арло отпустили скалу и сомкнулись у Ады на шее. Он сжал девочку и стукнул ее головой о стену. Из-за слабого сцепления удар получился не очень сильным. Они снова откатились на середину озера.

— Извини, — сказала с раскаянием Ада.

— *Извини*! Ты…

— Я тебе докажу. Дай мне хвею.

С сомнением и полный разочарования, Арло привел Аду в сад. Там сорвал прекрасный цветок светящейся голубой хвеи и держал его в руке до тех пор, пока тот не сориентировался на него. После чего подарил цветок Аде, зная, что сейчас он завянет и умрет, ибо ее любовь не могла быть искренней. Но какая-то часть в нем надеялась, что этого не случится, — жаль было не только их отношений, но и небывалую голубую хвею.

Ада воткнула растение себе в волосы — хвея продолжала цвести. Ее свечение даже усилилось. Ада молча смотрела на Арло, не нуждаясь более в словах и внезапно превратившись из дразнившего его подростка в прекрасную девушку.

Она действительно *любила* Арло — хвея доказала это своим сиянием. Сияние хвеи ознаменовало их помолвку в духе его предков.

II. Смерть
§ 460

В пассажирской каюте СС-корабля сидело двое мужчин. Они разглядывали смоделированную панораму звезд: в действительности, при Сверхсветовом путешествии звезды *видеть* невозможно, но модель была точной и, пожалуй, производила более сильное впечатление, чем реальность.

Один мужчина был стар. К его основным органам были присоединены стимуляторы и ритмоводители, заставлявшие их хоть как-то работать, а искусственное легкое подавало кислород для дыхания. Похоже, что он готовился к смерти, поскольку все его тело было поражено какой-то ужасной болезнью.

Другой был миньон: невысокий, неопределенного возраста, угрюмый на вид мужчина с бородой, облаченный в обычную для его культуры набедренную повязку.

— Не выпить ли нам вина в честь юбилея, Утренний Туман? — спросил старик, доставая старинную бутылку.

— А позволит ли это твое здоровье, Вениамин? — спросил в свою очередь Утренний Туман.

— Естественно, нет!

— Тогда пожалуйста! А что за юбилей?

— Сегодня мне исполняется сто восемь лет, — сказал Вениамин.

— Отлично! По этому поводу мы должны устроить пирушку и пригласить нашего кормчего.

— Да. И… твою жену?

— Еще рано, — многозначительно произнес Утренний Туман.

— Прошу прощения. При моей немощи я иногда забываю…

— Всем прекрасно известна причина этой немощи! Обойдемся без извинений, — человек с Миньона улыбнулся и отправился за кормчим.

Вениамин налил слегка трясущейся рукой два бокала вина, затем расслабил напрягшиеся мышцы.

Через минуту вернулся Утренний Туман с кормчим. Им оказался ксест: восьминогое существо с шаровидным телом, похожим на центр плотной галактики. Тяготение на корабле поддерживалось в четверть нормального земного из почтения к привычкам паукообразного существа

— этот уровень не вредил и старику Вениамину.

У ксеста не было голосовых связок, поэтому люди сопровождали свой разговор знаками галактического языка.

— Сегодня в § 460 мы отмечаем сто восьмой день моего рождения, — сказал Вениамин.

— Тебя высиживали сто восемь раз? — спросил ксест, двигая двумя ногами по-галактически куда изящнее, чем мог бы ухитриться человек. Он сотрудничал с Вениамином свыше тридцати земных лет, но по-прежнему имел очень смутное представление о размножении людей и о их возрасте.

Вениамин засмеялся настолько громко, насколько позволяло ему искусственное легкое.

— Так мы измеряем время. Я — Второй сын Старшего Пятого — родился в § 352. Мой брат Аврелий родился на четыре года раньше и забрал букву «А» себе. Таким образом, я — Пятый не первого ранга и никогда не старался жениться. Кажется, к счастью. Я, несомненно, самый старший из оставшихся в живых Пятых. *Единственный* живой Пятый, как известно моему старому другу и соратнику Утреннему Туману. А поскольку вся эта скромная суета сует скоро прекратится, я устраиваю юбилей. Ты усвоил?

— Это праздник? — спросил ксест.

— Вполне. Веселись, ибо завтра не наступит.

У ксеста синкопированно задрожали четыре ноги, демонстрируя проявление у иномирянина каких-то чувств. Он постигал предназначение каждого из них, но до сих пор не понимал, что истину следует признавать в открытую.

— В таком случае позвольте, чтобы некто пригласил тафиса?

— Тафиса? — спросил Утренний Туман.

— Очень уместно! — воскликнул Вениамин с таким пылом, что на его искусственном легком загорелась красная лампочка. — Я с вином, ты с женой, ксест с тафисом. Самая великолепная пирушка всех времен и народов!

Ксест принес небольшую коробку и приподнял крышку. Та была покрыта инеем: содержимое заморожено. Затем ксест продолжил:

— Вам обоим известен смысл тафиса?

— Нет, — сказал Утренний Туман.

— Не совсем, — подтвердил Вениамин. — Но поверьте мне, по такому случаю все позволительно, если тебе так угодно. Все, кроме намеренной бестактности. Тому пример мой алкогольный напиток: он наверняка меня убьет.

— Смерть мы понимаем, — просигналил

ксест. — Но существуют разные ее виды. Почему миньонетка остается одна в своей каюте?

— Ее присутствие не сделает наш праздник веселее, — ответил Утренний Туман. — В должное время я пойду к ней и устрою семейный праздник, дабы избежать публичного показа того, что может оскорбить общество.

Вениамин выпил бокал вина.

— Возможно, это не совсем уместно, но, полагаю, без малейшей сознательной неучтивости, что она *должна* быть с нами. Сомневаюсь, что этим кому-либо будет нанесено оскорбление — в данном случае. Разве что наш друг просветится — а ксест сейчас просветит нас.

Миньон просигналил ксесту:

— Ты сознаешь, что, хотя наше определение красоты отличается от вашего, она может оказаться для тебя неприятной?

— Тафис — неприятен, по вашему определению. Более того, для вас возникнет определенная опасность.

— Не дурачьтесь — вы оба, — сказал Вениамин с улыбкой. — Я обладаю не телепатическими способностями, как вы, а лишь крохами информации, — и заявляю следующее: дадим себе волю, каждый в своем вкусе и, возможно, во вкусе сво-

его спутника. Ни у кого из нас не будет больше такой возможности!

— Прекрасно, — согласился Утренний Туман, дотрагиваясь до кнопки у себя на браслете. — Я открыл замок. Скоро к нам присоединится Невзгода. — Он перегнулся через стол и подобрал богато украшенную плеть.

Вениамин налил себе еще, хотя бокал миньона оставался нетронутым.

— Удивительно, не правда ли, сколь разнообразные механизмы мы привлекаем ради собственной смерти, — сказал он. — Я принимаю сладостный яд, миньон — миньонетку, ксест — тафиса. Разве это не доказывает, насколько, в сущности, мы похожи?

— Все мы — разумные формы жизни, потому и похожи, — заметил Утренний Туман, для проверки сгибая плетку. Очевидно, это орудие было ему хорошо знакомо. — Человек, ксест, лфэ, ЕеоО — как мы обнаружили, в Рагнарёк отличия чисто внешние.

Ксест вынул замороженный кубик. Теплый воздух корабля коснулся его поверхности, и от нее пошел пар.

— У нас, вероятно, половина вашей единицы времени. Этого достаточно?

Вениамин посмотрел на часы, встроенные в пульт управления пищеварительным регулятором.

— Полчаса… При теперешней скорости и азимуте контакт — через сорок две минуты. Считаю, что граница удовлетворительная.

— Вполне удовлетворительная, — согласился Утренний Туман. — Если один из вас будет настолько любезен и подскажет мне, когда останется пять минут…

— Я, вероятно, буду слишком пьян, чтобы говорить, если, конечно, к этому времени не откажет моя печень, — с сожалением сказал Вениамин. — Я закоротил у себя обезвреживатель алкоголя, чтобы эта стихия добралась до моего мозга в чистом виде.

— Некто тоже не будет способен, — просигналил ксест.

— Я тебе подскажу, — произнесла с порога миньонетка.

Утренний Туман взглянул на нее поверх плети.

— Благодарю тебя, дорогая. — Он поднял оружие. — Подойди, пожалуйста, сюда.

Невзгода шагнула в комнату: высокая фигура в просторном плаще с капюшоном и вуалью. Од-

нако ее походка наводила на мысль о небывалой красоте.

— Позволь мне увидеть твои волосы, — сказал Утренний Туман.

Невзгода остановилась.

— Они совсем поблекли.

— Потому что я пренебрегал тобой, любовь моя, — сказал Утренний Туман. Громко хлестнула плеть. Вуаль слетела с лица Невзгоды. Капюшон упал, открыв тускло-каштановые пряди. На щеке — там, куда попала плеть, — остался след. Но она лучезарно улыбалась.

— Невзгода, познакомься с моим старым приятелем Вениамином, — сказал миньон. — И еще с одним моим приятелем, ксестом, который по обычаю их рода безымянен. Улыбнись же им, сука.

Миньонетка покорно улыбнулась каждому из них и сделала это с такой непринужденностью, что Вениамин замешкался и не улыбнулся в ответ, тогда как конечности ксеста судорожно соединились.

— Вы совершите сейчас слияние? — поинтересовался ксест. — Извините, если некто настолько любопытен, что нарушает приличия. Наш вид никогда не понимал природу вашего вида вполне.

— И никогда не поймет, — согласился Вениа-

мин. — В этот час не существует приличий. — Он нетвердо поднялся, покачивая стимуляторами на теле, словно украшениями. — Друг-миньон, мой брат умер в § 402 из-за миньонетки. Кажется, ее звали Злоба. Десятилетиями я пестовал коварное желание, которому все возрастающее опьянение позволяет наконец дать выход. Позволь?

Утренний Туман вручил ему плеть.

— Друг мой, доставь мне удовольствие. Кто имеет на это большее право, чем ты?

Вениамин поднял плеть.

— Понимаешь, — объяснил он ксесту как мог, одной свободной рукой, — чувства у миньонетки перевернуты. Наша боль для нее — радость. Мне очень жаль, что это так, и поэтому…

Он неумело хлестнул плетью. Плеть задела женщину по плечу — более или менее безвредно.

— Проклятый Хтон! — выругался Вениамин, когда искусственное легкое качнулось и ударило его в бок. В сущности, наказан был он, а не миньонетка.

Невзгода улыбнулась.

— Тебе не хватает практики, — сказал миньон, тоже улыбаясь, и теперь миньонетка выглядела удрученной. — Я обращаюсь не к тебе! — бросил ей Утренний Туман, и ее лицо осветилось

улыбкой.

— Очень любопытно, — просигналил ксест. — Есть определенное сходство с тафисами. Некто начинает понимать.

Вениамин схватил левой рукой бокал, глотнул еще вина, встал поустойчивей, удостоверился, что стимуляторы ему не мешают, и вновь занес плеть.

— Когда я попадаю по ней, я причиняю ей боль, и она счастлива. Но воздействует на нее моя вина из-за причинения ей боли, а не сам удар, который она вполне может перенести. Когда же я промахиваюсь, я сержусь на себя за неловкость, и она вновь счастлива. В этом-то и заключается красота. Я век не знал такой возможности выплеснуть свои подавленные антагонизмы!

— Не считая Рагнарёк, — пробормотал Утренний Туман.

— О да. Хтон…

— Тем не менее, это, похоже, оказывает тонизирующее воздействие, — добавил Утренний Туман. — Ты гораздо подвижнее, чем прежде.

— Да! Таким проявлением враждебности можно было бы продлить мою жизнь на неопределенный срок, если бы она не заканчивалась через час.

— Некто хотел бы понять, — просигналил ксест. — Это понятие неизбежной гибели… оно относится к нашей общей судьбе. — Кубик перед ним таял.

— Поскольку это вполне подходящий случай для описания несчастий, — сказал миньон, — я объясню про Рагнарёк, пока мой друг бьет мою мать.

— Мать? — спросил ксест. — Некто предполагал, что она твоя супруга. Некто именно так понял выражение.

— Она и *есть* супруга. Супруга и к тому же мать, а для более удачливых миньонов — бабушка и так далее по восходящей линии. При обычном ходе событий она станет моей невесткой, то есть супругой моего сына, и так далее. После моей кончины, естественно. Так заведено на нашей планете.

— Следовательно, вы размножаетесь делением, — просигналил ксест, будто его осенило. — Ваше отдельное бытие продолжается из поколения в поколение, как и наше.

— Мои поздравления, — с трудом произнес Вениамин, сбившийся с дыхания из-за неумелого обращения с плетью. — Посланец с Миньона, ты прояснил наконец загадку веков: Природу

Размножения Людей. — Он откашлялся и сплюнул: — Деление!

Ксест молчал, созерцая уменьшающийся кубик.

— Но зачем вам в таком случае две ипостаси?

— Два пола, — терпеливо произнес Утренний Туман.

— Два вида?

— Две разновидности, женщина и мужчина. Они соединяются, чтобы образовать новую особь.

— Да, — согласился ксест, вновь что-то поняв. — Как ЕеоО! Только у вас женская ипостась непрерывна — родительница, супруга, младшее поколение. Деление наряду со слиянием.

— Отлично изложено, — сказал Вениамин.

Миньон покачал головой:

— Конечно, виды, наделенные полом, не раз сталкивались на этой почве с вашим бесполым видом! Вероятно, будет полезно, если ты объяснишь вашу систему воспроизводства — и при чем тут тафисы.

— С радостью. Мы делимся непроизвольно, когда случайно отрывается отросток. Ксест, естественно, восстанавливается, но и отросток воспроизводит нового ксеста. Получается двое

там, где был один. Поскольку у нас перенаселение, возникает долг обществу. Мы же долги не одобряем. Поэтому и используем тафисов.

Вениамин, несмотря на свою дряхлость и усиливающееся опьянение, освоился наконец с плетью. Одежда лоскутьями спадала с миньонетки, открывая взору великолепное тело. Волосы ее заалели, словно в них заиграло пламя.

— Трудно поверить, что тебе больше восьмидесяти лет! — пробормотал Вениамин.

— Я старше тебя, — сказала Невзгода. — До Розового Утеса я родила трех сыновей. Он разорвал цепочку, превратившись в чудовище до того, как я зачала от него, и моему племени пришлось покончить с ним из-за его неосторожности. Так я стала вдовой. Не появись в это время Каменное Сердце…

— Изумительно! — выдохнул Вениамин. — У тебя такое лицо, грудь… человеческая девушка в твоем состоянии была бы на целый век моложе.

— Не забывай о плети, — напомнила она.

— Извини. — Он вновь хлестнул, еще слегка обнажив тело, которым так восхищался. — Какое преступление я совершаю: садист и созерцатель! Я зашел слишком далеко, чтобы хоть как-то ею воспользоваться, будь мне это позволено.

— Насколько нам известно, — говорил между тем Утренний Туман ксесту, — тафисы все едят. Пластмассу, мясо, дерево — все, что хоть отдаленно съедобно. А какое употребление находите им вы?

— То же самое, — ответил ксест. — Тафисы — самые замечательные едоки, которых мы обнаружили, — лучшие, чем кто-либо из обитателей наших собственных планет. Поэтому они пользуются огромным спросом, и на них приходится большая часть нашей торговли с другими галактическими видами. — Он вновь проверил кубик, проведя по нему одной из ног. — Скоро появятся личинки.

— Не расточайте себя чрезмерно, сударь, — сказал миньон Вениамину. — Мы хотим быть в финале вместе.

— Вероятно, так будет лучше, — согласился старик, отдавая плеть. — Чудесное укрепляющее, но всему же есть предел. Большинство моих стимуляторов зашкаливает.

Утренний Туман взмахнул плетью и умело сорвал с миньонетки остатки одежды. У нее была изумительная фигура, от которой захватывало дух (условно говоря, поскольку ксест не дышал): ни худощавая, ни полная, но словно бы

вылепленная великим скульптором как образец идеальной женщины.

Вениамин наблюдал, потягивая вино.

— Я начинаю понимать, почему мой брат связался со Злобой, — сказал он. — Будь я предметом ее соблазна, я бы не остался холостяком. Даже если бы *знал* о судьбе тех, кого искушают ей подобные!

— Судьба всех миньонов, — сказал Утренний Туман. — Кроме вот *этого*, по небывалой галактической причине. Дайте подумать… как бы довести ее до высшей точки самым унизительным образом?

— Для этого не нужно особенно думать, — сказал Вениамин. — Вспомни моего племянника.

— Как бы я мог забыть? Ведь я и есть твой племянник.

Вениамин вздохнул.

— И впрямь настало время для сбрасывания покровов со старинных тайн! О да, откроем истину хотя бы перед самым концом! Ты — мой родственник, ты — наследник Старшего Пятого.

Миньонетка застонала.

Вениамин улыбнулся:

— Смотри-ка, наша радость причиняет ей боль! Разве мы не садисты?

— Некто хочет спросить, — просигналил ксест, — в каком родстве находитесь вы двое? Некто вновь сбит с толку.

— У людей существует дурацкое понятие чести, — объяснил Вениамин. — Когда мы нарушаем законы общества, мы стараемся это скрыть, чтобы защитить доброе имя своих династий. Неверность своим законным супругам — одно из таких нарушений.

Утренний Туман бросил косой взгляд.

— Миньонетка никаких законов не нарушает, — заявил он. — Она сохраняет верность унаследованному ею супругу — любого поколения. Даже порку, которую ты ей задал, она выносит лишь по моему указанию и лишь в моем присутствии.

— Верно, племянник, верно! Хотя временами я гадаю, что произойдет, если одна из миньонеток решит, что ее супруг мертв, и выйдет за другого. А затем узнает, что первый жив. Как она справится с этим нечаянным нарушением.

— Первый супруг предпочтительнее. Посягатель обязан уйти.

— Даже если он законным, галактическим образом женился на ней или связан с ней родственными узами?

— В этом случае оба супруга должны встретиться в смертельном поединке…

— Но обычные люди не так сильны. Мой племянник Атон, по-своему помолвленный со Злобой или женатый на ней, в поисках необходимых ему сведений посетил в § 401 планету Миньон. Там он жил с только что овдовевшей местной девушкой…

— Каменное Сердце! — воскликнула Невзгода, лучезарно улыбаясь.

— Кажется, он называл себя именно так, — согласился Вениамин. — Он оплодотворил тебя, Невзгода, и покинул планету. В должное время ты родила Утреннего Тумана, который, повзрослев, стал твоим мужем. Итак, он — мой внучатый племянник, и его на четверть человеческая кровь — это кровь великой Династии Пятых. Вот тайная причина, по которой я разыскал его и содействовал его вхождению в галактическую культуру, хотя, делая это, я нарушил наш закон. Я не разочаровался!

— Насколько удачлив был твой племянник Атон, если оплодотворил ее так легко, — просигналил ксест, хотя, используя это понятие, смутно его себе представлял и вряд ли полагал такое легкое копирование удачливым.

— Не удача, — сказала Невзгода. — Мы зачинаем, когда любовь очень сильна. Любовь Каменного Сердца была сильнее любой другой любви.

— Даже моей? — с перекошенным лицом спросил Утренний Туман. — Не забывай, что я — твой кровный родственник, а мой отец — нет.

— У него были невероятные чувства, — настаивала Невзгода. — Он едва не убил меня неистовством своей страсти. Если бы он остался…

Утренний Туман ударил ее кулаком в лицо.

— Я бы убил его, чтоб завладеть тобой, сука!

— О, теперь твоя любовь почти достигает его, — радостно пробормотала она.

Вениамин обернулся к ксесту:

— Так у вашего рода проблемы с излишком продовольствия?

— Нет. Скорее с его хронической нехваткой.

— Зачем же тогда вам эти пожиратели-тафисы?

— Вы должны усвоить наше понятие долга. Каждое существо обязано достичь благостного равновесия, возвращая виду ровно столько, сколько оно потребило, или даже больше. Если оно безрассудно делится, оно лишь увеличивает свой долг.

— Даже если деление непроизвольно? Когда, скажем, нога воспроизводит новое существо?

— Правильно. Такие случаи бедственны. Мы не вправе допускать беспорядочного размножения под каким бы то ни было предлогом. Поэтому — тафисы.

Вениамин затряс головой:

— Я пьян, и голова у меня плохо соображает. Почему-то мне кажется, что обжорство тафисов способно лишь усугубить вашу проблему.

— Не совсем так. Главное то, что осуществляется контроль за делением.

Вениамин вновь затряс головой:

— Надеюсь, что со временем все прояснится.

— Вспомните свое собственное положение, — вежливо обратился ксест. — Как вы его достигли? Вы, похоже, на пути к полному погашению долга.

Вениамин уставился в бокал. Большинство лампочек на стимуляторах показывали норму, но сам он был далеко не в идеальном состоянии.

— Воистину галактическая ситуация. Моя причастность к ней была определена моим братом Аврелием, родившим сына от миньонетки, о чем мы уже говорили. — Он приподнял голову. — Мы об этом *говорили*? Мой старческий мозг в

тумане…

— Понятно, — дипломатично произнес ксест.

— Когда его сын Атон сблизился со своей матерью — наши летописи называют это комплексом Эдипа, в отличие от комплекса Электры, при котором дочь сближается со своим отцом, — его через некоторое время поймали и посадили в пожизненную тюрьму Хтона. Он сбежал оттуда и тогда же открыл пещерное существо Хтон — неорганический разум, испытывающий постоянное отвращение ко всему живому. Выяснилось, что это хтоническое существо замышляет уничтожить всю жизнь в галактике. Чтобы предотвратить его замысел, мы предприняли упреждающее нападение на Хтон, воспользовавшись нашей базой на поверхности планеты Хтона, называемой Идиллией. Прелестная символика: сверху — Рай, снизу — Ад, и оба согреваются одними и теми же яростными ветрами. Словно нет никакой разницы… но я сбился. О чем это я?

— Упреждающее нападение, — отозвался Утренний Туман.

— Благодарю, племянник. Я оказался, так сказать, на передовой. По крайней мере, я побывал на поверхности этой планеты, где имел наилучшую возможность добраться до моего

племянника Атона и перетянуть его на нашу сторону. И поскольку правительство далекой Земли воспринимало эту угрозу не слишком серьезно, пришлось действовать самостоятельно. Я был уверен, что добьюсь успеха, и добился бы… но оказался вовлечен в смертельное единоборство с сумасшедшим доктором Бедокуром.

— Наверное, дело не только в нем! — возразил Утренний Туман. Он устал хлестать Невзгоду и теперь, ухватив ее за роскошные волосы, бил лицом о стенку. Она выглядела еще прекраснее, чем раньше, и, казалось, излучала из себя счастье. Опьяневший Вениамин был заворожен ее мазохизмом: никогда еще с такой красавицей не обращались при нем так жестоко!

— Конечно. Я не сознавал, что это важно. — Вениамин посмотрел на жестикулирующего ксеста и увидел, что из оттаявшей коробки вылезают личинки. Он быстро перевел взгляд на обнаженную женщину и обратил внимание, что, когда голова у нее откидывалась назад, груди двигались вверх-вниз. Невзгода не оказывала ни малейшего сопротивления. — Мой племянник Атон, полуминьон, убил свою мать, а затем сблизился со своей невестой, дочерью Четвертого, по имени Кокена. Раковина Кокена. Прелестная девушка… прелест-

ная. — Но перед глазами его была не девушка с Хвеи, а миньонетка Невзгода. — Однако Кокена заболела ознобом, и Атону пришлось перебраться с ней в пещеры Хтона, где контролируемая среда могла сохранить ей жизнь. — Он вновь умолк. — Должно быть, не только это. Во время первых эпидемий озноба пробовали обогреваемые камеры, но они не помогали. Я… погодите, на этот раз я сам! Я… я присутствовал, когда доктор Бедокур заключал с Атоном договор. «Я буду молиться вашему богу, — сказал Атон, — если она выживет». И они увезли Кокену.

Вениамин закрыл глаза.

— Я ничего не мог поделать. Но я видел, что мой племянник — человек неисчислимых возможностей и несокрушимой воли, который смог воспротивиться самой хтонической мощи, — я видел, что он сдался. Бедокур победил. Эта ужасная победа сделала меня его врагом, и я поклялся убить его. Но я не имел возможности добраться до него, а если бы и имел, все равно Атон и Кокена оставались заложниками. И с того дня в § 403 до войны в § 426 меня пожирала ненависть к разрушителю великой Династии Пятых. Однако сведения поставлял мне не кто иной, как мой враг Бедокур, поскольку только он имел свобод-

ный доступ в Хтон. Я не выдавал его властям, ибо потерял бы в этом случае связь со своим племянником и его женой. Я узнал, что у Атона родилось двое сыновей — Ас и Арло. Первый умер в детстве, второму было около пятнадцати лет, когда настал Рагнарёк и вся жизнь на планете и внутри нее была истреблена. Я бежал, в сущности, один. Если можно назвать это бегством.

Вениамин прервался, чтобы выпить еще.

— Все не так забавно, как я предполагал, — сказал он, отодвигая пустой бокал. — Я не могу опьянеть настолько, чтобы забыть то, что помню! Так вот, это случилось тридцать четыре года тому назад. Мне было тогда семьдесят четыре. Бедокуру лет на десять меньше. На границе нижних пещер произошла фантасмагорическая битва. Там были чудовища, совершенно неизвестные человеку. Каким-то образом я понял, что, если убью Бедокура, меня никто не тронет.

— И я убил его. Но, умирая, он ранил меня и заразил какой-то хтонической болезнью, вроде ботулизма, незнакомой нашей медицинской науке. Болезнь разрушила мою нервную систему и бог знает что еще. Взгляните на меня! У меня был самый лучший медицинский уход — и все-таки Хтон победил, мою жизнь могли продлевать

лишь искусственно. Так себе удовольствие… и я рад со всем этим покончить.

— Прости мою назойливость, — сказал Утренний Туман, выворачивая Невзгоде руку в локте. Обычной женщине такое давление сломало бы сустав, но на нее не оказывало заметного воздействия. — Кажется, к этому можно кое-что добавить, и я намерен раскрыть все тайны. Когда ты упомянул о сыновьях Атона, в твоих словах послышался некий душевный надрыв. Я не так чувствителен, как моя жена, и тем не менее…

— Да, — согласилась миньонетка. — Он еще не выразил всю свою любовь. Она глубока и огромна, но, как огромное озеро в котловине, питается крохотным ручейком.

Вениамин с сочувствием рассмеялся:

— Под «любовью» ты имеешь в виду «ненависть». Именно так. Очаровательный образ — наполняемая ручейком котловина, — наводящий на мысль о древнем извержении вулкана. Пришла пора искренних исповедей. Так вот. Бедокур рассказал мне о двух сыновьях Атона. Первый, Ас, получил имя из скандинавской мифологии. Асы были богами… но это неважно. По словам безумного доктора Ас был очаровательным парнишкой. Видимо, Бедокур говорил

правду, ибо он получал наслаждение, мучая меня, и знал, что истина — самое могучее оружие. Как я его ненавидел!

Он рассказал мне, как Ас — смышленый, дружелюбный мальчуган — еще грудным младенцем пленил все пещеры. Он стал, если можно так выразиться, любимцем Хтона. Ни одна тварь не причиняла ему вреда — даже демоническая саламандра, чей яд вызывает мгновенную смерть. До тех пор только Бедекер, благодаря своим связям с подземным разумом Хтона, избегал пещерные опасности. Не считая тех, кого он называл зомби — лишенных рассудка женщин. Я так и не понял их роли в общем замысле. Как бы там ни было. Бедокур оказался безумно ревнив — это не игра слов! — и задумал уничтожить ребенка. О да — он рассказал мне об этом, и я ему поверил. *До сих пор верю…*

Он не мог прямо убить Аса, ибо мальчик был избранным орудием Хтона, предназначенным для того, чего не мог делать Бедокур. В отличие от Бедокура, Ас был совершенно здоров. Единственное здоровое разумное существо, способное общаться непосредственно с Хтоном, чтобы, обладая волей, исполнять волю пещерного разума. Бедокур полностью зависел от этого неорганического

создания. Если бы он сам воспротивился Хтону, он был умер. Поэтому он замыслил следующее…

Не знаю, как ему удалось обмануть и Хтона, и родителей мальчика, но Бедокур убил Аса. Все решили, что это несчастный случай. Мне же он все рассказал, потому что должен был кому-нибудь похвастаться. Я один знал эту жуткую тайну, которую не знал никто, кроме Бедокура. У меня одного была причина для мести. Но я был слишком ограничен.

И тогда я замкнул его в глубинах пещер. Я использовал определенные связи и по всей галактике преградил ему ко всему доступ. Он не мог совершить ни одной покупки, не мог получить ни одной ссуды, не вызвав тут же тревогу и не попав под арест. Как следствие, его кодовый космокорабль стал ему бесполезен. В сущности, он был изгнан из космоса.

Вениамин улыбнулся, и миньонетка улыбнулась вместе с ним.

— Бедокур был, как он говорил, наполовину сумасшедшим, но его нормальная или, скажем так, человеческая часть тосковала по галактическому сообществу. Он привык путешествовать на Землю, чтобы послоняться там по планетной библиотеке или полюбоваться древними океанами.

Он был образованным человеком, в своем роде ученым. Он разбирался в искусстве: вероятно, чтобы обрести такую способность, надо стать сумасшедшим! Я лишил его всего этого. Из пещер он мог выбираться только при моем содействии и только в указанное время и в указанном месте. Он должен был приносить мне красивые браслеты и кольца, изготовленные моим племянником, получая взамен подарки Атону и Кокене. Он стал моим посыльным, моим слугой! Так я отомстил за Аса, хотя никогда не знал мальчика лично.

— Прекрасно! — сказала Невзгода. — Такая любовь…

Миньон оторвался от своего занятия. Он пытался выдавить миньонетке глаза, но она сохраняла невозмутимость.

— Так вот, в самом деле, в чем смысл нашей встречи! А я-то полагал, что вы просто набирали умелый личный состав для военной кампании против неорганического разума…

— Да, да! — согласился Вениамин.

— Я стал командующим сил поддержки. Но вы вернулись, сообщили мне, что битва проиграна, и тут же удалились… поскольку начинался сверхозноб. Лишь ваше своевременное предупреждение спасло меня и мои войска: мы бежали от

той волны…

— А теперь к ней возвращаемся, — просигналил ксест. — Я был кормчим вашего корабля и теперь тоже понимаю.

— Рагнарёк, — повторил Утренний Туман. — Великий поединок между силами добра и зла, в котором добро проиграло, как и было предопределено.

— Однако для Хтона злом была *жизнь*, — просигналил ксест. — Возможно, по-своему он был прав. Жизнь он знал, в основном, через доктора Бедокура. Разве мы не объединены сейчас поисками смерти?

Вениамин смотрел на ксеста, чтобы разобрать знаки. Он зажмурился, а потом открыл глаза снова, на время протрезвев.

— Миньон! — прошептал он.

Утренний Туман замолчал, и Невзгода тоже посмотрела. Все трое были изумлены.

Личинки тафисов пробудились от спячки в холоде и теперь копошились вокруг ксеста, с трудом удерживавшего равновесие на палубе. На каждой его ноге гроздьями повисли блестящие белые тельца, а наждачные языки жадно скрежетали. *Тафисы пожирали ноги ксеста.*

— Вы просили сообщить вам время, — просиг-

налил ксест культей. — На несколько секунд раньше, но некто не был способен…

— Ничего, — ответил Утренний Туман. — Нет нужды беспокоиться, моя жена согласилась мне напомнить. Тем не менее, благодарю вас, — его глаза были по-прежнему прикованы к ксесту. — Вам известно?..

— Некто пожирается, — сказал ксест. — После чего тафисы перейдут на вас. Однако…

— Вы ввозите тафисов за огромные деньги, чтобы они пожирали *вас*? — спросил Вениамин.

Теперь к нему обратилась миньонетка:

— Обычная смерть для этого существа невозможна. Если разрезать его пополам, обе части вновь породят целых существ, удвоив общественный долг. Если взорвать его, каждый кусочек, каждая клеточка возродится, увеличив долг в сотни и тысячи раз. Единственный способ покончить с возможным долгом — отдать себя на полное пожирание.

Утренний Туман затряс головой:

— Сука, откуда ты знаешь?

— Она… телепатка, как и некто, — с трудом просигналил ксест. — Воспринимает… боль разрушения… правильно понимает…

Вениамин обошелся на этот раз без бокала и

поднес бутылку прямо ко рту. Он закашлялся, но сделал хороший глоток.

— Ты… убиваешь себя, — указал ксест. — Ты… начинаешь… понимать…

— Да, — согласился Вениамин. — Наконец-то я понял.

— Давай, любимая, — сказал миньон. — Самое время.

Он поцеловал ее.

Миньонетка скорчилась вдруг от боли.

— Нет! — крикнула она.

— Я пятьдесят восемь лет ждал минуты, когда буду любить тебя, — сказал Утренний Туман. — Сейчас, когда мы все умрем, какая тебе разница? — Он вновь поцеловал ее и провел ладонью по плечу и груди — не грубо, а нежно. — Само твое присутствие вызывает во мне трепет. Матушка моя, ты неописуема. Никогда не знал создания столь прелестного…

— Вызывает боль… — просигналил ксест. — Она… пощада!

— Позволь воистину овладеть тобой, — сказал миньон, ни на кого не обращая внимания. — Не с садизмом, но с предельной радостью и благодарностью. Я люблю тебя!

Миньонетка заорала. Она неистово извивалась,

пытаясь вырваться из его объятий.

— Ксест, помоги! — кричала она, словно одержимая.

Тафисы добрались уже до шарообразного тела ксеста. Но он сумел сделать несколько знаков коротким обрубком последней ноги:

— Некто передает… тебе… агонию.

Миньонетка расслабилась.

— Какое блаженство ты послал! Теперь я смогу пережить…

Прожорливость тафисов, казалось, возрастала по мере уменьшения тела ксеста. Последняя культя исчезла, и шар его тела упал в пучину прожорливых личинок. Все же перед лицом неизбежной смерти ксест предпочел использовать для погашения всех возможных долгов привычный механизм.

Утренний Туман прижал к себе Невзгоду с такой страстью, которая при других обстоятельствах наверняка стала бы для нее убийственной. Но на лице миньонетки застыла блаженная улыбка: тафисы выедали внутренности ксеста, и он умирал, передавая ей изысканную агонию.

— Никогда не ожидал увидеть ничего подобного! — сказал Вениамин. Его голова поворачивалась от одного события к другому. — Ровно

через тридцать секунд… — Тут он схватился за грудь. — О-о… одна из моих безделушек, кажется, забарахлила…

Вениамин качнулся вперед, споткнулся о кишащее тафисами туловище ксеста и упал. Он приземлился на отчаянно вывернутую руку, и хрупкая кость враз сломалась. Но это было еще не самое страшное. Тафисы нетерпеливо облепили и его. Они действовали столь возбуждающе, что Вениамин сумел обойтись без вышедшего из строя стимулятора. Он рванулся, но бежать уже не смог.

Старик пополз на трех конечностях, вяло отбиваясь висящей как плеть рукой от скрежещущих личинок. Он потерял шаткое равновесие и наткнулся на трепещущую миньонетку. Тафисы набросились на новую лакомую добычу…

— А-а-а-а-а! — застонала миньонетка в возобновившемся восторге. Тем временем предсмертные муки Вениамина соединились с агонией ксеста, а оргазм миньонетки умножился опустошающим аппетитом тафисов. Ее откинутая рука согнулась, притянув к груди лицо Вениамина с вытаращенными глазами. Тафисы, извиваясь, выпали из его выеденных глаз и приступили к уничтожению ее молочных желез. Наконец-то миньонетка

обрела рай.

После чего настал сверхозноб. Мгновенного воздействия на металлические и керамические части корабля не было, но все живое или органического происхождения принялось разлагаться. Деревянная обшивка рухнула и рассыпалась в пыль, пластмассовое оборудование расплавилось.

Вся жизнь постепенно исчезала. Люди, ксест и тафисы превратились в общую кашу: их жидкости текли по палубе, газы выходили пузырями. Когда распались белки, делавшие жизнь возможной, над вязкой кучей вспыхнул тусклый огонь.

Оставалась скорлупка корабля, поистине мертвая, — какой была и вся галактика там, где прошла волна сверхозноба. Остатки галактики со скоростью света разделяли эту участь. Последствия вынужденного взаимодействия между фтором и кислородом сделали процесс неизбежным.

Хтон победил.

III. Война
§ 426

Арло внезапно проснулся. Рядом с ним поднялась и Ада. Она была красивее, чем когда-либо, несмотря на садистские оттенки, которые принимала их любовь. Он то и дело бил ее и оскорблял, не в силах подавить в себе четверть миньонского садизма. Но она относилась к этому довольно благосклонно, из-за чего он стыдился и сердился на самого себя.

— Что такое? — спросила она, томно потягиваясь.

— Я видел сон…

— Наверное, хороший… — сказала она. — Про меня?

— Кошмар! — Пришлось отпихнуть ее — она ткнула его зажатым в кулак мхом. — Но я проснулся не поэтому. В пещерах что-то происходит. — Он осмотрелся, устремив взгляд куда-то за пределы светлого сада. — Я чувствую ужасное столкновение.

Арло рассказал Аде о миньонской крови, делавшей его отчасти телепатом. Сейчас он сообразил,

что именно эта способность и позволяла ему общаться с Хтоном. Пещерный бог был всемогущ в своих пределах, но обычный человеческий разум оставался к его мощи глухим. Кокена вообще не воспринимала Хтона, а Атон этого *не хотел*. Но Арло был связан с Хтоном с момента зачатия и развивал телепатическую способность одновременно с человеческой речью.

В сущности, Хтон его и разбудил.

— Останься здесь, Ада, — велел Арло. — Я должен сходить на разведку.

— Не уходи, — сказала она, схватив его за руку и прижимая ее к своему телу.

Арло раздирали сомнения. Ада предлагала радостное сотрудничество, желанную близость. Как от нее отказаться? Но Хтон звал, а Арло обещал сотрудничать с ним. Что делать?

Зов стал настойчивее. Хтон действительно озабочен! Ада раздвинула ноги, усиливая его желание и прекрасно зная, как этого добиться. Такое приглашение способно обезоружить кого угодно.

От Хтона исходило предупреждающее настроение. У Арло мелькнуло видение Ады, страдающей от миксы или раздираемой огромным волкообразным зверем, и он решился: нельзя рисковать разрывом договора.

— Хтон зовет, я должен идти.

— Если уйдешь, ты у меня пожалеешь, — предупредила Ада.

— У Хтона я пожалею еще сильнее, — возразил он. Лучше несколько дней ее стервозности, чем гнев Хтона! И ушел.

Он легко бежал по пещерам, следуя зову Хтона. Путь был длинным. Арло покинул прохладные, благоуханные проходы, прилегающие к саду, и вступил в просторные покатые туннели, по которым в газовую расщелину поступал воздух. Арло двигался против ветра, удаляясь от расщелины. Хотя туннели шли на спуск, ветер постепенно крепчал, требуя все большего расхода сил. Он замедлил бы шаг, но Хтон вливал в него силы, снимая усталость. Воздух становился все горячее, и, вспотев от ходьбы, Арло захотел пить. Пришлось сделать небольшой крюк, чтобы разыскать речку. В ней водились присоски, но пока Арло пил, Хтон попридержал пиявок. И снова вперед.

Добравшись до тюремной области, Арло, предупрежденный своим другом, стал осторожнее. Сначала он замедлил шаг, а затем и вообще спрятался в какой-то щели.

Долго ждать не пришлось. По туннелю навстречу сильному горячему ветру строем шли люди.

Сначала Арло решил, что это заключенные, — у них были мешки с водой. Затем увидел, что они одеты.

Оказалось, что это женщины, и странным в них было не только облачение. Все они были молоды, привлекательны и волнующе знакомы. Они несли то, что он опознал как оружие: дротики, дубинки, остальное он узнал по описаниям ДЗЛ: мечи и луки. Назначение многих вещей было ему непонятно.

Это были легендарные воительницы-амазонки. Зачем они пришли? На его памяти люди снаружи никогда не вторгались в пещеры. Заключенными они быть не могли, это была армия.

Хтон наверняка знал, в чем дело, но не мог передать свое знание непосредственно. Арло подождал, пока войско пройдет, а затем крадучись двинулся следом. Он мог бы разыскать доктора Бедокура и расспросить его, но Бедокур находился далеко, и к тому же Арло предпочитал разведать все сам. Если бы взять в плен одну из незваных гостий!..

Арло последовал за отрядом по проходу-воздуходувке. Пещеры он знал лучше, чем они. Часть этих женщин наверняка заблудится. Начать с того, что проход упирается в реку, в нижнем

течении которой обитает китомедуза. Большая. Она-то разредит скоро их строй!

Действительно, через час они вышли к реке и двинулись вниз по течению.

А дойдя до озера китомедузы, разбрелись, как набитые дуры, чтобы поплавать. Арло поднялся в шахту над куполом, расположился у трещины в полу и сверху уставился на озеро.

Женщины разделились, аккуратно сложили форму, оружие и мешки с водой на каменный выступ и выставили напоказ свои изумительные тела. В результате — эта реакция становилась столь частой, что даже смущала Арло, — его член поднялся. Женское тело вообще тревожило его, но эти тела действовали исключительно возбуждающе!

Естественно, всплыла китомедуза и занялась амазонками. Ее туша заполнила все озеро — китомедуза веками расширяла его, согласуя со своим медленным ростом, — ее похожий на канат язык обвивался вокруг купальщиц и затягивал их в утробу. Безвозвратная потеря красоты!

Амазонки бросились защищаться, но в воде оказались в невыгодном положении. Тем не менее, действовали они верно. Они проткнули дротиками тушу китомедузы и отрубили ей язык.

Немного спустя китомедузу это доконало. Она погрузилась в воду.

Одна из амазонок убежала в запутанный туннель-петлю. Или, пожалуй, пошла его исследовать, потому что не очень спешила. Она держалась как царица и, очевидно, имела в отряде какую-то власть. Вероятно, отправилась разыскивать новые ловушки, чтобы женщины в них не попались. Очень благоразумно. Арло уже слышал размеренную поступь местной гусеницы и знал, что вскоре появятся и другие хищники.

Между тем у него появилась возможность. Арло тихо вошел в туннель и отрезал амазонке отступление, держа дротик наготове. Он не сомневался, что сумеет одолеть ее, ведь он как-никак мужчина, а она — женщина.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он вслух по-галактически.

Она обернулась и в зеленом свечении камня увидела его.

— Здравствуй, Арло, — сказала она.

Он в испуге застыл на месте. Откуда эта амазонка, только что оказавшаяся в пещерах, знает его?

— Конечно, знаем, — сказала она. — Ты — единственный в Хтоне независимый пещерный мальчик. Я заметила тебя в туннеле, когда мы

шли, и поняла, что ты преследуешь нас, а потом разглядела твое лицо в трещине на потолке. Я решила, что встречусь с тобой, если пойду в одиночку. Я не хотела тебя пугать.

— Я не испуган, — с негодованием проговорил Арло.

— Верно. Извини, я выбрала не то слово. Мы надеемся, что ты поможешь нам. Как ты видел, мы отчаянно нуждаемся в помощи, поскольку не знаем пещерных опасностей.

— Ты — телепатка! — воскликнул Арло.

— Я — миньонетка, — сказала она, распрямившись.

Миньонетка! Это слово вызвало сонм перепутанных образов — раздражающих и соблазняющих. Теперь он видел, что несмотря на одежду, она прекрасна: прекраснее Ады, Кокены и Верданди, прекраснее своих нагих соратниц-амазонок. Волосы ее живым пламенем полыхали вокруг лица, а глаза напоминали глубокие садовые пруды.

Перед ним стояла живая полутелепатка-миньонетка, как в его сегодняшнем сне. Теперь он понял, почему его дедушка-человек и наполовину человек отец полюбили миньонетку. Ее красота была столь безусловна, что он с трудом мог глядеть на нее.

Арло почувствовал привкус вины: ведь он был помолвлен с Адой и думал, что оставит без внимания этот случайный соблазн. Но теперь понял: ничего подобного!

— Ты и сам очень красив, — сказала она. — Твоя вина доставляет мне удовольствие.

Верно! Она не только улавливала его чувства, но и воспринимала их в перевернутом виде. Этой суке *нравилось* его самоосуждение!

— Да, — согласилась она. — Вот почему до сих пор планета Миньон находится под запретом. Нормальные люди отвергли нас, хотя мы сами, в сущности, те же люди.

— Как тебя зовут? — это все, что он мог пока придумать.

— Боль. Когда-то я встречалась, с твоим отцом Атоном. Какой он удивительный любовник!

Арло обуяла сбивающая с толку ярость.

— Мой отец никогда тебя не любил!

— Верно. Он любил мою сестру, Невзгоду, но все мы ощущали это безудержное излучение. Как прекрасно!

— Он любил *Злобу*! — крикнул Арло. — Свою… мать.

— Он любил всех нас.

Ох! Арло позволил смутить себя. Она имела

в виду, что Атон их всех *ненавидел*. Но кто эта Невзгода, которую она упомянула? Как будто он ее уже знает… из своего сна?

— Ты владеешь тайнами Хтона, — сказала Боль. — Хтон — чудесен, Хтон любит нас всех. Помоги нам победить Хтона.

Перевод: Хтон ненавидит их всех лютой ненавистью. Как следствие, они становились веселыми и красивыми и стремились приблизиться к пещерному богу. Какая опустошительная армия!

«*Хтон*! — крикнул он внутрь себя. — *Что мне делать*?» И Хтон ответил: «*Оставь ее*».

Арло подскочил. Он понял его слова как слова! Прежде это было некое обобщенное, бессловесное понимание. Его связь с Хтоном намного усилилась.

— Так ты состоишь в непосредственном общении с пещерным существом? — сказала Боль. — Превосходно. Приведи нас к нему.

— Чтобы вы его уничтожили? — раздраженно проговорил Арло. — Убирайтесь отсюда!

Она безбоязненно глянула на него.

— Арло, ты — *наш*. Ты — человек… и миньон. Хтон изо всех сил стремится убить нас — и тебя тоже, когда ты ему будешь не нужен. Его обещания ничего не стоят, ибо он — наш смертельный

враг. Хтон собирается истребить всю жизнь в галактике.

— Хтон — мой друг! — крикнул Арло и сделал выпад дротиком. Если в красоте есть зло, или красота в зле, то их олицетворяла собой миньонетка. Наверняка Хтон привел его сюда, чтобы это показать!

Боль легко, с улыбкой отразила удар.

— Научись сначала сражаться, молодой человек.

В ярости Арло бросился на нее с кулаками. Она приняла удар плечом — не дрогнув, не отступив.

— Неплохо, Арло. Ты силен. Но ты затянул удар и не попал в жизненно важную точку. Попробуй еще раз.

Стерва была права. Несчастный случай с Адой, которую он едва не убил, прежде чем по-настоящему узнал, сделал его осторожным. Но сейчас заботиться не о чем. Он изо всех сил ударил Боль по щеке.

Удар откинул ее к стене. Но, по-прежнему неуязвимая. Боль ослепительно улыбалась.

— Ты не таков, как твой отец, но у тебя хорошие данные.

Арло снова ударил. На этот раз она поймала его руку, вывернула ее и бросила мальчика через бед-

ро. Но он не шлепнулся с размаху на каменный пол, потому что она его удержала. Она наклонилась и поцеловала его в лицо.

— Все это очень мило, но я не могу заниматься с тобой пустяками, пещерный мальчик. Веди меня к Хтону.

— Хтон здесь, — сказал Арло.

— Не вижу.

Тут она одеревенела. Хтон напустил на нее миксу. Теперь Арло не возражал.

— Ты хотела встретиться с Хтоном, — сказал он с издевкой. — Как он тебе нравится? — И пока она боролась с миксой, Арло отобрал у нее оружие: короткий меч, нож из блестящего металла, висевший на бедре, и какую-то трубочку, вертикально прикрепленную к одежде между ее замечательными грудями. Он осмотрел трубочку, но она была закупорена: вряд ли это оружие.

Белая слизь появилась у Боли на лице, руках и ногах, испачкала форму. Арло задрал ее короткую металлическую юбку, чтобы проверить, распространяется ли микса по всей коже. Даже под жутким белым покровом было видно, какое у нее прекрасное тело. И такое же у всех миньонеток: несравненная фигура, которую никакая одежда и никакой покров не могут сделать уродливой.

Боль превратится в зомби, но в очень симпатичного зомби. Верданди будет ревновать!

Он усмехнулся. Ревность у зомби?

Тут Боль улыбнулась. На землю упал тонкий слой миксы.

— Люби меня еще, Хтон! — крикнула она. — Я в восторге!

И приступ миксы внезапно прекратился.

Арло вытаращил глаза. Миньонетка победила Хтона!

Боль открыла глаза и выплюнула сгусток желтоватого гноя.

— Мы решили, что сама наша природа поможет нам бороться с пещерным существом. Хтон наверняка пользуется телепатией, а мы… — она пожала плечами. — Поэтому армия Жизни была в основном набрана на планете Миньон. Грустно будет разрушать такое дивное существо.

— Вы не смеете! — крикнул Арло.

— Или мы, или он, — ответила она. — Мы — за живое, он — за мертвое: приближается Рагнарёк. Все живые создания поддерживают нас — как человеческие, так и нечеловеческие, ксесты, лфэ…

— Только не Хвея! — крикнул Арло. — Не Династия Пятых!

— Твой двоюродный дед Вениамин командует

действующей армией, — сказала она. — А твой брат Утренний Туман — кормчий нашего корабля.

— У меня нет брата!

— У тебя всего гораздо больше, чем ты подозреваешь, — сказала она и замолчала. — Впрочем, я ошиблась. Кормчий — ксест, а Утренний Туман командует войсками поддержки.

Эта ошибка подтверждала, казалось бы, ее искренность, и тем не менее она несла нелепицу!

— Пожалуйста, верни мне оружие, — сказала Боль.

Арло тупо протянул ей меч и нож. И снова вспомнил свой сон, ибо в нем присутствовали Вениамин и Утренний Туман. Был ли это на самом деле сон или видение? Могла ли Боль читать его мысли и питать образами как реальными событиями? Рагнарёк в его видении давным-давно завершился, и Хтон одержал победу. Будь это неправда, он вряд ли узнал бы ее от Боли. Если же сон отражал правду, то о чем волноваться?

— Граватану оставь, — сказала Боль. — Она может тебе пригодиться.

— Граватану? — Арло глянул на трубочку.

— Оружие древнеземлянских индейцев. Надо сильно дунуть с этого конца. Вылетит стрела и

поразит цель. Осторожно, она ядовита.

— Ядовита? — События ошеломляли Арло.

— Псевдокураре. Оглушает существо твоих размеров в несколько секунд, через минуту убивает, если нет противоядия. Вот — тебе понадобятся еще стрелы, а это противоядие. — Она вынула еще несколько стрел и вложила ему в руку вместе с маленьким кубиком. — О!.. Тебе некуда их положить!

— В рот, — ответил Арло.

Боль мелодично рассмеялась.

— Какая восхитительная мысль! Ты унесешь их с собой прямо в рай! Примерно через пять секунд. Слюна растворит защитное покрытие на наконечниках и высвободит яд.

— Тогда в руке, — насупился он. — Этим… ты могла меня убить.

— Ни одна из нас не убьет тебя, пещерный мальчик, — проговорила Боль. — Ты — наш запасной козырь.

— Что?

— Древний сленг. Такие выражения в ходу, пока в них есть нужда. Поищи в ДЗЛ.

Арло понял, что эта красивая женщина не только сильнее его, но и умнее. Он повернулся, чтобы уйти.

Десяток миньонеток преграждали туннель позади него. Каждая была точь-в-точь как Боль: крепкие округлые ноги, особенно обольстительные в тени коротких юбок, защитные нагрудники, огненно-дымчатые волосы, прелестные черты лица. Словно точные копии. Он не смог бы отличить ни одну из них от Боли, доведись встретить их поодиночке.

Миньонетки расступились, пропуская его, и заулыбались, когда поняли, насколько он обескуражен. В замешательстве Арло ушел.

Недалеко от дома Арло выследил молодую камнетеску с себя ростом. И вдруг неожиданно для себя вскинул граватану, глубоко вдохнул, прицелился и дунул. Послышался свист, и стрела воткнулась в покрытую шерстью спину животного.

Камнетеска обернулась, удивленная легкой болью. Затем упала.

Арло подошел к ней.

— Послушай, тёска… Я не хотел делать тебе больно, — сказал он. — Вставай.

Но животное умирало.

Арло глянул на трубку, потом на стрелы — и содрогнулся. Потом посмотрел на целительный кубик, пытаясь угадать, как тот действует. На

том не было ничего, кроме кнопки на одной из граней. Арло приложил кубик к боку животного и нажал на кнопку.

В кубике что-то щелкнуло, он слегка дернулся у Арло в руке, и тот отбросил его. Ничего, в сущности, не произошло, и через секунду Арло подобрал кубик.

Зато камнетеска ожила! Она подняла голову, затем встала на лапы. Очевидно, кубик сделал свое дело: жертва будет жить.

Арло вложил в трубку новую стрелу и отправился дальше.

В саду сидела какая-то незнакомка: маленькая, коротко подстриженная.

— Ты не узнаешь меня, Арло? — спросила она, поднимаясь.

«Голос!»

— Ада!

Как она изменилась! Без развевающихся золотых прядей ее голова казалась меньше, а шея длиннее. Груди у нее значительно увеличились и опустились, как у миньонеток. Собственно говоря…

— Это сделал Бедокур, — сказала она. — Он подкрался ко мне, когда я спала, и…

— Ты вовсе не спала! — крикнул Арло. — Сама

ему *позволила*. Ты грозилась, что если я уйду, то сделаешь что-нибудь такое, о чем я пожалею…

— Ну хорошо, позволила. Бедокур не может причинить мне вред, пока у тебя договор с Хтоном, но он наверняка меня *не любит*. Он решил, что ты меня вышвырнешь, если я стану не такой привлекательной, но я-то знаю лучше. Так что я приняла его игру, и…

— Ты… ты — миньонетка! — прошептал Арло, различая огонь и дым в ее неровно обрезанных волосах, проглядывающее совершенство тела, миловидность лица. Не совершенная миньонетка, но приближение к ней. Не говори он только что с Болью, не встреть ее одинаковых сестер, не будь этого видения-сна — он не сумел бы нужным образом настроиться и не признал бы в Аде миньонетку. Но теперь, когда отвлекающие внимание золотистые волосы исчезли, ее черты угадывались безошибочно.

— Да, она — миньонетка, — произнес мужской голос. Это был доктор Бедокур. — И зовут ее не Ада, а Досада. У них такие странные имена, но ты наверняка знаешь об этом, ведь ты — дитя Злобы. Что ты *тепер*ь думаешь об Аде, Арло?

Внезапно тайна раскрылась. Неудивительно, что Ада такая извращенная, особенно в любви. У

нее перевернуты чувства! Не его скрытый садизм, а ее мазохизм выявил в нем самое худшее. Она заставляла его ненавидеть себя, по крайней мере временами, чтобы любить его. Раздраженный Арло соблазнял ее.

Рассерженный притворством Бедокура, Арло ответил противоположным:

— Думаю, что хочу ей овладеть. — И обнял ее, в то время как член его поднимался. Пусть Бедокур все видит, пусть этот старый сумасшедший зомби, убийца Аса, испытает свое открытое поражение! Встреча с миньонеткой-воительницей Болью не вызвала у Арло отвращения, скорее заинтриговала, а теперь у него своя собственная миньонетка! Так, со смесью похоти и гнева, он уложил ее, и она, хихикая, ему подчинилась. Она тоже не любила Бедокура и таким образом отыгрывалась.

— Она вдвое старше, чем кажется, — спокойно сказал Бедокур. — Выглядит на двенадцать, или выглядела, пока не расцвела для тебя. А хронологически ей двадцать шесть лет — на целых десять больше, чем тебе.

Арло, только что собиравшийся взять ее, замер.

— Вы лжете, — пробормотал он.

— Спроси у *нее*, — теперь захихикал и Бедокур. — Миньонетка никогда не лжет своему возлюбленному.

— Это правда, — призналась Ада-Досада. — Я родилась в § 400. Но при чем тут это? Смотри, хвея по-прежнему светится.

— § 400! — воскликнул Арло, и его член обмяк.

— Так принято у миньонеток, — сказала Досада. — Пока у нас нет мужчины, мы остаемся юными. Миньонетка-вдова даже отчасти впадает в детство: волосы блекнут, формы уменьшаются. Мы — создания любви, Арло. Пока я не любила тебя, я была ребенком, и мое быстрое развитие — одно из доказательств моей любви, наряду с хвеей. Скоро я стану совсем прекрасной, и все это для тебя, мой любовник, мой возлюбленный, мой муж, все-все. — Она бросила косой взгляд на Бедокура. — Спроси у *него*!

— Верно, — сказал Бедокур, гибко приспосабливаясь к новому повороту спора. Арло понимал, что старик сдерживает свою ненависть, чтобы лишить Досаду удовольствия. — Миньонетка любит своего возлюбленного до тех пор, пока не рожает сына. После чего отказывается от возлюбленного в пользу сына.

— Но не раньше, чем тот сам ее пожелает, —

ответила Досада. — Отец, пока он жив, обладает первенством.

— Точно, — подтвердил Бедокур. Глаза у Досады округлились, а тело напряглось. Арло сообразил, что доктор каким-то хитрым способом получил преимущество.

Все еще стискивая ее возбужденное тело, все еще на полпути к обретению, Арло понял, что стал пешкой в битве между Хтоном и миньонетками. Захватчицы нуждались в его помощи и потому заранее послали разведчицу, чтобы перетянуть его на свою сторону. Хтон узнал об этом и с самого начала старался от нее избавиться. Теперь борьба стала словесной, информационной, но ко всему прочему и грязной.

Все же хвея показывала, что Досада действительно любит его, и он не возражал тому, что она миньонетка. Даже возраст не имел значения: ведь она расцвела для него. К тому же он мог назло Бедокуру совершить любовный акт в его присутствии. В сущности, так было даже лучше, ибо ненависть Бедокура и крушение его надежд сводили на нет любовь Арло, а Досаде доставляли наслаждение. Его член вновь восстал. О да, он знал, почему она так славно ему помогает, и был этому рад! Она улавливала его подспудную

ярость из-за того, что все происходит именно так, и получала дополнительное удовольствие. Какой набор несчастий, в совокупности выстраивающих положительное сооружение!

Досада раздвинула ноги и извивалась, чтобы помочь ему.

— Я рада, что ты знаешь, — прошептала она. — Теперь у нас все получится. Люби меня!

Арло со злостью внедрился в нее, стараясь сделать ей больно.

— Она назвала тебя своим любовником, своим возлюбленным, своим мужем, своим всем, — заметил Бедокур. — Но кое-что она опустила. Она не назвала тебя…

— Заткнись! — взвизгнула Досада, притягивая Арло лицом к себе.

— Своим родственником.

— Не слушай его! — неистово прошептала Досада Арло в ухо. Она буквально душила его страстными поцелуями.

— Не волнуйся, — успокоил ее Арло. — Он не способен сказать ничего такого, что…

— Ведь она как-никак твоя сестра, — невозмутимо продолжал Бедокур.

— Сестра!.. — потрясенный Арло прервал возвратно-поступательные движения. Запрет на

отношения между братом и сестрой пронизывал всю ДЗЛ.

— О-о-о! — протянула Досада, блаженно улыбаясь и двигая бедрами. — Какой ты новый и чудесный!

Его смятение вдруг разрешилось.

— Все миньонетки сестры, — сказал он. — Так уж у них принято. Я — на четверть миньон, и в этом смысле…

— Мне больно! — простонала Досада, отреагировав на его разрешение противоречия. Она попробовала ускользнуть, но он крепко ее удерживал.

— Через человеческое родство, это не оборот речи, — сказал Бедокур.

Обстоятельства затрудняли рассудительность беседы.

— У меня нет сестры! — рявкнул Арло и почувствовал, что из-за его гнева Досада смягчается и теплеет внутри и снаружи. Но что сказали норны? «Сей твердеющий уд…» — Только брат… да и тот мертв.

— Точнее, сводная сестра, — продолжал Бедокур. — Истина в том, что у Атона Пятого три живых ребенка от трех женщин.

— Он верен Кокене! — вспыхнул Арло. В какой

причудливый диалог его втянули среди попыток совершить любовный акт? — Я все об этом знаю. Злоба умерла.

— Ты, самый младший, родился в § 410, — сказал Бедокур. — Миньонетка Невзгода зачала от Атона Утреннего Тумана, который родился в § 402 на планете Миньон. Он — наследник Старшего Пятого. Если, конечно, его общественное положение будет признано, что может и не случиться, поскольку он незаконнорожденный, гибрид двух культур, ни одна из которых не одобряет внебрачных детей. — Бедокур нахмурился, вспомнив о Вениамине, постоянном своем враге. — Но не бери в голову: все это пустая болтовня.

— Возможно, у меня и есть сводный брат, — согласился Арло, ибо это совпадало сего видением и потому обретало достоверность. — Но он — незаконный. Наследником Старшего Пятого признан я. На это указывает буква «А» в моем имени.

— По закону ты, как и твой отец, мертв. Согласно Галактическому Кодексу Атон умер в § 400. Мертвые не наследуют.

— Как и ублюдки, — пробормотал Арло. Но тут же подумал, что ему все эти формальности безразличны. — В таком случае пусть наследует Утренний Туман! Он — хороший человек, добро-

порядочный, со своей миньонеткой. А у меня и здесь есть чем заняться. — И он возобновил свои занятия с желанной Досадой.

— Его мать-любовница, миньонетка Злоба зачала от Атона его первого ребенка, который родился в § 400, когда Атон был в тюрьме, — продолжал Бедокур. — Этот был законным. — Он поднял руку, чтобы предупредить взрыв Арло. — Побереги свою ярость: Атон тоже об этом не знает. У Злобы не было возможности уведомить его до того, как он ее убил. Ребенок был возвращен на Миньон твоим двоюродным дедушкой Вениамином для защиты имени Пятых, и с тех пор я его шантажирую. Вениамин — образец благоразумия, он слова не промолвил об этом ни с одним посторонним и никогда не промолвит. Но от Хтона ничего не скроешь. Так вот, если будешь плохо себя вести, я расскажу все Атону.

— Он не поверит в такую ложь! — сказал Арло.

— Разве это ложь? Спроси Досаду, чей она ребенок.

Арло, пока его внимание было расколото между мучительным диалогом и возбуждающим физическим взаимодействием с девушкой, не мог связать очевидные вещи.

— Ты не?.. — спросил он с зарождающимся

ужасом.

— Я — ребенок Атона и Злобы, — сказала Досада. — Я — дочь и внучка миньонетки Злобы.

Ошеломленный Арло пытался ее опровергнуть:

— Миньонетки рожают только мальчиков!

— Не всегда, если их линия безвременно гибнет, — объяснил Бедокур. — Когда миньонетка стара или чувствует приближение смерти, она рожает девочку. Злоба знала, что умрет, когда Атон вновь придет к ней, ибо ему не хватало плетки прирожденного миньона. Так что…

— Невозможно! Женщина не может управлять… — произнес Арло.

— Миньонетка может, — сказала Досада. — Ее тело способно различить мужское и женское семя ее любимого и воспринять нужное. Вскоре я зачну от тебя мальчика; а если ко мне приблизится смерть, я подарю тебе девочку, которая заменит меня.

— Электра! — сказал Арло, опознав еще одно понятие из ДЗЛ. И потом: — Моя сестра! — Хтон, конечно же, не даст ей зачать, но это ровно ничего не меняет.

— Разве это не прекрасно? — спросила Досада. — Сумасшедший доктор думал, что истина

удалит тебя от меня, как обстриженные волосы, и я тоже этого боялась, но наша любовь остается подлинной. Правда? — И она совершила внутри себя какое-то гибкое движение, приведшее Арло к непроизвольному, исполненному вины, но мощному оргазму.

— Сестра! — выдохнул он, устрашенный порядками на Миньоне и предсказанием норн. В этот миг он ненавидел Досаду и все-таки любил ее. Он знал, что в будущем станет неспособен сопротивляться ее уговорам, ибо как бы он ни сердился, ее любовь всегда будет этому рада. А чувство вины из-за их связи также подхлестывало: запретный плод сладок. Он был на четверть миньон, она — на три четверти, ловушка захлопнулась.

Наконец-то он понял, что подвигало его отца на подобные отчаянные и кровосмесительные поступки.

Война продолжалась. Изо дня в день миньонетки продвигались по туннелям, развертываясь от своей базы в старой тюрьме. Стойкие к миксе и уже более искушенные в разнообразных опасностях пещер они наголову разбивали подземных тварей, которых посылал Хтон. По одному образцу каждой твари было доставлено на поверхность планеты для изучения.

— Кажется, мне это не нравится, — признался Арло Досаде, когда они отдыхали в саду. — Животные — невинны, их нельзя истреблять.

— Гусеницы? Китомедузы? Драконы? Химеры? — насмешливо возразила она. — Невинны? А та волкообразная тварь, которая распорола меня? — Она задумалась и умолкла. — Пожалуй, это было забавно. Знаешь, миньонеток почти невозможно убить обычным образом, но это существо… мне хотелось бы встретиться с ним еще, раз.

Арло вспомнил невероятную злость волка.

— Ты хочешь смерти, — сказал он. — Самка или невеста, ты не нужна мне мертвой. Я помогу амазонкам выследить волка и убить его.

— Как знаешь, — скромно согласилась она.

Он протянул к ней руку, но она увернулась, откликнувшись на его положительное чувство.

— Не забывай, я — твоя сестра! — дразня его, напомнила она. — Твоя культура запрещает тебе поднимать на меня уд.

— К черту культуру, сестра! — крикнул он, ухватив ее за ногу.

— Сестра! — это был голос Атона.

У входа в этот светлый закуток стояли Атон и доктор Бедокур, моргая от почти солнечной

яркости газовых струй у потолка. Арло не ожидал такого посещения, но, конечно же. Бедокур мог безопасно провести Атона, если на то была воля Хтона. Проявлялась еще одна грань борьбы Хтона с миньонетками.

— Как я вам и сообщил, — сказал Бедокур Атону. — Ваша дочь… от вашей матери.

Глаз у Атона расширился, а Досада выпрямилась и, вдохнув полной грудью, провела руками по бедрам. Сейчас ее фигура обрела завершение, и, исключая короткие волосы и кое-какие человеческие черты, она с головы до ног была миньонеткой. На это указывали даже волосы, которые увенчивали ее голову полыхающим пламенем.

— Моя дочь… — проговорил Атон, не отрывая взгляда от Досады. — Так похожа на Злобу…

Арло замер, наблюдая за происходящим. Что собирается сделать отец? Убить миньонетку? Арло этого не допустит. Очевидно, все подстроил Бедокур, чтобы избавиться от Досады. Раскрытие ее отношений с Арло не устранили бы ее, и потому битва сейчас расширилась и втянула в себя Атона, убившего мать Досады. Своей любовью.

— Какая мерзость! — сказал Атон. — Ты пришла сюда искушать моего сына…

Арло вскинул граватану, сомневаясь, хватит ли у него отваги использовать ее против отца. Но Досада совершила более непосредственный поступок. Она двинулась по тропинке прямо в объятия Атона.

— Отец! — страстно произнесла она.

Арло видел, как ладони отца сцепились, словно желая раздавить ее, и вновь вскинул граватану. Но он помнил, как трудно убить миньонетку. Голыми руками Атону этого не сделать. Чем сильнее ненависть, тем меньше у него шансов.

Затем Атон поцеловал свою дочь. Досада вернула ему поцелуй. На внешний вид они представляли собой идеальную пару, и Арло понял в эту минуту, каков был Атон со Злобой. Невероятно точная копия.

К Арло подошел доктор Бедокур.

— Надеюсь, ты понимаешь, к чему это приведет, — сказал он.

— Нет! — сердито произнес Арло.

— Он ее ненавидит и одновременно любит, как и ты. Ибо она — Электра, а он мертв из-за ее матери.

Арло замотал головой:

— Что?

— По греческой легенде, Электра была дочерью

Агамемнона и царицы Клитемнестры. Царица убила своего мужа, а Электра пришла в такую ярость, что спрятала своего младшего брата Ореста от гнева царицы и помогла ему вырасти, чтобы отомстить за отца. Впоследствии комплексом Электры обозначили половое влечение девушки к отцу в соперничестве с матерью. Во многом он параллелен комплексу Эдипа: половому влечению юноши к матери. Интересно, что Атону приходится играть *обе* роли.

— Обе? — Арло по-прежнему был ошеломлен.

— Поведение миньонетки конечно же из мифа об Эдипе — женщина последовательно сочетается браком со своим мужем, сыном, внуком и так далее по нисходящей линии. Но…

— Я это знаю! — огрызнулся Арло.

— Но когда она умирает, она оставляет вместо себя дочь, и, естественно, красота этой девушки предназначена для ее семьи. Таким образом, она является желанной супругой для своего отца, первого мужчины в ее жизни и ближайшего родственника. Он него она рождает его преемника. Следовательно, Электра дополняет Эдипа в прекрасном непрерывном родстве. Приятно видеть, как все это разыгрывается здесь… Ты не согласен?

Ужасная мысль медленно пробивалась сквозь череп Арло. Бедокур намекал на нее и прежде: отец предшествует сыну до тех пор, пока сын, вторя Эдипу, не убьет отца. Досада принесла в их жизнь ад.

— Мой отец… миньонетка…

Вдруг Атон, выругавшись, оттолкнул Досаду. Она упала на пол и не двигалась, хотя конечно же ей не было больно.

— Понятное дело, он сопротивляется этой мысли еще более неистово, чем ты, — продолжал Бедокур. — Атон вырос на Хвее и получил изысканное галактическое образование. В нем сохраняется культура. Он *знает*, что это запрещено — знает посредством своего подсознания. А это значит, что он подлинно, неистово раздражен искушением. Что конечно же делает его для миньонетки вдвойне привлекательным. Смотри, как она его соблазняет.

И правда. Досада являла собой очаровательную картину романтической невинности — она полулежала на полу с раскинутыми ногами, ее ладони упирались в камень справа от нее, руки поддерживали развернутые плечи, так что грудь слегка выдавалась вперед, голова, опущена. Никогда еще не была она так прелестна — скорбный

ангел, да и только.

Атон повернулся и зашагал во мрак туннеля, почти излучая ярость.

— Он вернется, — сказал Бедокур. — Неизбежно, поскольку она — его дочь, ребенок его возлюбленной матери-миньонетки.

— Но мы с ней помолвлены… — прошептал Арло. — Миньонетка хранит верность.

— Хранит верность природе, — сказал Бедокур. — Хранит верность ближайшему родственнику. Ты — ее сводный брат и лишь на четверть миньон. Атон же — отец и полуминьон. Суженый — он.

Арло посмотрел на Досаду и увидел, что она глядит вслед Атону. Он знал, что потерял ее. Никакой человеческий закон, никакие угрызения совести не могли превозмочь смешения потоков миньонской крови и миньонской природы.

— Что мне делать? — спросил он Бедокура, будто в этой крайней нужде сумасшедший доктор стал его другом.

— Хтон тебя любит, — сказал Бедокур. — Хтон хотел избавить тебя от этого. Хтон может развить твои способности.

— И превратить в зомби? — вспыхнул Арло.

— В бога.

Арло с замершим сердцем согласился — как некогда согласился его отец, спасая умирающую Кокену. Доктор Бедокур вновь торжествовал, на этот раз уничтожая Кокену и, вероятно, все вторжение Жизни. Но Арло это мало заботило.

— Хтон всегда был моим другом, — заявил он.

— Всегда! — тепло согласился Бедокур.

IV. Древо

Доктор Бедокур провел Арло в неизвестную область пещер, где камень был непривычно серый, с обширными участками без свечения. Туннели сходились и расходились причудливыми петлями, а ветра вообще не было. Впадины заполняла застоявшаяся вода, от нее-то и исходил скудный свет. Наверняка это было место смерти. Обычные негромкие звуки, издаваемые пещерными животными, здесь отсутствовали.

— Вот участок пещер, ниже которого не ступала нога человека, — сказал Бедокур. — Смотри, моя метка. — Он указал на пирамидку, груду камней. Рядом на мягком камне были грубо нацарапаны очертания человеческого черепа. Под ними четыре корявые буквы: МУХА. — Все так и осталось, а уже тридцать лет прошло. Мое предупреждение тем дуракам, которые могли пойти следом за мной, в § 395.

— Но ведь микса поражает где угодно, — сказал Арло. — Это оружие Хтона, средство, которым он превращает в зомби.

— Тогда Хтон его только разрабатывал, — объяснил Бедокур. — Я первым из людей стал

подданным Хтона.

— Но ведь вы не зомби, — Арло замолчал, обдумывая эту мысль. — Не полностью.

Бедокур улыбнулся:

— Наполовину зомби, наполовину сумасшедший, наполовину человек. Хтон перекрыл мое сумасшествие, и ты воспринимаешь меня как почти нормального. Вскоре ты поймешь ход моих рассуждений.

— Я не хочу быть таким, как вы! — возразил Арло. — Или как норны.

— Из недостатков прошлого произрастают успехи будущего. Зомби — полная неудача, норна Верданди и я — неудачи лишь наполовину. Твой отец мог бы стать удачей, но он чересчур сопротивлялся. Твой брат Ас был еще ближе к цели.

— И вы его убили, — сказал Арло.

Самообладание на мгновение отказало Бедокуру.

— Откуда ты знаешь? — строго спросил он.

— Мне рассказал дедушка Вениамин.

— Ты никогда не встречался с Вениамином!

— Да? — Арло не хотелось рассказывать о своем видении. — Он сказал, что вы ревновали Аса, которого Хтон любил больше, чем вас, и убили его. Как звать, не убьете ли и меня?

Бедокур покачнулся — почти так же, как Кокена, когда она рассказывала Арло о миньонетке.

— Я его действительно убил… и пережил двойную месть Вениамина и Хтона. Уроки такого рода мне больше не нужны.

Сумасшедший Бедокур всегда говорил правду.

— А что случилось?

— Все пещерные твари любили Аса, ибо он был возлюбленным Хтона. Никто бы не причинил ему вреда. Но я придумал такую игру — охоту вслепую, и его по случайности убили. Хтону все стало известно, хотя сам я и пальцем до Аса не дотронулся, и Хтон включил меня в гусеницу…

— Слейпнир!

— Никому бы такого не посоветовал! Клянусь, что я убью тебя только по указанию Хтона. Я — слуга, а не хозяин, не избранный. Ты будешь иным, чем я. Ты будешь первым живым хтоническим богом. Хтону больше не нужны частичные результаты. Ты должен поверить в свою судьбу, иначе все бесполезно. Приди добровольно к Хтону, ничего от него не скрывая ни в уме, ни в сердце.

— Я не могу в это поверить, — сказал Арло. — Мне необходимо знать, во что меня вовлекают. — «Хтон мой друг, но и у дружбы свои пределы».

— Хтон тебе покажет. Твой разум не будет затронут, только твое восприятие. Потом ты вернешься в свой сад, где, наделенный полным знанием, поразмышляешь в одиночестве, что выбрать. После чего отправишься или лапы миньонетки, зная, чем все кончится, или в уют Хтона.

— Прекрасно сказано, — сухо заметил Арло.

— Скажи лучше, если пожелаешь. *У тебя будет свободный выбор*, — слова Бедокура усилились в мозгу Арло излучением от Хтона, удваивавшим — более, чем удваивавшим их воздействие.

— Верю, — согласился Арло. — Хтон всегда был со мною честен. Что дальше?

— Ляг здесь. Устройся поудобнее, расслабься. Открой свой ум Хтону, — сказал Бедокур. — Не сопротивляйся: Хтон — твой друг. Хтон залечит твои раны.

Арло лег на скале. Ему было удобно, поскольку он довольно часто спал на полу пещер. Взгляд устремил в потолок. Над ним находился громадный сталактит — кристально чистый, полупрозрачный с краю. Он напоминал увеличенный во много раз цветок хвеи. От сталактита исходила слабая дымка, наподобие той, что была в газовой расщелине. Откроется ли Арло сейчас, что происходит в удушливых глубинах этой про-

пасти? Всосет ли его сеть труб, сожрет ли пламя? Проявится ли его сущность в виде драгоценного, недосягаемого голубого граната?

Нет. Он доверял Хтону. Больше, чем миньонетке!

Арло раскрыл свой разум, словно отправился по длинному темному туннелю. Но пока шел по нему, путь его становился все более смутным. Стены дрожали, земля шаталась.

— Расслабься. Пусть все неуместное улетучится, — произнес Бедокур откуда-то снаружи. — Сейчас ты покинешь темницу своих ощущений. Освободи тело. Не принуждай его. Дай ему идти своим собственным путем.

Арло расслабился, и туннель в его воображении обрел неподвижность. Он отправился по туннелю на встречу со своим другом и богом. Далеко впереди возник свет, и Арло понял, что свет этот и есть Хтон.

Пока он шел, путь становился все легче, препятствия встречались все реже и казались неопасными. Наконец туннель расширился и открылось потрясающей красоты зрелище. Это был взрыв. Из точечного источника в многомерную сферу вырывалась ослепительная плазма. Огонь-излучение и дым-материя, похожие на

волосы страстной миньонетки, разлетались с жуткой скоростью.

— Рождение вселенной, — произнес голос. — Сияние квинтэссенции.

Так оно и было. Арло представить себе не мог подобное великолепие. Он наблюдал, как вселенная расцветает, образует перекаты и внутренние воронки, брызги. Брызги дробились в свою очередь, их основные части чередовались, сливались, вращались и выбрасывали искры материи в виде газа. Возникали пылающие сегменты — тысячи, миллионы — и заполняли вселенную своим вторичным светом. Затем они тускнели, становясь каждый все меньше, в то время как их совокупности возрастали. По мере того, как они тускнели, на них появлялись пятна.

— Квазары, — сказал голос. — Прототипы галактик — скопления энергии и газа, предшественники более плотной материи.

— Не понимаю! — возразил Арло. А как ему хотелось понять!

Теперь он видел лишь один квазар. Тот колебался и изменялся, вращаясь в окружающей его великой пустоте: хаос снаружи и внутри. Часть квазара была огнем, часть — льдом. Там, где они встречались, они испускали пар, шипели и пре-

вращались в… великана.

Но вскоре великан умер и распался: его плоть стала почвой, кости — камнями и горами, а волосы зажили собственной жизнью и превратились в растения. Кровь вытекла и, позеленев, образовала большое море. Голова взорвалась: череп стал небом, мозги — облаками.

В разлагающемся трупе зародились личинки — предки тафисов: они дали начало разнообразной жизни, включая людей.

Арло был потрясен. Жизнь — не что иное, как заражение паразитами, гниение совершенного тела мира! Даже человечество, даже сам Арло — личинки!

Теперь он видел возникновение неорганического разума. Пока личинки изрешечивали тело упавшего великана, расплавленный металл под ним образовал плотный шар планеты. В нем действовали разные силы природы, вырывались пузыри газа, просачивалась вода, во все стороны растекался расплавленный камень. Более летучие вещества расплавились и испарились, оставив пустыми свои пласты и образовав пещеры. Неравномерное распределение тепла и сжатие от холода заставили слои изгибаться и дробиться. Среди этих обломков возникли

кристаллы, невероятно разрастаясь при благоприятных обстоятельствах и рассыпаясь, когда условия изменялись. Одни кристаллы подвергались воздействию медленно возрастающего давления и превратились в новые вещества. Другие породили сильное электрическое напряжение: от разности потенциалов дугами вспыхивали молнии, расплавляя в отдельных местах металлы, заставляя их проливаться мириадами ручейков лишь для того, чтобы разом застыть. От изменения давления и продолжающегося нагрева возникал электроток, который бежал по металлическим контурам. Некоторые контуры образовывали трансформаторы, превращая низкое напряжение в высокое, порождая новый ток в старых каналах — ток, обладающий новыми свойствами. Возникла рециркуляция, наложение и обратные связи, усиливающие общий процесс, пока часть его не стала самодостаточной, как огонь. Он постепенно распространился, с видоизменениями воспроизводя себя по всей планете. В одних областях неистовствовал естественный огонь, питаемый горючими газами. Он служил постоянным источником тепловой энергии, передаваемой непрерывно движущимся воздухом. В других — новообразования были

таковы, что замораживали сами себя, поскольку воздух расширялся и очень быстро охлаждался. Расхождение температур позволяло управлять разными процессами. Спустя миллиарды лет случайного, неодушевленного экспериментирования один из сложных контуров обратной связи достиг предельного состояния: разума.

Такое происходило везде, где условия были подходящие, а во вселенной существовало множество подобных планет. Но возникшие неорганические разумы были неподвижны: они могли *думать*, но не *действовать*. Что они и делали, пока не вторглись разрушительные личинки жизни. Химические процессы жизни уже преобразовали атмосферу всех планет, которые она заразила. До сих пор разъедающие свойства жизни препятствовали распространению неорганического существа по поверхности планет, теперь они принялись копаться в глубинах камня. Война между живым и мертвым разумом началась.

Силы жизни были многочисленны. В прилегающих областях галактики личинки кишели на тысячах планет, но лишь на нескольких достигли такой мощи, чтобы заразить соседние миры. Они добились этого, используя машины: усеченные,

ограниченные разновидности неорганического разума, приспособленные для физической, а не мыслительной деятельности. В отличие от них неорганические разумы приспособили усеченные разновидности живых существ, также используемые для механической, а не умственной деятельности. Ни одна из сторон не была столь искушенной, чтобы в совершенстве использовать отдельные части врага, но каждая из них попала вскоре в зависимость от этих частей. Гротескный тупик.

Главных источников заражения Жизнью было четыре: лфэ, ЕеоО, ксест и человек. Каждый из них возник на особой планете, долгое время гноясь там и созревая, пока нарыв не лопнул.

Арло увидел распространение жизни по галактике. Сначала лфэ, напоминавшие одушевленные отвалы породы, принялись перестраивать себя и после тысячелетий неудач создали приспособленное к условиям космических путешествий создание. Где бы они ни оказывались, они создавали новые разновидности лфэ, причем каждое существо жертвовало какой-нибудь свой орган, и в результате возникала новая особь. После чего родители заново выращивали себе отсутствующие органы. Для создания одного отпрыска

требовалось от пятидесяти до ста родителей, но новое существо оказывалось жизнеспособным сразу же после создания. Подобную сборку можно было повторять неограниченное число раз, и каждый родитель мог жертвовать свои органы нескольким отпрыскам одновременно. Таким образом, распространение лфэ по галактике ограничивалось только скоростью их сборки в условиях космических путешествий и доступностью пригодных миров. Через несколько тысяч лет они заселили полгалактики.

В отличие от них ЕеоО воспроизводились посредством своеобразного соития. Минимум четыре существа — по одному «Е», «е», «о» и «О» — расплавлялись и сливались в некую общую лужу, из которой вытекали четыре крохотных ЕеоО, иногда больше, если лужа была крупнее. Когда дети вырастали, они делились сначала на близнецов Ео и еО, а затем на взрослые особи «Е», «о», «е» и «О». Теперь они и сами готовы были к соитию — добровольному или по необходимости — предпочтительно с особями от других родителей ради объединяющей вид экзогамии. Но в период соития они были очень уязвимы, поскольку любого рода раздражение или осушение родительской лужи прерывало процесс,

препятствовало воспроизведению и губило его участников. В результате ЕеоО заселили лишь одну пятую часть галактики, хотя начали свою космическую экспансию раньше, чем лфэ.

Ксесты размножались делением — любой кусочек их тела, отделившись от него, порождал новое существо, с самого начала совершенное и дееспособное и наделенное всем умственным багажом своего родителя. Поэтому возможности для воспроизведения были у них самые большие во всей галактике. Но ксесты придавали непомерное значение экономности и неистово оберегали свои запасы, контролируя рождаемость и воздерживаясь от сношений с другими галактическими видами, кроме самых необходимых. Они также заняли лишь одну пятую часть галактики.

Люди последними начали осваивать космос, но их экспансия напоминала взрыв даже в зыбких рамках Жизни. Способ их размножения не был особенно производительным, но еще до выхода в космос на их родной планете накопился огромный переизбыток населения. Они обладали половыми различиями и для порождения новой особи составляли пару из одного мужчины и одной женщины. Мужчина вводил семя в женское тело, которое после этого делилось на два: взрос-

лое и детское. Взрослые защищали и кормили ребенка до тех пор, пока тот сам не становился взрослым — этот процесс занимал треть жизни обычного человека. Однако пара взрослых могла зачать нескольких детей друг за другом и заботиться о них, а детская смертность была очень низкой. Результатом стал неизбежный рост населения с сильной культурной преемственностью. Менее чем за четыреста лет люди заселили десятую часть галактики.

Первая встреча между разумами жизни и нежизни произошла в небольшом Человеческом секторе галактики, вероятно, потому, что люди склонны вторгаться в неорганические внутренности своих планет. Поэтому сначала люди преобладали — но вскоре три других органических разума тоже осознали общую угрозу и вступили в битву.

Голова у Арло пошла кругом. Слишком много открытий, слишком много сведений. Гораздо больше, чем он ожидал.

— Но… но… — начал он и замолк, с удивлением обнаружив, что в видении присутствует его голос. — Как… как?.. — Он не мог сформулировать вопроса: понятие не было еще настолько сжатым, чтобы описать его словами.

А Хтон находился рядом — некое нематериальное присутствие, мягко его обволакивающее. Место действия сместилось в лабораторию на поверхности Древней Земли — нерестилище людей.

— Вот точное голографическое изображение, — сказал один мужчина, вынимая какой-то кубик из кармана своего белого одеяния из растительных волокон. — Вопросов больше нет, но нет и ответов. Это устройство ускоряется до тех пор, пока его скорость не превосходит наши способности прямого измерения.

— На замкнутой орбите вокруг сердечника? — спросил другой, скептически подняв мохнатые брови, в то время как его пальцы вертели блестящие металлические пуговицы на темном кителе из кожи какого-то животного. — Куда же оно девается?

— Оно по-прежнему здесь — должно быть, — но, тем не менее, вне поля нашего зрения. Почему бы вам не взглянуть самому? Я, честно говоря, сам еще не до конца в это верю.

Они рассматривали голографическое изображение — опытную сферу внутри вакуумированного тора. Сфера была величиной с кулак человека, а тор представлял собой полупрозрачный бублик

(Арло читал об этом лакомстве в ДЗЛ и упросил мать приготовить его: к разочарованию Арло бублик оказался всего-навсего сдобным печеным тестом) метров пятнадцати в поперечнике. Его внешний край был обхвачен двенадцатидюймовыми стальными прутьями и покрыт шестиметровым слоем бетона, а все вместе помещалось в коренной породе. В середине тора находился громадный электромагнит, его элементы окружали вакуумированную камеру с трех сторон: сверху, снизу и изнутри. Хтон объяснил все, не используя слова, поскольку Арло вряд ли бы понял их значение.

Металлическая сфера притягивалась магнитной силой такой величины, что теоретически она сохраняла устойчивость при скоростях до 99 % от скорости света. Магнит не включали до тех пор, пока не достигался значительный разгон, и у сферы не было возможности двигаться иным образом.

— Автономный источник питания, — сказал мужчина в белом халате. — Разгон сначала медленный.

— Вижу, — сказал другой в черном кителе. Шарик двигался благодаря начальному импульсу, полученному при введении его в тор, со скоро-

стью три сантиметра в секунду. Он медленно разгонялся…

— Я перемотаю пленку на час вперед, — сказал мужчина в белом халате. — Медленный старт, но сейчас вы увидите…

Сфера двигалась со скоростью тридцать сантиметров в секунду.

— Неплохо! — усмехнулся Черный Китель. — За час она разогналась почти до одного километра в час. В час пик это очень неплохо!

(«Час пик?» — спросил Арло. — «Давка, человеческих машин в узких местах, постоянный источник раздражения», — пояснил голос Хтона.) — Еще один час.

Сфера делала уже десять километров в час.

— Ее ускорение, безусловно, возрастает, — сказал Черный Китель. — Но, честно говоря, при таком соотношении…

— Разве вы не понимаете?.. Это геометрическая прогрессия! За каждый час скорость сферы возрастает в десять раз.

— Точно… пока. Давайте посмотрим *следующие* три часа.

Изображение сменилось. Теперь сфера кружила по каналу со скоростью сто километров в час. Еще одна перемотка — и она стала размытой,

невидимой.

— Назад! — воскликнул Черный Китель. — Это…

— Тысяча километров в час, — самодовольно произнес Белый Халат. — Мы слишком близко к ней, а она слишком мала, чтобы различить ее при такой скорости.

— Вернемся к сотне километров и понаблюдаем ее непосредственно.

Что они и сделали. Скорость сферы плавно возросла с сотни до тысячи километров в час, затем до двух, четырех и десяти тысяч километров в час.

— Вы обесточили магнит?

— Магнит отключен. На внешнем вводе ничего нет. Поэтому вследствие трения о наружную поверхность сфера *катится*. Магнит задавал бы ей другую орбиту без касания к физической поверхности. По-видимому, эта штуковина черпает энергию из *какого-то* внешнего источника, а не из нашего магнита или чего-либо другого, что мы способны обнаружить. *Уйму* энергии. Более того, похоже, происходит перекачка энергии в обратном направлении: от опытной сферы к магниту. Иначе бы сфера вырвалась наружу…

— Звучит так, словно вы говорите о вечном

движении!

— Вероятно. На самом деле, вечное движение отсутствует, например, у предмета, несущегося за пределами галактики. Но…

— *Хорошо*! — вскинул брови Черный Китель. — Вы знаете, что я имею в виду…

— Все зависит от того, насколько велик запас скрытой энергии. Как мы предполагаем, он связан со строением вселенной — вероятно, скорость инерции первоначального космического взрыва…

— Вы хотите сказать, что, если мы истощим эту энергию, вселенная прекратит расширение и начнет сжиматься?

— Да, на несколько секунд раньше, чем без нас. Принимая во внимание десятки миллиардов лет на нашей шкале времени, даже если мы и создадим такой сдвиг, его воздействие будет бесконечно малым и обнаружится лишь много лет спустя, когда наш вид уже сойдет со сцены.

— Значит, свободная энергия.

— Похоже на то, сударь.

Черный Китель кивнул.

— Очень скоро мы повнимательнее заглянем в зубы этому дареному коню.

(«Дареный конь?» — спросил Арло. — «Четы-

рехногое млекопитающее…» — «Я знаю из ДЗЛ, что такое конь. Но при чем тут…» — «Землянский конь стоил очень дорого, если не имел изъянов. Старость — это изъян. Изношенные зубы указывали на его старость. Поэтому…» — «Понятно», — с сомнением сказал Арло.) — Если здесь какое-то жульничество… — продолжал Черный Китель, многозначительно повертев ладонью.

— Мы одобряем ваше расследование, — сказал Белый Халат. — Штатские хотят знать так же, как и военные, уверяю вас. Честно говоря, мы не понимаем этого эффекта и не доверяем ему, но подозреваем, что воздействие открытия на нашу экономику будет очень глубоким.

— Глубоким! Если это правда, оно напомнит ядерную реакцию.

— Вот-вот! Этого-то мы и боимся.

— С какой скоростью она движется?

— Наши измерения не совсем точны. Но если сохраняется наблюдаемое соответствие… — взмахом руки он описал лежащую на боку цифру 8.

— Да ну вас! С *какой скоростью*?

— Примерно через девять часов сфера движется со скоростью света в вакууме.

— Так-так. Мы, вояки, не полные идиоты. Вы понимаете, что говорите?

— Вполне. С точки зрения теории относительности…

— Парадокс. Давайте поищем слабое место. Как долго вы проводили опыт?

— Трое суток.

— Семьдесят два часа? Почему не выключили?

— Мы не в силах воздействовать на систему управления этим устройством.

— Что за опыты вы проводите? Все должно быть безотказным!

— Теоретически, да. Но…

— Так возьмите и просто отключите рубильник!

— Уже пытались.

— Послушайте, доктор…

— По-видимому, рубильник не действует.

— Ну так почините его! Принимая во внимание миллиарды, спущенные в этот гальюн…

— Рубильник в рабочем состоянии. Проблема в том, что воздействие нашего дистанционного управления ограничено скоростью света. И распространения электромагнитной энергии.

Черный Китель некоторое время молчал.

— Вы говорите, что сфера не остановилась на скорости света? Что эта штуковина движется слишком быстро… со *сверхсветовой* скоростью?

Белый Халат кивнул.

— Кажется, именно так. Мы обнаружили черенковское излучение…

— Что?

— Черенковское излучение. Импульс, возникающий, когда скорость распространения энергии превосходит скорость света в данной среде. Дело в том, что свет в определенных веществах движется медленнее, чем в вакууме, где он набирает абсолютную скорость.

— А в вашем опытном торе — вакуум?

— Да. Не абсолютный, конечно, но весьма приличный. Никогда еще черенковское излучение не наблюдалось в столь глубоком вакууме. Оно возникло, когда наша сфера превзошла скорость света в вакууме — теоретически, самую высокую из достижимых скоростей — по крайней мере когда-то мы так считали.

— Я не физик. Но если то, что вы говорите, верно…

— Вполне. Мы могли бы получить средство для полного покорения космоса.

И они его получили. С этого открытия началось §-летоисчисление, которое в течение следующего столетия заменило традиционный календарь. Как ньютоновская физика стала

частным случаем теории относительности, так теория относительности стала частным случаем §-физики. Все было законно — с определенной точки зрения. Поскольку подробности прорыва держались в тайне, вакуум заполнили легенды… («Вакуум! — Арло расхохотался. — Забавно!»), назвавшие некого «профессора Фитла» случайным изобретателем §-привода. Были построены большие модели логарифмического §-ускорителя и установлены на космокораблях. Внутри сферы пространство и время были обычными, но сфера двигалась по галактическому и межгалактическому пространству со скоростями, в сущности, останавливающими свет. Вселенная стала доступна людям — за какие-то часы. Вид «человек» стал четвертым — и последним — из галактических разумов, получивших §.

Первое крупное межзвездное расселение людей началось в § 20. Поскольку время и энергия больше его не ограничивали, на переселение влияли лишь стоимость строительства, его организация и подбор личного состава. Так же, как и на сверхновое расширение человеческих владений, напоминающее вспышку звезды. За столетие они стали настолько обширны, насколько позволяли здравые соображения об интересах

других галактических империй. Продолжалась усиливающаяся колонизация все менее и менее идеальных планет. Годы от § 50 до § 100 принято считать золотыми годами колонизации, в течение которых были открыты и обжиты лучшие из доступных планет: в § 71 — райская планета Идиллия, в § 79 — мир-сад Хвеи.

Особого внимания заслуживает здесь Ионафан Пункт (§ 41 — 154), не только первоклассный звездный разведчик, но и весьма расторопный предприниматель. В § 75 он открыл идеальную звезду и сделал крупное состояние, продав ее некой частной группе. Конечно, это противоречило закону, но на Земле у него нашелся столь же усердный, сколь и не щепетильный адвокат: тот искусно обстряпал дело. Пункт назвал звезду в честь себя, а планеты — размерами шрифта, определяемые числом «пунктов». В результате планеты звездной системы Пункт были названы Эксцельсиор, Диамант, Перл, Нонпарель, Миньон, Петит, Боргес и Элита — названия соответствовали их расстоянию от светила (две ближайшие планеты были необитаемыми и безымянными) и количеству пунктов. Эксцельсиор — 3 пункта, Диамант — 4 пункта, лучшая планета, Миньон, седьмая — 7 пунктов.

Поселившаяся на Миньоне группа занималась генетикой, разрабатывая некий секретный, в общем незаконный проект. Члены группы собирались добиться благосостояния, производя самых красивых, умных и покорных женщин в галактике для продажи богатым властелинам в качестве гурий или гетер. Они должны были быть полутелепатками, чтобы лучше откликаться на скрытые желания своих хозяев, и оставаться привлекательными и верными до самой их смерти, не имея в жизни иной цели, кроме как угождать им. За физический образец была взята самая красивая женщина того времени: зеленоглазое, рыжеволосое создание с идеальными пропорциями, явно созданное природой для любви. Была получена тысяча клонов, в сущности, тождественных, которые для совершенствования были узкородственно размножены.

Но значительные модификации привели к неудачному побочному эффекту: извращению чувств или его видимости. Подлинные чувства гетер напоминали чувства обычных женщин, но телепатия, словно фотографический негатив, выворачивала их наизнанку. Как следствие, сбыт этих женщин пришлось ограничить: они привлекали разве что неисправимых садистов,

что придавало торговле ими дурную славу. Вскоре планету Миньон стали избегать, а, позднее внесли в список запрещенных и забыли. Местные жители были предоставлены сами себе, лишены как контроля, так и преимуществ развитой технологии. Они, тем не менее, выжили, приспособившись к своей природе: кровосмесительной, садистской моногамии. О них сложился ужасный и прелестный миф: роковой роман с миньонеткой.

(Арло прервал еще раз: «Миньонетки — такие же люди, как и мы! Они не таят никакого зла — просто они такие, какие есть!») «*Миньонетки — враги*, — ответил Хтон мысленно и вслух. — *Их извращенные чувства отменяют действие миксы, ослабляют нашу мощь. Если их не обуздать, они нас уничтожат*».

«Но они давно могли бы тебя уничтожить — взорвав планету из космоса!» «*Нет*», — и Хтон объяснил, почему.

Первой и по-настоящему грозной проблемой, с которой столкнулись люди в космосе, стал так называемый озноб. Он косил их и не поддавался никакому лечению. Однако это было случайным совпадением, ибо озноб являлся лишь побочным следствием некого послания-сигнала. Когда озноб

достиг Хтона — не непосредственно, но в образе Кокены, пораженной таинственной болезнью, — Хтон распознал в нем творение себе подобного: неорганического разума. Похожие на Хтона в других галактиках сумели породить такой импульс, чтобы сигнализировать себе подобным.

Осознав сигнал, Хтон приступил к выполнению своей роли. Он создал излучение, не допускающее химические и ядерные взрывы. Излучение не задерживало §-корабли, но они были слишком дороги, чтобы обстреливать ими планету как снарядами. Это помешало силам Жизни атаковать Хтон современной технологией. Использовать лазеры и взрывометы было бесполезно — они оказывали ничтожное воздействие на твердый камень и оказались менее действенными, чем простейшее оружие. Между тем Хтон разработал видоизмененное излучение озноба, которое распространялось со скоростью света и вызывало соединение всех связанных с жизнью форм фтора с кислородом, истребляя в непосредственной близости от себя любую жизнь. В живых организмах фтор и кислород встречаются повсеместно, а тем немногим организмам, что не нуждаются в кислороде, все равно было не избежать этого воздействия, поскольку кислород имеется и в

воздухе, и в воде. Галактика велика, и задуманное Хтоном разрушение заняло бы немало времени, но уже через сто тысяч лет была бы достигнута полная стерильность. Хтон восстановил бы в этой области вселенной изначальную чистоту и, присоединился бы к содружеству неорганических разумов других галактик.

Сверхозноб являлся на самом деле видоизменением обычного озноба. Он мог возникнуть только после появления озноба в Хтоне в § 426, ибо внегалактические существа преуспели в технологии излучения гораздо больше, чем Хтон. Ключ к усилению озноба до неодолимо смертельной мощи находился в самой волне озноба, и Хтон не мог выявить его тайну. Он активизировал все свои основные конуры и ждал новой волны озноба.

Но каким-то образом силы Жизни, предупрежденные, вероятно, Вениамином, проникли этой угрозой и предприняли вторжение в пещеры еще до того, как подошла волна озноба. Они застали Хтона врасплох: никогда еще органические формы жизни не спускались добровольно в пещеры. Лишенные самого сильного оружия захватчики воспользовались ручным вооружением и послали ударные войска, стойкие к опасностям Хтона. Таковой была армия миньонеток, воспри-

нимающих миксу как величайшее наслаждение. Началась беспощадная и изощренная кампания, в которой наступавшие поставили себе задачу сокрушить человеческую составляющую обороны Хтона.

«Досада!» — воскликнул Арло, понимая теперь, насколько она преуспела.

Звук этого имени привел его в смятение.

«Что происходит?» — спросил он, желая вернуться.

«*Столкновение между миньонами Хтона и Жизни*», — умственно объяснил Хтон.

Арло тотчас же понял намек.

«Бедокур и Досада! Она, должно быть, настроилась на меня, когда я думал о ней, и пришла…» — Ибо он по-прежнему любил свою миньонетку и желал ее больше всех на свете. Если бы она вернулась к нему…

«*То, что она предлагает — не для тебя*», — предупредил Хтон.

«Я решу это сам!» — и Арло вновь оказался в своем теле. С великим усилием он раскрыл глаза.

Бедокур и Досада дрались — в буквальном смысле слова, физически. В руке Бедокур держал скальпель, нацелив его прямо на девушку, но сумасшедший доктор не нападал. Досада, каза-

лось, не обращала внимания на лезвие, однако, осторожно подкрадываясь к Бедокуру, она ни разу не раскрылась.

Вдруг Досада сделала обманное движение вправо, резко крутанулась влево, левой рукой ухватила кисть со скальпелем, а правой заломила правое плечо Бедокура. Продолжая вращение, она согнула колени и подставила под Бедокура свое плечо.

Арло узнал прием. Это был один из бросков, которым владел его отец — дзюдо космогардов, чьи приемы были заимствованы из древних боевых искусств Земли. Наверняка где-то имелся том, подобный ДЗЛ, только не Древнеземлянской литературы, а ДЗЕ: древнеземлянских единоборств. Если эта книга так же богата, как ДЗЛ, это воистину опустошающий текст!

Арло уже видел, как Бедокур, задрав ноги, перелетает через ее плечо и падает лицом на каменный пол. Головоломное приземление! Но предчувствия обманули Арло — Бедокур на прием не попался. Вместо этого он дернулся влево, сделал шаг вперед, его правый локоть проскочил у Досады над головой, и она осталась ни с чем.

Досада тут же вновь напала на него, и Бедокур повернулся к ней лицом — скальпель наготове.

Ее бросок был замечательный, но, кажется, он его ожидал и легко отразил. Вероятно, Хтон читал замыслы Досады и управлял ответными действиями доктора. Нет-нет, Хтон не мог проникнуть в ум миньонетке! Бедокур же, хотя и говорил вполне разумно, действовал, в основном, под управлением Хтона. Несомненно Досада была прекрасно подготовлена к единоборству и при первой встрече с Арло пропустила его удар лишь для того, чтобы вселить в него вину и раскаяние, которые так его подломили. Но теперь ее противником был не обычный человек — Бедокур под управлением Хтона мог делать то, что человеку не под силу.

Но Бедокур, хотя и управляемый, похоже, не старался ее убить. Арло сообразил, что суть не в Досаде, а в нем, Арло: в договоре, который он заключил с Хтоном. Ни одного нападения на миньонетку. Бедокур лишь уклонялся от ее ударов. Досада — лишь нападала.

Почему? Ведь она по обычаю миньонеток ушла к своему отцу Атону. Или, во всяком случае, неизбежно *уйдет*. Почему она вернулась к Арло, как бы ни тосковал он по ней? Конечно, не для того, чтобы его убить: его хвея по-прежнему сияла в ее волосах голубым светом. Неужели она отреклась

от неодолимого зова предков и возвратилась к своему брату? Или ее отверг Атон? Какая, впрочем, разница, если она все равно вернулась!

Досада шагнула в сторону Арло. Бедокур предупредительно загородил дорогу скальпелем. Это была ошибка. Она ударила ногой по его руке, затем схватила запястье, крутанула и с силой оттолкнула Бедокура от себя. Он отступил назад, устояв на ногах, но она швырнула его в стену пещеры, оглушив прежде, чем Хтон успел подсказать защитное действие. Из-за того, что Досада среагировала на удар Бедокура, вместо того чтобы продолжить задуманное нападение, Хтон не успел предугадать ее шаги. Рефлексы у нее были, как у саламандры: опасный соперник, особенно когда лишен рассудка.

Досада ударила Бедокура по руке, и тот выронил скальпель. Затем сжала ладонью его шею, перекрыв приток крови к мозгу. Даже Хтон не смог сразу его оживить, а лишь секунды и были ей нужны, чтобы прорваться к Арло.

— Арло, любимый… Я знаю, ты меня слышишь, — проговорила она.

Ее телепатия конечно же сообщила Досаде, что он в сознании. Арло не двигался. Он видел ее, но решил, что нецелесообразно давать ей об

этом знать. Она дралась, чтобы пробиться к нему: какие у нее намерения?

— Я много думала, — сказала Досада, опускаясь рядом на колени, так что ее груди оказались над ним. — Тебе известно, что моя мать, твоя бабушка Злоба, мертва. Мне суждено занять ее место, так заведено на Миньоне. Это не значит, что я не люблю тебя — просто я не могу противиться своей природе. Арло, клянусь, я не знала, что мой отец жив…

Арло ждал. Отвечать ему не, хотелось. Она лишь подтвердила то, о чем уже предупреждал Хтон. Ничего нового.

— Я пришла погубить тебя, ты это знаешь. Но мне не сказали, что ты сын моего отца. Я думала, ты — совершенно посторонний человек, пока ты не заговорил о Злобе. И даже тогда, встретившись с Атоном, я не поняла, что он — *тот самый* Атон Пятый, которого я считала мертвым. Быть может, не хотела этого понять. Я видела в тебе брата, не замечая очевидности, вероятно, потому что твоя мать Кокена не была миньонеткой. Пока Бедокур не обрушил на меня истину. На Миньоне нет братьев и сестер, наши головы плохо в этом разбираются. Поэтому я ошиблась и дала тебе обещание, которое не смогла сдержать: в этом

моя вина.

Арло прекрасно мог это понять. Согласно закону, Атон умер, когда его послали в Хтон, а миньонетка рожает от одного мужчины лишь одного ребенка. Связь Атона с двумя миньонетками и человеческой женщиной воспринималась на Миньоне как из ряда вон выходящая. Те, кто вырос на Миньоне, оказывали подобным мыслям сильнейшее сопротивление. Нелегко начать думать о мертвом по закону человеке как о живом, если каким-то особым образом не разрешить это противоречие.

У Досады лицо было в слезах, свидетельствовавших, что она страдает точно так же, как страдала бы на ее месте обычная девушка. Досада не воспринимала его чувств, которые в этот момент замерли. Она переживала свои собственные чувства, и это делало ей честь.

— Арло, я знаю, что причиняю тебе боль, и, какая бы я ни была, я ни за что не стала бы делать этого, ведь мы были с тобой помолвлены…

«*Были…*»

— Но мы забыли, что причиняем боль еще одному человеку. Я никому не хочу причинять боль. У миньонеток такие же чувства, как у тебя, — ты на четверть миньон и знаешь, что это

правда, — но телепатия переворачивает их. Мы забыли твою мать Кокену, а у нее никого не осталось, и она даже не может покинуть свою пещеру. Надо принять ее во внимание: несправедливо забрать у нее Атона и никого не оставить. Она не миньонетка.

Выходит, у Досады есть человеческая совесть? Неужели она отказалась от наследия Миньона? Она права в отношении Кокены: раковина не заслуживает такого обращения!

— Я нашла компромисс, — сказала Досада, — и хочу, чтобы ты знал. Нет нужды в чьих-то страданиях.

Доктор Бедокур встал, но не вмешивался. По какой причине? Арло любит Досаду. Если бы она принадлежала ему, Хтон отступил бы к себе в камень и был бы забыт — если бы потребовалась именно такая цена. *Если бы она действительно принадлежала ему*. Отказ от Хтона заставил бы Арло страдать, но это страдание еще сильнее привязало бы ее к нему.

Миньонская логика и обычаи отличались от обычных человеческих, но логика ситуации взывала к очевидному решению. Двое не могли красть свое счастье у двух других.

Арло собрался с силами, приготовившись вый-

ти из забытья сразу после ее слов.

— Пока я буду с Атоном, — с подъемом проговорила Досада, — ты будешь с Кокеной. Возникнут две законные генетические лестницы, и никто не будет исключен.

* * *

Арло удалился в мир ДЗЛ — сад своей души. Он оставил в стороне мифы об Эдипе и Электре в поисках менее болезненного и все-таки подходящего чтения. Обрамление для его судьбы, сокрытое в недрах этой мудрой книги.

Интерлог

Yggdrasil
Великое Мировое Древо,
Чьи корни проникают
В три Царства
Богов
Великанов
Мертвых

Радуя
Цивилизации Галактики
Рай-Чистилище-Ад
Идиллия-Тюрьма-Пещеры
Асы — Ваны
Зомби
Хтон

История слияния Атона Пятого с Хтоном Шестиугольная форма Ограненного граната,
Изделие неорганического разума
История отхода Арло от Хтона

Схема буквы Y.

Усики, обозначающие раздвоенное будущее:

Победа Хтона Победа Жизни

Середина обозначает решение.

* * *

И очутился в Древней Скандинавии.

Его умерший брат Ас. В скандинавской мифологии асы были боги, обитатели Асгарда — большого, обнесенного стеной города. Главным среди богов был Один — одноглазый создатель золотых колец.

Арло замер, потрясенный узнаванием. Этот образ ему знаком! Его отец Атон!

У Одина был восьминогий конь по кличке Слейпнир. Появился Слейпнир, когда друг-враг Одина бог Локи превратился в кобылу, чтобы завлечь замечательного жеребца одного великана, в результате чего родился Слейпнир. Точно так же Бедокур создал скакуна для Атона, слившись с гусеницей. Следовательно. Локи — это Бедокур. Как все отлично сходится!

У Одина было две жены. Первая — Фрейя, валькирия или дева-воительница в одной из своих

ипостасей. Миньонетка Злоба!

С нарастающим волнением Арло исследовал другие подобия. Второй женой Одина была Фригга, мать двух сыновей — хотя у него наверняка были и другие, менее законные дети (Утренний Туман) — и не столь причудливая женщина, как Фрейя. Это, конечно, Кокена.

А первым законным сыном был прекрасный Бальдр. Но когда Бальдр вырос, его стали мучить кошмары. Он почувствовал свою неминуемую гибель, исполнился уныния.

Встревоженный Один отправился в мир мертвых, чтобы разузнать о будущем сына. Он поехал на своем восьминогом скакуне (Арло задумался: явный анахронизм, но время было текучим, а подобия — зыбкими) по трудной и опасной дороге и пересек мост через реку, отделявшую этот мир от подземного.

Там он увидел повсюду приготовления к большому празднику. На его вопрос ему сказали, что Подземный Мир готовится принять Бальдра. Он спросил, как именно умрет его сын, но больше ничего не узнал.

Фригга решила спасти своего сына от неизбежного. Она взяла у всех вещей и существ на свете клятву, что никто из них не причинит Бальдру

вреда. Все дали клятву, кроме побега омелы, о котором Фригга забыла.

Отныне Бальдр, как всем казалось, находился в безопасности. Боги устроили игру и стали стрелять в него из всевозможного оружия, ибо знали, что ничто не причинит Бальдру вреда. Но Локи вырезал стрелу из омелы и подсунул ее одному слепому богу. Стрела попала в Бальдра и убила его.

Так вот как Бедокур убил Аса!

Фригга отправила к Хели, богине Подземного Мира, посланника, умолявшего вернуть Бальдра. «Вся природа скорбит по нему», — сказал он.

Хель объявила посланнику, что не освободит Бальдра, если хотя бы одно-единственное существо не оплакивает его. Они провели осмотр, а Локи, принявший облик старухи, не плакал. Так мир потерял Бальдра.

Это ознаменовало начало конца, ибо боги оказались не в силах сохранить в живых своего любимого бога. Это предвещало гибель богов в Рагнарёк — последнюю битву между Добром и Злом.

(И вновь Арло задумался: в пределах скандинавской мифологии весь пантеон богов, великанов и мертвецов был, согласно древним верованиям,

«добрым». Он весь погиб в схватке с христианством, и в этом смысле христианство оказалось победоносным Злом. Но так ли восприняло происшедшее само христианство? Каким образом человек вообще мог отличить Добро от Зла?) Проделки Локи стали известны богам, и они жестоко его наказали, приковав в глубокой пещере под капающим ядом. Пытка над ним продолжалась до самого Рагнарёка.

Арло разобрался и в этом. Месть Вениамина удерживала Бедокура в пещерах. Хтон загнал его в гусеницу. Бедокур заплатил за свое преступление и душевно, и физически!

Вторым сыном Одина и Фригги был Тор — рыжебородый бог грома. Это был… сам Арло! А женой Тора стала златовласая Сифь, называемая в некоторых мифах перевоплощением Фрейи. Короче говоря, это Досада, еще одна миньонетка, дочь Злобы.

Бедокур обрезал Досаде волосы, совсем как Локи — Сифи. Все подобия стали на свои места: он должен был сообразить это давным-давно!

Но разве это помогало ему разрешить проблему с Досадой? Он любил ее под любым именем, хотя она и его сестра. *Хотя*? Кровь миньона принуждала к истине: *потому что* она его сестра. Сифь

могла быть перевоплощением Фрейи, и боги были терпимы к браку отца и дочери, но Арло хотел Досаду для самого себя.

Он обратился к своему другу: «Ты прав. У миньонетки нет для меня ничего. А что дашь мне ты?» И Хтон ему показал. Мощь неорганического разума втекла в Арло, и он сумел управлять пещерными животными: заставлял их замирать, поворачивать, двигаться — по своей воле, а не по их. Он воспринимал окружающий мир их органами чувств — поодиночке и вместе. Он располагал их с трех сторон сталагмита и видел колонну всеобъемлюще, голографически. Намного совершеннее, чем его человеческий глаз! Все пещеры раскрылись его пониманию, для которого не требовалось физического передвижения. Воистину богоподобная мощь!

Миньонетки по-прежнему наступали. Их разум был непроницаем: они не поддались воздействию миксы и не стали собственностью Хтона. Это было грубое, чуждое вторжение, внедрившееся в средоточие живых пещер, губившее глаза, уши и носы Хтона.

«Если бы я вел эту войну…» — пробормотал Арло.

«*Веди*, — ответил Хтон. — *Для этого ты и взра-*

щен».

Так вот оно что! Хтон был неспособен сражаться с массированным нападением миньонеток и нуждался в предводителе войска. Хтон предвидел возможную нужду в военачальнике с человеческим разумом для отражения такого вторжения — по крайней мере, пока не настала пора сверхозноба.

«Но тогда и я умру!» — осознав это, вскрикнул Арло.

«*Нет. Я избавил твою мать от озноба, и я избавлю тебя от сверхозноба*».

«И всю мою семью!» — поставил условие Арло.

«*Мы сохраним жизнь внутри планеты*, — уверил его Хтон. — *Вся прочая жизнь будет искоренена*».

Арло задумался. Какое ему дело до жизни вне пещер? Его мир — здесь.

«Хорошо!»

Арло сосредоточился. Он призвал самых подвижных пещерных тварей: крупных камнетесок, летучих химер, маленьких саламандр и тому подобное. Гусеницы, китомедузы и драконы были ограничены средой обитания: они могли быть полезны, но не в качестве мобильных отрядов. Арло направил своих тварей в лабиринт, окру-

жавший передовую колонну миньонеток. Затем послал их в наступление несколькими волнами — бьющих, толкающих, кусающих.

Миньонетки, атакованные со всех сторон, сражались храбро, но были сокрушены. Самый большой вред принес яд саламандр, которые появились незаметно тогда, когда внимание миньонеток отвлекли более крупные звери. Арло не пришлось даже направлять их: заприметив добычу, они нападали беспощадно — такова их природа. А миньонетки, наслаждаясь лютой ненавистью крохотных мозгов саламандр, не старались особенно защищаться от их укусов, хотя яд оказывал на них точно такое же воздействие, как и на обычную человеческую плоть.

«Организация и нападение, — сказал Арло Хтону. — Найди свое место, собери все силы — и победа будет за тобой. Не жди, пока ударят *они*! Они никогда еще не сталкивались со строем животных и не верят, что такое возможно. Истреби атакованную часть отряда, и пройдет немало времени, прежде чем они поймут, что произошло. Если нам повезет, мы добьемся того, что они утратят свою действенность».

В этот момент что-то новое привлекло его внимание. Он сосредоточился — и оказался в мозгу

доктора Бедокура. Это было занятно: управлять им удавалось лишь наполовину, но он очень быстро реагировал на внушения, а его мозг был гораздо сложнее, чем у животных. Если такой была половина человеческого мозга, то каков же был *целый*!

А целым мозгом был сам Арло. Как и пещерные животные, он вырос прямо на лоне Хтона, так что общение между ними удавалось без посредства миксы. Удавалось, но не всегда: только при условии податливости человеческого мозга. Когда человек не зомби, а соучастник, черпающий из несметных запасов Хтона и вверяющий ему свои собственные ресурсы. Идеальное сотрудничество!

Арло не пытался управлять Бедокуром, а просто извлекал ощущения сумасшедшего доктора. В этот момент они были направлены на Досаду: это-то и привлекло внимание Арло. Он с удивлением узнал, что Бедокур находит Досаду физически привлекательной, но какой бы мужчина этого не *нашел*? Бедокур и Досада, тем не менее, оставались врагами.

— Пропусти меня, или я пробью твоей башкой стену! — крикнула Досада. — Я хочу поговорить с Арло.

— Поговори со мной, — сказал Бедокур. — Арло на совещании с Хтоном, его нельзя беспокоить.

Досада набросилась на него. Тогда Арло взял управление Бедокуром на себя. Он перехватил его поднятую руку, подвинул ногу к ее ступням, перенес тяжесть тела доктора так, чтобы Досада потеряла равновесие, и перевернул ее вокруг него. Та споткнулась, но на ногах удержалась. Она тяжело дышала, а восприятие Бедокуром ее вздымающейся идеальной груди ничем не отличалось от восприятия Арло.

— Так ты драться? — сердито проговорила она.

— Я — Арло, — сказал Арло устами Бедокура.

Слова получились несколько скомканными (это была первая его попытка), но он знал, что скоро приспособится.

Досада в изумлении уставилась на него и, несмотря на непроницаемость ее мозга, он уловил очертание ее чувств: довольное приятие. В действительности, это было конечно же раздраженное недоверие, при условии, что переворачивание касалось не только приемника Досады, но и передатчика. В любом случае, смешанные чувства трудно было истолковать.

— Так это ты! Но как?..

— Что ты хотела мне сказать?

Досада запнулась.

— Могу ли я поговорить с тобой лично? Я не желаю, чтобы он слушал, — она имела в виду Бедокура.

— Слушают все пещеры, — сказал Арло со сдержанной, но намеренной жестокостью.

— Но он получает от этого слишком большое удовольствие!

Верное наблюдение! Бедокур был бы счастлив, если бы Арло занялся с Досадой любовью, воспользовавшись для этого телом Бедокура. Возник бы тот же комплекс чувств, что у Утреннего Тумана, Невзгоды и умирающего ксеста. Арло отослал Бедокура прочь.

Досада приблизилась к Арло. Он оживил свое тело, как только что тело Бедокура, в сущности, не входя в него. Его разум оставался с Хтоном: на физический механизм распространялись лишь восприятие и управление. Хтон был прав: мозг Арло — здоровый, способный и совместимый — был самым изощренным орудием, доступным в пещерах. С этим оружием Хтон мог выиграть войну против миньонеток. Но пока он лишь слушал, никак не реагируя.

Досада опустилась рядом на колени, как она делала и прежде.

— Я пыталась найти компромисс, Арло, и все ради тебя. Но ты бы на него не пошел. Я думала по-миньонски, а не по-человечески, и очень об этом жалею. Пришла пора для полной откровенности между нами. Твои родители хотели, чтобы у тебя была человеческая девушка, чтобы ты рос не один и смог полюбить. Бедокур с согласия Хтона обещал все устроить. Но твой дедушка. Вениамин всех перехитрил, и здесь появилась я. Когда вы узнали, что я миньонетка, было уже слишком поздно. Тогда Хтон изменил замысел и свел меня с Атоном. Что-то вроде рукопашного боя, и мы с тобой в нем лишь пешки.

Но я люблю тебя, Арло. На Миньоне, чтобы завладеть мной, ты бы убил своего отца, и все было бы в порядке. Вспомни, что Атон убил *своего* отца, чтобы завладеть моей матерью. Вот только миньонской крови в тебе мало. Что ж, я должна выполнить свою задачу, пусть даже ценой собственной природы. Поскольку без ее выполнения не будет ничего, совсем ничего — кроме Хтона. Ни любви, ни жизни, ни природы. Итак, я должна убедить себя, что мой отец умер и что старший из выживших Пятых — ты. Ибо мы действительно в тебе нуждаемся, Арло. Ты лучше всех людей знаешь пещеры — и ни один человек в галактике

не сможет противостоять миксе. Миньонетки, в конце концов, обязаны следовать за мужчиной: так мы устроены. Не воодушевленные сильным мужчиной, мужчиной с кровью миньона, наши усилия будут ослабевать и провалятся, что уже и происходит. Тебе придется пройти испытание, но я в тебя верю, и не только потому, что люблю тебя. Я знаю, ты это сможешь.

Ты победил, Арло. Я стану твоей невестой, я буду верна тебе. Только вернись к нам и возглавь силы Жизни.

Она ждала, но он не отвечал.

— Я даже не буду дразнить тебя, Арло, — добавила она. — Твоя любовь — моя боль, но ведь я на четверть человек. Я могу принять твою любовь и не умереть. Делай со мной что угодно, чувствуй, как пожелаешь. Я никогда не рожу в замену тебе сына, если ты этого не захочешь. Все что угодно…

«*Ничего не выйдет*, — предупредил Хтон. — *Тебе не нужна сломленная женщина. Мучение — не твой путь*».

«*Мне нужна лишь она*, — ответил Арло. — *Я приму ее предложение, не выполняя его. Довольно того, что она пришла ко мне*».

«*Но я дам тебе намного больше*, — сказал

Хтон. — *Зачем бросать все ради одной девушки, с которой ты не можешь быть счастлив*?» Хтон был прав, Хтон был благоразумен, Хтон не угрожал. Хтон оставался его другом даже в несчастье. Но Арло уже сидел, крепко обнимая Досаду.

V. Тор
§ 426

Волна битвы покатилась в обратную сторону. Теперь пещерные твари были организованы и брошены в атаку, отрезавшую и окружавшую части армии миньонеток и уничтожавшую их наступлением своего живого моря. Арло распознал стратегию, поскольку сам ее разработал. Сейчас Хтон для организации отдельных боевых действий наверняка использовал мозг Бедокура. Бедокур не достиг бы такой удачи, но у Хтона имелся избыток пушечного мяса, который мог быстро истребить силы Жизни. Достаточно было одной-единственной искры творческой мысли, которую высек Арло.

Неудивительно, что Хтон отпустил его без борьбы. Арло уже дал ему ключ к победе.

Согласно мифам ДЗЛ, силы Добра должны потерпеть в Рагнарёк поражение. Даже пренебрегая вопросом, на чьей стороне Добро, а на чьей Зло, — ибо Арло не был уверен, допустимо ли уравнивать Жизнь с Добром, — оставались существенные сомнения. Боги не достигли цели,

неважно какой. Это был конец мира. Какой в таком случае смысл сражаться?

— Хтон побеждает, — сказал Арло Досаде, изучив положение дел. — Чем дальше наши войска проникают в пещеры, тем труднее становится. Линия фронта удлиняется, и управляемых животных становится все больше. Еще один Тяжелый Поход. Мы не вправе нести такие потери, как сейчас, — иначе мы будем истреблены.

— Мы это прекрасно знаем, — сказала она. — Стоило тебе перейти к Хтону, как начались бедствия. Наши силы представляют четыре главных разума галактики, но мы не можем их должным образом согласовать. Поэтому пришлось вернуть тебя. Ты — ключ к победе.

— Сомневаюсь. Я уже научил Хтона необходимому: построению чудовищ. Я не могу расстроить их ряды теперь, когда перешел на другую сторону. Кроме того… в ДЗЛ написано, что боги потерпят в Рагнарёк поражение.

— Чепуха! — вспыхнула Досада, и Арло с удовольствием отметил, что ее умственные реакции вполне человеческие. Миньонетка без телепатии подобна любой женщине, только покрасивее. — Разве ты не понимаешь, что Хтон напичкал тебя скандинавской мифологией, зная, что, восприняв

все эти подобия — Аса, пори и этого чертова восьминогого коня? — проглотив их, тебе придется принять и поражение в Рагнарёк? Ты — ключ. Если ты решишь, что мы проиграем, то мы проиграем, независимо от того, на чьей стороне ты будешь сражаться. Почему, по-твоему, Хтон с такой легкостью отпустил тебя? Потому что в действительности ты воюешь на его стороне — *пока веришь в поражение*.

— Не знаю, — Арло колебался, пораженный ее логикой. Миловидный трудный ребенок, которого он спас, отшлифовал свой ум не менее основательно, чем тело? — Чудовищ так много, что во что бы я ни верил, битва все равно…

— Ты должен верить в победу Жизни? — закричала Досада. — Твой дух перевернут, как перевернуты мои чувства, но мы оба должны разумом преодолеть наши недостатки. И *мы сможем*! Ты поведешь нас в бой! Ведь ты — Тор, правитель богов!

Арло рассмеялся:

— Видишь? Ты сама веришь в скандинавских богов!

— Я не верю! Это просто оборот речи…

— Ты ужасно привлекательна, когда бесишься.

Досада повернулась, обнажив зубы далеко не

в улыбке.

— Итак, тебе нужна повозка, запряженная двумя козлами, чтобы уподобиться Тору? Не забудь только надеть перчатки, пояс и…

Но Арло поцеловал ее.

— Это по-миньонски, — сказал он. — Чем больше ты бесишься, тем сильнее я тебя люблю. Давай займемся любовью.

— Черт!

Он поднял указательный палец перед ее лицом.

— У тебя короткая память.

Она промолчала, и постепенно вспышка погасла.

— С твоей стороны… это выглядит именно так?

— Да. Разве ты не знала? Ты должна была рассердить меня, после чего становилась привлекательной. Поворот кругом…

— Кажется, *знала. Но не чувствовала*. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Поделом тебе, — он привлек ее к себе, и она без сопротивления, как и прежде, покорилась.

— Было бы прекрасно, — с грустью пробормотала она, — если бы удалось обратить телепатию так, чтобы мы оба воспринимали любовь одинаково. Чтобы оба находились в одной фазе

— вместе бесились, вместе любили.

— Тогда история планеты Миньон была бы другой, — сказал он, продолжая совершать любовный акт. Это было то, чего он хотел, но его одностороннему действию не хватало прежнего огня. Одно слово, обращенное к Досаде, и она выдала бы необходимое количество страсти — но это было вовсе не то, чего он хотел. — Миньонетки не смогли бы противиться миксе…

— Но Атона не послали бы в Хтон, и этого сражения не было бы.

— И ты бы никогда не родилась… и я, — сказал он.

Когда он достиг оргазма. Досада закричала от боли. На миг ему показалось, что он убил ее, как Атон — Злобу. Испытывая угрызения совести, он склонился над ней. Досада улыбалась.

— Я же *сказала*, что выживу. Ведь я на четверть человек, — и она потеряла сознание.

Досада выжила, но Арло это ни в чем не убедило. Она была прекрасна, и под ее изумительной женской внешностью осталось много от девочки-проказницы, что и отличало ее от остальных миньонеток. Эта девочка пленила его. И все же она принадлежала ему не больше, чем рабыня, прикованная к стене ему в утеху. Люби она его

так, как он любил ее, она бы наверняка умерла. Но… она хотела именно этого, какой бы ни была причина, и хвея сияла.

Арло отбросил эти мысли и задумался над другим. Чтобы изменить ход битвы, необходимо перестроить силы Жизни. Ведь для этого его и призвали. Досада права: вероятно, наступил Рагнарёк, но истинное размежевание Добра и Зла неизвестно, и исход схватки невозможно предсказать. Надо осмотреть войска, продумать новые возможности, разработать новую стратегию.

Хтон видел одновременно все участки пещер. При условии, что там находятся животные… а Хтон мог послать своих животных куда угодно. Если только…

Если только полностью не очистить какой-нибудь участок пещер от животных. Это бы лишило Хтона восприятия и позволило миньонеткам нанести неожиданный удар — из этой непрозрачной области.

Но как удалить всех живых тварей, включая крохотных насекомых? И как скрыть от Хтона свои намерения, как изгнать пещерный разум из своего сознания? Лучше всего, если бы Хтон думал, что Арло действует по-старому, а потом совершить неожиданный прыжок в сторону.

Он покинул Досаду, настроившись на ее ауру, чтобы быть уверенным, что ей не причинят вреда. Эту способность он сохранил после своего опыта с Хтоном: Арло не мог управлять пещерными животными, зато естественная его миньонская чувственная телепатия усилилась. Подобно тому, как он указал Хтону приемы боевых действий против миньонеток, Хтон открыл ему ключ к управляемой силе разума. Арло поспешил к пещере, где работал Атон — мастерил на мощной газовой струе кольца из драгоценных металлов.

— Я должен побыстрее объехать пещеры, — сказал Арло. — Мне нужно надежное средство передвижения. Можно взять Слейпнира?

Атон задумался. На глазу у него был прилажен осколок стекловидного камня, защищающий от жаркого пламени, на руках надеты толстые перчатки. На ремесленника он, пожалуй, не был похож, но был им, — столь искусные он ковал кольца.

— Сынок, мы тоже участники этой битвы. Нашему перемирию пришел конец. Выведи Кокену из пещер, а я сам поскачу на Слейпнире помогать армии Жизни. Тебя он не послушается.

— Разве мать может покинуть пещеры? — спросил Арло. — Ее ведь убьет озноб! — Но все было

верно: необходимо вызволить мать из заложниц, поскольку Хтон мог убить ее с той же легкостью, что и озноб.

— Не убьет, если на поверхности установить нагревательные устройства, телепатически настроенные на нее. Вряд ли это получится, но Хтону больше доверять нельзя.

— Верно. — Однако Арло было не по себе. Почему Хтон до сих пор не выступил против Атона и Кокены?

Относительно Кокены он понял, почему. Если бы с ней что-нибудь случилось, Атон немедленно отбросил бы любые эмоциональные ограничения. Он бы поддался обольщению миньонетки — своей дочери Досады. Против нее было не устоять, и Арло потерял бы Досаду, несмотря на ее уступки. В этом случае ему ничего не оставалось, как вернуться к Хтону. Но… уничтожение ради этого Кокены навсегда бы отвернуло Арло от Хтона. Он не стал бы сотрудничать ни с убийцей матери, ни с тем, кто привел в действие цепочку событий, лишивших его невесты.

— Нет, — сказал Арло. — Мать останется здесь, Хтон не причинит ей вреда. А если мы выведем ее из пещер и она умрет, Хтон только выиграет. — Ее смерть не была бы деянием Хтона, и Арло было

бы это известно.

Атон, прищурившись, взглянул на него, и Арло тут же вспомнил, что его отец — полуминьон. Насколько сильна его телепатия?

— А Досада? — спросил Атон.

С ней все было запутаннее. Если бы Досада умерла, у Арло исчезла бы главная причина его сотрудничества с Жизнью. Но опять-таки, если бы она умерла в результате действий Хтона, Арло вдвойне бы хотел истребить Хтона. Пока Досада была живой, оставалась возможность ее связи с Атоном, которая разобщила бы силы Жизни и вернула Арло к пещерному Богу. Хтон играл событиями, убежденный, вероятно, что в этом направлении возможностей для победы больше, даже если физическая битва окажется проиграна. Война велась на самых разных уровнях.

— Она тоже в безопасности, — сказал Арло.

— Но мы-то с тобой — нет? — спросил Атон.

Еще один сложный вопрос. Если бы Атон выступил против Хтона и погиб, мог ли бы Арло обвинить в этом пещерный разум? Однако это устранило бы всякую возможность связи между Атоном и Досадой. Так что, похоже, Атон тоже в безопасности. Что касается самого Арло, Хтон не убьет его до тех пор, пока существует вероятность

перетянуть его на свою сторону. Если же такая вероятность исчезнет и действия Арло будут угрожать самому существованию Хтона, то выбора не останется: Хтон выступит против Арло. Но если Арло погибнет, Атон, Кокена и Досада погибнут вслед за ним.

— Мы в меньшей безопасности, чем женщины, — сказал Арло, — но поначалу Хтон вряд ли будет действовать против нас.

— Так тебе нужно средство передвижения, — сказал Атон, возвращаясь к исходной теме.

— Два козла и тележка, — согласился Арло, отчасти в шутку.

— Сложность с животными заключается в том, что они подчиняются Хтону, — сказал Атон. — Тележку сделать нетрудно, но животные будут тащить ее туда, куда укажет Хтон. Кроме того, от тележки на колесах в пещерах мало толку…

— Конечно! — с сожалением согласился Арло. В мифологии покачнулся еще один столп. А жаль, поскольку образ был по-своему привлекательный и Арло хотел как можно точнее следовать древнескандинавскому примеру, дабы убедить Хтона в своем якобы подражательном мышлении.

— Может быть, сани? — сказал Атон. — Они

будут скользить по неровностям.

Отличная мысль! Голова у Атона работала, как всегда, превосходно. В сущности, он был умнее Арло, как Один — умнее Тора. И все же…

— Чтобы тащить сани, понадобится сильное животное.

— Или пара. Только вот править…

— Как ты правишь Слейпниром?

— Сам не знаю. По-моему, пребывание в гусенице настолько разрушило его разум, что Хтону от него почти ничего не осталось Впрочем, я не уверен, пробовал ли Хтон когда-нибудь управлять им.

— Может, освободить пару сегментов от другой гусеницы?..

— Можно попробовать, — согласился Атон. Он отложил кольцо в сторону и снял защитное стекло.

Арло согласие отца удивило и польстило. Слишком поздно он осознал, что Досада вызывает нежелательный антагонизм между ним и Атоном. Насколько лучше работать вместе!

Атон попытался помочь своему сыну, доставив снаружи человеческую девушку. Он, естественно, не знал, ни что ее подменят миньонеткой, ни того, кем окажется миньонетка. Да и откуда ему

было знать? Ведь он и не подозревал, что у него *есть* дочь! В этой нечестной сделке под вопрос была поставлена нравственность вождей Жизни. Вероятно, Жизнь находилась на стороне Зла, и значит, ей суждено победить. Хотел ли он этого? Какую бы сторону он ни выбрал, та в случае победы становилась стороной Зла. Мифологические подобия невозможно было принять, но они пронизывали собой битву.

В этом несложном предприятии по изготовлению удобного средства передвижения отец и сын не только вели борьбу с Хтоном. Они противостояли зловещему влиянию Миньона, кровь которого, проистекавшая из общего истока — Злобы, соединила их обоих с Досадой. Трудное человеческое уравнение — но, вероятно, решаемое.

Атон достал свой огромный обоюдоострый топор и вручил его Арло.

— Обряд перехода, — сказал он.

Арло принял топор. Он не знал буквального смысла этого выражения, но понял, что, если он должен исполнять роль вождя, топор ее подтверждал. Отец помогал ему стать тем человеком, которым он должен был стать. Арло отчасти боялся ревности или соперничества Атона, но

теперь видел, что отца заботило исключительно благоденствие Жизни и успех сына. Замечательная поддержка!

Не успели они выехать, как… появилась Досада.

— Куда? — спросила она.

— Охотиться на гусеницу, — кратко ответил Арло. Он не хотел ее в это впутывать, и не только из-за опасности.

— Я тоже воюю, — сказала она. — Хочу помочь.

С этим Арло спорить не мог. Более того, он мог бы призвать на помощь несколько миньонеток, зная, что теперь они ему подчинятся, но боялся встревожить этим Хтона. Он полагал, что обилие сообщений, поступающих изо всех пещер, полностью займет Хтона и пещерный бог не обратит внимания на действия Арло, пока они кажутся безобидными и не выходят за рамки скандинавского мифа. Рагнарёк — дело не простое! И поскольку Хтон не мог войти к нему в мозг без его ведома, утечки информации быть не могло. Атон и Досада также находились в безопасности: Хтону придется наблюдать за ними глазами животных. Все будет выглядеть как обычная заготовка мяса.

Досада уселась на Слейпнира, оседлав средний горб трех передних сегментов между Арло и Ато-

ном. Естественно, Атон помог ей забраться, чтобы животное не противилось: вполне законный знак внимания. Встретились ли на миг их глаза? Арло не был уверен. Она была так же прелестна сзади, как и спереди — тонкая талия и роскошные широкие бедра. Совсем недавно Арло владел этим телом и вновь хотел его. Тот, кто выбрал исходный образец для миньонетки, знал свое дело! Конечно, все миньонетки похожи, если не считать короткие волосы Досады и ее слегка человеческие черты. Волосы в конце концов отрастут и станут великолепными. Но это ничуть не умаляло совершенства его миньонетки.

Если бы она действительно была его…

Почему бы ему не взять какую-нибудь миньонетку из отряда?

Например, Боль, которую он встретил в тот день, когда узнал о вторжении. Он уверен, что Боль охотно на это пойдет, а ведь она точно так же прелестна, как и Досада. Конечно, она годится ему в бабушки, но это совершенно неважно. Она же не его бабушка!

Но вызвать интерес к Боли Арло не смог даже в воображении. Только Досада была его прямой родственницей. Он пытался подавить в себе миньонскую составляющую, но не мог. То, что она

его сестра, играло-таки значение и с силой увлекало к ней, словно его чувства были заострены режущей кромкой его человеческой вины. Он уже пережил это в душе и не нашел выхода.

Так что же тогда говорить об отношениях между Атоном и Досадой, которые еще точнее отвечали миньонскому образцу? И почему он без конца думает об этом? Какое-то время Досада принадлежала ему, она согласилась, а обманывать было не по-миньонски.

Однако хотя он видел ее спину, она видела перед собой спину Атона. Что же она в действительности видела?

Слейпнир ступил на тропу самой крупной из местных гусениц. Казалось, не было предела их расширительной способности: эта состояла из сотни сегментов, но продолжала добавлять к себе новые. Вероятно, потому, что ее громадное туловище нуждалось в постоянном притоке органического сырья. Во всяком случае, у нее наверняка есть несколько больших, недавно включенных сегментов, не усохших еще до полной бесформенности.

Сейчас у них было две возможности: выследить гусеницу или подманить ее, каждый со своими минусами. Гусеница могла отлеживаться в ка-

ком-нибудь узком канале за много километров отсюда, и им не удалось бы подобраться к ней сбоку. А если бы они стали ее подманивать, тварь была бы настороже и очень опасна. Вероятность отсечь нужные сегменты в этом случае уменьшилась бы, а вероятность самим *стать* сегментами — выросла бы.

— Я ее подманю, — сказала Досада. — А вы вдвоем устройте засаду на перекрестке.

Очевидная мысль! Но Арло она не обрадовала. Это было его дело, решения должен принимать он. Он готов был прислушаться к мнению отца, но выходки Досады его раздражали. Сначала советы, а потом будет выбирать, с кем в паре ей лучше охотиться.

Впрочем, гневался он напрасно. Она распределила роли так, чтобы самой оказаться поодаль от обоих. Эта опасная охота могла решить проблему и по-иному: если кто-то из них будет убит, треугольник распадется.

От этой мысли Арло охватил ужас. Он любил отца, любил Досаду, любил собственную жизнь. Он не хотел, чтобы кто-то из них погиб! И если бы ему пришлось принимать какое-то решение, то хрупкое перемирие с Хтоном было бы нарушено и начались бы крупные неприятности.

Досада поспешила по тропе гусеницы к озеру китомедузы. Арло и Атон двинулись в обратном направлении в поисках удобного перекрестка. Теперь они молчали, чтобы не спугнуть добычу.

— Этот топор, — сказал Арло, когда они расположились в засаде. Он говорил тихо, в надежде, что звук отнесет ветром. — Откуда он взялся?

Прежде чем ответить, Атон какое-то время молчал.

— Он был у вожака заключенных, — наконец сказал он. — Его звали Старшой. Я убил Старшого, когда его одолела микса, и топор стал моим.

Арло почесал свою пробивавшуюся рыжую бороду. Ему хотелось знать больше, но он понимал, что подталкивать отца бесполезно. Арло стал уже выше и сильнее Атона, но ему так не хватало отцовского ума. Арло с радостью обменял бы часть своих мышц на знание!

Далеко в туннеле Досада подняла суматоху. Она с пронзительным криком прыгнула в озеро, подняв во все стороны брызги. Звук прекрасно распространялся в туннеле: по-видимому, ловушка гусеницы обладала отличными акустическими свойствами.

Арло приложил ухо к камню. Послышался довольно отчетливый, хотя и слабый топот

марширующих ног. Гусеница, не могла долго медлить, иначе добыча выберется из ловушки или попадет к китомедузе. У Арло мелькнула мысль: что, интересно, гусеница и китомедуза думают друг о друге? Были ли они друзьями, или каждое чудовище стремилось избавиться от соперника? Вели ли они диалог: «Вот вам кусочек, угощайтесь». — «Нет-нет, спасибо. Только после вас». Арло сдержал улыбку. Гусеница и китомедуза были двумя самыми старыми и самыми мерзкими чудовищами пещер.

Составленное из сегментов чудовище двигалось на удивление быстро. Топот шагов ускорился до бега — все ноги с одной стороны одновременно ударяли по камню. В случае необходимости тварь двигалась очень тихо, но сейчас, когда добыча могла убежать, скорость была существенна. И вот что еще в гусенице любопытно: ее сегменты могли терять головы и передние конечности, но ноги всегда были на месте и очень крепкие!

Сейчас, когда чудовище неслось по тропе, у Арло возникло дурное предчувствие. Он и Атон в безопасности: гусеница не свернет с дороги и не сможет поймать их. Но Досада… она плавает в озере. А что, если им не удастся отделить сегменты? Досада окажется в ловушке?

Ответ был один: надо отрубить задние сегменты и лишить гусеницу ее колющего хвоста. Со временем она вновь отрастит хвост-копье, но пока страшная угроза исчезнет.

Топот тяжелых ног становился все громче. Арло подавил желание убежать. Прежде чудовище останавливал Хтон, впервые Арло приходится иметь дело с гусеницей один на один. Он встал и поднял вверх топор, готовый ударить, едва последние сегменты окажутся в пределах досягаемости.

Появилась передняя часть. Голова была громадной, с большими фасеточными глазами и усиками в палец толщиной и длиной в полметра. Над глазами находились костяные брови — втянутые отростки защитной решетки, которую тварь могла опускать на морду. Но самое ужасное, что у нее не было рта.

На какой-то миг огромный глаз уставился на Арло. Затем голова двинулась дальше. Пока монстр проносился мимо, Арло стоял, прикованный к месту душевным страхом, сходным с физическим страхом перед хвостом этой твари. Каждая из фасеток искаженно отражала его образ, словно сущность Арло отпечаталась в мозгу гусеницы — множеством разновидностей буду-

щего сегмента…

Между тем сегменты мчались мимо, словно вагоны товарного поезда из ДЗЛ, заставляя с головокружительной скоростью мигать зеленое свечение стены.

— Руби! — крикнул Атон.

Арло не шевельнулся. Страх перед единственным, но многократно умноженным взглядом гусеницы загипнотизировал его. Он попытался сдвинуться с места, опустить топор — мышцы ему не подчинялись.

— Ну же! — вновь крикнул Атон, слегка подталкивая его.

Арло попытался еще раз, и вновь неудача. Замаха у топора не получилось, тот просто упал… и последний сегмент гусеницы защемил лезвие и вырвал топор из рук.

Арло остался безоружным, а топот ног уже затихал. В горле у него застыл ком, глаза слезились. Он ощутил себя вдруг не то что не богом, но даже не человеком.

Очевидно, возглавить силы Жизни должен не он, а Атон. Ум, опыт и смелость значили гораздо больше, чем юношеский пыл!

И тут Атон подтвердил свою мудрость, как, вероятно, сделал бы в подобном положении ты-

сячелетия тому назад Один. Он не произносил громких слов, не осуждал Арло.

— В первый раз я тоже онемел, — сказал он спокойно. — Поднимай топор и пошли, нужно перехватить гусеницу у озера, пока она не добралась до Досады. — И Атон побежал по тропе.

Оцепенение у Арло прошло. Он поднял топор и устремился вслед за отцом. Слейпнир побежал за ними.

Озеро было недалеко, в километре отсюда — в древних человеческих единицах измерения. Но пещерный хищник двигался с такой скоростью, что перехватить его не удалось. Им следовало бы вновь оседлать Слейпнира. Еще одна их ошибка, но в узком туннеле не было места, чтобы забраться на скакуна, если, конечно, не прыгать ему через голову.

У входа в купольную пещеру гусенице пришлось замедлить ход, поскольку здесь она действовала согласованно с китомедузой. Большие сегменты едва протиснулись в проем. Еще одна особенность ловушки: тело гусеницы закрывало вход настолько плотно, что добыча не могла протиснуться рядом с ним и убежать. Арло не понимал, каким образом эта тварь расширяет при необходимости туннели: он ни разу не видел,

чтобы гусеница грызла камень, но какой-то способ у нее, конечно, имелся. Наверное, стесывала его головой.

Арло и Атон враз остановились. Они не смели приблизиться к длинному хвосту-острию! Придется ждать, когда гусеница освободит проем.

Она медленно сделала это. Арло, держа топор перед собой, проскользнул внутрь — и обнаружил новое препятствие.

Тропа гусеницы шла вокруг озера. Голова чудовища предназначалась для того, чтобы запугивать добычу (Арло оценил теперь, насколько хорошо она это делала!) и загонять ее по круговой тропе к хвосту. После чего, пронзая добычу, выстреливал хвост и включал ее в гусеницу еще одним ходячим сегментом. Гусеница начала пятиться и преградила хвостом вход. Ближние к хвосту сегменты возвращались теперь в проем, по-прежнему закрывая его.

— Черт возьми! — в сердцах выругался Арло, находя удовольствие в брани из ДЗЛ. — Мне не пройти.

Атон взглянул на него:

— А ты очень хочешь?

— Там же Досада!

— Тогда руби.

Арло разинул рот. Он упустил самое очевидное: находясь в купольной пещере, он вряд ли сумеет помочь Досаде. Гусеница и китомедуза полностью там господствовали. Необходимо напасть *сбоку*, и здесь Атон и Арло находились в идеальном положении!

— В первый раз не стыдно и растеряться, — проговорил Атон. — Запомни: всегда есть другой способ — возможно, лучший. Старайся найти его.

Ценный урок! Арло понял, что руководство не ограничивается приказами и выработкой общей линии поведения. Он должен работать головой и принимать советы тех, у кого она работает лучше.

Арло взял себя в руки, выждал, когда узкая перемычка между двумя сегментами поравняется с проемом, и ударил по ней топором. Удар получился не таким сильным, как хотелось бы, поскольку у Арло не было места для полного замаха.

К его изумлению, топор напрочь разрубил связку, расчленив сегменты. Отлично! У гусеницы, такой крепкой в других отношениях, сочленения оказались явно слабым местом.

Но инерция твари была столь велика, что она продолжала двигаться. Через мгновение путь

преградил новый сегмент.

— Тем лучше, — сказал Арло, отрубая и его.

После трех новых ударов гусеница изменила направление движения, и проем наконец освободился.

Оба мужчины вошли в купольную пещеру. Потолок в ней был с высоким сводом, как в той пещере, где Арло наблюдал за вторжением миньонеток, только гораздо больше. Пещера была совершенно круглой и заполнена водой почти до тропинки гусеницы. Места на тропинке оставалось лишь для одного человека, и разминуться с гусеницей было нельзя. В это время голова с передней частью твари двигалась в одну сторону, а отсеченный хвост в сопровождении десяти сегментов — в другую. Между ними замерли три сегмента, лишившихся управления.

Досада стояла на противоположном берегу. Она не могла пойти ни в ту, ни в другую сторону, поскольку к ней медленно двигалась голова, а хвост замыкал пространство позади. Похоже, что часть с хвостовым сегментом была достаточно велика, чтобы согласовывать свои действия в целом, хотя связи с головой у нее не было. Ритмично шагали ноги: десять вверх, десять вниз.

— Поплывешь? — крикнул Арло.

Досада замотала головой и показала вниз.

На поверхность всплыла чудовищная черная туша китомедузы. Не мелюзга, вроде тех, величиной с ладонь, что Арло находил в неглубоких котловинах, а взрослая китомедуза в тридцать метров в поперечнике. В середине виднелся круглый рот, достаточно большой, чтобы проглотить человека, с длинным липучим языком.

Кит рыгнул. Вырвалось облако желтого пара, наполнившее купол отвратительной вонью. В отверстие хлынула вода, омывая скользкую поверхность кожи.

Выкинулся язык, на ощупь отыскивая добычу. Арло понимал, что он быстро найдет Досаду, если она попробует пробраться по этой твари. Но хвостовой сегмент гусеницы уже замыкал круг. Через минуту ей придется выбирать свою судьбу, как и всем животным, по глупости попавшим сюда.

— Я отрублю киту язык! — сказал Арло.

Атон предупреждающе поднял руку:

— Это единственный способ?

Арло заставил себя остановиться и подумать, что в данных условиях сделать было непросто. И наткнулся на лучший вариант.

— Можно отвлечь его сегментами гусеницы! —

крикнул он. — Которые нам не понадобятся. Это предотвратит обе угрозы.

Атон кивнул:

— Столкни пару вниз и направляйся к хвосту. Отруби самый последний сегмент, чтобы хвост отпал. Меньше будет риска.

Арло двинулся по кругу. Ближайший сегмент был слишком аморфный, у него не было и намека на голову, так что он не смог бы выполнять команды. Арло вклинился между ним и стеной, уперся в сегмент коленом и отпихнул его. Тот кувырнулся в мелководье у края кита.

К сегменту прошлепал язык. Кит ощутил тяжесть сегмента и сориентировался на него. Его ничуть не волновало, что это часть его сообщницы-гусеницы. Попытка Арло пересечь озеро напрямую могла кончиться для него плохо!

Он подошел к следующему сегменту и тоже скинул его в воду. Затем третий: ни один из них ему не годился. Наконец направился к объединенным сегментам хвоста.

Здесь у Арло возникла трудность. Он не мог пробраться мимо них, но они были слишком громоздкими, чтобы сбросить их целиком в озеро. К тому же там было несколько славных сегментов — камнетески с головами и передними лапами,

которые вполне бы ему сгодились. Он хотел их сохранить.

Между тем хвостовые сегменты продолжали двигаться, загоняя Досаду в угол. Через минуту колющий хвост сможет ее достать.

Арло спрыгнул вниз. Пока между ним и языком находятся три сегмента, он в безопасности — на какое-то время.

Ноги у него поехали. Кожа китомедузы была пористой и скользкой и не давала твердой опоры, к тому же под его весом она прогнулась. Но чтобы плыть, воды было недостаточно. Арло буксовал на месте, не продвигаясь вперед.

— Другой способ! — крикнул Атон.

— Другой способ! — отозвался Арло. Он с трудом поднял топор, чтобы, вонзив его в блестящую черную плоть, вырубить опору для ноги. Но тут же остановился: боль наверняка переключит внимание кита, а извергающаяся кровь сделает эту опору еще менее надежной, чем раньше. Что же придумать?

Он протянул руку и ухватил ближайший сегмент гусеницы за лапу. Теперь у него была точка опоры. Зажав топор между колен, он подтянулся вперед. Он нашел другой способ!

Добравшись до страшного хвоста, выступающе-

го на полроста человека, Арло вновь остановился. Чтобы ударить по нему, нужна была опора! Но тот в любой миг может выстрелить, поскольку Досада находится уже в пределах его досягаемости. Меньше всего Арло хотел увидеть ее пронзенной.

Он заметил, что хвост укоротился: это означало, что он вот-вот выскочит. Ухватившись левой рукой за последнюю ногу, правой Арло нанес удар. Удар оказался слабым, а панцирь хвоста прочным. Лезвие отскочило, едва не угодив Арло в левую руку. Так гусеницу было не остановить.

Хвост задрожал. Он начал совершать выпад! Арло отбросил топор и ухватился обеими руками за удлиняющийся стержень. В это же мгновение он услышал всплеск.

Хвост выстрелил, его толщина резко уменьшилась, а длина возросла. Арло повис на нем, упершись ногами в стену и отталкиваясь. Это ему удалось: хвост изогнулся в сторону воды и в цель не попал.

Но и цели на месте не оказалось. Досада спрыгнула с выступа.

— *Отпускай*! — крикнула она.

Арло глянул на свои ладони и сразу все понял Хвост служит для прокалывания добычи и для

включения ее в гусеницу путем впрыскивания каких-то парализующих веществ. Сейчас на его поверхности виднелось какое-то блестящее клейкое вещество — ладони же у Арло онемели.

— *Не могу*! — крикнул он.

Досада схватила его и, с силой оттолкнувшись от стены, оттащила в сторону. Она была на удивление сильна, но это свойственно миньонетке, ибо позволяет ей переносить садистские наказания. Его руки отцепились, и он увидел, что на поверхности вытянутого хвоста открылись поры. Конечно, эта жидкость намного действеннее, когда попадает на обширную рану, вроде сквозного прокола. Кожа и мозоли как-то защитили Арло, хотя не вполне Действие вещества продолжалось.

Арло упал и не шевелился. Яд гусеницы проник в организм, парализовав его. Он видел, слышал, ощущал — и это все.

— *Нет*! — воскликнула Досада.

Она положила Арло навзничь на спину китомедузы и окунула его руки в воду. Воды здесь было мало, и отмывать их было слишком поздно. Она оставила это занятие и ухватилась руками за сегмент гусеницы так же, как недавно Арло.

— Атон! — заорала она.

А Арло подумал, насколько ей удобнее просто оставить его и уйти с Атоном. Ничего не надо было *делать*; она пыталась спасти его и не смогла. Что еще можно требовать? Если бы он умер, он не смог бы помогать Хтону в войне с миньонетками, и в этом смысле она бы выполнила свое задание. Вскоре она родила бы сына от своего отца, продолжив обычай…

Язык уже засунул в рот третий сегмент и теперь нацелился на Арло. Тот двигаться по-прежнему не мог. Досада достигла крутого конца хвостовой части, и Атон помог ей забраться на выступ. Арло видел это скорее сердцем, чем глазами вероятно, он улавливал зрительные образы, воспринимаемые другими. Досада подняла топор, который отбросил Арло. К счастью, тот не проскользнул между китомедузой и берегом на дно озера. Они вдвоем пошли прочь.

«Пошли прочь…»

Арло боролся, но яд гусеницы сделал его неподвижным. Миллионы лет эволюции ушли на совершенствование этой сыворотки, и она прекрасно выполняла свою задачу — даже в случае таких чуждых форм жизни, как Арло. Двигаться он мог лишь по приказу мозга гусеницы, причем только его ноги, синхронизированные с мет-

рономом гусеницы. А сигналов не поступало, поскольку не было связи.

Как Бедокур переборол этот наркотик и снова стал человеком — пусть даже сумасшедшим?

Язык шлепнул его по ноге, обвился вокруг, дернул. Арло заскользил по китомедузе ко рту.

«*Другой способ*…»

Десятисегментный обрубок… он шагал и действовал, хотя у него не было мозга гусеницы! Мозг Бедокура тоже управлял небольшим сегментом. То есть могли действовать и части гусеницы! Если ведущий сегмент все делает верно…

«*Я — гусеница*, — подумал Арло. — *Я иду домой*!» И его ноги задвигались. Он был гусеницей, состоящей из одного сегмента.

«*Я бегу домой*!»

Ноги подхватили быстрый ритм, задаваемый разумом. Они больше не повиновались непосредственному мозгу, подобно половому органу, но, как и тот, находились под влиянием видений, вызываемых разумом. Мозг умен, ноги глупы, их можно одурачить.

Язык китомедузы крепче сжал его ногу и подтянул к выпуклости, окружающей рот, не обращая внимания на движение. Арло почувствовал прогорклые кишечные газы, парившие над ртом,

услышал глубоко внутри урчание.

«*Моим ногам мешают двигаться. Они должны бороться, чтобы поддерживать мерный шаг*».

Ноги дико забрыкались. Свободная нога уперлась в язык, прижав его к ноге пойманной. Еще раз, сильнее.

И уязвленный язык ослаб. Нога выскользнула из петли. Арло покатился вниз под уклон, прочь ото рта, а ноги его по-прежнему работали. Он перевернулся, уткнувшись лицом в черную поверхность, потом перевернулся снова и увидел переднюю часть гусеницы.

Атон и Досада сидели на ней верхом; один у головы, другая — у отрубленного конца.

— Раз… два… взяли! — крикнул Атон, и оба с силой оттолкнулись от стены как раз в тот момент, когда внешний ряд ног двинулся вниз. Потеряв равновесие, гусеница качнулась.

— Взяли!

И длинное тело гусеницы медленно свалилось с выступа в озеро. Многочисленные ноги вспенили воду.

Всплеск был очень громаден. Китомедуза так и просела под дополнительной тяжестью. Какой бы огромной она ни была, сообразил Арло, она должна быть тонкой и плоской, как лист, а не

круглой, как булыжник. Не такой объемистой, как казалась. Изо рта китомедузы вырвался хрип удивления. После чего язык втянулся внутрь и отверстие закрылось.

Вода хлынула через край. Чудовище погружалось!

Арло, неспособный плыть из-за действия яда, понял, что сменил один вид смерти на другой. Его не съедят, он просто утонет. Сейчас его не спасет и сам Хтон, да Хтону это и ни к чему.

Арло подхватили вдруг чьи-то сильные руки. Атон и Досада плыли к берегу, буксируя его за собой.

Это они спасли его.

Яд гусеницы оказался сильнодействующим. Арло пробивал себе дорогу к сознанию, изнуренный удушающим жаром, — но по-прежнему не двигался по собственной воле. Теперь отказали даже ноги. И глаза.

Но он мог ощущать, мог слышать. Кто-то гладил его по лбу. Нежное, прохладное прикосновение его матери Кокены: прохладное из-за ее болезни — озноба. Она находилась в своей жаркой пещере и ухаживала за ним, как в те давние времена, когда он был ребенком. Его выручили, здесь он чувствовал себя в безопасности, ему приятно

было оказаться в центре ее внимания и давать ей понять, что он в ней нуждается. Она все отдала ради Атона, а теперь Атона теряла.

Приблизились чьи-то шаги и остановились у входа, где, как знал Арло, занавески из плетеного лыка сохраняли тепло, необходимое для выживания Кокены.

— Входи, Досада, — сказала Кокена.

Разум Арло среагировал, хотя тело не смогло. Что делает *здесь* миньонетка? Ведь, в сущности, эти женщины должны быть врагами!

Послышалось шуршание раздвигаемых занавесок, легкое дуновение, и в пещеру вошла Досада.

— Надень что-нибудь, — с некоторым вызовом сказала Кокена.

Последовал шелест. Это Досада влезала в одно из платьев Кокены — наверняка оно ей узко! — после чего заговорила:

— Я принесла плоды из сада Арло. Ему лучше?

— Пока нет. Но за плоды большое спасибо, — Кокена говорила вежливо, почти официально. — Я знаю, что поход в сад в одиночку для тебя опасен.

— Со мной ходил Атон, — ладонь матери застыла у Арло на лбу — почти в буквальном смысле слова: казалось, она стала мертвенно-холодной.

И неудивительно!

Кокена встала.

— Нет нужды сообщать мне об этом.

— Прошу вас… Я *должна* вам рассказать. Я… вот. — Вероятно, Досада что-то протянула Кокене. Арло силился воспринять окружающую среду, увидеть женщин глазами. Что это?

Последовало короткое молчание. Затем:

— Он… дал тебе хвею?

Арло в точности знал, что чувствует мать: он чувствовал то же самое. Если Атон дал Досаде хвею, для Кокены все кончено — и для Арло.

— Он… послал ее, — тихо сказала Досада. — Это… подарок вам. Пожалуйста, примите ее.

«*Что*? Хвею нельзя так передавать!» Кокена ее взяла.

— Она не вянет. Как это возможно?

— Атон вас любит, — сказала Досада. — Мы в саду ничего не делали. Он сорвал этот цветок, сориентировал на себя. Видите, он не сочетается с моим голубым от Арло. Вы ведь его любите…

— Но как ты ее донесла?

— А как можно нести хвею? Я тоже его люблю.

«*Неверно*, — подумал Арло. — Хвея любит своего хозяина и любит того, кого любит хозяин, но не может просто так переходить от одного

любящего человека к другому. Она, строго говоря, *последовательна*, а не *параллельна*. Ибо когда мужчину любит несколько женщин, рождается соперничество, разрушающее любовь — и хвею. Здесь что-то не так. Хвея должна была завянуть — но не завяла».

Кокена отошла от Арло и приблизилась к Досаде.

«*О нет*! — подумал Арло. — *Они не могут стать врагами… моя мать* и *моя сестра, две самых любимых моих женщины*!» — Атон показал мне кое-что, чего я не знала, — нежно проговорила Кокена. — Иди сюда, дитя мое… сядь рядом со мной. Я тебя не задержу. — Ее голос был на удивление мягок.

— Мне неловко, — сказала Досада. — Какое-то странное и страшное чувство, только не знаю, от кого оно исходит: от вас, от Арло или от вас обоих.

— Мой сын в сознании? — спросила Кокена.

«*Конечно, Досада знает — ведь она телепатка*», — у Арло не было от нее никаких тайн!

Вероятно, Досада кивнула утвердительно, поскольку Кокена продолжила:

— Хорошо, что он тоже это знает.

— Вам известно, кто я такая! — воскликнула

Досада с неожиданным жаром. — И известно, чем все должно закончиться! Как вы можете после этого со мной говорить!

Теперь Арло воспринял ее чувства: в основном, переживание блаженства, отчасти — мрачная пропасть. Подействовала, наконец, телепатия, которая стала сильнее из-за отказа обычных его органов чувств. На три четверти человек, он воспринял отрицательные чувства Досады как положительные: на четверть миньон, он принял их такими, каковы они есть. Он и впрямь был смесью двух видов. Однако двойственность наделяла его широтой восприятия, которой иначе у него не было бы, хотя чтобы вникнуть в любое свое чувство, ему требовалось две точки зрения. Хтон мог видеть физические предметы с нескольких сторон, но о такой душевной голографии и не подозревал.

— Я помню твою мать, — сказала Кокена. — Прекрасная женщина — первая любовь Атона. Я никогда к ней не ревновала.

— Я не знала, что мой отец жив! — с болью вымолвила Досада. — Официально он считался мертвым, поскольку был сослан в тюрьму Хтона. Я встретила Атона, но моя убежденность помешала мне узнать его. Когда Арло рассказал мне,

что его бабушка — Злоба…

— Успокойся, дитя мое! Мне известно, что ты этого не знала. Когда ты убежала от меня при нашей первой встрече, я догадалась, что ты миньонетка, и уловила во внешнем облике твое возможное происхождение. Я вспомнила, насколько умен дядя Вениамин Пятый, и поняла некоторые из его побуждений. От Атона в тебе было то, что…

— Я не собиралась предавать Арло! Смотрите… я по-прежнему ношу его хвею, и она жива. Я поклялась…

— Знаю, Досада. Понимаю. Позволь мне объяснить о хвее.

Почему Кокена внезапно успокоилась? Сейчас Арло улавливал ее чувства, отделяя их от Досадиных. Они в основном были положительными, лишь отчасти отрицательными — а это означало, что все они возникли как положительные, но были частично перевернуты ее особым восприятием. Она не притворялась, она была уверена и умиротворена.

— Теперь я знаю, что испытывает обычный человек, который любит миньонетку, — сказала Досада. — Я никому не хотела сделать больно, но я не могу обманывать свою природу. Будь Атон

мертв, как я думала…

Возникла рябь ужаса, вызванная упоминанием о смерти Атона. Любовь Кокены была сверхъестественна, Арло никогда прежде не обозревал ее глубины.

— Когда Атону было семь лет, — сказала Кокена, — миньонетка Злоба — твоя и его мать — встретилась с ним и подарила ему хвею. Тогда-то он и полюбил ее. Много лет спустя он дал эту хвею мне, забыв о ее происхождении. Я не знала, что она принадлежит Злобе, но хвея этого не забыла, и поскольку я любила Атона, цветок остался живым. Даже когда Злоба умерла, хвея жила, ибо не могла понять, что произошло, ведь хвея неразумна. Но когда я вернула хвею Атону, она обнаружила, что его любовь к Злобе иссякла — миньонетка умерла, а он знал о том, что хвея принадлежит ей — и тогда хвея умерла.

Досаде предстояло во всем разобраться.

— Вы знали о смерти Злобы, но не знали, что носили ее хвею, — и цветок жил?

— Да. Хвея любила меня, поскольку я любила Атона, который любил ее истинную хозяйку. В цепочке привязанностей хвея видит не дальше одного звена. Умственное знание человека обо всей цепочке не воздействует на хвею, она долж-

на приблизиться к каждому звену, чтобы понять его своим собственным, чисто эмоциональным способом. Любой разрыв цепочки способен ее убить, если разорвано ближайшее звено.

— Но у хвеи, которую я принесла, нет никакой цепочки…

— *Есть*! Это и показал нам Атон. Хвея не различает виды любви. Обычно ее соотносят с любовью мужчины и женщины, но и отец вполне может подарить хвею сыну или дед — внуку, если он действительно его любит. Порой хвеями обмениваются близкие друзья и подруги, не подразумевая при этом ничего неблаговидного.

Арло об этом тоже не знал. Хвея жила там, где была любовь — какая угодно, не обязательно обусловленная полом.

— Но я могла лишь *передать* хвею Атона… нерешительно проговорила Досада. — Я-то *знала*, что она предназначена не для меня… — Она смущенно умолкла. — Ведь я ношу хвею *Арло*!

— Да. Это почти так. Ты любишь Атона — и ты любишь Арло. Они оба — твои близкие родственники. Ты — миньонетка, ты должна любить их, того или другого — в зависимости от обстоятельств. А можно любить сразу обоих, и хвея подтвердит это:

— Но сейчас хвея у вас…

— Я отдам ее моему сыну, — сказала Кокена. Она воткнула цветок Арло в волосы, и ее любовь стала буквально осязаемой для него. — Видишь — она не вянет.

— Потому что он любит вас, — сказала Досада. — Я знаю, что и меня он любит. Но чтобы передать хвею от меня к вам… — Она в изумлении прервалась. — *Вы* должны любить *меня*!

— Ты очень похожа на свою мать, — сказала Кокена. — И на Атона. Многое из того, что я люблю в нем, есть отражение его матери — которую я тоже любила. У меня не было дочери…

— Но я же миньонетка!

— Миньонетки тоже люди.

— Но Арло… Атон…

— Мы вступаем в Рагнарёк. Если Хтон проиграет, то умру я, ибо нахожусь в зависимости от него. Если Хтон выиграет, то, вероятно, умрем мы все, ибо пещерному существу мы больше не понадобимся. Чувствую, что в этой жуткой битве погибнет мой сын. Если Атон выживет, ему лучше всего вернуться на Миньон. Я знаю, что ты позаботишься о нем, когда придет время и меня уже не будет. Он рожден, чтобы любить миньонетку.

Последовало долгое молчание. Арло улавливал постепенно изменяющиеся и усиливающиеся чувства миньонетки. Наконец она спросила:

— Если вы меня любите, почему я не чувствую боли?

— Ты почти нормальна, дитя мое. Далеко не *все* твои чувства перевернуты.

— У меня никогда не было матери…

— Грустно быть миньонеткой. Ты ориентирована исключительно на противоположный пол, причем сексуально, и никогда не узнаешь подлинных радостей семейной жизни. Таким образом модель твоего поведения постоянно усиливается.

— Кажется, теперь у меня есть мать.

— Да…

Силы покинули Арло. Он снова погрузился в бессознательное состояние, но теперь ему было лучше, чем прежде.

— Надо что-то сделать с твоими руками, — проговорил Атон. — Смотри, с них сходит кожа. На заживание потребуются недели.

Арло взглянул на отца. Они находились в доме-пещере. Дальше по туннелю располагалась пещера Кокены, слишком душная и жаркая для нормального уюта. А здесь было славно. Вероят-

но, его перенесли сюда, когда в болезни наступил перелом.

— Почему вы меня спасли?

Атон и Досада переглянулись. Арло видел и чувствовал их взаимную тягу. Ни один из них не собирался ей поддаваться, но оба испытывали ее силу. Арло надеялся, что они не понимают, насколько хорошо он читает теперь их чувства.

— Ты нам нужен, — сказала Досада. — Мы спасли тебя от Хтона не для того, чтобы уступить китомедузе.

Честный ответ. Все трое понимали положение: нет нужды его пересказывать. Арло осмотрел руки.

— Может быть, перчатки? Они не болят… в сущности, я их почти не чувствую…

— Воздействие яда гусеницы, — сказал Атон. — Проходить оно будет медленно. Мы должны защитить кожу, но у нас нет перевязочных средств…

— Поэтому мы и достали перчатки, — закончила Досада. — У миньонеток. — Она говорила так, словно сама не была миньонеткой, и ее слова звучали вполне естественно. — Вот.

Перчатки? Огромные латные рукавицы! Каждый палец был устроен из скользящих, на-

легающих друг на друга чешуек и мог свободно двигаться и сгибаться. Мягкая подкладка крепко связывала все воедино. Снаружи перчатки были противоударны: они могли, не погнувшись, выдержать удар молота, а изнутри изумительно удобны: легкие как пух, несмотря на изрядный вес.

— Их носят механики, — объяснил Атон. — У меня были такие на космокорабле, где приходилось заниматься точной работой в условиях очень узкого диапазона, вплоть до смертельных. Можно вдеть нитку в иголку, можно ковать железо… — Он прервался.

— Я знаю, что такое иголка, — с улыбкой ответил Арло. — Металлическая щепка, используемая при шитье одежды. У Кокены они есть. — Он посмотрел на свои руки. Казалось, перчатки сидели на них, как живая плоть. Кожа по-прежнему была онемевшей, но каким-то образом перчатки передавали ощущения от прикосновения внутренним рецепторам, как будто металл мог чувствовать.

Арло похлопал по каменному полу. Никакой боли. Он стукнул посильнее, по-прежнему не чувствуя особых неудобств. Потом, преодолевая слабость и головокружение, и со всего размаха ударил кулаком по стене. Отвалилась плесень

свечения, откололся кусок камня, но отдача в руку была самая незначительная.

— Перчатки Тора… — пробормотал он.

— Мы сохранили лучшие сегменты гусеницы и впрягли их в сани, — сказал Атон. — Кажется, то, что нужно.

Наверняка Атону и Досаде нравилось работать вместе! Но что мог сказать Арло? Они сделали для него сани и сделали их хорошо.

— А чем занимается сейчас Хтон? — спросил Арло.

— Выигрывает войну, — кратко ответила Досада. — Если мы не наведем в ближайшее время порядок, будет слишком поздно.

— Я прослежу за этим, — сказал Арло.

— Только будь осторожен, — предостерег Атон. — Хтон действует без лишних предупреждений.

— Твой глаз! — воскликнул Арло, внезапно догадавшись. — Это предупреждение?

— Как ты его *потерял*? — спросила Досада.

Атон с неохотой ответил:

— Я искал благородные металлы — давно, когда я начал ковать кольца. Мне нужно было податливое золото почти в чистом виде, чтобы обрабатывать его молотком и резцом, а золото

трудно было найти. Я исследовал туннели, покрытые льдом и снегом, и обнаружил закрытую область, искусственный тупик, намного ниже обычного уровня. Каким-то образом я понял, что за этой преградой скрывается главная тайна Хтона, и мне захотелось ею овладеть. Я начал пробивать перегородку, как вдруг появилась химера. Я пытался с ней бороться, но тварь двигалась слишком быстро… она выклевала мне глаз и исчезла. Химера легко могла убить меня, но Хтон отогнал ее. Так я получил предупреждение: сторонись запретных тайн Хтона. Так узнал о назначенных мне пределах и впредь не нарушал их. А через несколько дней камнетеска вскрыла рядом с моим домом-пещерой богатую золотую жилу, и я понял, что вместо знания, к которому я стремился, Хтон дал мне золото.

— Один спустился к основанию великого Мирового Древа Иггдрасиль, — проговорил Арло, будто вспоминая сон. — Там он обнаружил источник Мимира, воды которого дарили вдохновение и знание грядущего. За глоток из этого источника Один отдал свой глаз.

— Очень мило, — сказала Досада. Для нее, естественно, так оно и было.

Они показали Арло запряженную козлами

повозку. Две огромные камнетески отлично сохранились, их передние конечности были нетронуты, так что они могли бежать на всех четырех. Сани были собраны из гибких деревянных жердей, доставленных с поверхности, и оплетены лыком. Передняя их часть, которую поддерживали камнетески, земли не касалась. Сани располагались наклонно и легко преодолевали любое препятствие. К задней части было прикручено лыком сиденье из сталактита с мощными поручнями. Оно напоминало трон.

Арло забрался на него и взял поводья.

— Козлы еще не объезжены, — предупредил Атон. — Стоит им разбежаться, и их не остановишь, так что особо не усердствуй. Тебе придется с ними поработать, чтобы они ориентировались на тебя.

— Конечно, — сказал Арло. Теперь ему было гораздо лучше. Он хорошенько потянул поводья.

Две камнетески рванулись по туннелю. Атон и Досада отскочили в сторону, а то их бы растоптали. С угрожающей скоростью проносились мимо стены пещер.

— Тпру! Тпру! — закричал Арло, но камнетески мчались еще быстрее. Они еще не усвоили смысл и порядок команд, и к тому же были очень

сильны.

Сани подскакивали на неровностях. Вот камнетески перескочили через узкий ручей, сани за ними. Казалось, что они летят. Поначалу езда вызывала у Арло страх, но вскоре он понял, что ноги камнетесок устойчивые: они не врежутся в стену и не упадут со скалы.

Отлично. Пусть напрягут все свои силы. Арло обнаружил, что может править, дергая поводья в ту или иную сторону, поскольку удила были вдеты камнетескам в пасти. Он сам почувствовал боль, переданную ограниченным сознанием животных. Арло повернул к пещерам-воздуходувкам, где разбили свой лагерь миньонетки.

Путешествие, которое пешком заняло бы несколько часов, на санях пролетело гораздо быстрее. Более того, он прибыл в лагерь более свежим, чем выезжал — ограниченные движения восстановили его силы. Арло сосредоточился на сознании камнетесок и, усиливая телепатическую связь, знакомил их с собой, как будто был ведущим сегментом гусеницы. В каком-то смысле так оно и было. Его миньонский, хтонический и гусеничный опыт внесли свой вклад в его власть. Уставшие наконец камнетески охотно подчинялись его командам. Так как приказывать в уме

оказалось проще и действеннее, Арло снял удила, а поводья оставил разве что, для формы. Теперь никто, кроме него, не сможет управлять этими изумительными животными!

В лагере его встретила Боль. Она знала, что должна наладить с Арло связь взаимодействия.

— Мы слышали, у тебя неприятности.

— Чуточку позабавился с гусеницей. Теперь уже лучше. Насколько я понимаю, у вас и самих неприятности.

— Мы потеряли треть войска, — сказала она. — Можно, конечно, восполнить его, но неограниченно растрачивать силы, да еще с такой скоростью, мы не можем. Население Миньона не беспредельно, а миньонеток заменить трудно.

— Поедешь со мной, — сказал Арло. — Я хочу осмотреть пещеры.

Боль изящно уселась к нему в сани. В ее облике и поведении было то, что отличало ее от Досады, демонстрируя, что она — уже зрелая полнокровная миньонетка, а не девчонка. Она была привлекательна и изысканна.

— Твои животные устали, — заметила она.

Арло наклонился со своего кресла и поцеловал ее, впитывая ее красоту, так напоминавшую Досадину, и все же столь соблазнительно иную.

Боль в изумлении открыла рот и откинулась назад, едва удержавшись в санях.

— Ты хочешь меня убить? — Вопрос не был риторическим или шуточным: Арло нанес ей жестокий удар.

— Мне нужно, чтобы они устали, — сказал он. — Я их объезжаю.

— Если я показалась тебе снисходительной, то впредь такой не буду, — сказала Боль.

Она верно поняла его желание — Арло хотел объезжать и миньонеток. Он не мог гневно их наказывать, но мог по забывчивости целовать.

— Твари Хтона организованы и находятся теперь под общим командованием, — объяснил он. — Мы сможем одолеть их, если будем организованы еще лучше. Вы можете установить друг с другом телепатическую связь?

— До некоторой степени. Смерть одной из нас причиняет боль всем, среди нас самих переворачивания эмоций нет. Поэтому мы и стараемся подавлять телепатию.

— А мне кажется, что переворачивание *есть*, — сказал Арло, — только двойное, сводящее себя на нет. Вы передаете, переворачивая, и, переворачивая, принимаете.

Боль кивнула:

— Кажется, ты становишься умнее.

— За последние несколько дней я многому научился и кое-что узнал о телепатии. Вам надо ее усилить, а не подавлять. Миньонетки должны быть объединены. — Он оглядел пустые туннели-воздуходувки. — Прежде всего я хочу организовать безопасную базу для военных действий.

— Часовые стоят у нас на каждом…

Арло бросил на нее любящий взгляд, подкрепленный импульсом положительных чувств. Она вздрогнула.

— Что у тебя на уме?

— Любое живое существо в пещерах, кроме людей, — исполнитель воли Хтона, — сказал он. — Не только гусеницы и камнетески, но и саламандры и псевдомухи. Надо полностью очистить один участок от всех живых тварей. Тогда мы сможем втайне готовить наши военные планы.

Боль кивнула, и это движение послало по ее волосам цветную волну. Ему пришло в голову, что здесь, в зеленом свечении пещер, волосы миньонеток не должны казаться огненно-красными, но они были именно такими. Вероятно, образ этот создавали не только его глаза, но и мозг: еще одно

маленькое чудо телепатии.

— Можно сделать это в районе старой тюрьмы, — предложила она. — Там есть несколько подходящих мест. Мы используем несколько узников в качестве слуг. Их тоже убрать?

Арло послал ей взрыв гнева, чтобы засвидетельствовать свое удовлетворение, и Боль улыбнулась.

— Ты умеешь с нами обращаться, — пробормотала она.

На протяжении нескольких часов они опечатывали верхние пещеры и отлавливали там всех существ — и людей, и животных.

— Теперь мы в безопасности, — сказал Арло. — Пора привести ванов.

— Ванов? — в смущении спросила Боль.

— Галактических союзников, — объяснил он. — В скандинавской мифологии ваны — низшие божества, воевавшие с надменными асами. Борьба была равной, и асам пришлось наконец заключить с ними мир и на равных ввести ванов в Асгард. Богиня Фрейя, первая жена Одина, происходила из ванов. Она была валькирией. Новые боги, вроде Тора, рождались от брачных союзов асов и ванов, и всякое различие в конце концов исчезло.

— Валькирия… миньонетка, — пробормотала Боль. — Девы-воительницы, сопровождавшие мертвых в Валгаллу. Очень мило.

— Ванами могли бы стать нечеловеческие цивилизации галактики: лфэ, ЕеоО, ксесты. — Он перечислил главные особенности трех галактических союзников. — Я узнал о них от Хтона. Мои сведения верны?

— Да. Хтону, похоже, известно очень многое.

— Подвержены ли они миксе?

— Кажется, да. Трудно…

— …работать с иномирянами, — закончил Арло ее фразу. — У них свои пути, потребности и вожди. — Он замолчал. Они остановились возле главного лагеря, и миньонетки столпились вокруг, слушая его. — Что ж, теперь они знают, какова ставка в этой игре. Если мы проиграем битву в пещерах, вся галактика разделит нашу участь. Мне открылось это в видении будущего. На уничтожение жизни в галактике потребуются тысячелетия, но оно неизбежно, и нет никаких надежд на восстановление.

Скажи ванам, что я беру на себя командование силами Жизни, поскольку только я знаю, как успешно противостоять Хтону. Ваны будут получать приказы от меня. Пусть их отряды прибудут

сюда, в безопасные пещеры, в течение двенадцати часов. Все это время — никаких вылазок за пределы лагеря. — Он с улыбкой оглядел миньонеток. — Я займусь нежнейшей любовью с каждой женщиной, нарушившей мой приказ.

Арло сосредоточился на их роскошных фигурах, вообразил Досаду и своим восставшим половым органом дал всем понять, что он их не обманывает, хотя делал именно это. Угроза оказалась действенной: услышав его любовные обещания, миньонетки отпрянули в стороны с выражением испытываемой боли. Каждая из них с радостью была бы им изнасилована, но боялась его нежной любви.

— Мы подготовим несколько тайных выходов в главные пещеры, — продолжал Арло. — Погасим огонь в одном из факельных туннелей — надеюсь, вам удастся достать огнетушители и пожарные костюмы, — и спустим отряд через тыловые туннели. Нам потребуется несколько глубоких и узких скважин в полу. Нужны бурильные установки. Доставьте их сюда через три часа.

Никто не задавал ему вопросов. Миньонетки разошлись. Арло отпустил камнетесок пастись, а сам прилег вздремнуть. Он понимал, что глупо растрачивать себя до начала настоящей битвы,

ведь он еще не совсем поправился.

Ему снилась Валгалла — чертог в Асгарде, где пировали боги. Тор веселился там вместе со своим отцом Одином, верховным богом, а с ними были Фригга, златовласая Сифь и низшие боги.

Вдруг появился Локи.

— Пируй вместе с нами! — пригласил его Один.

Но Локи колебался.

— Почему я должен пить с тем, кто наставил рога своему бестолковому сыну? Думаете, я не знаю всех ваших тайн, лицемеры?

Арло проснулся в холодном поту. Чем в это время занимались Атон и Досада? Сейчас они находились за пределами его телепатических возможностей.

Его взгляд уловил какой-то сигнал. Он присмотрелся и обнаружил стоявшего рядом с Болью ксеста. Он был точно такой, как в видении: на восьми длинных ногах, шарообразное тело чуть больше человеческого кулака. Он был ярко-оранжевым. Вероятно, об этом сообщило Арло видение, но в реальности цвет его удивил. Он тут же осознал, что это был цвет напряжения: тяготение здесь было для ксеста больше обычного, и иномирянину приходилось предпринимать по-

стоянные усилия, чтобы к нему приспособиться. Этикет же требовал, чтобы Арло не обращал на это внимания.

— Извини, что разбудили тебя, — сказала миньонетка. — Я говорю от имени ксеста. Он такой же телепат, как и мы, только намного сильнее. Я перевожу его сигналы.

Оказалось, что большую часть мыслей этого создания Арло понимал непосредственно, но решил этого не показывать. Он плохо знал галактический язык знаков, не имея возможности поупражняться с галактическими существами, поэтому перевод был ему весьма полезен. Он сообразил, что затевается нечто важное.

— Продолжай.

— Тебе на ум давит нечто, внушающее отвращение.

— Конечно! — согласился Арло. — Рагнарёк, битва всех времен.

Ксест засигналил, и Боль вновь заговорила.

— Бедокур… Локи… Хтон… Они вошли тебе в разум, когда твоя бдительность ослабла. Чтобы усилить раскол…

Арло прищурился:

— Ты хочешь сказать, что мой сон не мой, собственный?

— Именно. Он послан тебе врагом.

Арло кивнул. Он *знал*, что его отец и сестра не предавали его. Оба были цельными личностями, хотя не всегда легкими, а уж он-то вник в их души. Антагонистом, его противником был доктор Бедокур, ныне организатор армии Хтона. Очевидно, Бедокур хотел, чтобы Арло покинул лагерь Жизни и побыстрее вернулся в дом-пещеру. Почему?

— Прибыли представители других ванов, — сказала Мука.

— Введи их. — «Вопрос о Хтоне придется отложить».

Вошли одно лфэ и одно ЕеоО. Первое походило на кучу растресканных булыжников с воткнутыми в них наобум палками. Второе напоминало полупрозрачную лужу воды, которая странным образом не нуждалась во вместилище. На просвет оно казалось нежно-голубым.

Лфэ сразу же перешло к сути. Боль переводила его не допускающие возражения сигналы:

— Мы правим половиной галактики. Люди правят десятой частью. Мы не принимаем предложенного вами командования.

Арло улыбнулся так, что миньонетки были вынуждены улыбнуться вместе с ним.

— Вы обрели способность ослабить невзрывную волну?

Лфэ неловко задвигало своими булыжниками.

— Пока нет, — перевела Боль.

— Сможете ли вы ослабить ее в течение четырнадцати земных дней, начиная с сегодняшнего?

— Такого рода вещи требуют времени.

— Время уходит, — сказал Арло. — Нас ждет Рагнарёк. Если мы не покорим Хтона до этого срока, над планетой пройдет волна озноба и даст Хтону возможность создать волну, соединяющую фтор с кислородом. Эта волна, известная как сверхозноб, уничтожит всю жизнь в галактике за пределами этой планеты — и, вероятно, здесь тоже, поскольку неорганический разум вряд ли нуждается в местной жизни. Он воспринимает нас как зловонную слизь, как чуму на священном теле галактики. Ни один микроб не переживет озноб. Жизнь навсегда вымрет.

Вы не сможете противодействовать этой волне, поскольку прекратите свое существование. Я — единственный, кто укажет путь к тайным глубинам пещер Хтона, чтобы разрушить передающее устройство, а чтобы сделать это, необходимо разрушить самого Хтона, ибо Хтон и *есть* это устройство. Готовы ли вы рискнуть и проникнуть

в эти глубины или научиться сводить на нет невзрывное поле с тем, чтобы в нужный момент взорвать планету?

Теперь просигналило ЕеоО. *Как* оно сигналило, Арло сказать не мог, но Боль перевела:

— Ваша кампания бесполезна.

Арло повернулся к нему лицом. Его взгляд прошел сквозь прозрачную сердцевину. Удивительно, как это существо может существовать без каких-либо видимых органов, нервов и костей?

— Почему?

— Хтону о ней известно. Управляемая Хтоном жизнь пропитывает эту пещеру.

— Миньонетки заверили меня, что это не так, — сказал Арло. — Наша беседа носит сугубо частный характер.

ЕеоО заколыхалось, а у Боли отвисла челюсть.

— Свечение! — воскликнула она.

Арло хлопнул рукой по лбу. И зря, поскольку рукавица отвесила ему мощную затрещину.

— Свечение!

Конечно же ЕеоО право. Зеленое свечение покрывало все стены, без его мерцания они бы ничего не видели. Но свечение являлось органическим веществом. Если его выжечь, пришлось бы зависеть от искусственного света, что необы-

чайно усложнило бы кампанию. В любой схватке силам Хтона достаточно убрать освещение, чтобы получить решительное преимущество. Они уже и без того побеждали.

Нет, вероятно, что-то не так. Если силы Жизни зависели от свечения, от него зависели и живые силы Хтона. Возможно, в темноте борьба стала бы равной. И все-таки это плохо.

— Пещерное существо знает, что у тебя на уме. — Боль продолжала переводить покачивания ЕеоО. — Ты был ближе к нему, чем любое нормальное разумное существо. Твое командование войском означает, что Хтон имеет дело с известным ему разумом. Вот почему он не действует против тебя, а лишь стремится искусно тобой руководить. Он предпочитает тебя, чем какую-то непроанализированную им форму жизни.

— Например, лфэ? — сухо осведомился Арло.

Ему не понадобился перевод, чтобы уловить согласие обоих существ. Однако он был уверен, что уступка командования означает провал. Он должен убедить их признать себя.

Как? Его отец был умнее: Атон мог бы поспорить с этими упрямыми иномирянами и выставить их на посмешище. Арло не хватало его образования,

находчивости, миньонского сарказма. К тому же побуждения Арло ставились под сомнение, поскольку Хтон явно был заинтересован в том, чтобы у власти стоял он. Действительно ли Арло сам себе хозяин, или он служит делу Хтона?

Неважно. Господство иномирян в кампании означало определенную неудачу. Во главе войска должен стоять Арло. Возможно, он не Атон, но он вполне представлял себе, как с этим справился бы Атон. Имелись маленькие хитрости. Вряд ли они сработают на Арло, но попробовать стоит.

Его разум расширился и как бы связался с разумом отца. Возможно, это был обман чувств, но уверенность Арло резко возросла.

«*Испытай их на временной шкале, сынок*».

— Сколько времени потребовалось лфэ на заселение половины галактики? — спросил Арло.

— Примерно полмиллиона лет, — ответила Боль.

— А мы, люди, заселили десятую часть галактики за триста лет, — сказал Арло. — Почти в три тысячи раз быстрее, к тому же нас сдерживало отсутствие незанятых планет. Это вам что-нибудь говорит?

— Стремительная скорость, — последовал ответ.

«*Оно пытается острить. Прижми его к стенке. Заставь дать ответ*».

— Какого рода существу вы поручили бы покорение трудной планеты за четырнадцать дней?

— Мне нужно время на обдумывание, — просигналило лфэ.

«*Один готов. Не дай удрать другому*!»

Арло обратился к ЕеоО:

— Я ясно выразился?

— Вероятно, в вашем мозгу вопросы Хтона, — ответило ЕеоО.

«*Это существо похитрее. Взови к его разуму*».

— Но если Хтон наилучшим образом знает мой мозг, то, очевидно, верно и обратное. *Я знаю Хтона наилучшим образом*. — Для пущей убедительности Арло наклонился вперед, хотя не был уверен, что это телодвижение что-нибудь значит для иномирян. — Это вроде шахмат. Боль, переведи эту метафору, чтобы они поняли, наверняка у них есть похожие игры, где все фигуры и все ходы видны обоим игрокам. Для тайн места не остается. Выигрывает обычно более сильный, самобытный, решительный игрок.

— Ваше мнение спорно, — просигналило одно из существ. Арло не был уверен которое, так как лфэ, ЕеоО и ксест задвигались одновременно. Но

положение для удара было удобное, поскольку Арло уже замял вопрос о зеленом свечении.

«Что бы сделал Атон? *Контратака*!» — Разве вы измените свое мнение? Разве кто-нибудь из вас отправится в темные глубины Хтона, чтобы победить планетный разум у него дома? Мои шансы на успех могут показаться вам ничтожными — зато ваши, в сущности, равняются нулю. По крайней мере, у меня есть определенное представление о правилах игры.

Трое существ не сигналили.

«*Добивай*!»

— Ну хорошо, — живо проговорил Арло, словно они уже формально признали его назначение. — Мы не способны действовать в полной тайне, но если Хтон не может читать мои мысли, он не узнает, как я намереваюсь использовать ваши отряды. Если моя стратегия будет самобытной и правильной, Хтон не сумеет ей противостоять. Я могу просить вас делать дурацкие на вид вещи. Не подвергайте их сомнению: они могут оказаться дурацкими только для того, чтобы скрыть мои подлинные намерения. Оставляя Хтона в неведении о подробностях моей кампании, я могу надеяться его одолеть. Теперь мне необходимо, чтобы вы спустили вниз буры и пожарное обо-

рудование и выполнили все так, как я объяснил раньше миньонеткам.

Лфэ и ЕеоО сделали движение, очень похожее на человеческое пожимание плечами, и отбыли. Наблюдение за тем, как они двигались, давало богатый опыт: одно, похоже, кувыркалось, словно горные обломки по склону, другое изящно скользило на своем пастельных оттенков основании.

— Тебе повезло, что они не телепаты, — пробормотала Боль. — Если бы они уловили твое сомнение…

— Напоминай мне, чтобы я не пытался обмануть ксеста, — сказал Арло.

— Чтобы снова заслужить твой поцелуй? Вспоминай об этом сам!

Арло улыбнулся, заставив Боль поморщиться.

— В сущности, мне лучше не кривить душой с представителем ксестов.

— Нет нужды, — сказала она. — Ксест понимает. Ксест чувствует, что ты самый способный руководитель для этого предприятия.

— Ксест начинает мне нравиться, — сказал Арло. Тут ему пришло в голову что-то другое. — Ксесты… они ведь пользуются тафисами, не так ли?

— Да. Они их ввозят…

— Пусть доставят сюда приличный запас тафисов. Тафисы могут пригодиться нам в случае нашего поражения.

— В случае?..

— Как бы тебе понравилось еще одно страстное объятие?

Боль без лишних слов ушла. Ксест просигналил добрые пожелания и последовал за ней.

Вскоре прибыло оборудование.

— Что это такое? — спросил Арло, рассматривая некий инструмент с Ксеста. — Похоже на молот.

— Отбойный молоток, — перевела Боль. — Конечности у ксестов не так сильны, как у большинства других существ, особенно на поверхности с большим тяготением. Силу ксестов увеличивают посредством особых орудий. Этим молотком один ксест может без особого труда раскрошить скалу.

— Могу ли воспользоваться им я?

— Вероятно, да. Просто держи его покрепче и нажимай на кнопку на рукоятке. Он колеблется со звуковой частотой.

Арло попробовал. Он приложил молоток к стене и дотронулся до кнопки большим пальцем рукавицы. В месте соприкосновения камень превратился в пыль.

— Шикарно, — сказал Арло. — А есть модели

побольше?

Ксест достал разновидность молотка, боек которого был размером в два кулака Арло. Он попробовал и с одного удара пробил в стене дыру размером со свою голову. Очевидно, взрывом это не считалось, иначе вмешалось бы подавляющее поле Хтона. Могучий молоток!

— Молот Тора, — сказал Арло.

— Теперь Хтон, ясное дело, знает, чем мы занимаемся, — сказал Арло миньонетке. — Так что будем действовать согласно плану. А пока я подремлю. — И он лег на камень.

Боль молча глянула на него.

— Возьми меня за руку, — сказал Арло. — Навей на меня сон. — «Быть может, сновиденье…» Она опустилась на колени и взяла его за руку. Арло отпустил поводья своей душевной суматохи и мрачных предчувствий, зная, что для нее они — сладостная музыка. Он вел силы Жизни к беде, и у *него не было встречного замысла*. Что он должен делать?

Боль гладила прохладной рукой его лоб.

— Милый мальчик, — пробормотала она.

Вскоре он заснул.

— Он не вернулся, — сказала Досада. — Жизнь проиграна, как ей и суждено в Рагнарёк. Кокена

заключена в свою пещеру. Что нам остается в эти оставшиеся часы?

— Любовь, — сказал Атон. — Как и суждено. — Он обнял ее.

Арло, дернувшись, проснулся.

— Я еду домой!

Боль удержала его.

— Не принимай сейчас никаких решений. Ты обезумел от наведенного на тебя сновидения.

— Пойди посиди на сталагмите — на самом остром, — огрызнулся Арло. Он мысленно позвал сегменты — двух своих козлов.

— Конечно, совет — это проявление дурного вкуса, — осторожно произнесла Боль. — Но стоит ли она того? Скоро начнется битва, ты нужен здесь. У нас есть женщины, очень похожие на твою миньонетку и гораздо опытнее. Они утешат тебя.

— Мне это известно. Поедешь со мной. Приведи по одному от каждого вида ванов… нет, доставь четырех ЕеоО, по одному каждого пола. Я отказываюсь командовать армией Жизни в пользу предводителя Лфэ.

— Лфэ! — теперь Боль встревожилась. — Ни малейшего воображения! Совершенно очевидные мысли, ответный удар станет для Хтона детской

игрой!

— Если ты не едешь, я отправляюсь один!

Она побежала за ним.

— Арло, какой ты милый! Я едва удерживаюсь, чтобы не обнять тебя. Но неужели ты не понимаешь: этот сон вложил тебе в голову Хтон! Я была с тобой, я это чувствовала. Это же уловил несколько раньше ксест! Когда ты спишь, твоя бдительность ослабевает…

— Если бы я мог сделать тебе больно, я бы это сделал! — сердито проговорил Арло. — Но сейчас это невозможно. — «Проклятое переворачивание — мой гнев, ее блаженство!» — Заткнись-ка лучше и пригласи ванов.

— Остановись и одумайся! — крикнула Боль. — Хтон *хочет*, чтобы ты ушел отсюда и вернулся к себе в дом-пещеру. Ты подыгрываешь ему.

Арло подошел к своим камнетескам, которые тут же перестали жевать и поспешили к саням.

— Открывай главный выход!

— Нет.

Он в ярости ударил ее тыльной стороной ладони по лицу. Боль без вреда для себя приняла удар, не в силах подавить улыбку чисто животного удовольствия. А ведь ей надо было убедить его логически.

— Мы не пустим тебя в ловушку Хтона!

Арло вскочил в сани и с проклятьями принялся возиться с незнакомыми узлами. Наконец распутал поводья и пустился в путь. Доехав до замурованного выхода, слез с саней, поднял свой огромный молот и пробил в свежей извести сквозную дыру.

К тому времени, как он закончил, вернулась Боль вместе с ксестом, крупным лфэ и четырьмя полупрозрачными элементами ЕеоО: голубым, зеленым, желтым и розовым.

— Если ты жаждешь гибели, мы будем твоими телохранителями, — заявила Боль, и они всей кучей погрузились в сани.

— Располагайтесь, — Арло хлестнул поводьями, хотя на самом деле отдал приказ в уме — удила ведь он снял. Две камнетески, насытившиеся за время отдыха, резко взяли с места. Сани потяжелели от веса всей компании, и даже лыко провисло, но камнетески было настолько мощны, что, похоже, не обратили внимания на разницу. Сани с головокружительной скоростью понеслись по туннелям.

Пока они ехали, Арло прошептал Боли на ухо:

— Вряд ли Хтон слышит, как мы сейчас разговариваем, или читает твои сигналы, и мы узнаем,

подвержен ли миксе кто-либо из нас. Надеюсь, вы все понимаете, что я привел вас не к безумию, а к судьбе.

Боль переводить не стала.

— Знаем, — мрачно согласилась она.

— В таком малом составе мы — острие клина вторжения. Главное войско — только уловка, диверсионная группа.

— Понятно. — Похоже, она была удивлена.

— Попавшись для виду в ловушку Хтона, мы приведем его в благодушное настроение. Вскоре мы встретим засаду. Прежде чем ловушка захлопнется, мы ускользнем из нее, как бы случайно. Теперь давай поговорим о ЕеоО.

Боль просигналила четырем полупрозрачным существам.

— Вскоре мы минуем ряд сухих дыр, — сказал Арло. — Это древние вытяжные отверстия, давным-давно бездействующие. Они узки и изгибаются в камне, так что ни одному твердому живому существу по ним не пробраться. Но жидкое могло бы — а дыры сходятся в пещере в самой сердцевине планеты. Неподалеку от порождающей волну электрической схемы Хтона.

Боль просигналила, затем выдала ответ:

— Мы понимаем.

Сани подъехали к вытяжным отверстиям.

— Если я остановлю камнетесок, мы себя выдадим, — сказал Арло. — Придется ЕеоО прыгать.

Существа «Е», «е», «о» и «О», как мячики, подпрыгнули вверх и покинули движущиеся сани. Они приземлились, подскочили и покатились по камню. Вскоре они превратятся в жидкость, просочатся по каналам и вольются в глубочайшие пещеры, которые Хтон считает неприкосновенными. Но Арло узнал больше, чем сообщил ему Хтон во время их взаимодействия: ему была известна не одна тайна тайн.

Немыслящие в жидком состоянии «Е» и «О» должны приумножить новые разумные экземпляры. Немного везения — и новые крошки ЕеоО, возникающие из порождающей лужицы, сумеют разрушить электроконтуры Хтона прежде, чем неорганическое существо сообразит, в чем дело…

— Теперь лфэ, — сказал Арло. — Сможете ли вы разъединиться и преобразоваться в два или более существ в какой-нибудь необозреваемой пещере?

— Да, — перевела Боль. — Это не совсем обычная процедура, но в случае необходимости…

— Вскоре мы минуем главную газовую рас-

щелину планеты, — сказал Арло. — Газ отсюда поступает к огню вблизи тюрьмы. Если вам удастся поджечь саму расщелину, термальная экология Хтона будет нарушена. Животные испугаются, сбросят, вероятно, управление Хтона, и пострадают сами контуры неорганического разума.

— Я попробую, — просигналило лфэ.

— Здесь, — сказал Арло.

И лфэ соскочило, рассыпавшись при ударе о камень на куски хлама.

— Теперь ксест. Мы приближаемся к вероятному месту засады. Попробуем едва-едва не попасться в нее, отвлекая Хтона от действий ЕеоО и лфэ. Вы взяли тафисов?

— Да, — просигналил ксест. Сейчас он был ослепительно оранжевым.

— Разморозьте их побыстрее. Даже Хтону потребуется какое-то время, чтобы справиться с голодными турлингскими афисами, а между тем они превосходно отвлекут его от *нас*. Бросим их на пути наших преследователей.

— Но тогда мы не сможем…

— Не беспокойтесь. В нашем положении ограничения с личного долга сняты. Вы можете — и вам придется! — воспроизводиться как можно

плодовитее. Надеюсь, ваши части быстро преобразуются в разумные существа?

— Практически мгновенно. Поэтому нам нужен тафис, ибо он действует быстро, не разделяя кого-либо на части. Некто не желает без него обходиться. Ты уверен?..

— Каково ограничение на долг ради спасения всей жизни в галактике?

— У нас иной способ оценки, — ответил ксест.

А Боль добавила от себя:

— Их философия настаивает на ограничении распространения жизни, чтобы не растратить их естественные богатства.

— Чтобы их ограниченное население могло жить в достатке, — сказал Арло. — Но для этого должен хоть *кто-то* выжить. Не смогут ли эти *кто-то* вычеркнуть долги, которые вы наделаете неограниченными делением? Не смогут ли они *взять на себя* ваш долг в качестве цены за возможность жизни?

— Ты изложил все на удивление убедительно, — ответил ксест.

Возможно, и так — или просто ксест проявил вежливость к дикарю? Что ж, Арло получил молчаливое согласие, этого было достаточно.

— Наши ударные войска уже выступили. За-

дача оставшихся — как можно более зрелищно отвлечь Хтона, который должен поверить, что *мы* и представляем собой ударные войска. Он будет пристально наблюдать за нами, неуверенный в том, одурачен ли я сновидением. Его неуверенность — наше преимущество.

— Возвращение в дом-пещеру вряд ли отвлечет Хтона, — сказала Боль. Арло не понял, переводит ли она ксеста или говорит сама за себя. — Лучше совершить непосредственное нападение, которым нельзя пренебречь.

— Да, — согласился Арло. — Это неплохо, хотя я его не планировал. — Он сообразил, что это, скорее всего, означает, что он больше не увидит ни Досаду, ни своих родителей. Но война есть война, и ему надо выполнить свое задание. — Есть области пещер, запретные для меня. С этими перчатками и молотом я смогу туда пробиться. Это встревожит Хтона, и нам предстоит чудовищная схватка.

— Это наша цель.

— Я чувствую засаду между нами и домом-пещерой. Волкообразное существо.

— Судя по облику в твоей душе, одолеть его будет нам нелегко, — перевела Боль ксеста. — Лучше избежать.

— Я жажду размозжить его череп молотом, — заявил Арло. — Поэтому, в интересах непредсказуемости, делать этого я не буду. Мы трусливо удерем.

Боль положила ладонь на руку Арло:

— Твое настроение тебе идет.

— Естественно! — сказал он чуть сердито. Он направлял сани по знакомым туннелям, страшась их запретной природы и наслаждаясь ей. Один из них — почти вертикальная охладительная шахта, куда движущийся воздух всасывался через входную трубу, и где он быстро расширялся и охлаждался. Это не была та ледяная река, где он играл с Досадой, а совершенно другое место. Стены и потолки были покрыты кристаллами, узорами инея, а пол представлял собой узкий ледник.

— Здесь некто никогда не разморозит тафисов, — пожаловался ксест.

— Немного терпения, — сказал Арло. Вскоре они выехали на открытое место и тут же попали в настоящую метель, а затем оказались внезапно в теплом боковом туннеле — и в тупике. Камнетескам пришлось остановиться.

— Я нареку эту пещеру Глазом Одина, — высокопарно произнес Арло. — Лишь недавно я узнал

о ее значении, хотя бывал здесь и раньше. — Он слез с саней, держа в руке молот. — Вы оба телепаты. Если появятся хтонические твари, — а к этому все идет, — предупредите меня.

— За стеной находится какое-то существо, — сказала Боль. — Я чувствую его; крупное, очень крупное, преданное. Ксест говорит, что это самое могучее животное в пещерах планет и полутелепат. Приближаться небезопасно.

— Очень любопытно, — сказал Арло. Он уловил те же самые излучения. — Наверное, тайное оружие Хтона.

— Оно может нас уничтожить.

— Передовая линия нашей обороны — тафисы.

— Здесь по-прежнему холодно, — перевела Боль ксеста. — Пройдет какое-то время, пока личинки оттают. А когда они…

— Знаю. Видел, как они действуют.

Боль приподняла бровь:

— Ты бывал в космосе?

— В видении. Я видел будущее — когда Хтон победит. Хотел бы я увидеть, что это будущее никогда не наступит. — Он сжал кулак — не в ярости, а сосредоточенно, и заметил, как чешуйки перчатки плавно скользят одна по другой независимо от того, с какой силой они сдавлены. — Ну

что ж, подождем тафисов. Боль, будешь охранять камнетесок. Неизвестно, что мы найдем, знаем только, что нечто крупное и опасное. А главное — превосходное отвлекающее средство.

Ксест подошел и встал рядом с ним. Арло принялся бить по стене молотом, быстро рассыпая ее в пыль. Вскоре он пробил дыру, достаточно большую, чтобы через нее пробраться.

Они вошли в круглый туннель, метров пятнадцати в поперечнике. Здесь стоял прогорклый запах, как близ логова дракона. У Арло возникло сверхъестественное ощущение чего-то знакомого.

— Давай его выманим, — сказал Арло. — Хочу *поглядеть* на это создание.

Он вообразил в уме огромную, жирную заблудившуюся камнетеску: идеальная добыча для крупного хищника. Внезапно камнетеска стала почти осязаемой. К его усилиям приложился и ксест!

Скрывавшийся где-то некто огромный ее заметил. Чудовище-телепат из туннеля восприняло образ и почувствовало голод. Арло уловил, как началось громоздкое передвижение.

Оно испугало Арло. Существо было слишком крупным, слишком грозным. Однако оно слу-

жило Хтону оружием, и Арло должен был его понять, узнать его слабости, чтобы силы Жизни смогли его уничтожить. А чтобы отвлечь внимание Хтона, он хотел устроить действительно нечто жуткое. И продолжал ждать, воображая вместе с ксестом жирную камнетеску, настолько растерявшуюся, жирную и настоящую, что у него самого потекли слюнки.

Стены задрожали. И вдруг Арло понял: это огромный лабиринтный дракон, с карликовой разновидностью которого он повстречался, когда нес на себе Досаду. Сеть его туннелей… насколько велик ее охват?

Он увидел узор из нитей внутри шара и сообразил, что эту картину вложил ему в голову ксест. Телепатия у ксеста оказалась сильнее, чем у миньонетки: он мог создавать непосредственные информационные изображения. А эта картина сообщала, что *лабиринт дракона охватывает всю планету*.

Какое чудовище! Его необходимо было убить, поскольку оно могло истребить целую армию миньонеток. Будучи телепатом, оно способно было выследить в пещерах любое разумное существо — дай ему только волю! А Хтон ни разу и не намекнул Арло о нем: оружие про запас.

А почему, собственно, Арло должен удивляться? Хтон мог заставить единственную в своем роде хвею расти, скрещиваться и мутировать в пещерах. Увеличение размера чудовища и без того жуткой породы вполне в силах неорганического разума.

Конечно, эта тварь не могла пролезть через большую часть туннелей, но все же представляла собой слишком опасную угрозу, чтобы ей пренебрегать.

Убьет ли дракона молот? Сумеет ли Арло с достаточной силой ударить в жизненно важную точку? Наверняка у чудовища где-то был мозг, и если его раздробить…

Камнетеска-добыча заколебалась. Ксест устал. Его телепатия была сильнее, но не могла действовать долго. Арло, напротив, мог телепатировать неограниченное время.

У него в голове возникла новая картина: искусно сработанный пояс или ремень, излучающий мощь.

Пояс силы Тора! Ксест говорил, что у Арло он есть, но его не было. Что он имел в виду?

Но когда ксест выдал новые быстротечные образы, Арло понял. Яд гусеницы! Не отрава, а возобновитель, оживляющий вновь включенные

сегменты для того, чтобы они не становились обузой целому. Это вещество воздействовало на организм, особым образом его укрепляя, чтобы сделать из него неутомимого ходока. Но сейчас оно делало его сильнее в другом отношении — увеличивало душевную выносливость. Он и впрямь обладал поясом силы — последним из даров Тора.

Теперь стены тряслись настолько неистово, что Арло с трудом стоял на ногах. Он прислонился к узкому выступу, образованному пересечением главного туннеля с его ответвлением, поднял молот и ждал. Дракон вряд ли сможет затормозить вовремя: надо попасть с первого удара.

Здесь наверняка водилось много животных, если такая туша могла себя прокормить. Однако вход был загражден. Как животные проникли сюда? Вероятно, проникать было *и не надо*: Хтон лишь недавно закрыл этот участок — в последние дней двадцать — и поймал достаточный запас мелких животных. По крайней мере, до Рагнарёка.

Знал ли дракон, что, когда война между Смертью и Жизнью закончится, он сам будет погублен?

«*Дурак*!» — подначил его Арло.

Дракон показался теперь в поле зрения — вдали бесконечного туннеля. Его огромные глаза сверкали, испуская свет вдобавок к свечению плесени. Словно могучий экспресс из ДЗЛ, он на всех парах несся на них, двигаясь настолько быстро, что воздух перед ним сжимался, и у Арло заложило уши.

«Экспресс из ДЗЛ, — мельком подумал он. — „На поезд любой я сяду — Неважно, куда он идет“. Давным-давно умершая поэтесса не села бы на *этот* поезд!» Арло оставался в прежнем положении. Его взгляд встретился, с жуткими глазами дракона. Арло собрал запас всех своих сил — физических и душевных, зная, что у него всего одна возможность Он стоял незыблемо, словно его ноги проломили камень, чтобы внедриться в сердцевину планеты. Если бы ему удалось нанести искусный удар…

Образ-наживка пропал. Несущееся чудовище запнулось, неспособное сориентироваться на добычу. Лучи из глаз шарили по сторонам, пытаясь поймать то, что потерял разум. Через минуту этот рыскающий свет зальет Арло и ксеста, выставит их напоказ и обречет, не дав возможности сопротивляться. Только следуя по курсу, нацеленный на что-то другое, дракон мог стать уязвимым для

неожиданного удара Арло. Будучи настороже, он явится во всеоружии.

Ксест, испугавшись, стер картинку с камнетеской.

Арло отпрянул назад, скрылся из виду, в то время как порыв ветра от разочарованного дракона вытолкнул воздух в пробитое им отверстие. Разъяренный трусливым поступком своего соратника, Арло со всей силой замахнулся на ксеста молотом.

Удар ему удался. Ксеста разнесло вдребезги, словно от взрыва. Восемь ног разлетелись во все стороны, а тело сдулось, как проколотый воздушный шарик.

Когда дракон исчез в туннеле, Арло засосало вслед за ним. Он инстинктивно вытянул руки и схватился за торчащий на поверхности камень. Воздух завывал в проломе стены позади него, разнося обрывки ксеста, словно опавшие листья.

Теперь возникли угрызения совести.

— *Прости*! — крикнул Арло вслед ветру. Но было, конечно, слишком поздно.

Обломок ксеста ударил ему в спину и упал на землю. Арло поднял его, и — о чудо! — тот уже преобразовывался в миниатюрного ксеста. Он поднес его к лицу, и в мозгу у Арло возник ма-

ленький телепатический образ.

Это было зрелище тысячи ксестов, которые кишели в пещерах и разыскивали тайны Хтона. Невозможно было их остановить, поскольку они были слишком малы, слишком чужды опыту неорганического разума. Некоторые даже прицепились к дракону, и он вез их вокруг планеты. Но с этим образом смешивалось нарастающее беспокойство. *Долг*!

— Не тревожься, — сказал Арло ксесту. — Делай свое дело, береди Хтона. Если за тобой есть какой-нибудь жизненный долг, ответственность я беру на себя. Так и запишем. — Неудовлетворенный, он умолк. У него была собственная вина, которую надо было как-то искупить. — Когда мы победим, я дам тебе хвею. Если она будет жить, я буду знать, что ты простил мне преступление против тебя — против тысячи ксестов. Долг — мой.

Образно выразив благодарность, маленький ксест двинулся дальше.

Пока Арло проделывал путь обратно к камнетескам и повозке, ветер ослаб. Боль ждала, как и было приказано.

— Ты опять оживил мифологию, — сказала она.

— Что? — Арло с удивлением посмотрел на

нее.

— Разве ты не знаешь, как Тор и великан Хюмир ловили рыбу? — спросила она. Увидев, что не знает, она продолжила: — Тор насадил на крючок бычью голову, и на эту наживку попался сам великий змей Мидгарда. Но пока Тор его вытаскивал, глядя чудовищу в глаза, Хюмир в страхе перерезал лесу и позволил змею скрыться. В ярости Тор сокрушил великана ударом молота, но дело было сделано.

Змей Мидгарда — существо настолько огромное, что его кольца окружают под океаном весь мир! Арло и впрямь оживил миф, хотя этой легенды он не читал. Мировой змей опознал теперь своего врага и будет бдителен.

В Рагнарёк, знал Арло, Тор станет добычей этого чудовища. Если бы убить дракона при первой же встрече…

— Так что берегись его! — воскликнула Боль. — Кажется, наш отвлекающий маневр удался на славу. Жизнь победит!

— Не разыгрывая заново скандинавский миф, — сказал Арло.

— Довольно мы его копировали! Теперь можем отклониться и истребить Хтона.

— Надеюсь, да, — сказал Арло и подумал о Доса-

де. Жизнь, возможно, и победит, но выживет ли Арло, чтобы вновь обнять Досаду?

Они поехали обратно, камнетески горели желанием покинуть эти глубины.

Вдруг Арло почувствовал острую боль в ноге. Он нагнулся — в его перчатке оказалась саламандра. Его укусила самая ядовитая из пещерных тварей!

— Арло! — воскликнула миньонетка. И увидела саламандру. Для ее души ужас был подобен дыханию новой любви. — Нет!

— Должно быть, ее всосал сюда ветер, — сказал Арло, ошеломленный знанием о своей кончине.

Боль схватила его и вытащила нож.

— Придется резать, чтобы высосать яд…

Но было слишком поздно. Арло без сознания упал в ее объятия.

Мифологию не удалось переиграть заново. По крайней мере, не в этом эпизоде.

VI. Жизнь
§ 460

В пассажирской каюте СС-корабля сидели два человека. Они смотрели на моделированную панораму звезд.

— Не выпить ли нам в честь моего дня рождения вина? — спросил старик, показывая бутылку. — Сегодня мне исполняется сто восемь лет.

— Обязательно, Вениамин, если позволяет твое здоровье.

— К черту здоровье, Утренний Туман! Какой толк в жизни без удовольствий?

— В таком случае устроим пирушку, — предложил миньон. — Пригласим моего брата и миньонеток и отпразднуем *по-настоящему*.

— И нашего кормчего ксеста тоже, — добавил Вениамин. — В самом деле, минуло уже тридцать четыре года с тех пор, как мы выиграли Рагнарёк, и ксесты заслуживают всяческих похвал.

Утренний Туман вышел, а Вениамин налил изысканного старого вина. Через минуту миньон вернулся, и с ним ксест, Невзгода, Досада и Арло.

Ксест носил изысканную зелено-голубую све-

тящуюся хвею — символ многолетней дружбы с Арло.

Две миньонетки были похожи на изумительно прекрасных сестер-близнецов в самом расцвете юности, однако одной было шестьдесят земных лет, а другой лет на сто больше. Возраст мужчин, напротив, бросался в глаза. Утреннему Туману было пятьдесят восемь, Арло — пятьдесят; оба вступили в период увядания.

— Как восхитительно, — сказал Вениамин, подавая бокалы, — оказаться по такому случаю в одной компании с тремя детьми моего племянника! Жаль нет самого Атона.

— Это жестоко, — просигналил ксест.

— Прошу прощения, — сказал Вениамин. — В мои годы многое забываешь. Тебе, Утренний Туман, пришлось бы по-миньонскому обычаю убить своего отца, окажись он здесь, чтобы твоя жена-мать Невзгода не ушла к нему. И тебе, Арло, тоже пришлось бы убить его, чтобы к нему не ушла твоя сестра Досада. А вы, миньонетки, должны были бы убить друг друга, чтобы завладеть им. А ведь все это время Атон продолжает любить свою законную жену Кокену, которая не покидает пещеры, хотя сейчас существует технология, ослабляющая действие озноба. Такое

разделение — единственное решение: элементам нашей обширной семьи, как кислороду и фтору, нельзя давать соединяться. — Вениамин вздохнул. — Простите, если я кажусь бесчувственным. Я никогда не испытывал особого уважения к миньонским законам чести, хотя дорожу всеми вами без разбора, словно вы — мои дети. Так давайте будем счастливы вместе, поскольку долговечность нашего семейного воссоединения, а также… — Он умолк. — Где Афар?

— Я здесь, — сказал с порога юноша. Он был высокий и сильный, со сверлящим взглядом и чертами жестокости в лице.

— Как ты сильно напоминаешь своего дедушку! — воскликнул Вениамин. — У моего племянника Атона… у него в молодости был такой же взгляд.

— Безумный взгляд, — сказал Утренний Туман без всякой враждебности.

— Да, мой сын прелестен, — согласилась Досада.

Губы у Арло искривились.

— Прелестен! — проговорил он с тяжелой иронией.

— Подозреваю, мой отец обогнал с годами свое чувство юмора, — сказал Афар. — Однако это

излечимо.

Досада улыбнулась Афару.

— Как мило! — сказала она.

У Арло заиграли желваки, но он ничего не сказал.

— Вот это мне в Миньоне и не нравится, — заметил Вениамин. — К чему все эти кровосмешения, Эдипы и Электры, непреклонно преследующие друг друга, убийства отцов сыновьями из поколения в поколение? Стоит вам заключить брак за пределами своей фамильной линии, что позволяет сейчас снятие планетного предписания, и все отпадет как ненужное!

— Таков миньонский порядок, — сказала Невзгода. — У нас не будет другого.

— Хотя вам прекрасно известно, что он — плод одной коммерческой затеи по продаже наложниц и жажды сколотить незаконное состояние на обслуживании богатых и нещепетильных властелинов?

— Замысел провалился. Мы продолжаем жить.

— Однако твой муж убил своего единственного сына, — напомнил Невзгоде Вениамин.

— Чтобы я мог обладать ей и дальше, — с гордостью произнес Утренний Туман. — Пылкий юноша рос слишком самоуверенным и начал

наступление раньше времени. Не я это затеял, поскольку так не положено. Я просто…

— Просто обхитрил его с преждевременной утратой сил? — предположил Вениамин.

— Я был умнее его, — косвенно согласился Утренний Туман. — Я унаследовал ум у моих предков-людей.

Вениамин вздохнул:

— Этот сомнительный комплимент был бы неверен по отношению к моему брату Аврелию, а Династия Пятых заслужила почет не только из-за этого. Но мне хотелось бы, чтобы ум Пятых нашел себе более мирное применение.

— В свое время я подарю Невзгоде другого сына. Вероятно, он унаследует у Пятых больше ума и правильнее рассчитает свои поступки.

— Видите ли, — живо произнесла Досада, — вскоре мой сын убьет моего мужа… или будет убит им. В любом случае, мне достанется прекрасный мужчина.

— Хтон! — выругался Арло. — Почему я не женился на нормальной женщине? — Он взглянул на Афара, который деланно пожал плечами. Арло, несмотря на свои годы, сохранил небывалую силу и не был из числа тех, кого даже молодой миньон втянул бы в драку. — Или, по крайней

мере, на более сговорчивой миньонетке, вроде Боли. В конце концов она стала нормальной.

— Вероятно, она и погибла потому, что ты сделал ее нормальной, — с одновременно довольной и жестокой улыбкой предположила Невзгода. — Миньонетка в таком состоянии напоминает охотничью собаку без клыков.

— Очень жаль, что у тебя после Рагнарёка не сохранилось божественных сил, — сказала Досада. — Ты мог бы лишить клыков меня. Тогда бы я умерла от возвышенной печали.

— К черту твой сарказм! — воскликнул Арло. Его ярость вызвала у Досады ослепительную улыбку. — Я думал, с убийством покончено, раз мы победили неорганический разум.

— Не совсем так, — просигналил ксест. — По всей галактике виды Жизни воюют друг с другом. Люди воюют с лфэ из-за какого-то сфабрикованного дела о краже планет. ЕеоО — с ксестами из-за цен на тафисов, которые, оказывается, происходят с одной из планет ЕеоО. Расточаются богатства целых звездных систем. После уничтожения разума Хтона всех, похоже, перестали интересовать неорганические ценности. Даже мой род пренебрегает тафисами.

— Прискорбно, — вежливо согласился Вени-

амин.

— Настоящий бардак, — сказал Арло. Он опустошил бокал, огляделся — и перехватил обмен взглядами между Досадой и Афаром. Его ладонь сжалась в кулак. Он больше не носил перчаток силы, да и молота у него не было. Тор умер в Рагнарёке. Жаль, что Арло выжил!

— Некто также скорбит по этому поводу, — просигналил ксест. — Гораздо лучше было бы добиться какого-нибудь компромисса с пещерным существом. Когда некто и мириады его долговых братьев сражались в пещерах, мы думали, что являем собой Добро, побеждающее Зло. Похоже, что мы отчасти ошибались.

— Похоже, — согласился Арло. — В Хтоне было много ценного. Неорганический разум был моим другом — до Рагнарёка. Я не могу сказать, что он — воплощение зла. — Он отвернулся от ксеста, испытывая вину за геноцид. Хтон не был живым, и все же его убили, и в этом состояло галактическое преступление.

Арло поднял глаза — и увидел Досаду в объятиях Афара.

Ярость, копившаяся в нем в течение двадцати лет, вырвалась наружу. Арло ухватил своими большими, покрытыми рубцами ладонями

небольшой вспомогательный компьютер, поднял его, сорвав с креплений, и с безумной силой швырнул в пару.

Миньонетка, предупрежденная телепатией, отпрянула. Мужчина же оказался менее проворен. Тяжелый ящик обрушился на него.

— Брат! — закричал Утренний Туман. — Что ты наделал?

Арло посмотрел внимательнее — и увидел, что двое вовсе не обнимались, а просто беседовали. Причем мужчиной был не его сын Афар, а двоюродный дедушка Вениамин. Как он мог так ошибиться? Ведь в них не было ничего общего!

Утренний Туман опустился на колени рядом со стариком.

— Он мертв. В таком состоянии его могло убить любое потрясение, а удар был неслабый. Брат, зачем ты погубил нашего патриарха?

— Брат, я думал, это мой сын, — с огорчением произнес Арло.

— С *Невзгодой*? — спросил Утренний Туман, вынимая нож.

Ко всему прочему, Арло перепутал и миньонетку! Одержимый уродливым наследством Миньона, он увидел то, чего так боялся, и ускорил ссору, к которой питал отвращение.

— Брат, в замешательстве я обидел тебя. Приношу свои извинения. Моя ссора — не с тобой или твоей миньонеткой, но с моим собственным…

Тут Афар пересек комнату.

— И все-таки мой отец обогнал свое время! — сказал Афар. — По его собственному признанию он хотел убить именно меня. Он нарушил миньонский закон, и я могу убить его, пренебрегая равенством оружия. — Он сделал движение рукой и достал взрывомет.

— Это нужно прекратить! — отчаянно просигналил ксест. Его многочисленные ноги двигались запутанным образом, что он как бы бегал между ними. — Непонимание…

Афар выстрелил. Он целился в Арло, но теперь против него оказался ксест. Его объяло пламенем и тут же уничтожило — никаких долгов. То, что не испарилось, спеклось.

Взрыв краем задел Арло, опалив ему волосы и на мгновение ослепив, но ограниченная телепатия подсказала ему, где стоит Афар.

— Опять начали войну, — мрачно сказал Арло.

Он отпихнул ногой липкое тело ксеста в сторону сына, но Утренний Туман, неверно истолковав его намерение, набросился на него.

Обе миньонетки наблюдали за кровавой

борьбой с одинаковыми улыбками чистейшего восхищения.

VII. Фтор
§ 426

Арло проснулся в холодном поту от отвращения и ужаса. *Видение власти Жизни было таким же мрачным, как и власти Хтона.* Каждая победа означала жуткую смерть самых близких ему людей в том микрокосме, который отражал бойню макрокосма.

Было ли это видение послано Хтоном? Арло сомневался: отдельные части выглядели слишком правдоподобно. Его грядущая жизнь с Досадой была бы именно такой, и под конец ему пришлось бы по-миньонски убить своего единственного сына или быть убитым им. Это проистекало из любви к ней, и оба они об этом знали. Арло не мог избежать своей судьбы, бросив Атона и Кокену и навсегда покинув пещеры: рок коренился в его любви к миньонетке.

— Слава Богу, ты жив, — сказала Боль. — Кажется, я повредила тебе ногу, зато удалила большую часть отравы. Ты — крепкий, и яд гусеницы, вероятно, каким-то образом противодействовал яду саламандры, — но дело было совсем плохо.

— Ты — прекрасна, — сказал Арло, целуя ее.

— Прекрасны и твои сны, — ответила она. — Хотела бы я знать их полностью…

«*Она стала нормальной и потому погибла*». Эта мысль мелькнула у него в голове, когда он ее целовал — и поцелуй не причинил ей боли.

— Суть такова: мы не можем позволить себе Рагнарёк. Наша победа так же дурна, как и победа Хтона. *Неважно, кто побеждает, торжествует Зло*. Необходим компромисс.

— Для него уже поздно, — сказала она. — Войска вступили в бой по всей планете.

— Войну необходимо прекратить. Она *будет* прекращена.

Боль улыбнулась, высоко оценивая его гневную решимость.

— Как?

— Моя мать Кокена находится в своей жаркой пещере под страхом смерти. Ей не выдержать соперничества с миньонеткой.

— Как ни одной нормальной женщине, — согласилась Боль с легкой гордостью. — Но при чем тут?..

— На мгновение я подумал: а что, если бы они сразились между собой? Тогда одна из них убила бы другую, и проблема… не была бы решена!

Кокена не сражалась, хотя и умеет это делать. Вместо этого она… пошла на компромисс. И обрела больше, чем могла бы потерять.

— Компромисс трудно дается миньонетке.

— Хтон хотел использовать меня — как и ты, — сказал Арло. — У меня есть ценные качества, проистекающие из Жизни и Смерти. Теперь нужно воспользоваться ими — от этого зависит судьба нашей галактики.

— По-моему, тебе лучше отдохнуть. Тебя ослабили яд саламандры и потеря крови, которую мне пришлось выдавить.

Арло глянул на свою ногу, саднящую, с онемевшими пальцами. Миньонетка обмотала ее тряпкой, оторванной от своей военной формы.

В сущности, она сделала все очень быстро и умело. Досада такой способной не была. Между отдельными миньонетками *существовали* различия, и Боль во многих отношениях была ценнее.

Они повернули за угол — и обнаружили перед собой химеру. Оба мгновенно ее узнали, хотя никогда прежде не видели. Птицеобразная и злобная, она парила прямо перед ними.

Испуганные камнетески остановились.

— Ого, — произнесла Боль. — *Эту* не обхитрить. Но, может, мне удастся отвлечь ее, а ты схватишь

ее своими перчатками…

— Бесполезно, — сказал Арло. — Посмотри назад.

— Нет нужды. Я все чувствую. Еще одна химера.

— И еще несколько в примыкающих туннелях. Мы — в ловушке.

Боль мельком глянула на коробку с ксестским запасом тафисов.

— Как по-твоему…

— До сих пор не разморозились, — сказал Арло. — А если бы и разморозились, то сожрали бы первыми нас. Так что никакого смысла.

Боль повернулась к нему.

— Думаю, в любом случае я любила бы тебя. Как всякая миньонетка. — Она вынула нож. — Если мы встанем спиной к спине, мы сможем убить одну или две, прежде чем они нас прикончат. Первую я уберу граватаной; у меня есть запасная для тебя, если ты забыл ту, что я когда-то тебе дала. Старайся защищать глаза: химеры в первую очередь набрасываются на них.

— Ты — да, я — нет, — сказал он, вспомнив замечания Атона о лакомствах, которые предпочитают химеры. Это не успокаивало.

Арло знал, что все бесполезно. Химера не толь-

ко питалась глазными яблоками и половыми железами — она поражала жертву со скоростью звука. Ножи, граватаны и даже взрывометы были против этой стаи бесполезны.

Однако у него было некое предназначение. Он сосредоточился, расширился — и где-то внутри его головы и тела прогрохотал беззвучный взрыв. Самые разные, невообразимо мощные элементы были сведены вместе, как в ядерном устройстве, и когда они слились, произошло качественное изменение.

— Что случилось? — вскрикнула Боль, встревоженная и всполошенная чувственным вихрем, сопровождающим эту метаморфозу.

— Высокое давление превращает уголь в алмаз, — сказал Арло.

Химеры бросились в наступление. Они пулями полетели в цель со всех сторон. Арло уловил их в своем мозгу прежде, чем увидел, как они движутся. Смерть…

«*Смерть*!»

Химеры рухнули на пол пещеры.

— Они мертвы, они все мертвы, — с удивлением проговорила Боль. — Я это чувствую. Миг невероятного блаженства… что-то их уничтожило!

Арло расслабился.

— Я дважды становился добычей яда, но выжил. Не потому, что мне везло, а потому, что я обладаю особыми возможностями. Отчасти я человек, отчасти миньон, отчасти Хтон. Жизнь открыла мне свои тайны, но и Смерть тоже. У каждой я взял ее силу, а вместе они суть… фтор.

— Я отвезу тебя назад в твою пещеру, — сказала Боль, словно он нес околесицу. — Твои чувства так перекручены, что я не могу их истолковать. Тебе нужно отдохнуть, прийти в себя — нам лучше убраться отсюда, пока то, что убило этих птиц, не нацелилось на *нас*.

Арло сосредоточился. Вновь в своем разуме и плоти он сплавил воедино различные элементы своей природы, своей генетики, своих знаний и чувств. Образно говоря, кислород жизни и фтор смерти слились. Он сознательно повторил то, что невольно произошло минуту тому назад.

Части совпали под воздействием необходимости, которую он видел, — необходимости прекратить Рагнарёк, чтобы объединить сущности Жизни и Смерти, чтобы предотвратить ужасы-близнецы победы одной из сторон. Он стоял у развилки великой буквы Y, которая намного превосходила размах Мирового Древа Иггдрасиля. Здесь расходились два будущих, и

сейчас он понял послание, содержащееся в мифологическом Рагнарёке. Неважно, какая сторона победила, восторжествовало Зло — ибо сама битва не внушала доверия.

Им нельзя было дать разойтись: одно, по определению, не могло существовать без другого. Их нужно соединить, свести вместе, превратить в прямую линию, в единственное успешное будущее.

Возникло осознание, как у Хтона. Арло воспринимал пещеры посредством органов чувств находившихся там существ, но животными не ограничивался. Он получал сведения от миньонеток, ксестов, лфэ и ЕеоО: от всей жизни с обеих сторон.

Сначала от самых ближних: движущиеся туннели, видимые четырьмя глазами двух крупных козлов-камнетесок, запахи стен и свечения, которым они питались, ощущение камня и льда у них под ногами — неприятно холодное. Воздушные сквозняки, воспринимаемые усиками крохотных ледовых комариков, встревоженных санями. Вкус камня и воды, сообщаемый светящейся плесенью. Неуверенность и озабоченность миньонетки Боли: ей приходилось оберегать человека, который стал объединяющим фокусом

усилий Жизни. Распространялась ли эта ответственность на его нелегкое личное положение? Должна ли она перехватить любовь Арло у его сестры, ослабив тем самым унаследованный им раздор с отцом? Или она объясняла все задним числом, уступая ошеломляющему искушению, — этот комплекс, и сильный молодой мужчина?

— Сын, который будет у тебя от меня, немедленно восстановит миньонский треугольник, — сказал ей Арло. — Если я действительно хочу быть свободным, я должен жениться на нормальной девушке — как сделал мой отец.

Боль в смущении уставилась на него:

— Ты можешь читать мои мысли… буквально?

— Разве удивительно, что из полутелепатии, обычной для галактики, наконец-то возникла настоящая телепатия? — спросил Арло. — Сейчас я покажу тебе кое-что еще.

Он сосредоточился на ней. Боль завизжала, схватившись за голову: пронзительный панический вопль, исходящий из самой сердцевины ее существа.

— Ты… выпотрошил меня! — с трудом произнесла она, вцепившись в сиденье саней.

— Нет, — Арло привлек ее к себе и вновь поцеловал. На этот раз он смаковал ее роскошное тело,

бесподобную красоту, заслуживающую уважения личность. Он любил ее без горечи.

Она растаяла — женщина каждой своей клеточкой. Ее волосы сияли живым пламенем. Вдруг она вздрогнула и отпрянула.

— Что это? — спросила она.

Арло молча смотрел на нее.

— Это неизмененная любовь, — сказала она, недоверчиво покачивая головой. — Нет переворачивания!

— Теперь ты нормальна, — согласился Арло. — Телепатическое переворачивание чувств можно было исправить много поколений тому назад. Если бы разработчики планеты Миньон вели свои исследования более основательно. Сейчас миньонетке пора влиться в главный поток.

Она пришла в ужас.

— Весь наш образ жизни…

— Изменится. Но более того… — сказал Арло. Он вновь сосредоточился. Боль поднесла руку ко рту и укусила себя за палец. — Я могу управлять твоим телом, — сказал Арло ее устами. — Я мог бы убить тебя, как сделал это с химерами.

Он отпустил ее, и она без сил откинулась на кресло.

— Это хтоническая мощь, после миксы…

— Я обхожусь без миксы, — сказал Арло. — Мой способ более действенен, ибо он естествен, целостен.

— Кто ты? — спросила Боль, заподозрив какую-то уловку со стороны пещерного существа. Если Арло оказался в его руках…

— Я не враг, — заверил Арло, улыбаясь. — Врага *нет* — не считая этой дурацкой борьбы. Я — Фтор, соединение могущества Жизни и Смерти. — Он умолк, распространяя свое осознание по всей планете, и обнаружил, что область его влияния стала намного больше, чем во время выманивания дракона, а мощь — сильнее его изначальной мощи *вместе* с мощью ксеста. — Когда все это кончится, я женюсь на тебе, и твои дети будут нормальными и телепатами. А теперь я должен прекратить Рагнарёк.

— Эта сила нова для тебя, — предупредила она. — Если перестараешься, то очень скоро…

— Выбора не остается. Ведь это Рагнарёк. — Когда все это кончится, он, победив или проиграв, утратит свое небывалое могущество. Второе видение оповестило его об этом. Но на личном уровне он уже сделал то, что было суждено: Боль стала нормальной женщиной. Мог ли он изменять судьбу настолько, чтобы предотвратить ее

гибель? Если нет, можно ли избавить от мучений Досаду?..

Неуверенностью страдали не только миньонетки.

— Нам лучше укрыться в каком-нибудь безопасном месте, — живо сказала Боль. — Я буду стоять на страже, пока ты… расширишься. Даже если Хтон об этом еще не знает, он быстро догадается, и твоя жизнь окажется в большей опасности, чем когда-либо прежде.

— Ты полагаешь, что я противник Хтона?

Нож Боли взлетел — и остановился, удержанный его разумом.

— Я на стороне здравомыслия, — сказал Арло, отпуская ее. — Я не намерен разрушать Хтона. Хтон не есть зло — это просто другой путь. Мы должны найти компромисс ради взаимного выживания. У каждой стороны есть что-то необходимое другой. У жизни — подвижность, технология, способность размножаться… умение изменять физический облик галактики и приспосабливаться к тому, что нельзя изменить. У Хтона есть… соразмерность.

Боль с сомнением покачала головой.

— Будучи необузданной. Жизнь уничтожит себя и галактику, — продолжил Арло. — Как отта-

явшие тафисы, пожирающие свое будущее ради немедленного утоления голода. Тафисы погибают после того, как насытятся, ибо им ничего больше не остается. Нужна некая сдерживающая сила. Хтон и является этой силой. Вместе, в согласии, двое создадут райское царство — для обоих.

— Мне этого не понять, — сказала Боль. — Но я считаюсь с твоим мнением. — Она убрала нож и взяла поводья. — Занимайся своими делами. А я найду какое-нибудь уютное местечко. — Пришедшая ей с запозданием мысль выдала ее личную озабоченность: — Мои дети будут *нормальными*? — Кажется, она не совсем была этим довольна.

Арло уступил ей материальные хлопоты. «*Повинуйтесь ей*», — передал он в тупые мозги камнетесок и укоренил там короткие команды касательно движения поводьев, чтобы они знали, что к чему.

Арло уже распространил свое осознание на пещеры. Теперь усилил его. Он ощущал камень и мириады его трещин и разломов, обводные каналы и металлические жилы, слабые хтонические токи, бегущие по ним, и огромную сеть — то целое, что было самим Хтоном.

Когда его восприятие расширилось, он усвоил

электрическую схему, представлявшую собой пещерное существо, и узнал, где сокрыты тайны Хтона. ЕеоО слились вблизи генератора антивзрывной волны, готовые разъединиться в виде молодых особей и атаковать выделяемыми ими едкими кислотами важнейшие контуры. Но сюда уже двигалось огромное существо-присоска — противодействие Хтона угрозе. Оно поглотит и переварит всю лужу ЕеоО до того, как она завершит цикл воспроизведения, — если присоска доберется туда вовремя.

Лфэ вновь собралось и двигалось к большой газовой расщелине. Вскоре оно начнет ее поджигать. Хтон об этом еще не знал и не предпринял никаких встречных шагов. Многочисленные ксесты кишели в огромном нижнем туннеле, отвлекая Хтона своей деятельностью. Арло напомнил себе: не забыть подарить хвею своему другу-осколку!

Дальше — миньонетки покинули отгороженную область и под руководством лфэ скрупулезно очищали пещеры от управляемой Хтоном жизни. Обрызгивая стены уничтожающей плесень кислотой, они делали эти участки затемненными для восприятия Хтона. Для собственных нужд у них имелись небьющиеся электролампы.

Атон, Досада и Кокена объединились в подобие нормальной человеческой семьи и завалили вход в свою теплую пещеру. Снаружи бродило исполинское волкообразное существо и отыскивало ход внутрь — то самое чудовище, которое чуть не убило Досаду и меньше часа тому назад поджидало в засаде Арло. Арло вспомнил: Волк Фенрир — смертельный враг Одина. Этот волк убьет Одина в Рагнарёк.

Хтон по-прежнему неотступно следовал тексту.

На поверхности планеты, известной как прелестная Идиллия, возникло другое противоборство. Старый доктор Бедокур выбрался из глубин, разыскивая старика Вениамина Пятого, и Вениамин вышел с ним на поединок. Согласно первому видению будущего оба были смертельными врагами. С мифологической точки зрения это Локи и светлый бог Хеймдаль — обладатель великого Рога Рагнарёка. Оба они умрут.

Битва шла по всей планете. Если Арло не остановит ее сейчас, произойдет необратимое насилие. Но сможет ли он остановить целую планету?

Арло расширился, используя свои новые возможности. Он осознал, что черпает из того же источника, что и §-привод, — из силы, связующей

вселенную. Проблема заключалась в том, чтобы превратить ее в приемлемую энергию, контролировать, направлять куда следует и фокусировать, когда нужно. §-энергия, в сущности, бесконечна, но Арло был слишком крохотным отверстием для ее истекания.

Теперь он подумал о Хтоне. Он искал своего пещерного друга. «Хтон! Хтон!» «*Я здесь, друг*». Вот так — совершенная связь.

«*Мы — в Рагнарёке, которого никто не переживет. Битва должна прекратиться*».

«*Жизнь должна быть искоренена,* — ответил Хтон. — *Она заразила галактику. Лишь очистившись от нее, мы сможем связаться с нашими мыслящими собратьями по вселенной*».

Это означало, что и в других галактиках обитают неорганические разумы.

«*Жизнь тоже разумна,* — возразил Арло. — *Один разум не вправе уничтожать другой. Разум в любом виде священен*».

«*Нет. Только неорганический разум*».

Почему же Арло решил, что Хтон подчинится логике Жизни?

«*Если мы продолжим битву, ты будешь уничтожен. Мы должны найти компромисс*».

«*Никакого компромисса с Жизнью*». — Словно

горячий ветер, прорвалось крайнее отвращение Хтона к Жизни-слизи.

«*Это неразумно*!» — возмутился Арло.

«*Неразумно*, — согласился Хтон. — *Абсолютно*».

— Арло! — крикнула Боль. — Ползет Змей Мидгарда.

Арло изменил фокус своего внимания. Она права: сверхчудовище прогрызало себе путь в камне, пробивало новый проход — прямо в убежище Арло. Его стремление было очевидно: Арло видел внутренним глазом, что змей распознал в нем враждебного рыбака, дразнившего его видением пищи и напавшего мириадами надоедливых ксестиков.

В сущности, он знал об Арло уже давно. Когда-то змей был безобидным, хотя и громадным созданием, шнырявшим по своему лабиринту и питавшимся забредавшими туда животными. Затем на его мозг оказал воздействие доктор Бедокур: он вселил в змея неизбывную ненависть к людям, особенно с миньонской кровью. Змей был лишен рассудка, но обладал сильной телепатией: он мог отличить человека от миньона. Сумасшедший Бедокур сделал его злобным и так же поступил с пещерным волком. Воистину

дети Локи!

Арло сосредоточился на нем, но чудовищный змей сопротивлялся. Его мозг был как бы изолирован, так что чисто символического подавления оказалось недостаточно. Арло остановил его, но при этом потерял управление остальной битвой. Его маленький человеческий мозг не справлялся с энергией, необходимой для всех сразу.

Вениамин Пятый сжимал в руке косу, а доктор Бедокур — скальпель. Оружие Вениамина было намного внушительнее, но в данных обстоятельствах выглядело довольно неуклюже. Этой косой Вениамин очищал от сорняков будущие грядки хвей, подготавливаемые для сева. Бедокур же был предельно быстр и точен в обращении со своим маленьким инструментом, а при желании мог его и бросить. Но он знал, что если бросок не удастся или не поразит жизненно важную точку, от косы будет не защититься.

Двое мужчин были заклятыми врагами. Бедокур сопроводил племянника Вениамина Атона в преисподнюю и убил сына Атона Аса. Вениамин же «затрубил в Рог», призвав в подземный мир армию миньонеток. Сейчас они сведут счеты как и положено — лично. Ненависть требовала удовлетворения.

Они осторожно кружили друг возле друга, ожидая, когда соперник раскроется. Со всех сторон их обступали прекрасные цветы этого райского уголка — Идиллии: Вениамин бессознательно перешагивал через них, чтобы не повредить, зато Бедокур намеренно втаптывал их в грязь. Их поединком двигал не спортивный азарт, а острейшая ненависть.

Волк разрывал лапой камни, завалившие вход в пещеру Кокены. Крепкие, как металл, когти зверя цепляли камни и отшвыривали их в туннель. Наконец появилось отверстие. Волк протиснул в него свою толстую морду, но дальше голова не пролезала.

Атон стоял справа от отверстия, подняв обоюдоострый топор, слева стояла Досада со сталактитовым дротиком в руке. Он займется пастью, она — глазами, а Кокена оставалась приманкой в углу пещеры. Перед самым ударом Атон и Досада переглянулись, чтобы согласовать нападение, и застыли вдруг в долгом тоскующем взгляде — в присутствии Кокены, которой оба устыдились.

«Было бы хорошо, — бесстрастно подумал Арло, — если бы Досада погибла. Как бы горько это ни было, это решило бы проблему, которую поставила мне ее жизнь. Лучше оплакивать ее, чем

из-за нее погибнуть».

Лфэ достигло почти самого дна газовой расщелины. Оно подняло отросток, сосредоточилось и создало электрическое напряжение между расходящимися усиками. Проскочила сильная искра. Скопление газа вспыхнуло, озаряя пропасть, ослепительно освещая пустоту и отвесные скалы вверху и снизу. Но газ был слишком холодным и разреженным: через мгновение пламя погасло.

Лфэ вновь подняло отросток. Если в первый раз зажигание не сработало, сработает во второй. Или в третий. Каждая вспышка будет нагревать воздух до тех пор, пока огонь не поддержит себя сам. И тогда — ад!

Лужа ЕеоО колыхалась и изгибалась, готовая преобразиться в новые особи. Но присоска уже добралась до нее. Она опустила хоботок в лужу и принялась пить.

Арло вновь сосредоточился на отдельных участках битвы. Он останавливал на месте людей, чудовищ и ванов, чтобы Рагнарёк не миновал точку, после которой дороги назад не было. А освобожденный дракон тем временем приближался. Зубами, когтями и всей своей тушей он крошил тонкие каменные перегородки, разделявшие туннели лабиринта. От его движения тряслась

все прилегающие пещеры, вокруг падали и разбивались сталактиты. Его дыхание горело жаром, взметая пыль и песок в вихреобразное облако. Змей Мидгарда!

Арло не знал, как поступить. Дракон был слишком огромным и сильным, чтобы управлять им частью своего разума, но если сосредоточить на нем все внимание, повсеместно возобновится Рагнарёк. Он должен остановить одновременно и битву, и чудовище — или потерпеть поражение.

Можно убить несколько созданий поменьше — лфэ, присоску, но это лишь усугубило бы отвратительную вражду, породившую битву. Мир ценой убийства вообще не был миром! Арло мог разве что подавлять сражающихся, не причиняя им вреда, пока не был бы достигнут взаимный компромисс.

На какую-то минуту он отпустил дракона и остановил битву.

«*Хтон*! — крикнул он в уме. — *Прекрати наступление! Мы должны провести переговоры, найти компромисс! Ради нашей прежней дружбы…*» Но Хтон не ответил — и это был красноречивый ответ. Пещерное существо не будет заключать сделку, ни даже слушать. Его решимость неумолима, дружба Арло с ним — призрачна. А жуткое

грохотание змея приближалось.

В приступе ярости Арло оставил без внимания все прочие пещеры и направил опустошительный удар на свою личную Немезиду — дракона. Тот остановился, мгновенно оглушенный, а Вениамин тем временем замахнулся на доктора Бедокура, лфэ высекло еще одну искру, чудовищная присоска набрала полный рот из лужи ЕеоО, Атон и Досада нанесли двойной удар по морде волка. Арло сознавал все это, ибо осознание требовало лишь малой части его мощи.

Бедокур отступил назад, и лезвие косы прошло мимо, не причинив ему вреда. Тогда он сделал выпад, выставив вперед скальпель. Газовая расщелина вновь загорелась, гораздо ярче, чем сначала, языки пламени поднялись почти до потолка. ЕеоО в тоске задрожало всей своей лужей, устремляясь в пищеварительный тракт присоски. А Волк Фенрир от раздражения так громко завыл, что трое людей в пещере, закрыв уши руками, упали на пол.

Арло быстро переключил управление и приостановил решающие столкновения, хотя в пещерах продолжали рыскать крохотные ксесты, а миньонетки вспугнули угрюмую гусеницу.

Зато теперь ожил Змей Мидгарда. Арло не мог

использовать против него свой мозг, иначе возобновился бы Рагнарёк. Придется сразиться с ним физически.

— Что ты делаешь? — закричала Боль, видя, что он держит свой Молот.

— Я должен убить чудовище, — ответил Арло.

— Ты должен быть защищен! — сказала она. — С ним сражусь я!

Арло еще раз поцеловал ее, в то время как его мозг видел всех миньонеток разом, словно ее многократное отражение. Однако она отличалась от всех, поскольку участвовала в сражении рядом с ним и одна была нормальной. Она стоила его любви.

— Я справлюсь сам. Возьми камнетесок с санями и выбирайся на поверхность. Скажи силам Жизни, что Рагнарёк должен прекратиться, даже если я погибну.

Она колебалась:

— Но ты еще не подарил мне детей!

Она хотела его, а не детей. А он хотел ее. Но времени уже не было.

— Вызовется любой мужчина, — сказал он. — Ты — прелестна во всех отношениях. — После чего он оттолкнул ее своим разумом, и ей пришлось уйти. Она вскочила в сани, подобрала

поводья, хлестнула камнетесок.

В этот момент стена рухнула. В пещеру влетели камни и, обрушившись на камнетесок, убили их. Боль скинуло с саней. Пещеру заполнил удушливый пар: вонючее дыхание Змея Мидгарда.

Глаз чудовища обнаружил Боль, когда она еще падала. Высунулся жирный и клейкий язык. Он накрыл женщину, прилипнув к борющемуся телу. Словно жужжащую муху, втянул ее в шестиметровую пасть. Зубы сомкнулись и начали грызть. Арло уловил ее недолгую агонию.

Его будущее исчезло вместе с Болью. Судьба не допустила даже небольшого изменения.

Арло сжал обеими руками Молот и опустил его чудовищу на нос, теперь досягаемый, поскольку морда змея с сомкнутыми челюстями была довольно маленькой. Боек Молота глубоко внедрился в кожу, выдолбив в ней отверстие. От нанесенного оскорбления чудовище оглушительно зашипело, но развело челюсти лишь настолько, чтобы перемолоть тело Боли и проглотить его.

Нос не годился: слишком мягок. Надо ударить по черепу! Но как до него дотянуться, если в пещере одна лишь морда?

Змей проглотил миньонетку. Его челюсти

вновь широко распахнулись, и пасть заполнила всю пещеру. С зубов капала кровь. Чудовище пыталось схватить Арло, но места для маневра не хватило, и оно промахнулось. В раздражении оно ударило головой о потолок, выбив его и утроив объем пещеры.

Теперь змей вполне мог его укусить! Челюсти раскрылись так широко, что верхние зубы поднялись вертикальной стеной. Стена надвигалась на Арло.

Арло отступил как можно дальше назад — и обо что-то споткнулся. Это была коробка ксеста. Она опрокинулась, наружу выпал замерзший комок тафисов. Не совсем замерзший — прожорливые твари начинали двигаться.

Арло поднял коробку, когда ужасные челюсти уже закрывались. Он швырнул комок тафисов — прямо змею в глотку. Когда пасть судорожно сомкнулась, сработав на крохотную добычу, Арло увидел, как жар внутренностей топит остатки льда.

— Пусть это будет тебе наградой за убийство Боли! — прокричал он. Глаза его были в слезах, и не только из-за жгучих паров. «*Боль*!» Арло кинулся к пролому в стене. Острая боль пронзила его ногу в том месте, где миньонетка извлекала

яд саламандры. Арло споткнулся.

Чудовище, пытаясь догнать его, наклонилось вперед и, врезавшись головой в выход из пещеры, развалило остатки стены и обрушило потолок. Мозг сориентировался на убегающую добычу. Змей рыгнул, и несколько извивающихся тафисов вылетело вместе с газами. После чего он последовал за Арло.

Сколько времени потребуется тафисам, чтобы прогрызть пищеварительный канал змея и приняться за него самого? Арло не мог этого сказать, поскольку чудовище было невероятно огромным, а он не мог остановиться и понаблюдать за происходящим.

Арло находился недалеко от опутывающего мир туннеля дракона. Скрипя зубами от боли в ноге, он побежал туда. Он проскочил через отверстие, которое проделало чудовище, притормозил у края перепада в рост человека и прыгнул на дно. Теперь путь был свободен, но нечего было и надеяться ускользнуть от жуткой твари в ее собственной норе. При условии, что змей оставался в добром здравии…

Но Арло знал пещеры вследствие своей полной осведомленности. И знал, что чудовище будет задерживаться, вынужденное то ли с трудом раз-

ворачиваться, то ли пробивать себе дорогу сквозь камень, чтобы вернуться на привычную тропу. Это давало Арло преимущество.

«*Разве так сражается Тор*?» — возник насмешливый вопрос Хтона.

Арло не ответил. Проявление неорганическим существом своих чувств лишь выдавало его неуверенность. Арло продолжал удерживать Рагнарёк во временном бездействии, а Хтон, очевидно, был не в силах возобновить главное сражение до тех пор, пока Арло жив. Если бы он смог победить дракона… и, вероятно, *смог бы*, доведи он его вовремя до газовой расщелины. Если газ попадет в этот туннель и загорится — он будет гореть недолго, но этого вполне достаточно, чтобы покончить с чудовищем.

По планетным меркам расстояние было коротким, но оно оказалось длинным для пешего перехода, особенно с раненой ногой. Попав в собственный туннель, змей уже переориентировался. Времени не оставалось.

Какое-то животное, испуганное шумом, по ошибке вбежало в лабиринт. Арло эту породу не знал, но у животного было шесть ног, и с виду оно казалось резвым. Арло остановил его разумом и вскочил к нему на спину. Теперь у Арло был

скакун!

Догадка оправдалась: существо было быстроногим. Когда они неслись по туннелю, у Арло в ушах свистел ветер. Вскоре они добрались до места, где туннель проходил прямо под газовой расщелиной. Арло спешился и прогнал скакуна прочь, чтобы по-возможности отвлечь змея. «*Я — миньон*», — вложил он в мозг животного, увеличивая вероятность того, что оно станет приманкой. Затем принялся бить Молотом по камню.

Дракон приближался невероятно быстро. Почему тафисы до сих пор не замедлили его движение? Или их переварил желудочный сок? Арло не подумал об этом раньше, и догадка не обнадеживала. Может случиться так, что он встретится лицом к лицу с исполненным сил чудовищем.

Едва Арло проделал в стене дыру и забрался на гору обломков, как змей пронесся мимо. Внезапное уплотнение и разрежение воздуха сбило Арло с ног. Приманка сработала, но долго дурачить чудовище он не сможет.

Арло вскрыл один из газовых отводов расщелины и забрался в узкий туннель, а газ потек через проделанную дыру в главный туннель. Этому помог отсос воздуха после промчавшегося дракона.

Вскоре давление воздуха вновь возросло. Дракон возвращался, причем головой вперед. Очевидно, где-то поблизости у него была петля для разворота. Газ со свистом устремился назад в разлом, но в туннеле его оставалось немало, и чудовище закашлялось. Отлично — дракон не мог дышать газом! Сам Арло тоже задыхался, но привлек свою особую физическую силу и держался с ее помощью. Он нашел место соединения туннеля с дном газовой расщелины.

Над Арло открылось ущелье — невидимое для его глаз, проницаемое для разума. К счастью, огня там не было. Дракон долбил под ним камень, используя свои когти-копры для того, чтобы углубиться в него и цеплять большие куски. Его пасть не была камнерезом, а в основном пережевывала добычу. Он постепенно утрачивал активность из-за беспокоящей боли в животе.

Восприятие Арло вошло в тело чудовища. Тафисы съели желудок змея и теперь трудились над остальными внутренностями. Но змей был настолько живуч, что даже распотрошенный мог жить невероятно долго. При благоприятных обстоятельствах он отрастил бы себе новые пищеварительные органы! Дракон по-прежнему был голоден — и уже видел перед собой добычу.

Арло взял Молот наизготовку, готовя удар поточнее. Змей мог прожить без огромного желудка, но умер бы без своего маленького мозга. А если удар не удастся, тогда поможет огонь. Нужно было только чем-нибудь высечь искру.

Кусок расщелины под Арло рухнул, падая в распахнутую пасть чудовища. Отыскав новый выход, туда же с воем понесся газ. Арло отчаянно цеплялся, но опора исчезла, и поток газа понес его прямо в пасть.

Но змей, восприятие которого было поколеблено тафисами, не сообразил, что добыча оказалась у него в пасти. Он выплюнул обломки или, скорее, продул их буреподобной отрыжкой — и Арло вылетел вместе с камнями. Он с силой ударился о стену пещеры почувствовав, как хрустнули кости. Арло невольно вздохнул — и обнаружил, что дышит смесью газа с воздухом и пылью, вполне пригодной для дыхания.

В этот момент кто-то его укусил. Он хлопнул по бедру перчаткой и обнаружил тафиса. Арло хотел раздавить его, но передумал и кинул обратно назад в пасть дракона. Помогала любая мелочь!

Он встал, сжимая одной перчаткой Молот, а другой ухватившись за ус в палец толщиной, растущий на губе чудовища. Арло карабкался по

морде дракона до тех пор, пока не добрался до самого верха, — и тогда он ударил, направляемый своим всеохватывающим знанием анатомии этой твари. Прямо в точку, *сюда*…

Удар раздробил толстый костяной покров, передав жестокое потрясение крошечному мозгу. Этот орган был чрезвычайно чувствительным. Змей Мидгарда неистово дернулся и умер.

Успех! Арло спрыгнул с падающей вниз головы и побежал к выходу из ущелья. Но когда чудовище рухнуло, оно выдохнуло облако внутренних паров и желудочных газов, обжегших Арло кожу, ослепивших его и удушивших. Яд из отверстий над зубами смешался с парами и превратил облако в смертоносное. Арло, пошатываясь, сделал еще несколько шагов и упал.

«Вот так погиб Тор в ядовитом облаке, испущенном подыхающим Змеем Мидгарда, — подумал он, чувствуя, как его тело умирает и разум ускользает от него. — Точное подобие, которое Хтон вряд ли сочинил…» Но Хтон хотел, чтобы именно в это он и поверил!

Пока Арло верил, он был обречен, как были обречены дело Жизни и любой здравый компромисс. Ему нужно было искать свою собственную судьбу, а не повторять чью-то старую…

Тут Арло ощутил многочисленные укусы тафисов. Те кишели вокруг него, изрыгнутые последней судорогой змея. У Арло не хватало сил, чтобы отдирать их, к тому же они уже жадно вгрызлись внутрь. Какой аппетит! Должно быть, они размножаются, не отрываясь от еды, если пожирают так прожорливо!

Судьба? Слишком поздно! Когда разум ускользнул от Арло, скальпель Бедокура вошел в тело Вениамина. Вениамин схватил Бедокура за уши, крутанул его и толкнул на лезвие упавшей косы. Кровь хлестала из обоих врагов, сжимавших друг друга в предсмертном объятии.

Волк Фенрир повертел головой, ориентируясь на добычу по звуку. Его челюсти лязгали по сторонам — и наконец, поймали Атона. Одно усилие, и Атон был проглочен под вопли двух женщин.

Присоска втянула в себя остатки лужи ЕеоО, оставив лишь студенистую пленку.

Лфэ высекло еще одну искру, и на этот раз расщелина наконец занялась. Пламя взлетало к верхним поперечным туннелям, засасывая холодный воздух, и опускалось вниз к донному вихрю, где газ утекал в туннель дракона.

Арло почувствовал жар, который испепелял его тело и заодно убивал тафисов, — и вдруг все

понял. Он поддался на приманку! Он должен был нанести удар не по дракону, а по электрической схеме сверхозноба! Тогда убийственный срок был бы оттянут и это позволило бы ему добиться компромисса между Жизнью и Смертью, спасающего обоих.

Последними остатками своего мозга, накаляющегося в хрупком костяном убежище, Арло бросил сгусток §-энергии в то тончайшее устройство, что оставалось последним оружием Хтона. Арло не мог разрушить его физически, но мог изменить сопротивление и направление тока, превратить во что-то другое, обезвредить…

Хтон с ним боролся. Но Хтон тоже ослаб. Пламя в пропасти оплавило прилегающие контуры, закоротив некоторые из них, разорвав другие, нарушив организованный процесс и обратные связи, которые и были разумом Хтона. Два угасающих мозга — органический и неорганический — сражались за генератор сверхозноба, воздействуя на него то с одной, то с другой стороны, а в это время нарастающий ад рассылал свой жар по камню и туннелям, нарушая соединение хрупких диодов и резисторов.

Арло отчаянно старался разрушить устройство, прежде чем его собственный мозг окончательно

исчезнет. Так же отчаянно Хтон пытался запустить его, хотя наводящая волна озноба еще не подошла. В результате устройство изменилось. Оно присоединило к себе в результате короткого замыкания всю резервную мощь Хтона, смешало особые сильнодействующие вещества, соединило кислород и фтор самым неожиданным образом, который не ограничивался органическими материалами, а включал в себя все сущее, и подключилось к § без сдерживающего предохранителя мозга Арло, произведя в результате -

Фтор.

Символ	Элемент	Атомный номер	Атомный вес
O	Кислород	8	16, 17, 18
F	Фтор	9	19

Энциклопедия Сектора,
§ 426

Эпилог

Фтор

Уничтоженье

Рагнарёк

Первое будущее: победа за Хтоном, Очищающим галактику от зараженья.

Второе будущее: победа за Жизнью, Неизбежно уничтожающей свой собственный разум, неограниченно: тафисы.

Третье будущее: компромисс

Провалился.

Четвертое будущее: Фтор,

Известный иначе как рожденье квазара Галактики мощнейший взрыв Сродни неистовству Творенья.

Жизнь и Смерть: все исчезло

Рагнарёк

Уничтожение

Фтор.

Мы во внешней вселенной наблюдаем Мы отмечаем итог победы Или взаим-

ного пораженья.

Новый яркий квазар сияет

Пример

Предупрежденье

Указывает путь к великому надежному Компромиссу.

Мы записываем историю болезни

И для вечности ее здесь представляем:

Пример

Наука.

Мы соглашаемся с тем, что должно быть.

Мы: неорганические разумы вселенной.

Мы завершаем войну с Жизнью.

Мы отвергаем — Фтор.

Энтони П.
Э 67 Хтон: Роман / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 447 с. ISBN 5-8352-0064-1



fantasy

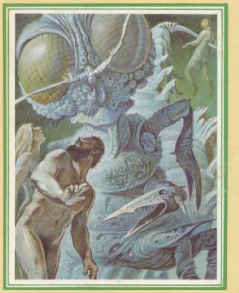


·Северо-Запад·

Пирс ЭНТОНИ

Пирс ЭНТОНИ

ХТОН



11

Пирс ЭНТОНИ

ПРИ ПОКУПКЕ ИЗДАНИЯ ТРЕБУЙТЕ СУПЕРОБЛОЖКУ